

Уровень жизни населения регионов России

№ 4 (194) / 2014

Издается с 1992 года
Выходит 4 раза в год

DOI 10.12737/ISSN.1999-9836

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ОАО «ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТР УРОВНЯ ЖИЗНИ»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации от 2 декабря 1996 г. № 015476
Перерегистрирован 26 августа 2013 года ПИ №ФС77-55146

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Бобков В.Н. — д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, ген. директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волгин Н.А. — д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, первый заместитель ген. директора Всероссийского центра уровня жизни

Калмыков С.Б. — канд. социол. наук, руководитель Центра подготовки кадров высшей квалификации и дополнительного профессионального образования ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Артамонов Г.Н. — канд. филос. наук, доцент, заместитель главного редактора журнала «Уровень жизни населения регионов России»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бобков В.Н. — д-р экон. наук, проф., генеральный директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», засл. деятель науки РФ

Бурак П.И. — д-р экон. наук, проф., директор Института региональных экономических исследований

Герций Ю.В. — канд. социол. наук, зам. директора Учебного центра «Профессионал», Московское государственное образовательное учреждение

Гонтмахер Е.Ш. — д-р экон. наук, проф., зам. директора Института мировой экономики и международных отношений РАН

Григорьев С.И. — д-р социол. наук, проф., чл.-кор. РАН, зам. генерального директора по связям с регионами ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Калашников С.В. — д-р экон. наук, канд. психол. наук, проф., засл. экономист РФ, гл. научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Субетто А.И. — д-р филос. наук, д-р экон. наук, проф., засл. деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Петровской академии наук и искусств, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Бабосов Е.М. — д-р философских наук, проф., почетный директор Института социологии Национальной академии наук Беларуси, академик Национальной академии наук Беларуси

Городнянко В.Г. — д-р социол. наук, проф., зав. кафедрой социологии социально-гуманитарного факультета Днепрпетровского национального университета им. О. Гончара

Риччери М. — проф., генеральный секретарь Римского института политических, экономических и социальных исследований

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА 5

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ЗАНЯТОСТИ

Яковлев Р.А.
Неустойчивая занятость и регулирование минимальной заработной платы. 8

Локтюхина Н.В., Рожков В.Д.
Регулирование иностранной трудовой миграции как механизм снижения неустойчивости занятости 18

Смирных Л.И.
Срочные трудовые договоры: влияние на движение рабочей силы и рабочих мест 28

Judit Csoba
Forms of Precarity and the Development of Its Characteristics in Hungary 37

Санкова Л.В.
Прекаризация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексибилизации 44

Федченко А.А., Маслова Е.В.
Роль неустойчивой занятости в кластеризации общества 54

Федорова А.Э., Парсюкевич А.М.
Влияние реструктуризации градообразующего предприятия на социально-трудовую сферу моногорода 65

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Григорьев С.И., Миронова С.В., Мартынова М.Ю., Толстых Г.В.
Социальное оправдание неравенства и проблема справедливости 73

Яковлев И.Г.
Повышение уровня жизни ученых: социальная справедливость гуманитариев 84

Савченко П.В., Голубев В.С., Федорова М.Н.
Социогуманитарный вектор развития социально-экономической системы России. 92

Хепп Р.-Д. — д-р социол. наук, профессор Свободного Университета г. Берлин, ФРГ

Хусаинов Б.Д. — д-р экон. наук, зав. отделом исследований глобализации и региональной интеграции Института экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Панина Т.А. — ответственный секретарь редакции научных журналов и издательской деятельности

Гулюгина А.А. — канд. экон. наук, зам. руководителя Научно-образовательного центра проблем доходов и потребительских бюджетов населения ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Евсеев В.О. — д-р экон. наук, гл. научный сотрудник-консультант Научно-образовательного центра проблем доходов и потребительских бюджетов населения ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Колбанов В.Ф. — засл. экономист РФ, директор Департамента комплексного анализа и прогнозирования Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации

Литвинов В.А. — д-р экон. наук, профессор кафедры «Безопасность жизнедеятельности» Московского городского педагогического университета

Мацкуляк И.Д. — д-р экон. наук, проф., профессор кафедры «Экономическая теория» Государственного университета управления, засл. деятель науки РФ

Мачхелян Г.Г. — канд. экон. наук, доц., редактор по международной информации редакции научных журналов и издательской деятельности ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Меньшикова О.И. — д-р экон. наук, проф., гл. научный сотрудник Научно-образовательного центра проблем регулирования социально-трудовых отношений и социального развития ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Павлюченко В.Г. — д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой экономики и финансового права филиала Российского государственного социального университета

Пашин Н.П. — д-р экон. наук, проф., первый зам. генерального директора ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Прокудин В.А. — д-р экон. наук, гл. научный сотрудник Научно-образовательного центра проблем регулирования социально-трудовых отношений и социального развития ОАО «Всероссийский центр уровня жизни»

Смирнова Н.А. — Профессор кафедры государственных и муниципальных финансов финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук.

Фролова Е.Б. — канд. экон. наук, начальник Управления статистики уровня жизни и обследований домашних хозяйств Федеральной службы государственной статистики

Яковлев И.Г. — д-р социол. наук, президент научно-издательской компании «Контент-Пресс», гл. редактор журнала «Управление Мегалополисом»

Издатель:

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96,
Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru
http://www.infra-m.ru

При перепечатке ссылка на журнал «Уровень жизни населения регионов России» обязательна.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции

Все поступившие в редакцию материалы подлежат рецензированию

Выходит ежеквартально. Подписной индекс 71187

Подписано в печать 10.12.2014
Формат 60×84/8, тираж 700 экз. Заказ №
Адрес редакции:
105043 Москва, 4-я Парковая улица, дом 29.
Телефон/факс: +7499 164 9761 Электронный
адрес: info@vcug.ru Веб-адрес: http://
www.vcug.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Степанова А.В.
Демографическое развитие Москвы
в начале 2000-х годов 103

КАЧЕСТВО ТРУДА

Феоктистова О.А.
Качество труда в сфере научных исследований
и разработок: специфика системы
стимулирования 113

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Бобков В.Н., Гулюгина А.А.
Мониторинг доходов и уровня жизни
(3 кв. 2014 г.) 119

ЗДОРОВЬЕ — ИНДИКАТОР КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Бутрина В.И.
Качество жизни инвалидов: анализ
современной ситуации в России 129

Мищук С.Н., Аносова С.В.
Здравоохранение как фактор формирования
и развития человеческого капитала региона 138

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА

Павлюченко В.Г.
Накопительная пенсия в свете ныне
действующего законодательства 148

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Артамонова М.Г.
Становление казачества как народа
и инкопорированного социального института. ... 159

ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Артамонов Г.Н.
Новая методология системного анализа 176

Содержание выпусков журнала
в 2014 году: № 1–4 207

Правила по комплектности рукописей
и их оформлению для журнала
«Уровень жизни населения регионов России» ... 211

Living Standards of the Population in the Regions of Russia

№ 4 (194) / 2014

Issued since 1992
On a quarterly basis

DOI 10.12737/issn.1999-9836

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

FOUNDER:

All-Russian Centre of Living Standard PLC

Registration mass-media license № 015476, December 2, 1996
Reregistered PI No. FS77-55146, August 26, 2013

EDITOR-IN-CHIEF

Bobkov V.N. — Director General of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Doctor of Economics, Professor.

DEPUTY EDITORS-IN-CHIEF

Volgin N.A. — First Deputy Director General of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Doctor of Economics, Professor, Head of the Assembly of Experts on Labour and Social Policy.

Kalmykov S.B. — Head of the Centre of Postgraduate and Additional Professional Training, PhD in Sociology.

Artamonov G.N. — PhD in Philosophy, Associate Professor

EDITORIAL COUNCIL

Bobkov V.N. — Director General of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Doctor of Economics, Professor

Burak P.I. — Doctor of Economics, Professor, General Director of the All-Russian Centre of Living Standard PLC, Honored Science Worker of Russian Federation Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Regional Economic Research

Gertsy Yu.V. — Candidate of Sociology, Professor, Head of the Federal Service for Labour and Employment

Gontmakher Ye.Sh. — Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of World Economy and International Relations of the RAS

Grigor'yev S.I. — Doctor of Sociology, Professor, Correspondent Member of the RAE, Deputy Director General of All-Russian Centre of Living Standard PLC

Kalashnikov S.V. — Doctor of Economics, PhD in Psychology, Professor, Honored Economist of Russian Federation, Chief Researcher of the Institute of Sociopolitical Studies of the RAS

Subetto A.I. — Doctor of Philosophy, Doctor of Economics, Professor, Honored Science Worker of Russian Federation, President of the Noosphere Public Academy of Sciences, Vice President of Petrovskaya Academy of Sciences and Arts, Vice President of the St. Petersburg Branch of the Academy of Quality Problems

FOREIGN MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Babosov Ye.M. — Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Director of the Institute of Sociology at the National Academy of Sciences of Belarus', Member of the National Academy of Sciences of Belarus'

Gorodyanenko V.G. — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Chair of Sociology of the Social-Humanitarian Faculty at the Dnepropetrovsk National University named after O. Gonchar

Ricceri M. — Professor, Secretary General of the Roman Institute for Political, Economic and Social Studies

Hepp R.-D. — Doctor of Sociology, Professor, Berlin Free University, Germany

CONTENTS

CHIEF EDITOR'S COLUMN 5

INSTABILITY OF EMPLOYMENT

Yakovlev R.A.
Precarious Employment and Minimum Wages
Adjustment 8

Loktyukhina N.V., Rozhkov V.D.
Controlling of Foreign Labour Migration As a
Mechanism for Reducing Precarious Employment ... 18

Smirnykh L.I.
Fixed-Term Contracts: Impact on the Worker Flows
and Job Flows..... 28

Judit Csoba
Forms of Precarity and the Development of Its
Characteristics in Hungary 37

Sankova L.V.
Precarious Employment in the Modern Economy:
Systemic Risk or "Special" Form
of Flexibilisation 44

Fedchenko A.A., Maslova Ye.V.
The Role of Precarious Employment
in the Clustering Community 54

Fedorova A.E., Parsyukevitch A.M.
The Impact of Restructuring the Main Enterprise
on the Social and Labour Sphere of the Monotown .. 65

SOCIAL INEQUALITY

Grigor'yev S.I., Mironova S.V., Martynova M.Yu.
Social Justification for Inequality and the Problem of
Justice 73

Yakovlev I.G.
Improving the Standard of Scientists' Living: Social
Justice for the Humanities..... 84

Savchenko P.V., Golubev V.S., Fedorova M.N.
The Social-Human Vector of the Development
of the Russian Socioeconomic System 92

DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF QUALITY OF LIFE

Stepanova A.V.
Demographic Development of Moscow
in the Early 2000 Years 103

Khusainov B.D. — Doctor of Economics, Head of the Globalization and Integration Department at the Institute of Economics of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

EDITORIAL BOARD MEMBERS

Panina T.A. — Executive Secretary of the Editorial Staff of Scientific Journals and Publishing, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Gulyugina A.A. — Candidate of Economics, Deputy of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Income and Consumer Budgets of Population, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Yevseyev V.O. — Doctor of Economics, Chief Researcher of the of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Regulating Social Labour Relations, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Kolbanov V.F. — Honored Economist of Russian Federation, Director of the Department of Complex Analysis and Forecasting at the Ministry of Labour and Social Security of Russian Federation

Litvinov V.A. — Doctor of Economics, Professor of the Safety and Vital Activity Chair at the Moscow City Pedagogical University

Machkhelyan H.G. — Candidate of Economics, Associate Professor, International Information Editor of the Editorial Staff of Scientific Journals and Publishing, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Matskulyak I.D. — Doctor of Economics, Professor at the Department «Economic Theory» State University of Management

Men'shikova O.I. — Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Regulating Social Labour Relations and social development, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Pavlyuchenko V.G. — Doctor of Economics, Professor, Head at the Department of Economics and Financial Law at the Russian State Social University Branch

Pashin N.P. — Doctor of Economics, Professor, First Deputy Director General of All-Russian Centre of Living Standard PLC

Prokudin V.A. — Doctor of Economics, Chief Researcher of the Scientific and Educational Centre of the Problems of Regulating Social Labour Relations and social development, All-Russian Centre of Living Standard PLC

Smirnova N.A. — Doctor of Economics, Professor of the Chair of Public and Municipal Finance at the Finance University under the Government of the Russian Federation

Frolova Ye.B. — Candidate of Economics, Head of the Department of Living Standards Statistics and Survey at the Federal Service of State Statistics

Yakovlev I.G. — Doctor of Sociology, President of the Content-Press Scientific Publishing Company, , Editor in Chief of *The Megapolopolis Management Journal*

Publishing office:

Scientific and Publishing Center "INFRA-M"
31B Building 1 Polyarnaya st., Moscow, 127282
Tel.: (495) 280-15-96;
Fax: (495) 280-36-29
e-mail: books@infra-m.ru
http://www.infra-m.ru

While quoting the reference to the journal «Level of Life of the Population of Regions of Russia» is required.

The opinion of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the authors of publications.

All received by the editorial materials are subject to review

Issued quarterly. Subscription index 71187

Signed for publication 10.12.2014
Format 60x84/8, circulation 700 copies

Editor office:

29 4-ya Parkovaya St., Moscow 105043 Russia
Tel., fax: (499) 164 9761
e-mail: info@vcug.ru
http://www.vcug.ru

CONTENTS

QUALITY OF WORK

Feoktistova O.A.

Quality of Work in the Field of Research and Development: the Specifics of the Incentive Scheme 113

STANDARD AND QUALITY OF LIVING

Bobkov V.N., Gulyugina A.A.

Monitoring Income and Living Standards (3rd quarter 2014) 119

HEALTH – AN INDICATOR

OF THE QUALITY OF LIFE

Butrina V.I.

Quality of Life of Invalids: Analysis of Present-Day Situation in Russia 129

Mishchuk S.N., Anosova S.V.

Public Health As a Factor of Formation and Development of the Human Capital of the Region . . 138

PENSION REFORM

Pavlyuchenko V.G.

Accumulated Pension in the Light of Current Legislation 148

SOCIAL AND CULTURAL PROBLEMS

OF RUSSIAN SOCIETY

Artamonova M.G.

Formation of the Cossacks As a People and Distributed Social Institution 159

LOGIC AND METHODOLOGY

OF SCIENTIFIC RESEARCH

Artamonov G.N.

The New System Analysis Methodology 176

The Contents of the 2014 Journal Issues Nos. 1-4 . . . 207

Terms of Manuscripts and Completeness of Their Registration for the Journal "Living Standards in the Regions of Russia" 211

Уважаемые читатели!

Тема выпуска журнала 4/(194) 2014 года: «Социальное качество и уровень жизни». В этом выпуске семь рубрик представлены материалами 8-й международной конференции «Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества», Москва, 17–19 сентября, 2014. Социальные и экономические вопросы занятости входят в число наиболее актуальных проблем современных обществ большинства стран.

Поиску научно-практических решений этой проблемы посвящено восемь международных конференций. В целях объединения усилий ученых Свободного университета Берлина и Римского института экономических и социальных исследований (EURISPES) образовали в 2006 г. общественную научно-исследовательскую группу. На ее базе создана Европейская сетевая организация СУПИ (Social Uncertainty — социальная неустойчивость (SU), Precarity — прекаризация (P), Inequality — неравенство (I). В мероприятиях СУПИ принимают участие ученые из научных и учебных заведений 18 стран Европы, США, Турции, Шри-Ланки, Индии и др. Германия и Италия стали играть ведущую роль, организовав семь международных конференций (седьмая состоялась в г. Грац (Австрия) 4–6 апреля 2013 г.).

В октябре 2011 г. по инициативе СУПИ Международная организация труда (МОТ) провела специальный симпозиум на тему «Политика и законодательное регулирование в борьбе с неустойчивой занятостью». На Всемирном саммите «Рио + 20» в Бразилии (июль 2012 г.) СУПИ получила официальный статус при исполнительных органах Европейского Союза.

Российскую Федерацию в мероприятиях СУПИ представляет ОАО «Всероссийский центр уровня жизни» (ОАО «ВЦУЖ»). Инициативу проведения 8-й международной конференции в Москве поддержало Министерство труда и социальной защиты РФ. Помощь в подготовке и проведении конференции предложили Институт социологии РАН и Фонд им. Фридриха Эберта (Московский филиал).

О желании участвовать в конференции заявили представители научного сообщества двенадцати стран. В конференции приняли участие ученые и специалисты из стран СНГ и из двенадцати регионов Российской Федерации. В списке приглашенных были представители Государственной Думы, Роструда, Росстата, Российского союза промышленников и предпринимателей, Федерации независимых профсоюзов России, МОТ, видные российские ученые в области экономики, права, статистики, психологии, труда и занятости.

Подготовка 8-й международной конференции в г. Москве заняла более двух лет. Ее готовили не только организаторы, но и ученые из России и Европы. За два года сложилось международное научное сообщество, выпустившее до начала конференции коллективную монографию, изданную за рубежом. К конференции ВЦУЖ выпустил словарь «Социальная политика». В декабре 2014 г. по итогам конференции будет выпущена вторая коллективная монография, а в ходе конференции было принято решение подготовить третью (российско-европейскую) коллективную монографию.

В четвертом выпуске журнала отражен уникальный интеграционный опыт, который мы приобрели за несколько лет проведения совместных исследований. Авторы статей в четвертом выпуске ссылаются на аргументы, доводы, результаты исследований, которые были опубликованы в нашем журнале в преддверии конференции. Публикации нашего журнала в 2013–2014 гг. стали одним из идейных источников и мотивов для подготовки статей и докладов на прошедшей конференции.

В рубрику «Неустойчивость занятости» включены следующие материалы.

Статья канд. экон. наук **Р.А. Яковлева** «Неустойчивая занятость и регулирование минимальной заработной платы», главного научного сотрудника НИИ труда и социального страхования Минтруда и социальной защиты РФ. В статье уточняется понятийный аппарат проблемы занятости и даются характеристики основных форм устойчивой и неустойчивой занятости.

Статья д-ра экон. наук **Н.В. Локтюхиной** и д-ра экон. наук **В.Д. Рожкова** «Регулирование иностранной трудовой миграции как механизм снижения неустойчивости занятости». В статье исследуются вопросы неустойчивости (в том числе нелегальной) занятости иностранной рабочей силы в России.

Статья д-ра экон. наук **Л.И. Смирных**, профессора Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), «Срочные трудовые договоры: влияние на движение рабочей силы и рабочих мест». Срочные трудовые договоры означают для работников снижение защиты занятости, а для предприятий — уменьшение издержек использования труда. Они могут воздействовать на перераспределение рабочей силы от менее производительных предприятий к более производительным, влиять на создание и ликвидацию рабочих мест.

Статья адъюнкт-профессора, заведующей кафедрой социологии и социальной политики, заместителя декана гуманитарного факультета университета Дебрецена **Джудит Ксобы** «Forms of precarity and the development of its characteristics in Hungary». В статье изучаются социальные группы Венгрии в контексте прекаризации и связанных с этим процессом неопределенностей и социальной эксклюзией.

Статья д-ра экон. наук, профессора **Л.В. Санковой** «Прекаризация занятости в современной экономике: системный риск или особая форма флексибилизации». В статье дана классификация форм прекаризации и системных рисков занятости в узком и расширительном подходе, выделены латентные формы неустойчивости занятости.

Статья д-ра экон. наук **А.А. Федченко** и канд. филол. наук **Е.В. Масловой** «Роль неустойчивой занятости в кластеризации общества». В статье показано, что неустойчивость занятости обусловлена значительными профессионально-квалификационными и территориальными диспропорциями региональных рынков труда, низким уровнем оплаты труда и расслоением общества.

Статья канд. экон. наук **А.Э. Федорова** и **А.М. Парсюкевич** «Влияние реструктуризации градообразующего предприятия на социально-трудовую сферу моногорода». В статье рассматривается стремление градообразующего предприятия сократить издержки на рабочую силу и снизить затраты на социальную инфраструктуру моногорода.

В рубрике «Социальное неравенство» представлены следующие статьи.

Статья д-ра социол. наук, члена-корреспондента РАО **С.И. Григорьева**, канд. социол. наук, **С.В. Мироновой**, д-ра полит. наук **М.Ю. Мартыновой**, д-ра филос. наук **Г.В. Толстых** «Социальное оправдание неравенства и проблема справедливости». В статье анализируется трансформация образа жизни основных групп населения, изменение форм и содержания деятельности, проблема смены в общественной жизни и сознании доминирующей парадигмы эконоцентризма на приоритеты образовательного общества.

Статья д-ра социол. наук **И.Г. Яковлева** «Повышение уровня жизни ученых: социальная справедливость гуманитариев». Статья посвящена поиску путей обеспечения социальной справедливости для ученых-гуманитариев с целью обеспечить правовую защиту гуманитарных наук и создать гуманитарную информационно-технологическую платформу.

Статья д-ра экон. наук **П.В. Савченко**, д-ра геол.-минерал. наук **В.С. Голубева**, д-ра экон. наук **М.Н. Федорова** «Социогуманитарный вектор развития социально-экономической системы России». Рассматривает процесс глобализации в аспекте задачи развития человека — совершенствования социальных институтов и инфраструктуры развития человека для реализации творческих способностей.

В рубрику «Демографические проблемы качества жизни» включена статья **А.В. Степановой** «Демографическое развитие Москвы в 2000-х годах». В статье исследуется фактор демографических волн, показатели миграции трудовых ресурсов в Москве, смещение пика рождаемости, рост продолжительности жизни и снижение смертности.

В рубрике «Качество труда» представлена статья **О.А. Феоктистовой** «Качество труда в сфере научных исследований и разработок: специфика системы стимулирования». В статье показаны специфика научно-исследовательского труда и ее отражение в разных нормативных моделях.

Рубрику «Уровень и качество жизни» представляет статья д-ра экон. наук **В.Н. Бобкова** и канд. экон. наук **А.А. Гулюгиной** «Мониторинг доходов и уровня жизни (2 кв. 2014 г.)». В статье показана экономико-статистическая картина уровня и качества жизни с учетом региональных различий, по разным категориям социально-экономической стратификации общества.

В рубрику «Здоровье — индикатор качества жизни» включены следующие статьи.

Статья канд. мед. наук **В.И. Бутриной** «Качество жизни инвалидов: анализ современной ситуации в России». Проводится сопоставительный анализ уровня и качества жизни населения и людей с огра-

ниченными возможностями по позициям доходы населения, показатели здоровья, качество и доступность образования.

Статья канд. экон. наук **С.Н. Мищук** и **С.В. Аносовой** «Здравоохранение как фактор формирования и развития человеческого капитала региона». В статье анализируются изменения в сфере здравоохранения и оцениваются показатели демографического развития в дотационном регионе Дальнего Востока — Еврейской автономной области — за период 2006–2012 гг.

В рубрике «Пенсионная реформа» представлена статья д-ра экон. наук **В.Г. Павлюченко** «Накопительная пенсия в свете ныне действующего законодательства» Формирование методических основ в раскрытии сущности пенсионной реформы 2013–2014 гг., ее компонент, нормативной системы, социальной ориентации и экономических механизмов.

Рубрика «Социокультурные проблемы российского общества» представлена статьей **М.Г. Артамоновой** «Становление казачества как народа и инкорпорированного социального института». В статье рассматривается систематизированная группа проблем, характеризующих возрождение современного казачества, его отличие от исторического социокультурного образца, с целью выработать корректирующую стратегию.

Рубрика «Логика и методология научного исследования» представлена статьей канд. филос. наук **Г.Н. Артамонова** «Новая методология системного анализа». В статье рассматриваются методологические переходы от логики — к топике, от топике — к системному анализу, установление законов и свойств системы в онтологическом и гносеологическом аспекте.

**Главный редактор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор экономических наук,
профессор В.Н. Бобков**

Неустойчивая занятость и регулирование минимальной заработной платы

Precarious Employment and Minimum Wages Adjustment

Получено 08.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 331.5

DOI: 10.12737/7396

ЯКОВЛЕВ Р.А.

канд. экон. наук, доцент, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института труда и социального страхования Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. 143964, Московская область, Балашихинский район, город Реутов, ул. Новая, д. 4, кв. 128.
E-mail: qvm165@yandex.ru

YAKOVLEV R.A.

PhD in Economics, Associate Professor, Chief Research Worker of the Scientific Research Institute of Labour and Social Insurance of Ministry of Labour of the Russian Federation. 128 4th Novaya Street, Reutov, Balashikhinskiy District, Moscow Region, 143964, Russia.
E-mail: qvm165@yandex.ru

Аннотация

Целевая установка. Статья подготовлена по материалам доклада автора на Международной научно-практической конференции «Неустойчивость занятости (прекаризация): особенное и общее с учетом интеграционных усилий государства и общества» (17–19 сентября 2014 г., г. Москва).

Объект и предмет исследования. С учетом целей конференции в статье рассмотрены три направления обсуждаемых проблем: создание и использование более точного понятийного аппарата в сфере занятости; характеристика основных форм устойчивой и неустойчивой занятости, существующих в Российской Федерации с выделением особых форм неустойчивой неформальной занятости; обоснование необходимости усиления государственного воздействия на сферу неформальной неустойчивой занятости на основе повышенных гарантий в форме минимальной часовой заработной платы, устанавливаемой органами местного самоуправления.

Результат. Предложены соответствующие уточнения Трудового кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: занятость, устойчивая занятость, неустойчивая занятость, неустойчивая неформальная занятость, месячная минимальная заработная плата, часовая минимальная заработная плата.

Abstract

Target Setting. This article is based on the author's lecture at the International Scientific-Practical Conference "The Employment Precarity (Precarisation): Special and General, Considering the Integration Efforts of the State and Society" (Moscow, 17-19 September 2014).

Object and Subject of the Study. Taking into account the objectives of the conference the article examines three areas of the issues discussed: the creation and use of more precise conceptual apparatus in employment; characteristics of the main forms of stable and unstable employment in the Russian Federation singling out of the special forms of precarious informal employment; substantiating of the need to strengthen state influence on the scope of the informal precarious employment on the basis of increased guarantees in the form of a minimum hourly wage established by local authorities.

Result. Proposals to give some more precise definitions in the Labour Code of the Russian Federation have been made.

Keywords: employment, sustainable employment, employment (precarity employment), precarious informal employment, the monthly minimum wage, the hourly minimum wage.

1. Отработка понятийного аппарата как необходимая предпосылка выработки эффективных решений в сфере занятости. Некоторые предложения

Изучение проблемы занятости трудоспособного населения с позиций ее устойчивости (неустойчивости) [Бобков, Вередюк, 2013, с. 66–78] для лица, осуществляющего деятельность по производству материальных благ или услуг, удовлетворяющую потребности общества, с одной стороны, и дающую этому лицу доход для удовлетворения его потребностей (личных и семейных) — с дру-

гой, может быть полезно для характеристики не только тенденций развития той или иной конкретной экономической системы, но и всей глобальной экономической организации жизнедеятельности человеческой цивилизации [Колосова, Бобков, 2013, с. 25–37]. Это возможно, прежде всего, при условии не отождествления устойчивой или неустойчивой занятости с другими ее характеристиками и, в частности, с делением занятости на формальную и неформальную [Аистов, Ларин, Леонова, 2012, 18, с. 17–36; Гимпельсон, Капелюшников, 2014, 1, с. 78–92]. При этом под формальной занятостью понимается форма занятости,

регулируемая со стороны общества в лице государства. Под неформальной занятостью понимается форма занятости, находящаяся, как принято говорить, в тени общественного (государственного) регулирования, т.е. занятость, «не замечаемая» государством. Такое отождествление неустойчивой занятости с неформальной отражает и название международной конференции.

Автор придерживается точки зрения, что деление занятости на устойчивую и неустойчивую имеет большое самостоятельное значение. Столь же самостоятельное, как ее деление на полную и частичную; стандартную и нестандартную; в качестве наемного работника либо самозанятого; формальную и неформальную; у одного работодателя или одновременно у нескольких (совместительство); занятые и вакантные рабочие места.

Возможно, что в связи с повышением технического уровня производства материальных благ и услуг, новых технологий, включая информационные, возникнет проблема деления занятости на нормальную либо избыточную. Многообразие характеристик и определений видов занятости возникло не сразу. Оно появилось в процессе развития экономики современных типов общественной жизнедеятельности и отражает становление занятости как самостоятельной экономической категории, вписывающейся в экономические трудовые и социальные отношения в современном обществе [Колот, 2013, с. 93–101]. Становление новой экономической категории подтверждают предпринимаемые учеными и практиками попытки дать этой категории соответствующие определения и одновременно упорядочить применяемый понятийный аппарат.

Неупорядоченность терминологии относительно занятости и форм ее проявления сопровождается путаницей в анализе и неудачами в реализации принятых на этой основе экономических, социальных и политических решений [Риччери, 2013, с. 6]. Это подчеркивают многие исследователи [Горбачева, Рыжикова, 2004, с. 30–32; Капелюшников, 2012; Синявская, 2005]. Мы предлагаем свое определение понятий «занятость», «устойчивая занятость» и «неустойчивая занятость» в надежде найти новые подходы в формировании понятийного аппарата.

Занятость представляет собой различные формы участия трудоспособного гражданина в общественном производстве материальных благ и услуг, обеспечивающих гражданину реализацию имеющегося у него трудового потенциала (совокупности деловых качеств и способностей) и приносящую доход для удовлетворения личных и семейных потребностей.

Под *устойчивой* следует понимать *занятость*, ориентированную на наличие в обществе (общественном производстве) рабочих мест, обеспечивающих работнику реализацию и развитие имеющегося у него трудового потенциала (деловых качеств и способностей) на весь период его трудовой деятельности, пока он не захочет ее изменить [Бобков, Вередюк, 2013, с. 9–24; Курильченко, 2013, с. 112–119]. У наемных работников в российской и ранее действовавшей советской модели экономики понятие устойчивой занятости связано с ее оформлением в виде бессрочного трудового договора. Статья 58 ТК РФ в настоящее время применяет термин «трудовой договор, заключаемый на неопределенный срок» [Трудовой кодекс РФ, 24, статья 58].

Под *неустойчивой занятостью* следует понимать наличие в обществе рабочих мест, которые имеют какие-либо ограничения на использование трудового потенциала работников. Эти ограничения могут быть вызваны сроком проведения работ, их объемом, зависимостью работ от природных и климатических явлений, физиологических особенностей человека и т.п. Легко заметить, что эти ограничения объективно необходимы на соответствующих рабочих местах. Неустойчивая занятость сопровождается заключением трудового договора на определенный срок (в ст. 58 ТК РФ используется термин «срочный трудовой договор»).

Неустойчивая занятость, как показывает практика организации производства материальных благ и услуг в современных моделях общественной организации жизнедеятельности, а также развитие трудовых отношений между работниками и работодателями и в сфере самозанятости объективно необходимы [Кадомцева, 2013, с. 87–96]. Она принимает различные формы и предполагает адекватные методы регулирования трудовых отношений в обществе. Объективной предпосылкой использования неустойчивой занятости выступает усиливающаяся нестабильность условий, вызывающих потребность в организации производства новых или уже существующих благ и услуг, требующих перераспределения трудовых ресурсов, основных средств и капитала. Это относится к деятельности собственников средств производства и капитала. В домашних хозяйствах возникает необходимость изменений в использовании трудоспособными членами домохозяйств своего трудового потенциала для удовлетворения личных и семейных потребностей. В ее основе лежит изменение половозрастного состава членов домашнего хозяйства и круга их потребностей. Неустойчивая форма занятости обеспечивает

гибкость в удовлетворении потребности домашних хозяйств нередко наряду с устойчивыми формами занятости.

2. Основные виды регулируемой и нерегулируемой неустойчивой занятости в Российской Федерации в сфере наемного труда

В Российской Федерации в сфере наемного труда сложились направления занятости, которые по содержанию можно отнести к неустойчивым формам занятости, но которые с точки зрения организации отношений между работниками и работодателями достаточно отработаны и в законодательном плане жестко регулируются. По ним имеются адекватные нормы трудового законодательства в виде сочетания законов, постановлений федерального правительства либо постановлений правительств субъектов Федерации, методических рекомендаций по их реализации с учетом взаимных интересов сторон трудовых отношений. Как и все нормы действующего законодательства, они могут в отдельных случаях нарушаться, могут нуждаться в совершенствовании, но в любом случае применяются для регулирования трудовых отношений в формах неустойчивой занятости. К вышеупомянутым формам неустойчивой занятости можно отнести:

- работников, занятых вахтовым методом организации производства работ и услуг [Трудовой кодекс РФ, 24, глава 47, статьи 297–302];
- работников, занятых на сезонных работах в период соответствующего сезона [Трудовой кодекс РФ, 24, глава 46, статьи 293–296];
- работников, занятых на работах на срок до двух месяцев по срочному трудовому договору [Трудовой кодекс РФ, 24, глава 45, статьи 289–292];
- работников, работающих по совместительству [Трудовой кодекс РФ, 24, глава 44, статьи 282–288];
- работников, занятых надомным трудом [Трудовой кодекс РФ, 24, глава 49, статьи 310–312];
- преподавателей, привлеченных к работе на условиях почасовой оплаты [Трудовой кодекс РФ, 24, глава 52, статья 333 и постановления правительства РФ];
- других работников и работы.

Следует отметить, что по некоторым видам неустойчивой занятости законодательством РФ установлены повышенные требования к регламентации трудовых отношений и повышенные гарантии вознаграждения за труд [см.: Ракитский, 2013, с. 50–58; Жарова, 2013, с. 81–90; Рогожникова, 2013, с. 106–108; Новиков, 2013, с. 77–94;

Федоров, 2013, с. 104–116; Яковлев, 2013, с. 84–92]. Это можно проиллюстрировать на примере регулирования труда лиц, работающих вахтовым методом [Варзарь, Горячкин, 2007, с. 4–20].

Вахтовый метод — особая форма осуществления трудового процесса вне места постоянного проживания работников, когда не может быть обеспечено их ежедневное возвращение к месту постоянного проживания. Вахтовый метод применяется при значительном удалении места работы от места постоянного проживания работников или места нахождения работодателя в целях сокращения сроков строительства, ремонта или реконструкции объектов производственного, социального и иного назначения в необжитых, отдаленных районах или районах с особыми природными условиями, а также в целях осуществления иной производственной деятельности. В Российской Федерации вахтовый метод широко применяется в арктических зонах добычи нефти и газа как на шельфе, так и в море.

Работники, привлекаемые к работам вахтовым методом, в период нахождения на объекте производства работ проживают в специально создаваемых работодателем вахтовых поселках, представляющих собой комплекс зданий и сооружений. Они предназначены для обеспечения жизнедеятельности указанных работников во время выполнения ими работ и междусменного отдыха. Работники могут проживать в приспособленных для этих целей и оплачиваемых за счет работодателя общежитиях, иных жилых помещениях.

Порядок применения вахтового метода утверждается работодателем с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации. К работам, выполняемым вахтовым методом, не могут привлекаться работники в возрасте до 18 лет, беременные женщины и женщины, имеющие детей в возрасте до трех лет, а также лица, имеющие противопоказания к выполнению работ вахтовым методом в соответствии с медицинским заключением, выданным в порядке, установленном федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Вахтой считается общий период, включающий время выполнения работ на объекте и время междусменного отдыха. Продолжительность вахты не должна превышать одного месяца. В исключительных случаях на отдельных объектах продолжительность вахты может быть увеличена работодателем до трех месяцев с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации. Учетный период работы на вахте включает все рабочее время, время в пути от места нахождения работодателя или от пункта сбора до места выполнения работы и обратно, а также

время отдыха, приходящееся на данный календарный отрезок времени.

Законодательство предусматривает повышенное вознаграждение работающим вахтовым методом в форме оплаты каждого дня отдыха в связи с переработкой рабочего времени в пределах графика работы на вахте. Каждый день такого отдыха оплачивается в размере дневной тарифной ставки, дневной ставки (части оклада (должностного оклада) за день работы), если более высокая оплата не установлена коллективным договором, локальным нормативным актом или трудовым договором. Работникам, выполняющим работы вахтовым методом, за каждый календарный день пребывания в местах производства работ в период вахты, а также за фактические дни нахождения в пути от места нахождения работодателя (пункта сбора) до места выполнения работы и обратно выплачивается надбавка за вахтовый метод работы.

Работникам, выезжающим для выполнения работ вахтовым методом в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности из других районов:

- устанавливается районный коэффициент и выплачиваются процентные надбавки к заработной плате в порядке и размерах, которые предусмотрены для лиц, постоянно работающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;
- предоставляется ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск в порядке и на условиях, которые предусмотрены для лиц, постоянно работающих в районах Крайнего Севера, — 24 календарных дня, в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, — 16 календарных дней.

За каждый день нахождения в пути от места нахождения работодателя до места выполнения работы и обратно, предусмотренные графиком работы на вахте, а также за дни задержки в пути по метеорологическим условиям или вине транспортных организаций работнику выплачивается дневная тарифная ставка, часть оклада за день работы.

Отмечая наличие в сложившихся формах неустойчивой занятости дифференцированного механизма их законодательного регулирования, следует признать, что переход к новой модели общественной жизнедеятельности, предполагающей наряду с многообразием форм собственности и хозяйствования либерализацию в сфере привлечения иностранной рабочей силы, легкую проницаемость границ РФ для перемещения граждан других стран (особенно входивших ранее в состав СССР на правах союзных республик), привел к

возникновению форм неустойчивой занятости, не охватываемых совсем или охватываемых незначительно трудовым законодательством [Фара, Иодиче, 2013, с. 13–14]. К недостаточно регулируемым со стороны законодательства формам неустойчивой занятости можно отнести:

- трудовых мигрантов на работах по строительству различных объектов, осуществлению пассажирских и грузовых перевозок автомобильным транспортом;
- работников, занятых (в том числе мигрантов) на реализации сельскохозяйственной продукции на продуктовых рынках, а также на работах по обслуживанию временных торговых точек в период летних распродаж овощей, фруктов, воды, напитков и т.п.;
- работы, выполняемые чаще всего по собственной инициативе, студентами вузов, техникумов и других учебных заведений, совмещающих учебу с подработкой;
- занятость студентов на строительных и других работах на селе в составе специально сформированных отрядов;
- занятость граждан пригородных поселков по обслуживанию членов садоводческих кооперативов и дачных участков.

В этой неурегулированной законодательством сфере неустойчивой занятости нередко возникают проблемы, например ущемление тех или иных интересов работников, в первую очередь по вопросам оплаты труда.

Законодательная неурегулированность в вышеназванных формах неустойчивой занятости превращает ее в формы неформальной занятости. Неформальная неустойчивая занятость, поскольку не охвачена официальными статистическими наблюдениями, исследуется методом специальных анкетных опросов. В частности, в работе, посвященной неформальности на российском рынке труда, приведены следующие интересные данные: из 5568 респондентов, занятых работой на предприятии, учреждении, организации, 262 человека (4,7%) работают на основе устной договоренности без оформления трудовых отношений. Из 1029 работников, занятых у физических лиц и индивидуальных предпринимателей, 480 человек (46,7%) также работают на основе устной договоренности без должного оформления трудовых отношений. Среди самозанятых немало лиц, ведущих трудовую деятельность без регистрации и оформления документов (до 43%) [Гимпельсон, Капелюшников, 2014, с. 165–166].

3. Гарантии по минимальной оплате труда в сфере занятых наемным трудом. Необходимость особого подхода к регулированию минимальной заработной платы в сфере неустойчивой неформальной занятости

Занятость в сфере наемного труда по законодательному регулированию существенно отличается от сферы самозанятости [Шелест, 2013, с. 109–116]. В сфере наемного труда со стороны общества (в лице государства) с участием союзов работодателей и профессиональных союзов работников достаточно подробно отработаны почти все законодательные нормы. При этом не следует забывать, что отработанность стала наследием социалистического этапа развития экономики России в составе СССР. Высокая юридическая отработанность норм законодательного регулирования относится как к устойчивой, так и к неустойчивой формам занятости (за небольшим исключением, возникшим в период перехода экономики РФ на рыночные отношения и относящимся к неустойчивой неформальной занятости).

Законодательные нормы, регламентирующие почти все аспекты занятости, как устойчивой, так и неустойчивой, в сфере оплаты труда предполагают множество гарантий: минимальную заработную плату [Рогожникова, 2013, с. 100–103], районные коэффициенты к заработной плате, надбавки к заработной плате за длительность (стаж) работы на северных территориях и приравненных к ним местностях, повышенную оплату за работу в тяжелых, вредных и опасных условиях труда, включая работу в ночное время, повышенную оплату сверхурочных работ и другие повышенные гарантии оплаты.

Следует отметить, что при переходе к новой экономической модели самым слабым звеном в системе государственных гарантий оказалась минимальная заработная плата (по российской терминологии называемая также минимальным размером оплаты труда — МРОТ). По сложившейся традиции МРОТ устанавливается как гарантия вознаграждения за месячные результаты труда работника, выполнившего все возложенные на него трудовые обязанности (нормы труда) и отработавшего полностью месячный фонд рабочего времени. Научные специалисты и практики критикуют порядок установления величины МРОТ и его пересмотра. В частности, отмечается низкое реальное содержание МРОТ, которое в разное время составляло от 5 до 25% стоимости минимальной потребительской корзины. Отмечается также несоответствие воспроизводственной функ-

ции минимального размера оплаты труда работников реальным условиям проживания на любой административной территории [Яковлев, 2009, с. 73–77; Кобзарь, 2009].

В последнее время со стороны работодателей и со стороны работников выдвигаются предложения заменить месячный МРОТ часовым МРОТ по аналогии с установлением минимальной заработной платы в некоторых странах с рыночным типом экономики. Нередко при этом пытаются доказать, что месячный МРОТ препятствует применению более гибких форм устойчивой и неустойчивой занятости. По нашему мнению, в Российской Федерации больше оснований для применения месячного МРОТ, чем часового или дневного. Доводы сводятся к следующему.

1. Установление МРОТ как гарантии, ниже которой не может быть месячный заработок работника, стало традиционной нормой для нашей страны, понятной всем работникам и позволяющей им оценивать нацеленность государственных органов власти на достижение минимально необходимого работнику уровня удовлетворения жизненно важных потребностей. Эта форма гарантии, отражающая требование государства к работодателям всех форм собственности и видов деятельности (включая и малый бизнес), относительно нижней допустимой границы оплаты труда. Она не мешает выбирать порядок организации заработной платы, адекватный условиям трудовой и производственной деятельности предприятий и учреждений. Месячный МРОТ не препятствует применению в России ни одной из существующих в отечественной и мировой практике систем оплаты труда. В Российской Федерации на предприятиях и в учреждениях применяются все разновидности как повременной оплаты труда (почасовой, поденной, помесечной, включая окладную), так и сдельной оплаты (прямой и косвенной; индивидуальной и коллективной; пропорциональной, прогрессивной и регрессивной; простой и премиальной). Они также дополняются различными видами единовременных премий и вознаграждений и другими видами выплат.

Месяц достаточно представительный период жизнедеятельности человека. Гарантия его обеспечения получаемым за труд вознаграждением может выступать — и выступает — характеристикой социальной стабильности общества и социальных достижений экономики. Месяц — это период календарной организации жизнедеятельности человека, который он разделяет на рабочее время, необходимое для получения дохода с целью удовлетворить потребности, и свободное время, необходимое для отдыха и осуществления других

видов жизнедеятельности. При современном состоянии российской экономики месячный период удобен и для организации деятельности работодателя. Его достаточно, чтобы определить текущие результаты деятельности как в сфере производства, так и сбыта и увязать их с требуемыми законодательством гарантиями по оплате труда (в том числе месячным МРОТ) и налоговыми отчислениями.

При установлении иных периодов гарантий, в частности часового или дневного, МРОТ в социальном отношении будет менее понятен для работников, работодателей и населения в целом. Зная месячный МРОТ, работник легко может сопоставить его со своим заработком в любом месяце года и определить для себя «ценность» установленной государственной гарантии. Но если МРОТ будет установлен на час работы, то для его оценки, соотнесения с получаемой заработной платой, работнику надо будет подсчитать свою среднюю часовую заработную плату или пересчитать часовой МРОТ на количество часов осуществленной работы в соответствующем месяце. Суждение о ценности установленного часового МРОТ выводится уже не из прямого сопоставления, а опосредованно, через проведенные работником расчеты. Это будет происходить, если МРОТ будет установлен как гарантия дневного заработка работника, но в этом случае работнику придется оперировать среднедневным заработком.

2. Установление месячного МРОТ соответствует сложившемуся в Российской Федерации в реформенный и постреформенный периоды механизму оценки трудового вклада работника. В количественном отношении этот механизм выражается либо количеством отработанного работником определенной квалификации рабочего времени, либо количеством изготовленной им продукции (услуг). Трудовая деятельность работника имеет не только количественные, но и качественные результаты. В процессе труда работник использует материалы, инструменты, полуфабрикаты, электрическую и паровую энергию, оборудование; он взаимодействует с другими работниками и оказывает влияние на их трудовую деятельность. Степень соблюдения работником норм расходования производственных ресурсов выступает важной характеристикой качества трудовой деятельности работника. Оценка этого аспекта трудовой деятельности требует достаточно представительного периода. Промежутка времени час либо рабочий день явно недостаточно. Как показывает практика, организация механизма оценки вышеназванных качественных параметров трудовой деятельности может быть осуществлена в

основном за месячный период, который позволяет судить и о ритмичности трудовой деятельности работника, и об уровне производительности его труда, о результативности труда работника как части общего результата, являющегося целью трудовой производственной деятельности.

Строго говоря, для отдельных аспектов трудовой деятельности, особенно у отдельных работников (специалистов и руководителей различного уровня), недостаточно месячного периода, а наиболее подходящими временными периодами оценки их трудового вклада могут быть квартал, полугодие и даже год. Но такие длительные периоды не могут быть периодами выплаты заработной платы. На большинстве предприятий и организаций заработная плата выплачивается ежемесячно с предварительным авансовым платежом. Параметры оценки трудового вклада, требующие более длительного периода, при ежемесячной оплате либо учитываются через механизм авансовых платежей, либо дополняют месячную оплату только в те месяцы, которые завершают соответствующий более длительный период.

Установление МРОТ не в виде месячной гарантии, а в виде часовой либо дневной, может привести к значительному ослаблению либо полному исключению качественных параметров трудовой деятельности из гарантируемой оплаты. Динамика месячного заработка работника и его структура характеризуют в наибольшей степени текущие взаимоотношения работника и работодателя по поводу оценки различных аспектов трудового вклада, включая наличие простоев, сверхурочных работ, непроизводительных потерь рабочего времени, отклонений от технических условий исполнения работы и т.п.

3. Установление гарантии в виде месячного МРОТ ставит в равное положение работников, имеющих различные нормы продолжительности рабочей недели. В соответствии со статьей 91 ТК РФ нормальная продолжительность рабочего времени не может превышать 40 часов в неделю. В каждом календарном месяце нормальная продолжительность рабочего времени будет колебаться в зависимости от количества в нем рабочих недель (дней). Самым коротким по нормальной продолжительности рабочего времени в России является январь. В 2014 г. в нем было всего 136 рабочих часов.

Июль и октябрь в 2014 г. станут самыми длительными по нормальной продолжительности рабочего времени — 168 часов. Месячный МРОТ гарантирует, что вознаграждение работников во все календарные месяцы года будет одинаковым. Это означает, что январская заработная плата

(с самой короткой нормальной продолжительностью рабочего времени) будет не ниже установленной законом месячной МРОТ. При этом работник должен полностью отработать месячный фонд рабочего времени и выполнить соответствующий нормативный объем работ (круг трудовых обязанностей).

В соответствии со статьей 92 ТК РФ для отдельных групп работников установлена сокращенная продолжительность рабочей недели. Например, для работников, занятых на вредных и (или) опасных условиях труда, продолжительность не может превышать 36 часов в неделю. Конкретная продолжительность рабочей недели на работах с вредными и (или) опасными условиями труда устанавливается правительством РФ. Для работников, являющихся инвалидами 1 или 2 группы, продолжительность рабочей недели не может превышать 35 часов. Сокращенная продолжительность рабочей недели предусмотрена трудовым законодательством для педагогических, медицинских и некоторых других категорий работников. Месячный МРОТ предусматривает одинаковую месячную гарантию оплаты при работе как с нормальной, так и сокращенной продолжительностью рабочей недели. Некоторые исключения относятся к подросткам — сокращенная продолжительность рабочего дня до 24 часов в неделю, а в возрасте от 16 до 18 лет — не более 35 часов в неделю. ТК РФ не гарантирует им выплату месячного МРОТ в полном объеме.

Установление месячного МРОТ не создает препятствий для работодателей и работников, если измерение объема проделанной работы будет осуществляться в часах (при почасовой системе оплаты труда) и нужно определить, отвечает ли установленной государством гарантии заработок за отработанные работником часы. Для этого необходимо, исходя из месячного МРОТ и расчетного для нормальной или сокращенной продолжительности соответствующего календарного месяца фонда рабочего времени, определить расчетный часовой МРОТ для этого месяца. Умножив этот показатель на количество часов, отработанных работником, необходимо сравнить полученную величину с месячным МРОТ. Несмотря на методическую очевидность и простоту описанного методического порядка расчетов, можно, принимая во внимание различную продолжительность нормальной и сокращенной рабочих недель, отдельным письмом Министерства труда доводить до работников и работодателей расчетные минимальные размеры часовых заработков на каждый календарный месяц соответствующего года. Тем самым можно принять единый подход к обеспечению равных условий воспроизводства рабочей

силы при различной норме продолжительности рабочего времени.

Переход к установлению гарантий в области оплаты труда в форме часового (либо дневного) МРОТ может привести к трудностям при их реализации в условиях различной нормы продолжительности рабочей недели и нормального фонда рабочего времени в том или ином календарном месяце.

4. Величина месячного МРОТ имеет более надежную базу для обоснования, чем другие возможные формы МРОТ (часовая, дневная). В нашей стране применяется методический подход к определению потребительской корзины для различных по составу потребительских бюджетов: бюджета прожиточного минимума (БПМ), минимального потребительского бюджета (МПБ), бюджета расширенного воспроизводства рабочей силы (БРВ) и т.д. Имеющиеся методические подходы позволяют рассчитывать потребительские бюджеты как в расчете на одного работника, так и на семью с различным количеством детей. В зарубежной практике наряду с расчетом потребительских бюджетов в отдельных странах используется исчисление минимального размера оплаты труда через нормативы его соотношения со средней заработной платой либо с уровнем бедности. Эти подходы также имеют свои обоснования. В нашей стране методические подходы, основанные на применении потребительских корзин для различных групп населения, применяются при установлении минимальных пенсий и некоторых других социальных гарантий. Тем самым величина месячного МРОТ становится сравнимой с другими видами социальных гарантий. МРОТ в виде часового либо дневного заработка такой сравнимости не имеет, поскольку пенсии и пособия не устанавливаются в расчете на час (день).

Месячный МРОТ корреспондирует и с основным статистическим показателем в области заработной платы — среднемесячной заработной платой работника, что дает возможность оценивать эту гарантию не вообще, а дифференцированно в разрезе групп работающих, территорий с различными природно-климатическими и экономическими условиями, сфер деятельности и отраслей внутри них. Это означает, что месячный МРОТ может быть широко использован в системе макро- и мезоэкономических оценок.

Доводы в пользу месячного МРОТ не следует понимать так, что для современного регулирования занятости в сфере наемного труда он должен выступать в качестве единственной универсальной формы гарантий минимальной оплаты. По нашему мнению, месячный МРОТ может быть дополнен системой дневных и часовых минимальных

размеров оплаты труда. При разработке такой системы следует преодолеть действующую практику законодательного регулирования минимальных размеров оплаты труда исключительно федеральным уровнем управления. С недавнего времени право устанавливать территориальные минимальные заработные платы предоставлено субъектам Федерации. Для установления гарантий в сфере наемного труда при устойчивой и большинстве форм неустойчивой занятости этих двух уровней установления МРОТ в форме месячного, дневного и часового МРОТ будет вполне достаточно. Однако использование почасовой или полудневной занятости характерно для многих видов неурегулированной неустойчивой занятости. Работники, охваченные неформальной неустойчивой занятостью, не имеют гарантий со стороны нормирования труда, базирующегося на учете нормальной продолжительности рабочего дня, физиологических норм нагрузки работников, учета тяжести, вредности и опасности условий труда для организма работников. При установлении объема предстоящей работы, оценке ее результатов, определении физических нагрузок и требуемой для выполнения работы продолжительности фонда рабочего времени преобладают интересы работодателя. Описанные условия выполнения работы

при неустойчивой неформальной занятости объективно требуют установления более высоких гарантий минимальной оплаты труда наемных работников в рассматриваемых неустойчивых неформальных видах занятости.

В регулировании указанных видов неустойчивой занятости решающую роль должны сыграть местные органы власти и органы охраны правопорядка. Применительно к заработной плате на местные органы власти должна быть возложена обязанность устанавливать минимальные ставки почасовой оплаты для неустойчивых видов занятости. Базой расчета таких минимальных ставок заработной платы должна стать месячная территориальная минимальная заработная плата, установленная в субъекте Российской Федерации в соответствии со статьей 133.1 Трудового кодекса РФ. Она имеет определенную связь с условиями экономической деятельности и условиями проживания на соответствующей территории. Поскольку в настоящее время местные органы власти не имеют полномочий при установлении муниципальных минимальных заработных плат, необходимо внести соответствующие изменения в Трудовой кодекс РФ в части разграничения полномочий по регулированию трудовых отношений.

Список литературы

1. В тени регулирования: неформальность на российском рынке труда / Под ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 165–166.
2. Рогожникова Ю.С. Анализ российской практики оплаты труда в проектно-изыскательских организациях // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 2 (180). С. 106–108.
3. Новиков Н.Н. О доплатах и компенсациях за тяжелые и вредные условия труда // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 5 (183). С. 77–94.
4. Колосова Р.П., Бобков В.Н. Современные подходы к экономике труда // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 25–37.
5. Ракитский Б.В. Современные научные и практические подходы к проблематике труда против устаревших и бесперспективных подходов // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 50–58.
6. Кадомцева С.В. Несбалансированность рынка труда и занятость молодежи // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 87–96.
7. Жарова Н.В. Сравнительный анализ систем оплаты труда в бюджетном секторе экономики // Уровень

References

1. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I. *V teni regulirovaniya: neformal'nost' na rossiyskom rynke truda* [In the shadow of regulation: the informality of the Russian labor market]. Moscow, Publishing House of Higher School of Economic, 2014, pp. 165–166.
2. Rogozhnikova Yu.S. *Analiz rossiyskoy praktiki oplaty truda v proektno-izyskatel'skikh organizatsiyakh* [Analysis of the Russian practice of payment in design organizations]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 2 (180), pp. 106–108.
3. Novikov N.N. *O doplatakh i kompensatsiyakh za tyazhelye i vrednye usloviya truda* [On additional payments and compensation for heavy and harmful working conditions]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 5 (183), pp. 77–94.
4. Kolosova R.P., Bobkov V.N. *Sovremennye podkhody k ekonomike truda* [Modern approaches to labor economics]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 25–37.
5. Rakitskiy B.V. *Sovremennye nauchnye i prakticheskie podkhody k problematike truda protiv ustarevshikh i besperspektivnykh podkhodov* [Modern scientific and practi-

- жизни населения регионов России. 2013. № 7 (185). С. 81–90.
8. Рогожников Ю.С. Основные принципы формирования заработной платы // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10 (188). С. 100–103.
  9. Федоров Е.А. Оплата труда на государственных сельскохозяйственных предприятиях в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10 (188). С. 104–116.
  10. Яковлев Р.А. Реформирование оплаты труда в бюджетных учреждениях Российской Федерации (основные этапы) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11 (189). С. 84–92.
  11. Шелест А.С. Особенности и перспективы развития заемного труда в России // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 2 (180). С. 109–116.
  12. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Социальная уязвимость работников и общества как результат неустойчивости занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 9–24.
  13. Курильченко Е.И. Неустойчивость занятости выпускников высших учебных заведений Удмуртской Республики (по результатам социологического опроса) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 112–119.
  14. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Неустойчивость занятости как современная проблема и исследовательская категория // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 66–78.
  15. Фара Д.-М., Иодиче А. Труд вне правового поля // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10 (188). С. 13–14.
  16. Риччеры М. Знать, чтобы действовать // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10 (188). С. 6.
  17. Колот А.М. Трансформация института занятости как составляющая глобальных изменений в социально-трудовой сфере: феномен прекаризации // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11 (189). С. 93–101.
  18. Аустов А.В., Ларин А.В., Леонова Л.А. Неформальная занятость и удовлетворенность жизнью: эмпирический анализ с учетом эндогенности // Прикладная эконометрика. 2012. № 2. С. 17–36.
  19. Варзарь С.А., Горячкин П.В. Методические рекомендации по организации вахтового метода в строительстве // Ассоциация строителей России «Союз инженеров сметчиков». М., 2007. С. 4–20.
  20. Горбачева Т.Л., Рыжикова З.А. Теоретические и практические аспекты измерения занятости в неформальной экономике // Вопросы статистики. 2004. № 7. С. 30–39.
  21. Капелюшников Р.И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения?: препринт WP3/2012/04. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012.
  22. Кобзарь Е. Минимальная заработная плата и региональные рынки труда в России: препринт WP15/2009/06. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
  23. Синявская О.В. Неформальная занятость в современной России: измерение, масштабы, динамика / Независимый институт социальной политики. Научные проекты НИСП. М.: Поматур, 2005. IISP Working Papers WP5/2005/01.
  - cal approaches to the problems of labor against obsolete and unpromising approaches]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 50–58.
  6. Kadomtseva S.V. Nesbalansirovannost' rynka truda i zanyatost' molodezhi [Imbalance in the labor market and youth employment]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 87–96.
  7. Zharova N.V. Sravnitel'nyy analiz sistem oplaty truda v byudzhennom sektore ekonomiki [Comparative analysis of wages in the public sector of the economy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 7 (185), pp. 81–90.
  8. Rogozhnikova Yu.S. Osnovnye printsipy formirovaniya zarabotnoy platy [The basic principles of wage formation]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 100–103.
  9. Fedorov E.A. Oplata truda na gosudarstvennykh sel'skokhozyaystvennykh predpriyatiyakh v sovremennoy Rossii [Remuneration to the state agricultural enterprises in modern Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 104–116.
  10. Yakovlev R.A. Reformirovanie oplaty truda v byudzhennykh uchrezhdeniyakh Rossiyskoy Federatsii (osnovnye etapy) [Reforming wages in budgetary institutions of the Russian Federation (main stages)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 84–92.
  11. Shelest A.S. Osobennosti i perspektivy razvitiya zaemnogo truda v Rossii [Features and prospects for the development of agency labor in Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 2 (180), pp. 109–116.
  12. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Sotsial'naya uyazvimost' rabotnikov i obshchestva kak rezul'tat neustoychivosti zanyatosti [Social vulnerability of workers and society as a result of the instability of employment]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 9–24.
  13. Kuril'chenko E.I. Neustoychivost' zanyatosti vypusknikov vysshikh uchebnykh zavedeniy Udmurtskoy Respubliki (po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa) [Instability of employment of graduates of the Udmurt Republic (based on a sociological survey)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 112–119.
  14. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Neustoychivost' zanyatosti kak sovremennaya problema i issledovatel'skaya kategoriya [Instability of employment as a modern problem and research category]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 66–78.
  15. Fara D.-M., Iodiche A. Trud vne pravovogo polya [Work outside the legal field]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 13–14.
  16. Richcheri M. Znat', chtoby deystvovat' [Know to act]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 6.

24. Трудовой кодекс Российской Федерации, Статья 58, Главы 45, 46, 47, 49, 52 / www.consultant.ru.
25. Яковлев Р.А. Минимальная заработная плата как экономическое и юридическое понятие // Вестник научно-исследовательского института труда и социального страхования. 2009. № 1. С. 73–77.
17. Kolot A.M. Transformatsiya instituta zanyatosti kak sostavlyayushchaya global'nykh izmeneniy v sotsial'no-trudovoy sfere: fenomen prekarizatsii [Transformation of the institution of employment as part of global changes in the social and labor sphere: the phenomenon precarization]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 93–101.
18. Aistov A.V., Larin A.V., Leonova L.A. Neformal'naya zanyatost' i udovletvorennost' zhizn'yu: empiricheskiy analiz s uchetom endogennosti [Informal employment and life satisfaction: An empirical analysis taking into account the endogeneity]. *Prikladnaya ekonometrika* [Applied Econometrics]. 2012, I. 2, pp. 17–36.
19. Varzar' S.A., Goryachkin P.V. Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii vakhtovogo metoda v stroitel'stve [Guidelines on the organization of work in shifts in the construction]. *Assotsiatsiya stroiteley Rossii «Soyuz inzhenerov smetchikov»* [Builders Association of Russia "Union Engineers quantity surveyors."]. Moscow, 2007, pp. 4–20.
20. Gorbacheva T.L., Ryzhikova Z.A. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty izmereniya zanyatosti v neformal'noy ekonomike [Theoretical and practical aspects of measuring employment in the informal economy]. *Voprosy statistiki* [Questions statistics]. 2004, I. 7, pp. 30–39.
21. Kapelyushnikov R.I. *Neformal'naya zanyatost' v Rossii: chto govoryat al'ternativnye opredeleniya?* [Informal employment in Russia say that alternative definitions?]. Preprint WP3/2012/04. Moscow, Publishing House of Higher School of Economic, 2012.
22. Kobzar' E. *Minimal'naya zarabotnaya plata i regional'nye rynki truda v Rossii* [Minimum wage and regional labor markets in Russia]. Preprint WP15/2009/06. Moscow, HSE Publ., 2009.
23. Sinyavskaya O.V. Neformal'naya zanyatost' v sovremennoy Rossii: izmerenie, masshtaby, dinamika [Informal employment in modern Russia: measurement, scale, dynamics]. *Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki. Nauchnye proekty NISP* [Independent Institute for Social Policy. Research projects IISP]. Moscow, Pomatur, 2005. IISP Working Papers WP5/2005/01.
24. *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii, Stat'ya 58, Glavy 45, 46, 47, 49, 52* [The Labour Code of the Russian Federation, Article 58, Chapter 45, 46, 47, 49, 52]. Available at: www.consultant.ru.
25. Yakovlev R.A. Minimal'naya zarabotnaya plata kak ekonomicheskoe i yuridicheskoe ponyatie [The minimum wage as an economic and legal concept]. *Vestnik nauchno-issledovatel'skogo instituta truda i sotsial'nogo strakhovaniya* [Bulletin Research Institute of Labour and Social Insurance]. 2009, I. 1, pp. 73–77.

Регулирование иностранной трудовой миграции как механизм снижения неустойчивости занятости

Controlling Foreign Labour Migration As a Mechanism for Reducing Precarious Employment

Получено 10.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 316.7

DOI: 10.12737/7397

ЛОКТЮХИНА Н.В.

д-р экон. наук, доц., профессор кафедры экономики труда и управления персоналом ФГБОУ ВПО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», начальник Организационно-аналитического управления Департамента труда и занятости населения города Москвы.
Российская Федерация, 107078 Москва, Докучаев переулок, 12.
E-mail: loktn@mail.ru

РОЖКОВ В.Д.

д-р экон. наук, доц., заместитель руководителя Департамента труда и занятости населения города Москвы.
Российская Федерация, 107078 Москва, Докучаев переулок, 12.
E-mail: RozhkovVD@mos.ru

LOKTYUKHINA N.V.

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Chair of Labour Economics and Staff Management, G.V. Plekhanov Russian University of Economics, Head of the Organizational and Analytical Office of the Department of Labour and Employment of the City of Moscow.
12 Dokuchayev Lane, Moscow 107078, Russia.
E-mail: loktn@mail.ru

ROZHKOV V.D.

Doctor of Economics, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Labour and Employment of the City of Moscow.
12 Dokuchayev Lane, Moscow 107078, Russia.
E-mail: RozhkovVD@mos.ru

Аннотация

Объектом исследования стала трудовая миграция в Российской Федерации в целом и в городе Москве, в частности, а предметом — особенности занятости иностранных работников, позволяющие отнести таковую к категории «неустойчивая». Цель исследования — выявить особенности занятости иностранных работников, позволяющие считать таковую «неустойчивой», разработать предложения по государственному регулированию трудовой миграции, направленные на снижение неустойчивости занятости. **В результате исследования выявлены** признаки неустойчивости занятости иностранной рабочей силы в России: высокий уровень нелегальной занятости, низкий уровень оплаты труда, недостаточность системы социальных гарантий и ограничение доступа к реализации трудовых прав.

Сформулированы предложения по государственному регулированию иностранной трудовой миграции, направленные на снижение рисков неустойчивости занятости. В связи с расширением сферы применения патентов для иностранных граждан предлагается предоставить субъектам РФ возможность применения экономических рычагов влияния на привлечение иностранных работников по отдельным видам экономической деятельности и профессиям, доработать нормы о праве субъектов РФ на принятие законов об установлении региональных коэффициентов к стоимости патентов, зачислять налоговые доходы, полученные от реализации патентов, в региональный бюджет. Для иностранных граждан, прибывающих для работы на территорию России, предлагается установить специальные гарантии по оплате труда, расширить доступ к социальным, медицинским и образовательным услугам, а также реализовать ряд мер по социально-трудовой адаптации на рынке труда.

С учетом опыта города Москвы определены меры по снижению неустойчивой занятости иностранной рабочей силы на региональном уровне: межрегиональный трудовой обмен при содействии региональных служб занятости, применение новых технологий трудоустройства, подбор персонала в государственные учреждения.

Ключевые слова: рынок труда, занятость населения, трудовая миграция, неустойчивая занятость, государственное регулирование трудовой миграции.

Abstract

Object of the Study. Labour migration in the Russian Federation, and in Moscow, in particular Subject of the Study Employment peculiarities of foreign workers classified as «precarious employment». The purpose of research is to determine the characteristics of precarious employment of foreign workers, to work out proposals for state regulating labour migration and reducing the precarious employment.

The research shows signs of precarious employment of foreign workers in Russia: a high level of illegal employment, a low level of remuneration for labour, inadequacy of social protection system and limited access to enjoying of labour rights.

Proposals for state regulation of foreign labor migration, reducing the risk of precarious employment have been formulated. In connection with the expansion of the scope of the patents for foreign citizens the following measures are suggested: providing the federal subjects of the Russian Federation with economic levers of influence on foreign workers for certain types of economic activities and professions, to modifying rules on the law of the Russian Federation to laws for establishing regional factors to the cost of patents, including tax revenues generated from the sale of patents into the regional budget. For foreign citizens coming to work in the territory of Russia, it is proposed to establish specific guarantees on wages and to expand access to social, health and education services as well as realize a number of measures on social and labour adaptation on the labour market.

Based on the experience of the city of Moscow measures to reduce precarious employment of foreign workers at the regional level have been elaborated: the interregional labour exchange with the assistance of regional employment services, the use of new technologies of employment, staff recruitment in state institutions.

Keywords: labour market, employment, labour migration, precarious employment, government regulation of labour migration.

1. Введение

Существенное влияние на российский рынок труда оказывает иностранная трудовая миграция. Ее регулирование становится определяющим фактором для данной сферы и для социально-экономического развития государства и общества. Проблему регулирования миграции рассматривают В.А. Волох [1], О.Д. Воробьев [2], А.В. Топилин [3], О.И. Косенко [4] и др.

В условиях демографического спада привлечение иностранных работников по приоритетным для потребностей экономики профессионально-квалификационным группам становится одним из условий ее поступательного развития. Вместе с тем трудовая миграция, особенно в нелегальной форме, имеет негативные последствия для принимающих стран: ущерб от неуплаты налогов, нагрузка на социальную инфраструктуру, социальная и национальная напряженность, нарушение законодательства.

Данные проблемы особенно остро проявляются в экономически развитых регионах, привлекательных для иностранных граждан. В России основным центром притяжения внешних трудовых ресурсов является город Москва, где ежегодно только официально трудится не менее 600 тыс. иностранных граждан (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о выдаче иностранным гражданам разрешений на работу и патентов в городе Москве
(по данным Управления Федеральной миграционной службы по городу Москве)

Вид разрешительных документов	2013 г.	2014 г. (на 04.09.2014 г.)
а) патенты на работу у физических лиц	292 490	557 565
б) разрешения на работу, в том числе:	339 978	101 518
высококвалифицированным специалистам	8 243	10 488
квалифицированным специалистам без учета квот	44 825	16 876
иностранцам гражданам с учетом квот	215 479	74 154
Итого	632 468	659 083

По опубликованным Мосгорстатом данным баланса трудовых ресурсов за 2012 г. численность иностранных работников в столице составляла 828,2 тыс. человек (8,5% общей численности трудовых ресурсов). Что касается объема незаконной миграции, то существующие экспертные оценки иногда настолько различаются, что выглядят несопоставимыми. Так, в отдельных публикациях объем нелегальной миграции в столичном регионе

на начало 2013 г. составлял 5–7 млн человек. В Москве наиболее ярко проявляются ее проблемы.

2. Признаки неустойчивости занятости иностранной рабочей силы

Анализ трудовых отношений с иностранными работниками позволяет определить ряд проблем, выступающих, по сути, признаками неустойчивой занятости рассматриваемой категории населения. Обратимся к сущности неустойчивой занятости, раскрытой Международной организацией труда (МОТ). К неустойчивым условиям труда МОТ относит низкую заработную плату; слабую защищенность от прекращения трудовых отношений; отсутствие доступа к механизмам социальной защиты и благам, традиционно ассоциирующимся со стандартной занятостью; отсутствие или ограничение доступа для работников к реализации своих прав на рабочем месте.

П.В. Бизюков определяет неустойчивую занятость как «нестандартные формы занятости с низким уровнем оплаты труда, отсутствием защиты от увольнений, отсутствием системы социальной защиты и невозможностью отстаивания работником своих прав и интересов» [6]. В работах В.Н. Бобкова [Бобков, Черных, Алиев, Курильченко, 2011, с. 13–26] неустойчивая занятость определена как неблагоприятные для работника экономические и социальные отношения, складывающиеся с работодателем в результате неустойчивых контрактных соглашений и условий труда, низкая заработная плата, сужение сферы занятости на основе официального бессрочного трудового договора со стандартной рабочей неделей, расширение срочных и неформальных трудовых отношений занятости в формальной экономике, расширение сферы гражданско-правовых договоров.

Положительным аспектом неустойчивой занятости является повышение гибкости трудовых отношений, открытости рынка труда, расширение возможностей для занятости и получения дохода. Однако опасность распространения неустойчивых условий труда состоит в снижении качества занятости и жизни населения, повышении уязвимости работника и его семьи, росте социальной напряженности в обществе.

Большинство проблем, свойственных неустойчивой занятости, можно обнаружить в трудовых отношениях с иностранными работниками.

Первая проблема — высокий уровень нелегальной занятости среди иностранных граждан. Иностранные работники, не имеющие необходимой профессиональной квалификации и опыта рабо-

ты, зачастую осуществляют трудовую деятельность без разрешения на работу, без регистрации по месту временного пребывания либо без официального заключения трудового договора. Масштабная нелегальная занятость иностранных работников ведет к деформации рынка труда, к уклонению от налогообложения мигрантов и работодателей, к росту преступности, распространению неустойчивых условий труда, в том числе слабой защищенности от прекращения трудовых отношений.

В число причин нелегальной трудовой миграции входят усложненная процедура привлечения иностранных работников, постоянно изменяющаяся нормативная база в данной области, административные барьеры и проявления коррупции в рамках действующей системы квотирования.

Так, городу Москве квота на привлечение иностранной рабочей силы на 2014 г. была установлена в размере около 200 тыс., хотя московские работодатели заявляли о потребности в 1790 тыс. иностранных работников. Очевидно, что в силу ограниченного размера квот часть потребности работодателей в привлечении иностранной рабочей силы удовлетворяется на нелегальном рынке труда.

Легализация трудовой миграции — одна из задач находящегося на рассмотрении российского парламента. Законопроект [8] предлагает заменить механизм квотирования при привлечении к трудовой деятельности иностранных граждан, прибывших в порядке, не требующем получения визы, на разрешительный порядок осуществления трудовой деятельности по патенту.

Наряду с позитивными последствиями, расширение сферы применения патентов может повлечь за собой определенные риски на региональных рынках труда. Институт патентов исключает участие органов власти по труду и занятости субъектов РФ, объединений профсоюзов и работодателей в регулировании потоков трудовых мигрантов из безвизовых стран [Залесская, 2013, № 1, с. 115–120], в соблюдении работодателями гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения, условий охраны и труда привлекаемых иностранных работников. В настоящее время указанные меры реализуются в рамках региональных межведомственных комиссий по привлечению иностранной рабочей силы.

Как следствие, может увеличиться доля неприятной и дешевой иностранной рабочей силы, например в сферах оптовой и розничной торговли [Васильева, 2013, № 6, с. 129–137], строительства и жилищно-коммунального хозяйства. В свою очередь, это может сказаться на уровне безопас-

ности производимых товаров и оказываемых услуг, привести к снижению конкурентоспособности российских граждан при трудоустройстве по отдельным профессиям, к росту социальной и этнической напряженности.

Чтобы эти риски не реализовались, целесообразно в рамках вышеуказанного законопроекта на региональном уровне предусмотреть следующие возможности.

Во-первых, предоставить субъектам РФ возможность применять экономические рычаги влияния на привлечение иностранных работников в отдельные виды экономической деятельности, а также по отдельным профессиям, привлекательным для трудовых мигрантов. Для этого необходимо, чтобы в патенте в обязательном порядке указывался вид экономической деятельности, профессия (должность, специальность), по которому обладатель патента имеет право осуществлять трудовую деятельность.

Во-вторых, необходимо доработать предусмотренные законопроектом положения о праве субъектов Российской Федерации ежегодно принимать законы об установлении на календарный год региональных коэффициентов к стоимости патентов, отражающих особенности рынка труда. Ежегодная индексация базовой стоимости патентов (1000 руб. в месяц) на региональный коэффициент призвана дифференцировать конечную стоимость различных видов патентов и обеспечить дополнительное пополнение бюджетов соответствующими налоговыми доходами.

Данную правовую норму предлагается дополнить следующими положениями:

- региональный коэффициент для патентов на работу у юридических лиц либо индивидуальных предпринимателей устанавливать нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации, в том числе по отдельным видам экономической деятельности, профессиям (должностям, специальностям);
- ежегодную корректировку региональных коэффициентов осуществлять нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации по мере необходимости.

В-третьих, целесообразно зачислять все налоговые доходы, полученные от реализации патентов, в региональный бюджет. Законопроектом предусматривается иной порядок:

- в федеральный бюджет зачисляются 100% поступлений от налога на доходы физических лиц, уплаченного в виде фиксированного авансового платежа (в размере 1000 руб.), с его индексацией на коэффициент-дефлятор (еже-

годно устанавливается приказом Минэкономразвития России);

- в бюджет субъекта Российской Федерации зачисляются 100% поступлений от налога на доходы физических лиц, уплаченного в виде фиксированного авансового платежа (в размере 1000 руб.), с его индексацией на региональный коэффициент.

Зачисление всех средств от реализации патентов в бюджет субъекта Российской Федерации позволит компенсировать неизбежно возникающие на региональном уровне расходы на социальное, медицинское обслуживание и образование иностранных граждан.

Вторая проблема — низкий уровень оплаты труда иностранных работников. Определенные выводы относительно масштабов данной проблемы следуют из результатов проведенного Минтрудом России по итогам 2012 г. мониторинга уровня заработной платы иностранных работников [9]. В ходе мониторинга исследовалось соответствие реальной оплаты труда иностранного работника размеру оплаты труда, указанному работодателем в заявке о потребности в привлечении иностранной рабочей силы. В результате соответствие было отмечено в 5 субъектах Российской Федерации (6,8% от числа принявших участие в мониторинге), несоответствие в 57 субъектах Российской Федерации (78,1% от числа принявших участие в мониторинге). При этом имели место случаи как занижения, так и превышения фактического уровня заработной платы над ранее заявленным уровнем.

Что касается города Москвы, то здесь занижалась оплата труда:

- в сферах строительства, транспорта (деятельность такси), телефонной связи, операций с недвижимостью (управление эксплуатацией жилого дома), сбора мусора (уборка территории и аналогичная деятельность);
- у низкоквалифицированных иностранных работников (грузчиков, подсобных рабочих, уборщиков производственных и служебных помещений, дворников, рабочих зеленого хозяйства, рабочих по комплексному обслуживанию и ремонту зданий, а также кровельщиков по стальным кровлям, дорожных рабочих, водителей автомобилей, операторов моечной установки, монтажников оборудования связи, инженеров электросвязи).

Работодатель имеет право оплачивать труд работника на уровне минимальной заработной платы, с чем не всегда согласится российский гражданин. В России минимальный размер оплаты труда с 1 января 2014 г. установлен в размере 5554 руб. в месяц, что в 5,6 раза ниже уровня

среднероссийской среднемесячной заработной платы в I полугодии 2014 г. (по данным Росстата 31 509 руб.). В Москве с 1 июня 2014 г. минимальная заработная плата составляет 14 000 руб. [10], в то время как среднемесячная заработная плата в целом по городу в I полугодии 2014 г. достигла 58 759 руб. Вследствие занижения оплаты труда иностранных работников не только нарушается принцип «равной оплаты за равный труд», но и возникает так называемый демпинг на рынке труда, т.е. готовность иностранных работников трудиться за небольшое вознаграждение, что снижает общий уровень оплаты труда в экономике.

Решение данной проблемы видится в кардинальном повышении минимального размера оплаты труда, в установлении специальных гарантий для оплаты труда иностранных работников. Такой гарантией может быть предусмотренное в законодательстве требование к работодателям устанавливать заработную плату для иностранных трудовых мигрантов в размере не ниже уровня заработной платы по данной группе должностей в соответствующем субъекте РФ. Действие данного механизма позволит уравнивать в правах российских и иностранных работников, а для работодателя будет потерян экономический смысл привлекать именно иностранного работника, поскольку его конкурентным преимуществом станут не заниженные требования к оплате труда, а профессиональная квалификация.

Третья проблема — краткосрочность трудовых отношений с иностранными работниками. Согласно Федеральному закону от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», работодатель имеет право привлекать и использовать иностранных работников при наличии соответствующего разрешения. Поскольку такое разрешение выдается на определенный срок, трудовые отношения с иностранным работником, как правило, имеют временный характер. При этом статья 59 Трудового кодекса РФ содержит перечень оснований для заключения срочного трудового договора. Однако в данном перечне отсутствует такое основание, как «заключение договора на период действия разрешения на работу», которым часто пользуются российские работодатели при заключении срочного трудового договора с иностранцем. Полагаем, что решение данной правовой коллизии в рамках корректировки Трудового кодекса РФ позволит снизить риски неустойчивой занятости для иностранных работников.

Такие риски будут снижены в связи со вступлением в силу с 1 января 2016 г. Федерального закона от 05.05.2014 № 116-ФЗ «О внесении из-

менений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В Трудовой кодекс РФ вводятся нормы о запрещении заемного труда, а также новая глава «Особенности регулирования труда работников, направляемых временно работодателем к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала)». Именно использование труда иностранных работников в формате заемного труда (по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся работодателем данного работника) выступает сегодня одним из источников неустойчивой занятости данной категории граждан [Васильева, 2013, № 6, с. 129–137]. Как показывает практика, основными направлениями аутсорсинга или лизинга иностранного персонала является предоставление услуг таких специалистов, как грузчики, упаковщики, комплектовщики, разнорабочие, курьеры, кассиры, работники торгового зала и столовых и др. При подобных формах использования труда иностранных работников организация освобождается от участия в комплексе административных процедур, связанных с привлечением иностранной рабочей силы.

Полагаем, что для снижения негативных проявлений неустойчивой занятости населения назрела необходимость в более масштабном отражении в Трудовом кодексе РФ особенностей регулирования труда иностранных работников. Отдельные проблемы нашли свое решение в рамках принятого Государственной Думой в первом чтении в феврале 2014 г. законопроекта «О внесении в Трудовой кодекс Российской Федерации изменений, связанных с особенностями осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами» [11] — предлагалось внести в Трудовой кодекс РФ новую статью «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства». Вместе с тем предложенная редакция законопроекта нуждается в уточнении, в том числе в части норм о возможности заключения с иностранными работниками трудового договора на неопределенный срок.

Следует отметить, что расширение сферы применения патентов для работы иностранных граждан у физических лиц также влечет за собой риски неустойчивой занятости вследствие временного характера применения патента (действует в течение трех месяцев с правом его продления (по три месяца) в течение 12 месяцев). Поэтому актуальной представляется реализация представленных выше рекомендаций по усилению регулирующего воздействия региональных органов государствен-

ной власти на трудовую деятельность иностранных граждан в рамках патентной системы.

Четвертая проблема — недостаточность системы социальных гарантий для трудовых мигрантов. Сегодня работодатель освобожден от взносов за трудового мигранта в фонды социального страхования и обязательного медицинского страхования Российской Федерации, вследствие чего иностранные работники не вправе рассчитывать на полноценную медицинскую помощь, на оплату больничного листа (даже в случае травмы на производстве). Кроме того, нарушаются интересы российской системы социального страхования, а мигрант, при прочих равных условиях (даже при равной заработной плате), обходится работодателю дешевле, чем российский гражданин.

Следует отметить, что российское правительство в рамках реализации Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. [12] проводит большую работу по совершенствованию доступа иностранных граждан и членов их семей к социальным, медицинским и образовательным услугам, а также по развитию системы пенсионного страхования иностранных граждан. В настоящее время страховые взносы в Пенсионный фонд РФ выплачиваются за мигрантов лишь в том случае, если они работают в общей сложности шесть месяцев в год у одного работодателя. С 2015 г. в соответствии с поправками в федеральное законодательство работодатели будут обязаны платить страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации за мигрантов с момента их трудоустройства [13].

Согласно поправкам в Трудовой кодекс РФ, находящимся на рассмотрении Государственной Думы [11], для обеспечения медицинской помощью иностранных работников предлагается обязать иностранных граждан и лиц без гражданства предъявлять при заключении трудового договора работодателю договор (полис) добровольного медицинского страхования, действующий на территории России. При его отсутствии медицинскую помощь предлагается предоставлять на основании договора, заключенного работодателем с медицинской организацией о предоставлении иностранному работнику платных медицинских услуг, или договора (полиса) добровольного медицинского страхования работника, приобретаемого за счет работодателя. Такие договоры и полисы должны обеспечивать иностранному работнику оказание медицинской помощи в неотложной и экстренной формах [Мотрич, 2013, № 1, с. 25–32]. Минтруда России планирует ввести страхование рисков по временной нетрудоспособности для мигрантов за счет уплаты в Фонд социального

страхования Российской Федерации тарифа на уровне 1,8% от заработной платы иностранного работника [14].

Полагаем, что эти и другие мероприятия, разрабатываемые правительством Российской Федерации, позволят обеспечить доступ иностранных граждан и членов их семей к социальным, медицинским и образовательным услугам в зависимости от их правового статуса. Кроме того, за счет расширения системы страховых взносов за иностранных работников произойдет выравнивание стоимости рабочей силы.

Пятая проблема — ограничение доступа для иностранных работников к реализации своих прав на рабочем месте. Данная проблема существует, хотя согласно статье 11 Трудового кодекса Российской Федерации нормы российского трудового законодательства на территории страны «распространяются на трудовые отношения с участием иностранных граждан, ...если иное не предусмотрено федеральным законом или международным договором Российской Федерации». На практике большинство иностранцев, прибывающих для работы в Россию, плохо знают русский язык, не ориентируются в российском законодательстве, в том числе трудовом [Мотрич, Найден, Грицко, 2013, № 18, с. 79–90]. Правовая безграмотность иностранных граждан становится источником их неустойчивой занятости, выражающейся в неформальных трудовых отношениях, «заемном труде».

Решение проблемы ограничения доступа для иностранных работников к реализации прав на рабочем месте видится в развитии инфраструктуры защиты таких прав. Первым элементом такой инфраструктуры представляется механизм социально-трудовой адаптации иностранцев, прибывающих для работы на территорию России. Изменения в Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», вступающие в силу с 1 января 2015 г., обяжут всех мигрантов, желающих получить разрешение на временное проживание, вид на жительство, разрешение или патент на работу, подтверждать владение русским языком, знание истории и основных законов России. Для расширения доступа иностранных работников к реализации своих прав чрезвычайно важно, чтобы требования к трудовым мигрантам в части знания основ российского законодательства предусматривали наличие знания основ трудового законодательства, причем с учетом специфики предполагаемого трудоустройства мигранта (например, для работы на строительном объекте важно знать требования по охране труда в строительстве).

Безусловно, основная подготовка иностранных граждан для работы в России должна вестись в странах исхода. Однако в связи с объективно возникающими потребностями в регионах России активно создаются и функционируют разного рода адаптационные центры для мигрантов. Например, в Москве планируется создать многофункциональный центр трудовой миграции, где граждане из «безвизовых стран» будут подавать документы для получения патента на осуществление трудовой деятельности на территории России. Для иностранных граждан в центре планируется предусмотреть тестирование (на знание русского языка, истории России, основ российского законодательства), медицинский осмотр, выдачу полисов дополнительного медицинского страхования и ряд дополнительных услуг. Полагаем, что в таких центрах следует осуществлять информирование иностранных граждан по вопросам российского законодательства о труде и занятости, о размещении объектов инфраструктуры рынка труда на территории региона.

Вторым элементом инфраструктуры защиты трудовых прав и интересов иностранных работников должны быть профессиональные союзы, поскольку таковые создаются в целях представительства и защиты социально-трудовых прав и интересов граждан [15]. Профсоюзы системы Федерации независимых профсоюзов России в целях выстраивания цивилизованного рынка труда являются активным субъектом миграционной политики, принимая участие в соответствующей законодательной деятельности и работе региональных комиссий по привлечению иностранной рабочей силы, добиваясь включения обязательств по регулированию трудовой миграции в соглашения и коллективные договоры, заключаемые в системе социального партнерства.

Однако иностранные граждане крайне редко вступают в российские профессиональные союзы, хотя законодательство дает им такую возможность [15]. Данная ситуация обусловлена, во-первых, преимущественной занятостью трудовых мигрантов на малых и средних предприятиях торговли, сферы услуг, ЖКХ, строительства, а также по патентам у физических лиц. Там первичные профсоюзные организации создаются крайне редко, т.е. мигрантам просто некуда вступать. Во-вторых, краткосрочность трудовых отношений с иностранцами не мотивирует к вступлению в профсоюзы.

Для решения проблемы предлагается активизировать деятельность российских профсоюзов по вовлечению в свои ряды трудовых мигрантов, а также развивать специализированные профсоюзы трудовых мигрантов (как самостоятельные,

так и в рамках действующих профсоюзов), координировать правозащитную деятельность российских профсоюзов и профсоюзов стран исхода мигрантов. Как положительный опыт отметим работу Профсоюза трудящихся-мигрантов, занятых в строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве и смежных отраслях, взаимодействие Федерации Независимых Профсоюзов России и ее членских организаций с профцентрами ряда зарубежных стран по вопросам защиты прав и помощи трудящимся-мигрантам.

В целом предложенные выше мероприятия по решению проблем неустойчивой занятости иностранных граждан, по сути, имеют целью уравнивать положение мигрантов и россиян. Как следствие, эти мероприятия должны защитить национальный рынок труда от необоснованного притока иностранных работников, поскольку для них конкурентным преимуществом на рынке труда становятся профессиональные качества, а не «дешевизна» и непритязательность.

3. Меры по снижению неустойчивой занятости иностранной рабочей силы на региональном уровне (опыт города Москвы)

Как следует из представленных в настоящей статье предложений, большинство мероприятий по снижению неустойчивой занятости иностранных работников требуют корректировки федерального законодательства. Однако эффективные меры в данном направлении могут быть приняты и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, причем также исходя из задач защиты национального рынка труда и приоритетного трудоустройства российских работников. Речь идет о региональной политике замещения иностранной рабочей силы отечественными трудовыми ресурсами. Основной вопрос при реализации такой политики — как привлечь россиян на «непопулярные» вакантные рабочие места.

В Москве в соответствии с государственной программой города Москвы «Стимулирование экономической активности на 2012–2016 годы» и обязательствами Московского трехстороннего соглашения на 2013–2015 гг. принимаются меры по приоритетному трудоустройству российских граждан на рабочие места, предназначенные для иностранцев, в том числе за счет профессионального переобучения местных трудовых ресурсов, трудоустройства безработных, а также содействия трудовой мобильности жителей других регионов России.

Во-первых, активный обмен трудовыми ресурсами происходит между городом Москвой и Московской областью, учитывая, что между данными регионами сложилась масштабная маятниковая миграция. В рамках реализации Соглашения между правительством Москвы и правительством Московской области Департамент и Комитет по труду и занятости населения Московской области координируют свою деятельность в сфере занятости населения при решении проблем, возникающих на рынке труда.

Во-вторых, для преодоления территориальных барьеров между работодателем и соискателем рабочего места применяются новые технологии трудоустройства, в том числе основанные на современных средствах связи.

На мероприятиях, организуемых Департаментом труда и занятости населения города Москвы во взаимодействии с региональными службами занятости, гражданам из регионов России предлагают рабочие места, предназначенные для иностранцев. В число таких мероприятий по трудоустройству входят:

- межрегиональные ярмарки вакансий в режиме видеоконференций, проводимые на базе Государственного бюджетного учреждения города Москвы «Московский центр трудового обмена»;
- выездные ярмарки вакансий в субъектах РФ, входящих в состав Центрального федерального округа (ежегодно в 4 регионах);
- городские акции «День трудовой мобильности населения», где организуются встречи работодателей и соискателей рабочих мест как очно, так и в режиме видеоконференций с другими регионами.

В-третьих, осуществляется подбор персонала в создаваемые в столице государственные бюджетные учреждения города Москвы «Жилищник» (далее — ГБУ «Жилищник»), предоставляющие жилищные, коммунальные и прочие услуги, включая управление многоквартирными домами, благоустройство территорий и содержание объектов коммунальной и инженерной инфраструктуры. В 2014 г. в столице создано 46 ГБУ «Жилищник», в 2015 г. запланировано открыть еще 39, а на 2016 — 41. По состоянию на 28.08.2014 в банке вакансий Московской службы занятости имелась 12 741 вакансия в ГБУ «Жилищник». Размер заработной платы в данных учреждениях на уровне или выше среднероссийского, например по должности «слесарь-сантехник» и «электромонтажник» от 30 тыс. руб., «инженер» — от 40 тыс. руб. Важно, что у ГБУ «Жилищник» имеется возможность предоставлять жилье иногородним работникам.

Учитывая большой потенциал для трудоустройства в ГБУ «Жилищник», правительство Москвы поставило задачу предоставлять рабочие места в данных учреждениях прежде всего российским гражданам. Данную задачу решают Департамент труда и занятости населения города Москвы, префектуры административных округов, сами учреждения, подбирая персонал в ГБУ «Жилищник» с помощью публикаций на интернет-ресурсах и в региональных СМИ, ярмарок вакансий, взаимодействия со службами занятости субъектов Российской Федерации.

С целью активизировать работу по замещению иностранных работников гражданами из регионов России в качестве планового показателя подпро-

граммы «Развитие рынка труда и содействие занятости населения города Москвы» Государственной программы города Москвы «Стимулирование экономической активности» на 2012–2018 годы [16] Департамент труда и занятости населения города Москвы предложил использовать долю трудоустроенных граждан из субъектов Российской Федерации в общей численности граждан, нашедших работу при содействии службы занятости, в том числе по заявкам государственных учреждений, включая ГБУ «Жилищник». В январе-августе 2014 г. Московская служба занятости трудоустроила 5,8 тыс. человек из числа иногородних, что составило 7,2% общей численности трудоустроенных.

Список литературы

1. Волох В.А. Актуальные проблемы модернизации управления трудовой миграцией в Российской Федерации // *Кадровик. Кадровый менеджмент*. 2011. № 7. С. 84–91.
2. Воробьева О.Д. Рынок труда и миграция. М.: МАКС Пресс, 2011. 76 с.
3. Топилин А.В. Общий рынок труда и социальное пространство стран СНГ // *Социальная политика и социальное партнерство*. 2012. № 12. С. 5–13.
4. Косенко О.И. Трудовая иммиграция: основные тенденции // *Труд и социальные отношения* 2010. № 12. С. 3–12.
5. Нелегальная миграция в Российской Федерации. Справочная информация. ИТАР ТАСС. itar-tass.com/spravochnaya-informaciya/691935.
6. Бизюков П.В. Практики регулирования трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости. М.: АНО «Центр социально-трудовых прав», 2013. 152 с.
7. Бобков В., Черных Е., Алиев У., Курильченко Е. Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений // *Уровень жизни населения регионов России*. 2011. № 5. С. 13–26.
8. Проект федерального закона № 535567-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в части осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами по патентам и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». asozd.duma.gov.ru.
9. Аналитический доклад по вопросу соответствия реальной оплаты труда иностранного работника размеру оплаты труда, указанному работодателем в заявке о потребности в привлечении иностранной рабочей силы (приложение к письму Министра труда и социальной защиты Российской Федерации от 21.03.2014 № 16-4/10/П-1353).

References

1. Volokh V.A. Aktual'nye problemy modernizatsii upravleniya trudovoy migratsiei v Rossiyskoy Federatsii [Actual problems of modernization of the management of labor migration in the Russian Federation]. *Kadrovik. Kadrovyy menedzhment* [Personnel. Human Resource Management]. 2011, I. 7, pp. 84–91.
2. Vorob'eva O.D. *Rynok truda i migratsiya* [Labor market and migration]. Moscow, MAKS Press Publ., 2011. 76 p.
3. Topilin A.V. *Obshchiy rynek truda i sotsial'noe prostranstvo stran SNG* [Common labor market and social space of the CIS]. *Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo* [Social Policy and Social Partnership]. 2012, I. 12, pp. 5–13.
4. Kosenko O.I. *Trudovaya immigratsiya: osnovnye tendentsii* [Labor immigration: main trends]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya 2010* [Labour and Social Affairs 2010]. I. 12, pp. 3–12.
5. *Nelegal'naya migratsiya v Rossiyskoy Federatsii. Spravochnaya informatsiya. ITAR TASS*. [Illegal Migration in the Russian Federation. Background. ITAR-TASS]. Available at: itar-tass.com/spravochnaya-informaciya/691935.
6. Bizyukov P.V. *Praktiki regulirovaniya trudovykh otnosheniy v usloviyakh neustoychivoy zanyatosti* [Practice of labor relations in an unstable employment]. Moscow, "Center for Social and Labor Rights" Publ., 2013. 152 p.
7. Bobkov V., Chernykh E., Aliev U., Kuril'chenko E. *Neustoychivost' zanyatosti: negativnye storony sovremennykh sotsial'no-trudovykh otnosheniy* [Instability of employment: the negative aspects of modern social and labor relations]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2011, I. 5, pp. 13–26.
8. *Proekt federal'nogo zakona 535567-6 «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty v chasti osushchestvleniya trudovoy deyatel'nosti inostrannymi grazhdanami po patentam i priznaniyu utrativshimi silu otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii»* [Draft Federal Law 535567-6 «On Amendments to Certain Legislative Acts in respect of the implementation of work foreign-

10. Соглашение о минимальной заработной плате в городе Москве на 2014 год между Правительством Москвы, московскими объединениями профсоюзов и московскими объединениями работодателей (заключено 11.12.2013). Консультант-Плюс.
11. Проект федерального закона № 393946-6 «О внесении в Трудовой кодекс Российской Федерации изменений, связанных с особенностями осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами». <http://asozd2.duma.gov.ru>.
12. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации). Консультант-Плюс.
13. Федеральный закон от 28.06.2014 № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования». Консультант-Плюс.
14. Три зарплаты — и до свидания // Российская Газета. 2014. № 6422.
15. Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». Консультант-Плюс.
16. Постановление Правительства Москвы от 11.10.2011 № 477-ПП «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Стимулирование экономической активности» на 2012–2018 годы». Консультант-Плюс.
17. *Залеская О.В.* Китайские мигранты на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XXI вв.: основные вехи присутствия и деятельности // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1. С. 115–120.
18. *Мотрич Е.Л., Найден С.Н., Грицко М.А.* Население и уровень жизни дальневосточных окраин: вектор миграционных потоков Камчатки // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 8. С. 79–90.
19. *Мотрич Е.Л.* Миграция в воспроизводстве населения на российском Дальнем Востоке // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1. С. 25–32.
20. *Васильева А.В., Тарасьев А.А.* Оценка выпадающих налоговых поступлений в бюджеты субъектов Российской Федерации от нелегальной деятельности трудовых мигрантов (на примере Свердловской области) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6. С. 129–137.
21. *ers Patent and Invalidating Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation.*” asozd.duma.gov.ru.
9. *Analiticheskiy doklad po voprosu sootvetstviya real'noy opłaty truda inostrannogo rabotnika razmeru opłaty truda, ukazanomu rabotodatelem v zayavke o potrebnosti v privilechenii inostrannoy rabochey sily (prilozhenie k pis'mu Ministra truda i sotsial'noy zashchity Rossiyskoy Federatsii ot 21.03.2014 16-4/10/P-1353)* []. (in Russian)
10. *Soglashenie o minimal'noy zarabotnoy plate v gorode Moskve na 2014 god mezhdru Pravitel'stvom Moskvy, moskovskimi ob"edineniyami profsoyuzov i moskovskimi ob"edineniyami rabotodateley (zaklyucheno 11.12.2013)* [Agreement on minimum wage in Moscow in 2014 between the Government of Moscow, Moscow Moscow trade unions and employers' associations (signed 11.12.2013)]. Konsul'tant-Plyus [Consultant Plus].
11. *Proekt federal'nogo zakona 393946-6 «O vnesenii v Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii izmeneniy, svyazannykh s osobennostyami osushchestvleniya trudovoy deyatel'nosti inostrannymi grazhdanami* [Draft Federal Law 393946-6 «On introducing the Labour Code of the Russian Federation changes associated with the peculiarities of the implementation of the employment of foreign nationals.». Available at: <http://asozd2.duma.gov.ru>.
12. *Kontseptsiya gosudarstvennoy migratsionnoy politiki Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda (utv. Prezidentom Rossiyskoy Federatsii)* [The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the. President of the Russian Federation)]. Konsul'tant-Plyus [Consultant Plus].
13. *Federal'nyy zakon ot 28.06.2014 188-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam obyazatel'nogo sotsial'nogo strakhovaniya* [The Federal Law of 28.06.2014 188-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the issues of compulsory social insurance.”]. Konsul'tant-Plyus [Consultant Plus].
14. *Tri zarplaty — i do svidaniya* [Three wages - and goodbye]. *Rossiyskaya Gazeta* [Rossiyskaya Gazeta]. 2014, I. 6422.
15. *Federal'nyy zakon ot 12.01.1996 10-FZ «O professional'nykh soyuzakh, ikh pravakh i garantiyakh deyatel'nosti* [The Federal Law of 12.01.1996 10-FZ “On Trade Unions, their Rights and Guarantees.”]. Konsul'tant-Plyus [Consultant Plus].
16. *Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 11.10.2011 477-PP «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoy programmy goroda Moskvy «Stimulirovanie ekonomicheskoy aktivnosti» na 2012-2018 gody* [Resolution of the Government of Moscow dated 11.10.2011 477-PP “On approval of the State Program of the City of Moscow” Stimulating economic activity “for 2012-2018.”]. Konsul'tant-Plyus [Consultant Plus].
17. *Zaleskaya O.V.* Kitayskie migranty na rossiyskom Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX — nachale XXI vv.: osnovnye vekhi prisutstviya i deyatel'nosti [Chinese migrants in the Russian Far East in the second half of XIX - beginning of the XXI century .: major milestones presence and activities]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1, pp. 115–120.
18. *Motrich E.L., Nayden S.N., Gritsko M.A.* Naselenie i uroven' zhizni dal'nevostochnykh okrain: vektor migratsionnykh potokov Kamchatki [Population and living standards of the Far Eastern suburbs: vector migration Kamchatka]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living

- Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 8, pp. 79–90.
19. Motrich E.L. Migratsiya v vosproizvodstve naseleniya na rossiyskom Dal'nem Vostoke [Migration in the reproduction of the population in the Russian Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1, pp. 25–32.
  20. Vasil'eva A.V., Taras'ev A.A. Otsenka vydayushchikh nalogovykh postupleniy v byudzhety sub"ektov Rossiyskoy Federatsii ot nelegal'noy deyatel'nosti trudovykh migrantov (na primere Sverdlovskoy oblasti) [Evaluation shortfall in tax revenues to the budgets of subjects of the Russian Federation from the illegal activity of migrant workers (for example, Sverdlovsk region)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6, pp. 129–137.

Срочные трудовые договоры: влияние на движение рабочей силы и рабочих мест¹

Fixed-Term Contracts: Impact on the Worker Flows and Job Flows

Получено 12.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 331.5

DOI: 10.12737/7398

СМИРНЫХ Л.И.

д-р экон. наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).
Российская Федерация, Москва, Шаболовка, 26, корпус 4, комн. 4332.
E-mail: lsmirnykh@hse.ru

SMIRNYKH L.I.

Doctor of Economics, Professor at the National Research University «Higher School of Economics» (NRU HSE).
Room 4332, Building 4, 26 Shabolovka, Moscow 111419, Russia.
E-mail: lsmirnykh@hse.ru

Аннотация

В России масштабы использования срочных трудовых договоров сопоставимы с другими странами. Срочные трудовые договоры позволяют предприятиям адаптироваться к колебаниям спроса; дают возможность проводить отбор работников по производительности на постоянные рабочие места; формировать буфер для защиты постоянных рабочих мест.

Цель данного исследования: определить последствия использования предприятиями срочных трудовых договоров для функционирования российского рынка труда.

Проблема. С одной стороны, за счет использования срочных трудовых договоров предприятия могут добиваться наилучшего соответствия между работниками и рабочими местами. На одни и те же рабочие места они могут многократно нанимать и увольнять с них работников, что приведет к росту трудовой мобильности и движению рабочей силы на рынке труда. Срочные трудовые договоры означают для работников снижение защиты занятости, а для предприятий — уменьшение издержек использования труда. Они могут воздействовать на перераспределение рабочей силы от менее производительных предприятий к более производительным. Они могут влиять на создание и ликвидацию рабочих мест, отражаясь на движении рабочих мест на рынке труда.

Предмет данного исследования: влияние срочных трудовых договоров на движение рабочей силы и рабочих мест.

Объектом исследования были предприятия с численностью работников не менее 10 человек шести отраслей экономики (добыча полезных ископаемых, промышленность, строительство, транспорт и связь, торговля, финансы и бизнес-услуги). С использованием двухшагового метода наименьших квадратов (2SLS) оценивалось влияние срочных трудовых договоров на наем и увольнение работников, создание и ликвидацию рабочих мест. С применением обобщенного метода моментов (GMM) рассчитывалось влияние срочных трудовых договоров на «холостой» оборот рабочей силы. Исследование выполнено на данных по российским предприятиям (2009–2011 гг.).

В результате установлено, что предприятия со срочными трудовыми договорами чаще нанимают и увольняют работников. Срочные трудовые договоры способствуют перераспределению рабочей силы на рынке труда и повышают его гибкость. Но с увеличением числа срочных трудовых договоров снижается движение рабочих мест. Под влиянием срочных трудовых договоров предприятия чаще ликвидируют рабочие места, чем создают их. На предприятиях со срочными трудовыми договорами возрастает «холостой» оборот рабочей силы, но снижается вероятность перехода работников на постоянные рабочие места.

Ключевые слова: срочные трудовые договоры, создание рабочих мест, оборот рабочей силы, оборот рабочих мест, защита занятости.

Abstract

In Russia, the extent of the use of fixed-term contracts is comparable with that in other countries. Fixed-term contracts allow businesses to adapt to fluctuations in demand; allow for the selection of employees for performance on permanent jobs; form a buffer to protect permanent jobs.

The Purpose of the Study is to determine the effects of the business use fixed-term contracts for the operation of the Russian labour market.

Problem. On the one hand, due to the use of fixed-term contracts, enterprises can achieve the best match between workers and jobs. At one and the same jobs they can be re-hire and fire workers with them, which will lead to an increase in labour mobility and movement of labour in the labour market. Fixed-term contracts for workers mean reduction of employment protection and the reduction of costs for the enterprises use labour. They can affect the reallocation of labour from less productive firms to more productive firms. They can influence the creation and elimination of jobs, reflecting on the movement of jobs in the labour market.

The Subject of the Study is the effect of fixed-term contracts on the labour movement and the movement of jobs.

The Object of the Study. Companies employing at least 10 people in six industries (mining, manufacturing, construction, transport and communications, trade, finance and business services) were studied. By using two step method of least squares (2SLS) the effect of fixed-term contracts of hiring and firing workers, the creation and elimination of jobs was evaluated. With the application of the generalized method of moments (GMM) the effect of fixed-term contracts to the “idle” labour turnover was calculated. The study was performed using the data of Russian enterprises (2009–2011).

As a result, it was found out that companies with fixed-term contracts often hire and fire workers at the same time more often. Fixed-term contracts contribute to the redistribution of the labour force in the labour market and increase its flexibility. However, with the increasing number of fixed-term contracts movement of jobs is reduced. Under the influence of fixed-term contracts the enterprises liquidate jobs much oftener than they create them. “Idle” labour turnover increases but transition workers into permanent jobs is less likely at the enterprises with fixed-term contracts.

Keywords: fixed-term contracts, job creation, labour turnover, the turnover of jobs, employment protection.

¹ Исследование выполнено в рамках проекта лаборатории исследований рынка труда «Взаимодействие внутренних и внешних рынков труда в российской экономике», поддержанного Центром фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2013–2014 гг.

1. Введение

В России масштабы использования срочных трудовых договоров сопоставимы с другими странами, например со странами большой семерки¹ [Фара, Иодиче, 2013, с. 13–14]. В 2008–2013 гг. доля срочных трудовых договоров в этих странах сохранялась на уровне 9%, в России — 14% в 2008 г. и 9% в 2013 г. При этом срочные трудовые договоры используют более 1/3 всех российских предприятий, и это влияет на функционирование российского рынка труда. Использование срочных трудовых договоров позволяет предприятиям адаптироваться к колебаниям спроса; дает возможность проводить отбор работников по производительности на постоянные рабочие места; формировать буфер для защиты постоянных рабочих мест при относительно низких, почти нулевых финансовых издержках².

За счет использования срочных трудовых договоров повышается трудовая мобильность и происходит перераспределение рабочей силы [Пашин, 2013, с. 77–79]. В странах с высоким уровнем защиты занятости увеличение доли срочных трудовых договоров приводит к росту оборота рабочей силы [6]. Ведь предприятия, которые используют срочные трудовые договоры, не только чаще нанимают, но и чаще увольняют работников, увеличивая оборот рабочей силы [9].

Срочные трудовые договоры могут влиять на занятость через создание (ликвидацию) рабочих мест [4]. В одних случаях рост срочных трудовых договоров может приводить к сокращению занятости и снижать создание рабочих мест — если предприятия заранее переводят работников на срочные трудовые договоры, стремясь снизить выплаты увольняемым работникам при ожидаемом падении спроса (планируемом) или при сокращении постоянных рабочих мест [12], либо в силу сезонного характера деятельности предприятия могут увеличивать долю срочных трудовых договоров, и как следствие, создавать временные рабочие места, сокращая при этом количество бессрочных трудовых договоров, заменяя постоянные рабочие места временными [6].

В других случаях изменения количества срочных и бессрочных трудовых договоров могут происходить в одном направлении, но в разных пропорциях. Рост (сокращение) срочных трудовых договоров может увеличивать (уменьшать) создание постоянных рабочих мест. На гибких рынках труда различия в издержках использования пред-

приятиями срочных и бессрочных трудовых договоров незначительные [11]. На них адаптация предприятий к колебаниям спроса происходит за счет срочных и бессрочных трудовых договоров (Smith, 2007). При повышении или стабильном уровне спроса на продукцию предприятий в долгосрочной перспективе рост срочных трудовых договоров может происходить одновременно с увеличением количества постоянных рабочих мест.

Для российского рынка труда характер, с одной стороны, формальная жесткость с различиями в защите занятости между срочными и бессрочными трудовыми договорами, а с другой — фактически высокая степень гибкости рынка труда с относительно высоким уровнем оборота рабочей силы (55–63%) [1]. При этом коэффициенты создания (8–10%) и ликвидации рабочих мест (10–13%) свидетельствуют о размерах реаллокации рабочих мест, которые сопоставимы в целом с аналогичными данными по США (18%) и выше средневропейских (10%). Они показывают, что происходит переброска рабочих мест — от предприятий с сокращающейся занятостью на предприятия с расширяющейся занятостью [1]. Перераспределение рабочей силы и рабочих мест в российской экономике имеет черты, схожие с другими странами, и происходит под влиянием тех же рыночных сил, что и в экономиках развитых стран [8].

Вклад срочных трудовых договоров в оборот рабочей силы, создание и реаллокацию рабочих мест на российском рынке труда и их влияние на занятость остаются пока не ясны [Миммо Карьеры, 2013, с. 18–21]. Исследования, которые проливали бы на это свет, в настоящее время отсутствуют. В данном исследовании восполнен пробел, указывая характеристику институтов регулирования срочных трудовых договоров, проводится анализ влияния срочных трудовых договоров на наем/увольнение рабочей силы, создание/ликвидацию рабочих, а также на соотношение оборота рабочей силы и рабочих мест и разницы между ними в виде «холостого» оборота рабочей силы. На этом основании раскрывается влияние срочных трудовых договоров на занятость, объясняются его причины и последствия.

2. Регулирование срочных трудовых договоров

По Трудовому кодексу РФ предприятия имеют право заключать срочные трудовые договоры максимум на пять лет, но не с каждым работником и не на все виды работ [3]. Срочный трудовой

¹ Великобритания, США, Канада, Япония, Германия, Франция, Италия.

² В данном случае имеются в виду издержки, связанные с защитой занятости.

договор предусмотрен для случаев, когда трудовые отношения не могут быть установлены на неопределенный срок с учетом характера предстоящей работы или условий ее выполнения (ст. 58 ТК РФ). Основаниями для заключения срочного трудового договора (ст. 57 ТК РФ) являются:

- 1) временное отсутствие работника, за которым сохраняется место работы;
- 2) выполнение работы, имеющей временный характер (до двух месяцев или сезонная);
- 3) проведение работ, выходящих за рамки обычной деятельности, а также неотложных работ;
- 4) проведение работ, связанных с расширением производства, если заранее известно, что это имеет временный (до одного года) характер;
- 5) выполнение работ, связанных со стажировкой (практикой) и дополнительным профессиональным обучением;
- 6) выполнение заведомо определенной по времени работы, дата завершения которой неизвестна;
- 7) если нанимаемый работник является студентом-очником, пенсионером по возрасту или совместителем, если он нанимается на должность руководителя или главного бухгалтера, избирается по конкурсу на замещение должности, а также в других случаях, предусмотренных Трудовым кодексом РФ или иными федеральными законами.

Малые предприятия, включая индивидуальных предпринимателей, могут заключать срочные трудовые договоры, если численность их работников не превышает 35 человек (в сфере розничной торговли и бытовом обслуживании — 20 человек).

Срочные трудовые договоры используются предприятиями не только по причинам, указанным в трудовом законодательстве, но и с целью адаптации к колебаниям спроса и при отборе работников — как более продолжительный испытательный срок.

В чем состоят выгоды предприятий от использования срочных трудовых договоров? На первый взгляд, работники со срочными трудовыми договорами имеют права на такие же социальные гарантии, как работники с бессрочными (стандартными) трудовыми договорами [Троицкая, 2013, с. 71–79]. Но при этом они не имеют права на выходное пособие в случае увольнения в силу срочного характера трудового договора. Таким образом, для предприятий увольнение работников со срочными трудовыми договорами менее затратное, а использование рабочей силы по срочным трудовым договорам более выгодно, чем по бессрочным трудовым договорам.

Однако выгоды от использования предприятиями срочных трудовых договоров уменьшаются в связи

с ограничениями, которые предусмотрены для них в российском трудовом законодательстве. Предприятиям в России запрещается заключать срочные трудовые договоры, если будет установлено, что они уклоняются от предоставления работникам прав и гарантий (ст. 58 ТК РФ). Однако российские предприятия не имеют права заключать подряд несколько срочных трудовых договоров с одним и тем же работником для выполнения одной и той же трудовой функции, в отличие от предприятий во многих европейских странах. В случае установления факта такого нарушения суд вправе признать трудовой договор бессрочным [2]. Кроме того, срочный трудовой договор, который заключается по соглашению сторон, может быть признан в России бессрочным, если суд решит, что к заключению срочного трудового договора работника принуждали. По истечении срока срочного трудового договора, если работник продолжает работать и работодатель не требует расторжения договора, он считается заключенным на неопределенный срок (ст. 58 ТК РФ). Если в срочном трудовом договоре не указан срок его действия, то он автоматически будет считаться заключенным на неопределенный срок, т.е. бессрочным (ст. 58 ТК РФ). Все эти институциональные ограничения удерживают предприятия от использования срочных трудовых договоров.

3. Данные и методика

Для исследования влияния срочных трудовых договоров на создание рабочих мест и занятость использованы данные опроса предприятий «Взаимодействие внутренних и внешних рынков труда»³ (ВВВРТ) за 2009–2011 гг. Выборка репрезентативна по России в целом. Она содержит как текущую, так и ретроспективную (за предыдущий год) информацию о предприятиях. Это позволяет анализировать данные за 2008–2011 гг. Размер выборки по годам составляет в среднем 1000–2000 предприятий с численностью работников не менее 10 человек в 2009 г., не менее 50 человек в 2010–2011 гг. ряда отраслей экономики (добыча полезных ископаемых, промышленность, строительство, транспорт и связь, торговля, финансы и бизнес услуги).

Данные содержат информацию по основным показателям и направлениям деятельности предприятий. Они позволяют проводить анализ, учитывая разнородность предприятий по характеристикам финансово-хозяйственной деятельности,

³ Опрос предприятий выполнен Лабораторией исследования рынков труда в рамках проекта Центра фундаментальных исследований (ЦФИ) НИУ ВШЭ.

положению на рынке, кадровой политике, организации труда, а также по размеру, форме собственности, возрасту и т.п. Также данные дают возможность оценивать отдельные направления кадровой политики предприятий, включая виды (общее/специфическое) и формы (формальное/неформальное) обучения работников, способы и размеры его финансирования, а также содержат информацию об использовании предприятиями срочных трудовых договоров и о количестве работников со срочными трудовыми договорами. Для получения более точных оценок использованы данные для непрерывно действующих предприятий, которые составили в выборке 98%. Выборка охватывает крупные, средние и малые предприятия и не учитывает «предприятия-одногодники», которые были созданы и затем ликвидированы в течение одного отчетного года.

На первом этапе определялась среднесписочная численность работников (L_j), которые заняты на предприятии j в течение времени $t-1$ и t^4 , вычислялось изменение занятости (ΔL_{jt}). При этом предполагалось: (1) все рабочие места внутри предприятий идентичны, (2) на предприятиях нет вакансий. Если $\Delta L_{jt} = 1$, то предприятие создавало одно рабочее место, а если $\Delta L_{jt} = -1$, то предприятие ликвидировало одно рабочее место. Оборачиваемость рабочих мест определялась как сумма создаваемых и ликвидируемых рабочих мест. Данный подход соответствует методике Девиса и Хелтивангера [10]. Базируясь на ней, предприятия были разделены на группы — с растущей занятостью («создатели» рабочих мест), с убывающей занятостью («ликвидаторы» рабочих мест) и с неизменным уровнем занятости («держатели» рабочих мест).

Далее рассчитывался оборот рабочей силы как сумма наймов H_{jt} и увольнений S_{jt} работников в течение времени t и $t-1^6$. «Холостой» оборот рабочей силы⁷ определялся как разность между оборотом рабочей силы и оборотом рабочих мест.

Влияние срочных трудовых договоров на занятость оценивалось с помощью системы уравнений следующего вида:

$$\begin{cases} lch_j = \beta_0 + \beta_1 tr_j + \beta_2 X_{ij} + v_j \\ tr_j = \alpha_0 + \alpha_1 work + \alpha_2 flw + \tau_j \end{cases}$$

где: lch — оборот рабочей силы (создание рабочих мест; чистое изменение занятости, «холостой» оборот рабочей силы); tr — доля срочных трудовых договоров; $work$ — доля рабочих в среднесписочной численности работников предприятия; flw — использование предприятием гибкой заработной платы (зарплата зависит от результатов деятельности предприятия — высокая доля переменной части в структуре заработной платы; невыплата заработной платы); X_i — объясняющие переменные, характеризующие предприятия (возраст, форма собственности), в количестве $i = 1, \dots, m$; i — количество объясняющих переменных; j — количество единиц наблюдения (предприятий); τ_j и v_j — случайные ошибки.

Поскольку срочные трудовые договоры являются эндогенным регрессором⁸ в первом уравнении системы, оценки, полученные при помощи простой линейной регрессии, оказались бы смещенными и не состоятельными. Учитывая это, оценка системы уравнений проводилась с использованием нескольких эмпирических методов⁹: двухшагового метода наименьших квадратов (2SLS) и обобщенного метода моментов (GMM). Применение нескольких методов позволило сравнить результаты, полученные с учетом различных критериев точности моделей. Предварительное тестирование инструментов¹⁰ подтвердило, что их использование дает более точные оценки, чем расчеты моделей на основе простого метода наименьших квадратов (OLS).

4. Срочные трудовые договоры, найм и увольнения работников

Как показывают результаты исследования, вероятность найма работников на российских пред-

⁴ В данном случае игнорировались различия между полной (full-time) и неполной (part-time) занятостью.

⁵ Учитывались как вынужденные, так и добровольные увольнения.

$$h_{jt} = \frac{H_{jt}}{0,5(L_{jt} + L_{j,t-1})}$$

$$s_{jt} = \frac{S_{jt}}{0,5(L_{jt} + L_{j,t-1})}$$

⁷ Характеризует трудовую мобильность, которая не связана с движением рабочих мест. Позволяет идентифицировать потенциальные проблемы соответствия между работодателями (предприятиями) и работниками и показывает, какая часть общего оборота рабочей силы приводит к чистому изменению занятости.

⁸ Эндогенность данного регрессора объясняется наличием ненаблюдаемых переменных (например, качество менеджмента), которые оказывают одновременное влияние и на него, и на зависимую переменную.

⁹ Поскольку данные не панельные, контроль ненаблюдаемой разнородности путем расчета фиксированных эффектов недоступен.

¹⁰ В качестве инструментальных переменных использованы показатели доли рабочих на предприятии и гибкости заработной платы, которые, по определению, коррелируют с объясняющей эндогенной переменной (доля срочных трудовых договоров) и не коррелируют со случайной ошибкой.

приятных различалась в зависимости от использования ими срочных трудовых договоров. Большинство российских предприятий (70%) нанимали работников, но при этом предприятия со срочными трудовыми договорами делали это чаще (84,26%), чем предприятия, на которых таких договоров не было (62,80%).

При падении спроса (в период кризиса 2008–2009 гг.) количество предприятий, которые нанимали работников, сократилось до 42%. Но сокращение произошло в основном на предприятиях с бессрочными трудовыми договорами. Среди них количество нанимающих предприятий снизилось до 37%, а на предприятиях со срочными трудовыми договорами — только до 61%.

После постепенного выхода из кризиса в 2010–2011 гг. многие предприятия (81%) возобновили наем работников. В основном это предприятия со срочными трудовыми договорами (90%), в меньшем количестве — предприятия, которые их не использовали (77%).

Несмотря на большое количество предприятий, которые осуществляли наем, общее число нанимаемых ими работников, сократилось на 31%. Наибольшее сокращение произошло на предприятиях, которые не использовали срочные трудовые договоры (–39%). На предприятиях со срочными трудовыми договорами сокращение было в два раза меньше (–16,37%). В итоге предприятия со срочными трудовыми договорами нанимали не только чаще, но и большее количество работников, чем предприятия, которые не использовали срочные трудовые договоры.

Если предприятия со срочными трудовыми договорами нанимают больше работников, то доля таких договоров в общем объеме найма может быть относительно высокой. Однако, как показывают результаты, в России доля срочных трудовых договоров в общем объеме найма была относительно небольшой (15%) по сравнению с другими странами (например, в Германии 45–47%) [7]. Даже на предприятиях со срочными трудовыми договорами эта доля составляла около трети (28%) всех нанимаемых работников [Миммо Карьерри, 2013, с. 22–24]. Таким образом, предприятия со срочными трудовыми договорами нанимают работников чаще и в большем количестве. При этом они нанимают работников преимущественно на условиях бессрочных трудовых договоров и гораздо меньше — на условиях срочных трудовых договоров.

Не только наем, но и увольнения происходили чаще на предприятиях, которые использовали срочные трудовые договоры. Если на предприятиях с бессрочными трудовыми договорами увольнения составляли 10%, то на предприятиях со срочными

трудовыми договорами — почти 16%. Рост найма и увольнений на предприятиях со срочными трудовыми договорами приводил к росту оборота рабочей силы. Если на предприятиях с бессрочными трудовыми договорами оборот рабочей силы составлял 20,3%, то на предприятиях со срочными трудовыми договорами — 33%.

5. Срочные трудовые договоры, создание и ликвидация рабочих мест

Предприятия со срочными трудовыми договорами встречались чаще среди «ликвидаторов» (37%) и «создателей» (33%) рабочих мест, реже среди «держателей» рабочих мест (27%). Однако на всех предприятиях («создателях», «ликвидаторах» и «держателях» рабочих мест) количество срочных трудовых договоров было приблизительно одинаковым¹¹ — в пределах 6% [Яковлев, 2013, с. 84–92].

Количество рабочих мест, которые создавались и ликвидировались российскими предприятиями, было практически одинаковым (8%). При этом предприятия со срочными трудовыми договорами меньше создавали и меньше ликвидировали рабочих мест, чем предприятия с бессрочными трудовыми договорами (табл. 1). Это отразилось на соотношении между наймом и созданием рабочих мест и на соотношении между увольнениями и ликвидацией рабочих мест. Эти соотношения в целом были равны 2, как и во многих странах [5]. При этом на предприятиях со срочными трудовыми договорами они были в среднем в 2 раза выше, чем на предприятиях, которые не использовали срочные трудовые договоры (табл. 1).

В итоге при одинаковых масштабах применения срочных трудовых договоров на одних предприятиях это приводило к созданию, а на других — к ликвидации или сохранению существующих рабочих мест. Соотношение между наймом и созданием рабочих мест, а также между увольнениями и ликвидацией рабочих мест на предприятиях было выше, чем в среднем по экономике. Срочные трудовые договоры по-разному влияли на оборот рабочей силы и рабочих мест.

6. Срочные трудовые договоры, оборот рабочей силы и оборот рабочих мест

Оборот рабочей силы может складываться как за счет создания (ликвидации) рабочих мест, так и за счет замены одних работников другими на

¹¹ Тест о равенстве средней численности работников со срочными трудовыми договорами на предприятиях незначимый (F-test = 0,75).

Таблица 1

Срочные трудовые договоры, движение работников и рабочих мест, %

Условия контрактации на предприятиях, страны	Создание рабочих мест	Наем	Ликвидация рабочих мест	Увольнения	Найм/создание рабочих мест	Увольнения/ликвидация рабочих мест
Бессрочные трудовые договоры	8,4	10,3	7,8	10,0	1,2	1,3
Срочные трудовые договоры	6,1	17,3	7,0	15,7	2,8	2,2
Всего Россия	7,8	12,6	7,5	11,8	1,6	1,6
США ¹	7,9	14,9	7,6	14,8	1,9	1,9
Соотношение: Россия/США	0,98	0,84	0,99	0,80		

стабильно существующих рабочих местах. Поэтому оборот рабочей силы может быть равен или существенно превышать оборот рабочих мест. Ведь заполнение вновь созданного рабочего места не всегда происходит с первой попытки, а наем и выбытие могут повторяться (причем многократно) на рабочих местах, которые сами не вовлечены в движение. Кроме того, появление нового рабочего места на одном предприятии может породить цепочку перемещений работников между группой предприятий.

Разность между оборотом рабочей силы и оборотом рабочих мест формирует «холостой» оборот рабочей силы [Бруно Манги, 2013, с. 11–12]. Он показывает, какая часть перемещений работников не продиктована перераспределением рабочих мест между предприятиями и осуществляется независимо от него. В силу этого он наиболее подходит для характеристики влияния срочных трудовых договоров на перераспределительные процессы на рынке труда.

«Холостой» оборот рабочей силы имеет как положительное, так и отрицательное значение для экономики. Положительная сторона «холостого» оборота — обеспечение более точного соответствия между качественными характеристиками рабочей силы и рабочих мест. В результате адаптации работников к рабочим местам достигается лучшее соответствие между работниками и рабочими местами, что приводит к росту производительности труда. Отрицательная сторона — перемещение работников в рамках ограниченного количества рабочих мест. Ведь повышение гибкости рынка труда и сокращение продолжительности занятости на одном рабочем месте при отставании темпов создания рабочих мест могут сдерживать реструктуризацию экономики и перестройку структуры занятости.

Результаты показывают, что полученный на наших данных общий объем реаллокации рабочих мест для российских предприятий (18–20%) совпадает со значениями этого показателя для того же периода, полученными на данных Росстата (18–21%) [1]. Коэффициент избыточного оборота

рабочих мест составил на наших данных в среднем 15% (по данным Росстата — 16–20%), т.е. оборот рабочих мест был на 2/3 связан с их переброской с предприятий с сокращающейся занятостью на предприятия с расширяющейся занятостью. На непрерывно действующих предприятиях оборот рабочих мест был ниже (15,3%). При этом он был выше на предприятиях с бессрочными трудовыми договорами (16,3%), чем на предприятиях, которые использовали срочные трудовые договоры (13,2%).

Размеры «холостого» оборота рабочей силы различались, но обратным образом. «Холостой» оборот рабочей силы, как и предполагалось, был выше на предприятиях со срочными трудовыми договорами (20%) и ниже на предприятиях, которые их не использовали (4%)¹². В результате на предприятиях со срочными трудовыми договорами валовой оборот рабочей силы лишь на 1/3 связан с процессами создания или ликвидации рабочих мест, а на 2/3 объяснялся «холостым» оборотом рабочей силы. На предприятиях с бессрочными трудовыми договорами, наоборот, валовой оборот рабочей силы более чем на 2/3 формировался за счет создания или ликвидации рабочих мест и менее чем на 1/3 — «холостым» оборотом рабочей силы.

7. Срочные трудовые договоры и занятость

Использование российскими предприятиями срочных трудовых договоров увеличивало наем и одновременно повышало уровень увольнений работников. С ростом количества срочных трудовых договоров на 1% наем работников возрастал почти на 2% (табл. 2). При этом увеличивались и увольнения, хотя и в меньшей степени (1,12%).

За счет роста найма и увольнений повышался оборот рабочей силы. При росте количества срочных трудовых договоров на 1% оборот рабочей силы увеличивался почти на 3%. Однако срочные трудовые договоры сдерживали оборот рабочих

¹ Квартальные данные по США за 2001–2006 гг. [9].

мест. Увеличение срочных трудовых договоров на 1% приводило к снижению оборота рабочих мест на 1% (табл. 2). Различия между оборотом рабочей силы и оборотом рабочих мест формировали «холостой» оборот рабочей силы, который возрастал под влиянием срочных трудовых договоров. С увеличением количества срочных трудовых договоров на 1% «холостой» оборот рабочей силы возрастал почти на 4% (табл. 2).

С одной стороны, сокращение постоянных рабочих мест на предприятиях со срочными трудовыми договорами происходило чаще (на 18%), чем на предприятиях, которые такие договоры не использовали. С другой стороны, увеличение количества работников со срочными трудовыми договорами на 1% сокращало создание рабочих мест и уменьшало чистые изменения занятости почти на 1% (табл. 2).

Данные табл. 2 показывают, что с увеличением числа срочных трудовых договоров размеры ликвидации рабочих мест превышали размеры их создания. Таким образом, срочные трудовые договоры использовались на непрерывно действующих предприятиях чаще для ликвидации рабочих мест, чем для их создания.

8. Заключение

Срочные трудовые договоры используются предприятиями для различных целей. За счет них предприятия адаптируются к колебаниям спроса, осуществляют отбор работников на постоянные рабочие места, замещают временно отсутствующих работников, формируют буфер для защиты постоянных рабочих мест. Одним из важных след-

ствий использования срочных трудовых договоров для экономик является их влияние на движение рабочей силы и движение рабочих мест.

Как свидетельствуют результаты исследования, рост срочных трудовых договоров приводит к росту не только найма, но и увольнений рабочей силы. Это повышает оборот рабочей силы и увеличивает гибкость труда. При этом срочные трудовые договоры используются не только предприятиями, на которых сокращаются рабочие места, но и предприятиями, на которых они создаются. Хотя масштабы применения срочных трудовых договоров на всех предприятиях в среднем одинаковы (6%).

Как и следовало ожидать, различия между оборотом рабочей силы и оборотом рабочих мест были намного больше на предприятиях со срочными трудовыми договорами, чем на предприятиях с бессрочными трудовыми договорами. Использование предприятиями срочных трудовых договоров увеличивало избыточный оборот рабочей силы. Но при этом движение (наем и увольнения) работников на этих предприятиях оказывалось практически не связано с процессами создания (ликвидации) рабочих мест. В итоге соотношение между наймом и созданием рабочих мест, а также между увольнениями и ликвидацией рабочих мест на предприятиях со срочными трудовыми договорами было выше, чем в среднем по экономике. Полученные результаты подтвердили предположение о том, что использование срочных трудовых договоров, увеличивая движение рабочей силы и повышая «холостой» оборот рабочей силы, делает рынок труда более гибким и динамичным.

Таблица 2

Срочные трудовые договоры и оборот рабочей силы/рабочих мест

Показатель	2SLS		GMM	
	Козф.	Робастная стандартная ошибка	Козф.	Робастная стандартная ошибка
	Наем		Увольнения	
Срочные трудовые договоры	1,67***	0,40	1,12***	0,30
	Оборот рабочей силы		Оборот рабочих мест	
Срочные трудовые договоры	2,80***	0,66	-1,06**	0,47
	«Холостой» оборот рабочей силы			
	2SLS		GMM	
Срочные трудовые договоры	3,85***	0,94	3,76***	0,92
	Создание рабочих мест		Чистое изменение занятости	
Срочные трудовые договоры	-0,74**	0,35	-0,97**	0,42

Список литературы

1. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Рыжикова З.А. Движение рабочих мест в российской экономике: в поисках созидательного разрушения / Препринт WP3. 2012. №03. Серия WP 3. Проблемы рынка труда. С. 12.
2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2.
3. Трудовой кодекс РФ от 30.12.2001 N 197-ФЗ.
4. Amuedo-Dorantes C., Malo M. How Are Fixed-term Contracts Used by Firms? An Analysis Using Cross Job and Worker Flows // Working paper San Diego State University, Department of Economics. 2007. N 0026.
5. Bassanini A. Inside the perpetual-motion machine: cross-country comparable evidence on job and worker flows at the industry and firm level // Industrial and Corporate Change. 2010. N 19(6). P. 2097–2134.
6. Bassanini A., Garnero A. Dismissal Protection and Worker Flows in OECD Countries: Evidence from Cross-Country/Cross-Industry Data // Labour Economics. 2013. 21 (1). P. 25–41.
7. Befristete Beschaeftigung — Aktuelle Zahlen aus dem IAB-Betriebspanel // Aktuelle Date und Indikatoren. Nuernber: IAB, 2013, s. 3.
8. Brown D., Earle J. The Reallocation of Workers and Jobs in Russian Industry: New Evidence on Measures and Determinants // Economics of Transition. 2003, Vol. 11(2). P. 221–252.
9. Centeno M., Novo A. Excess worker turnover and fixed-term Contracts: Causal evidence in a two-tier system // Labor Economics. 2012. Vol. 19(3). P. 320–328.
10. Davis S., Haltiwanger J. Ch.41. Cross Job Flows // Handbook of Labor Economics. Vol. 3 / ed. by O. Ashenfelter, D. Card. Elsevier, 1999.
11. Drager V., Marx P. Do Firms Demand Temporary Workers When They Face Workload Fluctuation? Cross-Country Firm-Level Evidence on the Conditioning Effect of Employment Protection // IZA Discussion paper. 2012. № 6894.
12. Goux D., Maurin E., Pauchet M. Fixed-term contracts and the dynamics of labour demand // European Economic Review. 2001. N 45. P. 533–552.
13. Фара Д.-М., Иодиче А. Труд вне правового поля // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10. С. 13–14.
14. Бруно Манги. Изменения и константы в сфере трудовых отношений в Италии // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10. С. 11–12.
15. Миммо Карьеры. Европейское научное сообщество о рынке труда ЕС // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10. С. 22–24.
16. Миммо Карьеры. Актуальные изменения мира труда Италии // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10. С. 18–21.
17. Пашин Н.П. Актуальные проблемы повышения производительности труда // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 12. С. 77–79.
18. Яковлев Р.А. Реформирование оплаты труда в бюджетных учреждениях Российской Федерации (основные этапы) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11. С. 84–92.

References

1. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I., Ryzhikova Z.A. *Dvizhenie rabochikh mest v rossiyskoy ekonomike: v poiskakh sozidatel'nogo razrusheniya* [The movement of jobs in the Russian economy: in search of creative destruction]. Preprint WP3. 2012. 03. Serie WP 3. Problemy rynka truda [], p. 12.
2. *Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 17 marta 2004 g.* 2 [Resolution of the Plenum of the Supreme Court on March 17, 2004 2.]. (in Russian)
3. *Trudovoy kodeks RF ot 30.12.2001 N 197-FZ* [Labour Code of the Russian Federation of 30.12.2001 N 197-FZ.]. (in Russian)
4. Amuedo-Dorantes C., Malo M. How Are Fixed-term Contracts Used by Firms? An Analysis Using Cross Job and Worker Flows. Working paper San Diego State University, Department of Economics. 2007. N 0026.
5. Bassanini A. Inside the perpetual-motion machine: cross-country comparable evidence on job and worker flows at the industry and firm level. Industrial and Corporate Change. 2010. N 19(6). P. 2097–2134.
6. Bassanini A., Garnero A. Dismissal Protection and Worker Flows in OECD Countries: Evidence from Cross-Country/Cross-Industry Data. Labour Economics. 2013. 21 (1). P. 25–41.
7. Befristete Beschaeftigung - Aktuelle Zahlen aus dem IAB-Betriebspanel. Aktuelle Date und Indikatoren. Nuernber: IAB, 2013, s. 3.
8. Brown D., Earle J. The Reallocation of Workers and Jobs in Russian Industry: New Evidence on Measures and Determinants. Economics of Transition. 2003, Vol. 11(2), p. 221–252.
9. Centeno M., Novo A. Excess worker turnover and fixed-term Contracts: Causal evidence in a two-tier system. Labor Economics. 2012. Vol. 19(3). P. 320–328.
10. Davis S., Haltiwanger J. Ch.41. Cross Job Flows. Handbook of Labor Economics. Vol. 3 / ed. by O. Ashenfelter, D. Card. Elsevier, 1999.
11. Drager V., Marx P. Do Firms Demand Temporary Workers When They Face Workload Fluctuation? Cross-Country Firm-Level Evidence on the Conditioning Effect of Employment Protection. IZA Discussion paper. 2012, N 6894.
12. Goux D., Maurin E., Pauchet M. Fixed-term contracts and the dynamics of labour demand. European Economic Review. 2001. N 45. P. 533–552.
13. Fara D.-M., Iodiche A. Trud vne pravovogo polya [Work outside the legal field]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* []. 2013, I. 10, pp. 13–14.
14. Bruno Mangi. Izmneniya i konstanty v sfere trudovykh otnosheniy v Italii [Constant and changes in labor relations in Italy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10, pp. 11–12.
15. Mimmo Kar'eri. Evropeyskoe nauchnoe soobshchestvo o rynke truda ES [European scientific community of the EU labor market]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10, pp. 22–24.
16. Mimmo Kar'eri. Aktual'nye izmeneniya mira truda Italii [Recent changes in the world of work in Italy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Popu-

19. Троицкая А.А. Стимулирование рынком труда инновационных компонент человеческого капитала // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10. С. 71–79.
17. Pashin N.P. Aktual'nye problemy povysheniya proizvoditel'nosti truda [Actual problems of improving productivity]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 12, pp. 77–79.
18. Yakovlev R.A. Reformirovanie oplaty truda v byudzhetsykh uchrezhdeniyakh Rossiyskoy Federatsii (osnovnye etapy) [Reforming wages in budgetary institutions of the Russian Federation (main stages)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11, pp. 84–92.
19. Troitskaya A.A. Stimulirovanie rynkom truda innovatsionnykh komponent chelovecheskogo kapitala [Stimulating labor market innovative component of human capital]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10, pp. 71–79.

Виды прекаризации и развитие ее характеристик в Венгрии

Forms of Precarity and the Development of Its Characteristics in Hungary¹

Получено 18.09.2014   Одобрено 15.10.2014   Опубликовано 15.12.2014

УДК 331.5

DOI: 10.12737/7399

ДЖУДИТ КСОБА

заведующая кафедрой социологии и социальной политики, заместитель декана гуманитарного факультета университета Дебрецена, адъюнкт-профессор.
H-4032 Debrecen, Nagyerdei krt 98, Hungary.
E-mail: csoba.judit@arts.unideb.hu

JUDIT CSOBA

Head of the Department of Sociology and Social Policy, Deputy Dean of the Faculty of Humanities of the University of Debrecen, Associate Professor.
H-4032 Debrecen, Nagyerdei krt 98, Hungary.
E-mail: csoba.judit@arts.unideb.hu

Аннотация

При развитии рыночной модели, сложившейся после падения социализма и в процессе приватизации, роль государства, которая была определяющей в эпоху социализма во всех областях, постепенно снижается. В силу распространения неолберальной идеологии и экономических последствий глобализации этот процесс усилился во второй половине 1990-х годов в Венгрии. Последствия дерегулирования проявлялись практически во всех областях, но особенно — в постепенной эрозии системы институтов, которые должны были гарантировать безопасность граждан.

Параллельно с этим процессом появился широкий спектр служб благосостояния, привязанных к «обязательному труду», что привело не только к потере социального аспекта гражданства, но и к снижению важности системы демократических институтов в последние годы.

Большинство социальных групп не имеют хорошо развитых и жизнеспособных стратегий, на которые они могли бы опереться при многомерной неуверенности, все более и более влияющей на широкие классы общества, ранее поддерживаемые социальным обеспечением. Организационные структуры или органы, представляющие интересы маргинальных групп, которые могли бы обеспечить им безопасность и гарантии, почти полностью отсутствуют, а постоянное состояние перехода, потеря статуса и отсутствие будущей перспективы вызывает разочарование граждан, все более восприимчивых к популизму, обещавшему им порядок, стабильность и безопасность. Число людей, сочувствующих экстремальным движениям правого толка, значительно выросло.

Ключевые слова: прекаритет, гибкость, политика занятости, атипичная занятость, занятость по срочному контракту, неполная занятость.

Abstract

In the wake of the development of the market model that evolved as a result of the fall of socialism and the process of privatisation, the role of the state, which had played a dominant role during the socialist era in all areas, decreased gradually. Owing to the fact that neoliberal ideology gained ground, as well as to the economic effects of globalisation, this process intensified during the second half of the 1990s in Hungary just like in other countries. The effects of deregulation manifested themselves in almost all areas, but especially in the gradual erosion of the system of institutions that was meant to guarantee the security of the citizens, and in the fact that the labour market was becoming more flexible and, moreover, increasingly uncertain. In parallel to this process, a work-based society became ubiquitous, a wide range of welfare services appeared that were tied to 'compulsory work,' and this led not only to the loss of social citizenship, but also to a reduction of the importance of the system of democratic institutions during recent years.

Most social groups do not have well-developed and viable survival strategies that they could rely on in the face of the multi-dimensional uncertainty that affects increasingly broad classes of society, and that took the place of the social security that had existed earlier. Organisational structures or bodies representing the interests of marginalised groups, which could provide them with security and guarantees, are almost completely missing, and the constant state of transition, the loss of status and the lack of a future perspective make the frustrated masses more and more susceptible to extreme populism, which promises them order, stability and safety. The number of people who sympathise with extreme right-wing movements has grown considerably.

Keywords: precarity, flexibility, employment policy, atypical employment, fixed-term employment, part-time employment.

1. Appearance of the terms 'flexibility' and 'precarity', and the development of their meaning

The social inequalities that already received a lot of criticism in the West, and that were also present in socialist societies, as well as the spread of deviant

behaviour that appeared along with these problems, were becoming too serious to be ignored by the politics of that time. At the end of the 70s a new governmental research programme was launched, under the control of the state ideology, with the goal of researching types of deviance. The phenomena under examination included suicide, alcoholism and mental disorders, which the authors tried to explain with individual reasons. By contrast, poverty and social exclusion did not belong to the range of areas that were allowed to be researched openly, although there were individual studies that concentrated on just these topics. These included, for example, the studies on the sociology

¹ The current study is a shortened version of a longer study. The original study published in Csoba Judit: Labour Market flexibility and precarity in Hungary // Herrmann P., Bobkov V., Csoba J. Labour Market and Precarity of Employment Theoretical Reflections and Empirical Data from Hungary and Russia Wiener Verlag für Sozialforschung Bremen, 2014. P. 67–150.

of housing by Iván Szelényi and György Konrád at the end of the 60s (1969), the results of which triggered a considerable professional debate. This research made it obvious that the reasons behind the arising problems had been structural rather than individual. At this point we also have to mention the sociographic publications in the series «Magyarország felfedezése» (The discovery of Hungary), e.g. the study «Erdőháton, Nyíren» by Antal Végh (Végh 1972), which described in detail the undeniable deep poverty present in villages, or the book «Nagykőrös» by István Márkus, which documented the results of a study started in 1973 on the transformation of farming communities and their standard of living which was often below that of the rest of society. (Márkus 1979)

In the wake of unemployment starting to appear and affect an increasingly broad group, a new term was also being used more and more often, 'new poverty', to refer to groups that are able to work but do not have access to employment and income, distinguishing them from the traditional notion of poverty that applies to poor groups that are mostly unfit for work.

The notion of 'precarity' appeared and became more and more commonly used in Europe around the turn of the millennium, but was only introduced and became widely known in Hungary after a delay of several years.

However, the waves of crisis that have appeared since around 2000 have caught up with these groups as well, which resulted on the one hand in apathy, and on the other hand in resistance especially among young people and intellectuals. Because political subcultures, political movements and countercultures expressing specific political demands are poorly developed, the first EuroMayday, organised in Milan in 2001, which is generally considered as a turning point in the history of precarity, had a relatively small impact in this country in the first decade of the new millennium. Although MayDay festivals have been organised in Budapest since 2002, these are not related to the original spirit of the MayDay movement that started out from Milan, and are popular music conventions rather than mass movements expressing political opinions.

The Milan movement has mobilised several thousands of participants for the MayDay events each year, the organisation of these events involves more and more cities in Europe, and «in 2003, the concept of precarity emerged as the central organizing platform for a series of social struggles that would spread across the space of Europe» (Neilson and Rossiter 2008: 51), but the phenomenon was only noticed in Hungary at a relatively late point in time. The first pieces of information, blog entries and press coverage only appeared around

2005 and 2006, when EuroMayDay, the one-day anti-precarity protest action entered a crisis.

Pál Tamás wrote a short analysis about the debates concerning the precariat, which slowly started to appear in the professional discourse around the same time as in the forums above. He explains that one reason why it is difficult to reach a consensus on the content of this concept is the fact that these debates started in different political contexts. «For example, the debate in Germany started in 2006 after several surveys had found that a kind of underclass had become a constant part of German society, and it had become impossible to include the marginalised groups even into temporary employment. ... By contrast, the prominent presence of marginalised groups was not a surprise at all for Hungarian public thought (whereas the Germans had believed that at least a minimum level of solidarity was present in their country). The perception of being left to one's own devices by the state, of struggle and of insecurity is incomparably more ubiquitous in Hungarian society than in Germany.

It was only in 2012 that the concept of precarity was analysed in more detail in Hungary. The topic was addressed by two young researchers András Szépe and Bence Tordai in Helyzet Műhely and the study group called «Precariat» of the Social Theory Student Society (Társadalomelméleti Kollégium). The journal Fordulat later devoted its 19th, thematic issue to the description of this concept and to putting it into an appropriate context. Furthermore, it examined to what degree these approaches were valid for Hungary. In their introduction the editors outline the fundamental dilemmas associated with this concept: its definition is surrounded by many uncertainties; it is unclear whether we are dealing with just a fashionable concept or a new framework of interpretation; there is no generally accepted name for it; it is known that its most important element is insecurity, but there is no adequate term that covers its additional meanings. Finally, they also stress that this notion does not focus exclusively on the most deprived groups or those struggling with the most serious problems¹.

One of these attempts is a recently published article by Berger, which arrives at the concept of the precariat after discussing dilemmas of the analysis of social structure. In his opinion, «Standing's notion of the precariat describes phenomena which had been reflected upon earlier by other authors (Beck [1996], [2005]). However, it might seem that empirical analyses of social structure have taken little notice of these processes and trends.» (Berger 2013:311) Therefore he considers some constituent elements of this concept as a useful basis for the renewal of structural studies. In the

¹ Introduction to the 19th issue of Fordulat, pp. 6-7, by Balázs Bölcskei and András Szépe.

course of analysing these elements, he refers to the definition given by Szépe. According to Szépe, the concept of the precariat consists of three layers. Firstly it can be defined as a movement, secondly as a group of people whose employment situation is insecure, although this aspect does not necessarily involve the activity connected to the first definition, and thirdly we can talk about groups of people for whom insecurity is not restricted to the precariousness of their employment but has a broader significance. (Szépe 2012:11) In connection with the third level of the concept the authors point out that the general spread of insecurity is not only characteristic of groups in a marginalised situation but «imposes on the whole of society, and could potentially affect any group.» (Szépe 2012:93)

In the end, Berger argues that when analysing the structure of society one should aim to understand the second level of this concept in order to be able to operationalise it for empirical research in social science. Although the author remarks that even Standing only hints at the position of the precariat within the structure of society as a whole (Standing 2012:589), he argues that it would be definitely necessary to develop a new system of categories for structural research. Zsuzsa Ferge also took this view in her talk held at the workshop on the strata of Hungarian society on 20th November 2012 at the Hungarian Central Statistical Office (KSH). She stressed that today, at a time characterised by unemployment, underemployment, the spread of precariousness, and the unpredictability of careers, where our society cannot be defined as a society of work anymore, it is impossible to define social classes in terms of occupational classes.

The notion of the precariat in Hungary in a narrow sense is related to the world of labour, but in a broad sense it also has ideological, political and economic aspects. In this region it is more useful to start out from the more broadly conceived notion — as Ferge suggests —, and analyse the complex social phenomenon covered by it, as well as reveal its associations with other areas, for it is the essential function of new concepts to capture new, substantial connections between phenomena. (Ferge 2012:119)

Despite the fact that nowadays there are rather diverse groups belonging to the strata engulfed in insecurity, from freelance programmers to unemployed people coming from an ethnic minority, from asylum seekers (whose number is growing in Hungary as well) to the undeclared labourers who have always been present in large numbers in Hungary, many believe that it is impossible to easily grasp and describe this social group according to its most important characteristics, just like it is impossible to encourage them to get organised and prepare them to stand up for their own interests. There are many who agree

that the chances for the working class being rebuilt and for it to regain its former role in the representation of the labourer's interests is not very large, «the precariat is an impossible group, the coming into being of which is necessarily incomplete... and it will remain no more than a heterogeneous category.» (Wacquant 2007:407)

In an interview that she gave for the thematic issue of the journal *Fordulat*, Zsuzsa Ferge also expresses similar thoughts: «so I don't think that the time is ripe (yet?) to introduce the term precariat for a social class or group in Hungary.» (Ferge 2012:123) At the same time, she points out that although this category may not be exact enough to function as a concept of structural research, it is clearly necessary to examine the phenomenon in order to protect the social and legal security as well as the social status of the members of our society.

Accordingly, this notion is not only suited to be used as a category to describe western states and welfare models. It also fulfils a task or a function in describing the new types of precariousness appearing in the countries of East Central Europe, and in defining their fundamental properties.

«We are not simply dealing with precarious situations which are well-known from history but with a destabilisation of a wide range of interconnected systems of security, or rather the intentional destruction of such systems». Furthermore, great masses of the population are «losing individual or collective securities that they had attained earlier. I think that we need new terms to describe this new reality.» (Ferge 2012:117-119).

2. The appearance of precarity in the world of employment

With the exhaustion of the resources necessary for the growth of the centrally planned economy, socialist economy and its mainstay, full employment came to be at risk in Hungary. (Vobruba 2000, Ferge 2002, Csoba 2001, Csoba 2010) Following the transition to market economy and after the economy was rebuilt on new foundations, the unfavourable accompanying symptoms — growing social inequality, poverty and unemployment — also had to be addressed. During the first years of the political transition, the system of institutions and policies that had been created to deal with the problems of society followed — in accordance with the declared values of the political leaders of that time — the model from Northern Europe (Scandinavia) that was based on decades of experience and that basically comprised social democratic elements. This model guaranteed far-reaching social security to the citizens and was not too different from the forms of social services focusing on families, children and senior citizens that had developed during

the socialist era. The legal framework and system of institutions of social security were thus based on such a model. (Esping-Andersen 1990, Ferge 1997, Tomka 2009, Tomka 2012)

Since the beginning of the 1990s the foremost aim of the reform of international labour regulations has been to relax the protection of workers through labour law. In order to create a diversity of contract forms and to increase flexibility a number of new forms of employment and of atypical work (fixed-term, part-time, temporary agency work, teleworking) appeared, which tried to promote employment and the sustainability of profits using rules that were more 'flexible' than traditional employment relations

After the fall of socialism an effective employment policy failed to materialise despite the efforts of successive governments. In most cases — apart from its political course — the government tried to improve the employment situation through well-meant but short-sighted experiments that were not integrated into a cohesive system and remained ineffective as a whole.

During the past decades, a peculiar and colourful system of employment-related and non-employment-related forms of labour exclusively characteristic of Hungary evolved in the context of this short-term regulatory framework, as the result of a spontaneous development that could be traced back to various economic and political reasons. Some of these forms of labour that are more or less different from non-fixed-term employment or self-employment have already existed as a socialist legacy for many decades (e.g. family member helping out with the family farm or business), others for 10 or 15 years (e.g. seasonal worker, independent sales agent), and yet others only entered the Hungarian legal system during the past few years (teleworker, hired-out worker, self-employing subcontractor). In other words, the regulation of forms of labour that belong to the grey zone (e.g. day labour) has progressed in an unplanned, spontaneous fashion for several decades in Hungary.

The Labour Code (LC), which has been amended 52 times since the fall of socialism, has remained a law with great political significance. Its content has been fundamentally shaped by short-term political interests in addition to professional and dogmatic requirements. (Kiss György. 2010, 18)

In summary one may say with regard to the amendments of the LC that whereas there have been several more or less substantial shifts compared to the original situation in 1992, a conceptual change is evident in one respect in the legal regulation of employment: the legal rights that are guaranteed by the welfare state in order to protect employees are being gradually eroded to the benefit of the employers.

This is evident in the fact that termination of employment has been facilitated, and minimal wage as well as obligatory benefits have been drastically reduced through continuous changes to the Labour Code.

3. Precarity and employment policy

No solution has been found for the past 30 years to compensate for the 1.5 million workplaces lost during the years of economic crisis in the wake of the political transformation. Although the group of people entering the labour market increases by some hundreds of thousands from time to time — none of the governments starting from 2000 were able to contribute to a stable rise of employment (Frey 1990, Csoba 2010a, Csoba 2010b, Csoba-Nagy 2012) In the middle of the 1980s, open unemployment appeared in Hungary in addition to hidden unemployment.

Several reforms have been introduced in the past years with the aim of increasing the rate of employment. The system of unemployment benefits was transformed from autumn 2005 on. The period of unemployment benefit was first reduced to 6 months (2010), then to 3 months (2012). Passive provision, which had been used formerly, was replaced by job search support measures that encouraged the earliest possible entry into employment. The system of social benefits was also transformed in a way to promote work. People who are ready and able to work participate in public employment programmes organized mostly by the local governments instead of applying for social benefit. Whereas in 2008 less than 7 % of the economically active-age long-term unemployed took part in any public employment programme, their rate rose to 33 % in 2009. However, most of these public employment programmes took only 3 to 6 months, in other words they only provided short-term income for the participants, and moreover, their effect in the reintegration process is highly questionable.

When the Social Act was amended in 1996², a new form of support was introduced, the regular social allowance ('RSZS'). People who had not received unemployment benefit earlier but had cooperated with the municipality or with the job centre for a certain time were also entitled to this form of provision. A broad group of people who had not received any provision now applied for regular social allowance.

The next change of legislation affecting the recipients of social aid entered into force on 1st May 2000³, when the cooperation of those receiving regular social allowance was specified as an obligation in the Social Act, as opposed to its voluntary status in the earlier

² Act CXXXVIII of 1996 (in force since 1st January 1997)

³ Act CXXII of 1999 on the amendment of certain laws on labour and social issues (in force since 1st January 2000)

years. This amendment marked the birth of the legal framework of **conditional welfare provision**, because since then proof of neediness was not sufficient anymore; what was also required from now on was a proof of 'worthiness'. The primary goal of the required checks by the family support services was to limit the constantly growing number of clients, and to urge clients who were able to work to enter the primary labour market. But a large proportion of the clients was unable to enter employment immediately.

In September 2005, the policy makers accordingly modified the regulation of the duties connected to clients receiving regular social allowance, and launched a new programme, the so-called «Inclusion programme». Its ultimate goal was still to facilitate the return of individuals to the primary labour market, but it provided for a two-year period during which programme elements — planned together with the client — supporting the achievement of this goal and the improvement of employability could be implemented.

The detailed provisions on the «Inclusion programme» were set out in Governmental Decree 63/2006 (27th March). This new type of cooperation **emphasised the joint responsibility of the recipient of aid and the organisation he or she was required to cooperate with.**

The situation of the recipients of social aid and the opportunities of the social workers have changed only slightly since the launch of the «Inclusion programme». Although the long-term unemployed are again required to stay in contact with job centres since 2009, and only those have remained clients of family support services — and receive regular social allowance — who are unsuited for everyday work because of their state of health, their age (above 55) or their special circumstances (family is caring for a child under the age of 14), the everyday activity of social workers in family support centres is still characterised by a lack of resources and uncertainty regarding their own status. Diminishing support, reduced services and extensive application of supervision measures toward aid recipients have become ubiquitous since 2009. The programme titled «Pathway to work», which was launched in that year, as well as the «National Public Employment» programme which started in 2011, fundamentally transformed the preconditions for benefits. People of economically active age and able to work were strictly required to participate in public employment as a precondition of aid. Public employment as a form of employment was removed from the scope of the Labour Code. Thereby the wage for public employment sank below the guaranteed minimum income. The income that could be earned by 8 hours of work a day was a gross amount of 71,800 Hungarian Forints, that is, 77% of the normal gross

minimal wage in 2012. Those recipients who are of economically active age and cannot enter public employment receive the employment substitute support, which amounts to 22,800 Hungarian Forints a month (about €76) and depends on the condition that the applicant can provide proof of an employment relationship of at least 30 working days during the previous year.

4. Forms of precarity and the development of its characteristics in Hungary

Seeing the shrinking labour market the question arises: What is the proportion of the members of this group in the world of work, or, using this notion in its broader sense, in the society.

Although different concepts and research results disagree in how extensive the target group is, the experts agree that the state of precarity is characteristic of at least a third of the society.

Among the former socialist countries Hungary is second considering the rate of people in flexible employment. This outstanding position is owing to the especially high rate of fixed-term employment contracts.

Having observed the proliferation of the atypical employment forms in Hungary, the Public Employment Service (ÁFSZ), the Ministry of Social Security and Labor, and the Hungarian Chamber of Commerce and Industry's conducted a survey in 2007 in order to get a comprehensive picture of the actual situation of these employment forms. The research comprised more than 7000 entities. In 2010, the researchers repeated the survey involving the same number of businesses as 3 years before. In both studies, out of the atypical employment forms the focus was on part-time employment, fixed-term employment contracts and agency work.

Table 1

How frequent is the use of different atypical employment forms by employers

Atypical form of employment	Rate of occurrence (%)
Part-time employment	33.0
Teleworking	0.2
Homeworking	0.4
Simplified Entrepreneurial Tax and Contribution Regime	4.7
Temporary agency work	37.8
Employee re-entering work beside childcare benefit (gyes, gyed)	15.4
Fixed-term employment contract	2.0
Seasonal Work	6.6

Source: Asztalos et al. 2011: 72.

Considering the rate of the workers with a fixed term employment, Hungary lies in the mid-range of

the European countries. In 2008 only 62.8% of the companies had employees who worked in this form of employment; by 2012 this rate had reached 71.4%. This represents a total increase of 6.8 percentage points. (Székács 2013:37)

In 2010, 9.7 % of the employed were engaged in a fixed-term contract. After the breakout of the crisis, between 2007 and 2009, the number and rate of the employed with a fixed-term contract started rising and compared to 2009 (8.5%) it got 1.2% higher in 2010. A particularly high proportion of those employed in this way were young people. While 24% of the employees aged between 25 and 64 have fixed-term contracts, the rate is 67% among employees aged between 15 and 24. These rates are somewhat more favourable in Hungary where 9% of the employees between 25 and 64 and 22% between 15 and 24 are engaged in this form of employment. (Berkhout et al. 2013: 18) However, in Hungary it was also young people that were mainly affected by this change: a quarter of them were engaged in fixed-term contracts but the rate was also above average among 25-29 year olds.

«For 13% of those with a fixed-term employment contract, this was how they spent their probationary periods, but this form of employment is closer to the

young and mobile generation Y anyway, who often apply for a job in order to learn and gain experience» — says Sándor Baja, Hungarian director of RANDSTAT.⁴

Beside young employees, the range of fixed-term jobs is complemented by the supported status positions as well. 71.2% of the vacant positions registered in Hungary in 2012 were ones supported by European or Hungarian grants, which meant fixed-term employment contract in almost all cases. (Ignits-Nagy 2013:57)

In Hungary, it is traditionally only a small fraction of wage-earners that works in part-time employment. Until the 1990s the reason why this form of employment did not appear was that full employment also included women, and from the 90s on it was because of unemployment and alternative welfare benefits. According to OECD statistics even today it is less than 5% of all employees who work part-time. In Europe we find lower figures only in the Czech Republic and Slovakia. Like in the previous decades, employees mainly stay away from part-time work because it pays a low income, and employers avoid it because of the high costs.

After the political transition the introduction of part-time employment was not supported by the trade union, nor by the majority of the women's organisations, and as the unemployment rate rose the government also preferred systems of support that encouraged

Table 2

The rate of employees with fixed-term employment contract

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Czech Republic	7.2	8.0	8.1	7.9	7.4	7.4	8.2	8.3
Estonia	2.3	3.3	2.3	1.8	2.3	4.2	4.7	3.1
Hungary	7.2	6.7	7.5	7.8	8.2	9.7	9.2	9.6
Poland	25.4	27.1	28.1	26.9	26.5	27.0	27	27.5
Latvia	8.4	7.1	5.3	2.8	3.7	6.7	7.4	4.7
Lithuania	3.8	5.1	4.7	3.7	2.7	2.6	3.6	3
Romania	2.6	1.9	1.6	1.3	0.9	1.1	1.9	1.9
Slovakia	4.9	5.0	5.3	4	4.1	5.7	6.6	6.9
Slovenia	1.8	17.9	18.5	16.9	16.4	17.7	17.5	16.7

Source: Eurostat LFS (lfsq_etpga, 2012)

Table 3

The proportion of persons employed part-time compared to the total number of employees (%) according to the definition of the OECD (less than 30 hours a week)

	2000	2005	2007	2008	2009	2010	2011
Czech Republic	3.3	3.3	3.5	3.5	3.9	4.3	3.9
Estonia	7.1	6.7	6.8	6.2	8.4	8.7	8.8
Hungary	2.9	3.2	2.8	3.1	3.6	3.6	4.7
Poland	12.8	11.7	10.1	9.3	8.7	8.7	8.3
Slovakia	1.9	2.6	2.6	2.7	3.0	3.7	4.0
Slovenia	-	7.4	7.8	7.5	8.3	9.4	8.6

Source: Employment Outlook 2012.

⁴ https://jobline.hu/karrierplusz/magazin/20130617_Elvitte_a_valsag_a_vallalkozo_kedvet

people to leave the labour market. In addition, the opportunities for part-time work also worsened because of the drastic decrease of real wages. (Laky 1998:28) Presumably this is one of the reasons why not only the proportion of part-time work is low, but also its acceptance and its prestige in society.

Those working in this form of employment often regard it as a choice that was forced on them: there was nothing better available. The fact that the proportion of part-time employment is relatively high in Hungarian-owned companies that are relatively small and/or not covered by a collective bargaining agreement indicates that the creation of part-time positions is mostly initiated by the companies rather than the employees. (Magyarország 2011:29).

At the same time, it must also not be ignored that as a consequence of the crisis different survival strategies have evolved in each country. Whereas in Western Europe the number of the self-employed has increased, for example, because part of the employees who have lost their jobs are trying to make a living by launching a company of their own, in Hungary it is still the employee status that is seen as the most secure way

to support oneself even if the job only offers fixed-term or part-time employment.

In addition to the low rate of occurrence, what is also conspicuous is the distribution of part-time versus full-time employees with respect to gender and type of work. Like in other European countries, it is true in Hungary as well that it is women and people with a low educational level, especially those working in manual labour or doing temporary work who are interested in opportunities for part-time employment, and employers usually prefer to employ these workers part-time. In 2010, for example, 64.2 % of the part-time employees were women, whereas their proportion was only 45.4 % among full-time employees. Since job-seekers often enter part-time work while caring for children or other family members in need of care, it appears based on these data that this activity is still typical for women.

The proportion of part-time workers among people receiving transfer payments is several times greater than the average. This also proves that the wage that can be earned through part-time employment does not motivate by itself, and this wage is insufficient to support oneself without the transfer income.

References

1. Kapitalismus ohne Arbeit. Der Spiegel. 50. évf. 20. sz. 140–146.
2. Castel, Robert (1998): A szociális kérdés alakváltozásai Max Weber Alapítvány–Wesley Zsuzsanna Alapítvány Kávé Kiadó, Budapest.
3. Csoba Judit (2001): A teljes foglalkoztatás alternatívái Valóság XLIV. 9. 110–115.
4. Csoba Judit (2010): A tisztességes munka L'Harmattan Kiadó, Budapest
5. Csoba Judit (2010a): „Do the Unemployed want to Work?» Employee Ability and the Willingness of the Unemployed Corvinus Journal of Sociology and Social Policy Vol. 1 2, 89–107.
6. Csoba Judit (2011): Goals and tools of Public Employment Program in Hungary In Peter Herrmann (ed.): All the same- All Being New Basic Rules of Capitalism in World of Change Europäischer Hochschulverlag GmbH&Co. KG, Bremen 149–169.
7. Csoba Judit (2010 b): „Job Instead of Income Support» Forms and Specifics of Public Employment Review of Sociology of the Hungarian Sociological Association Vol. 6. 2. 46–69.
8. Csoba Judit/Nagy Zita Éva (2012): The evaluation of training, wage subsidy and public works programs in Hungary In Károly Fazekas/Gábor Kézdi (ed.) The Hungarian Labour Market Research Centre for Economic and Regional Studies, Hungarian Academy of Sciences & National Employment Non-profit Public Company Ltd. Budapest, 96–123.
9. Esping-Andersen, Gosta (1990): The Three Worlds of Welfare Capitalism Cambridge: Polity Press & Princeton: Princeton University Press
10. Ferge Zsuzsa (1997): És mi lesz, ha nem lesz? Az állam és a civilizációs folyamat In Gombár Csaba/Hankiss Elemér/Lengyel László (eds.): És mi lesz, ha nem lesz? Tanulmányok az államról a század végén Budapest, Korridor Politikai Kutatások Központja- Helikon Kiadó Budapest Ferge Zsuzsa (2002): A szociális törvénykezés tíz éve História Vol. 24 3. 18–21.
11. <http://www.historia.hu/archivum/2002/0203ferge.htm> (15-06-2013)
12. Ferge Zsuzsa (2012): Prekariátus és Magyarország Beszélgetés Ferge Zsuzsával Fordulat Vol. 19. 116–130.
13. Ferge Zsuzsa (1969): Társadalmunk rétegzése: elvek és tények Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó, Budapest
14. Frey Mária (1990): Állami foglalkoztatáspolitikai In: Munkanélküliség –megoldások és terápia MTA Szociológia Kutatóintézet, Budapest, pp. 87–109.

Прекаризация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексибилизации

Precarious Employment in the Modern Economy: Systemic Risk or "Special" Form of Flexibilisation

Получено 08.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 331.5

DOI: 10.12737/7400

САНКОВА Л.В.

д-р экон. наук, проф., зав. кафедрой «Экономическая теория и экономика труда» Саратовского государственного технического университета имени Ю.А. Гагарина.
410054, г. Саратов, ул. Политехническая, 77.
E-mail: Isan@mail.ru

SANKOVA L.V.

Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic Theory and Labour Economics, Yuriy Gagarin State Technical University of Saratov.
77 Politekhnikeskaya Street, Saratov 410054, Russia.
E-mail: Isan@mail.ru

Аннотация

Объект: в статье рассматривается проблема прекаризации занятости.

Предмет исследования: теоретико-методологические и практические аспекты исследования феномена прекаризации с позиций системного риска для сферы занятости и особой формы гибкости занятости в условиях перехода к инновационной модели экономического развития.

Цель: развитие концептуальных подходов к исследованию и анализ прекаризации занятости как системного риска.

Основные теоретические положения статьи. По результатам анализа предложены критерии классификации форм прекаризации занятости, определены требования междисциплинарного подхода к анализу природы системного риска прекаризации занятости, специфицированы узкий и расширительный подход к ее оценке в современной экономике, выделена специфика латентных форм неустойчивости занятости. Системные риски, порождаемые прекаризацией занятости, имеют как экзогенную, так и эндогенную природу, каскадный и глобальный характер. Рассмотрены наиболее важные и масштабные формы неустойчивости занятости — безработица; временная и неполная занятость; задержки заработной платы; трудовые протесты; заемный труд; занятость в условиях, не отвечающих нормативам безопасного труда, и другие с проекцией на региональный уровень. Приводятся результаты оценки масштабов неустойчивой занятости в 2008, 2011 и 2013 гг. Отмечается, что дифференциация понимания прекаризации как особой формы флексибилизации или как системного риска для всей сферы занятости имеет большое значение для выбора акцентов в разработке социальной политики в целом и программ достойного труда.

Ключевые слова: прекаризация, занятость, достойный труд, флексибилизация, системный риск, социальная политика.

Abstract

Object. The problem of precarization employment.

The Subject of the Study. The theoretical, methodological and practical aspects of the study of the phenomenon from the point of precarization systemic risk to employment and from the standpoint of a particular form of employment flexibility in the transition to an innovative model of economic development.

Purpose. Developing conceptual approaches to the study and analysis of precarization employment as systemic risk.

Basic Theoretical Aspects of the Article. The analysis proposes classification criteria of precarization forms of employment, determines demands of an interdisciplinary approach to the analysis of the nature of systemic risk precarization employment, specifies a narrow and a broad approach to its assessment of the modern economy, highlights the specificity of latent instability of employment. Systemic risks posed by precarization employment have both exogenous and endogenous and cascading and global nature. The most significant and large-scale forms of precarious employment are analyzed: unemployment; temporary and part-time employment; wage arrears; labour protests; agency work; employment under conditions that do not meet standards of safe work, and others with the projection to the regional level. The results of evaluation of the extent of precarious employment in 2008, 2011, 2013 are presented. It is noted that the differentiation of understanding precarization as a special form of flexibilisation or as a systemic risk to the entire sphere of employment is important to select the emphasis in the development of social policy in general and the Decent Work Agenda.

Keywords: precarity, employment, decent work, flexibilisation, systemic risk, social policy.

1. Введение

Избранный многими странами инновационный вектор развития экономик порождает многообразие феноменов в сфере занятости и актуализирует необходимость выявления и анализа глубинных основ изменений с целью минимизировать риски для развития человеческого потенциала и национальной безопасности. Одним из таких яв-

лений выступает прекаризация занятости [Риччери, 2013, с. 6]. Занятость выступает основой существования общества, фактором экономического роста, ключевым условием «включения» индивидов в общественное производство, развития человеческого потенциала, повышения качества жизни населения, поэтому проблема прекаризации занятости и ее преодоления приобретает статус приоритетной. В последние годы вопросы

прекаризации в сфере труда активно исследуются зарубежными и отечественными учеными (Г. Стендинг, Д. Роджерс, Дж. Берджес, М. Гибни, В.Н. Бобков, О.В. Вередюк, Р.П. Колосова и др.).

Развитие системы отношений занятости происходит в условиях растущей неопределенности, вызванной динамичными инновационными и глобализационными процессами [Колот, 2013, с. 93–101]. Бывший генеральный директор МОТ Х. Сомавия в докладе «Изменение моделей и структур в сфере труда» (2006 г.) отмечал: «Для многих трудящихся женщин и мужчин как в развитых, так и в развивающихся странах происходящие перемены чреваты опасностью. Та ограниченная стабильность, которой им удалось добиться, носит весьма неустойчивый характер, и потеря работы сопряжена с высоким риском лишиться возможности получить приличную работу» [Доклад, 2006]. Социально-экономический и политический дискурс исследований занятости в последние годы показывает усиление рисков, амбивалентных процессов и последствий экономических преобразований XXI в. Инновационной экономике с высокой информационной и интеллектуальной «емкостью» адекватен инновационный тип занятости — гибкий, динамичный, эффективный, предполагающий новое содержание, структуру, виды, формы занятости, повышение качества человеческого капитала, реализацию интеллектуального и творческого потенциала населения в сфере труда [Бобков, Вередюк, 2013, с. 66–78]. В современной экономике происходят существенные изменения не только в интересах субъектов социально-трудовых отношений, но и в содержании и типах контрактов занятости, а также роли государства на рынке труда [Янченко, 2013]. Под влиянием современных общемировых процессов в экономике труда появляются новые ракурсы, требующие глубокого исследования [Колосова, Бобков, 2013].

В условиях современной глобализирующейся и интеллектуализирующейся экономики все более явно высвечивается пласт проблем, связанных с прекаризацией. Также следует учитывать изменения, происходящие в системе «человек–производство», анализ которых предполагает использование различных методологических подходов [Отставнова, 2014]. Необходимо учитывать, что динамика занятости сегодня носит во многом мозаичный характер, основные «правила игры», конституирующие систему занятости, могут реализовываться в рамках традиционных закономерностей использования рабочей силы или принципиально менять сущностные, содержательные черты и архитектуру [Бобков, Вередюки, 2013, с. 9–24].

2. Развитие подходов к исследованию проблем прекаризации занятости в современной экономике

Термин «прекаризация» сегодня охватывает не только сферу труда, но и всю социальную сферу, меняя традиционную структуру общества в развитых и развивающихся странах. Для «прекариата» как нового класса нестабильное существование воспринимается как нормальное состояние (включая не только работников с низкими доходами, временных работников, безработных, но и занятых с высоким образованием, не соответствующим качеству рабочего места) [Колот, 2013, с. 93–101]. Согласно Г. Стендингу, прекариат характеризуется нарушением гарантий в сфере труда: безопасность рынка труда; гарантии занятости; гарантии рабочего места (труда); безопасность труда; безопасность воспроизводства квалификации; безопасность дохода; безопасность представительства интересов [Standing, 2011. P. 10].

Категория «прекаризация занятости» отражает неустойчивость, нестабильность, рискованность, отсутствие гарантий, в общем плане — потерю социальной защищенности и рост эксклюзии. В. Бобков и О. Вередюк (2013) в определении данного феномена подчеркивают недобровольный характер трансформации отношений занятости и многообразии форм проявления. К таким формам относят принудительную неполную занятость в официальной экономике; «замену» бессрочных или долгосрочных трудовых контрактов на срочные трудовые или гражданско-правовые договоры; наем работников через частные агентства занятости (ЧАЗ) с нарушением трудовых и социальных прав; перевод трудовых отношений в неформальные формы и др. По оценкам экспертов, в России в состоянии неустойчивости занятости находятся порядка 30% экономически активного населения. В странах ЕС данный показатель составляет 15–25% работающих.

Категориальные признаки прекаризации занятости можно систематизировать по группам: 1) экономические, 2) организационные, 3) институциональные, 4), социально-психологические. Представляется целесообразным выделить ряд критериев классификации форм прекаризации занятости: время (режим работы); пространство занятости (варианты размещения рабочего места); степень институционализации; число основных субъектов — участников; вид контракта; легитимность; постоянство получения дохода (его волатильность и дискретность); степень интеллектуальной и инновационности; стабильность. На пересечении определенных характеристик,

структурированных по отмеченным критериям, выделяются различные формы прекаризации занятости. Важно выделить открытую и латентные формы неустойчивости занятости. Латентные формы неустойчивой, «опасной» занятости, как правило, сопряжены с неинституционализированным риском [Сидоркина, Романов, 2013, с. 61–70]. К латентным формам можно отнести занятость по коротким контрактам в более устойчивом к колебаниям спроса (бюджетном) секторе экономики; неустойчивость в связи с недоинвестированием в человеческий капитал на более ранних стадиях жизненного цикла; самозанятость; испытательный срок; большой спектр занятости, сопряженной с высокими профессиональными рисками. В качестве латентной формы неустойчивой занятости можно назвать и моббинг работника в организации (эмоциональное насилие, психологический прессинг, игнорирование, травля, провокации и др.), принимающий разнообразные формы и осуществляемый с целью вынудить работника к увольнению. Как свидетельствуют исследования, моббинг приводит к психологической нестабильности работника, неуверенности, к снижению его самооценки и концентрации внимания и профессиональным ошибкам. В итоге работник увольняется по собственному желанию.

Важно отметить, что неустойчивая занятость носит как добровольный, так и вынужденный характер. Неустойчивость занятости характерна не только для имеющих низкую квалификацию и слабо конкурентных групп на рынке труда, но и для фрилансеров (которые сознательно делают выбор в пользу данной формы). В целом можно констатировать некую полярность новых форм с точки зрения интеллектуалоемкости и социально-демографических параметров занятости [Колосова, Бобков, 2013, с. 25–37].

Прекаризация занятости может рассматриваться как некая форма флексибилизации (внешней и внутренней) занятости. Несомненно, она детерминирована спросом на труд в постоянно «ускоряющейся» экономике. Важным условием существования и источником развития системы занятости в новой экономике становится внутреннее разнообразие, позволяющее субъектам рынка труда наиболее эффективно использовать свои активы. Однако новые, более гибкие формы занятости, получившие развитие в последние годы, как в развитых, так и развивающихся экономиках (временная занятость, самозанятость, заемный труд, фриланс и т.д.), необходимо рассматривать как амбивалентное образование. Наряду с позитивными они могут иметь и негативные последствия с точки зрения развития

человеческого потенциала индивида и общества. В их числе можно назвать следующие: низкий уровень гарантий и оплаты труда, недоинвестирование в человеческий капитал, отсутствие перспектив карьерного роста, психологическое состояние подавленности, страха и др. Таким образом, можно констатировать, что нестандартная занятость может как преодолевать, так и порождать новые формы экономической и социальной эксклюзии, несет в себе новые потенциальные риски для субъектов рынка труда в плане потери социальной защищенности работниками [Ракитский, 2013, с. 50–58]. Поэтому существенно возрастает значение новой социальной политики, преодоления асимметрии в отношениях работника и работодателя. Процесс прекаризации занятости сегодня предполагает установление нового баланса между стабильностью и нестабильностью занятости.

3. Прекаризация занятости как системный риск

Целесообразно говорить о *системном риске*, который порождается данным явлением для всей сферы занятости. Существуют различные позиции относительно сущности системного риска. Так, Д. Хендрикс рассматривает его как риск фазового перехода к более оптимальному равновесию. При этом он подчеркивает труднообратимый характер данного равновесия в силу наличия множественных самоусиливающих механизмов обратной связи [Hendricks, 2009]. Применительно к проблемам, вызванным неустойчивостью занятости, системные риски означают риски для стабильности всей системы социально-трудовых отношений, вызванные спецификой распределения рисков между работниками и работодателями (невыполнение своих обязательств) и потенциально способные приводить к большим негативным последствиям в экономике и обществе в целом. В данном случае неспособность работодателя выполнить свои обязательства (по оплате или организации труда) вызывает невыполнение обязательств (добровольное или вынужденное) в других звеньях системы трудовых отношений. Появляются достаточно устойчивые самоусиливающие механизмы обратной связи в системе занятости, которые способствуют установлению нового баланса, равновесия и невозможности возврата в прежнее состояние сферы занятости. Системные риски, порождаемые прекаризацией занятости, имеют как экзогенную, так и эндогенную природу, каскадный и глобальный характер. Системный риск, возникающий в процессе пре-

каризации занятости, как показывают результаты исследований в различных странах, может быть описан через такие имманентные характеристики, как всеохватность, динамическая вероятность, альтернативность, противоречивость, неопределенность, энтропийность. Объективная природа рисков при неустойчивой занятости обусловлена факторами включения индивидов в общественное производство и чертами неопределенности социально-экономической среды, условий осуществления этой деятельности [Шелест, 2013, с. 109–116]. Кроме того, риск в данной области имеет субъективную составляющую, связанную с личностными, социально-психологическими чертами субъектов занятости, их рискогенным потенциалом. Ежегодные доклады МОТ о состоянии рынка труда отражают практически все названные черты. Более того, практика прекаризации занятости противоречит принципам достойного труда и Концепции развития человеческого потенциала.

Последствия системного риска неустойчивости занятости многоплановые (экономические, политические, психологические, социальные) как для индивида, так и для общества в целом, но потери от прекаризации занятости носят в основном оценочный характер. Можно согласиться с авторами, подчеркивающими, что рост неустойчивой занятости следует рассматривать с более широких позиций, чем потери в заработках, рост неравенства и др. Речь идет о риске социальной эксклюзии индивида. Согласно современным подходам, наряду с традиционным риском (безработицей) факторами риска эксклюзии индивида из общественного производства и общественной жизни могут быть труд, не обеспечивающий соблюдение социальных прав работника, отсутствие профессиональной мобильности и возможности участвовать в решении важных социально-экономических проблем.

Понимание прекаризации занятости как системного риска для всей сферы труда и занятости предполагает особые требования как к социальной политике, так и к исследовательскому подходу. В частности, требуется подход, обладающий следующими чертами:

- 1) междисциплинарность (для осмысления сложного, многопланового явления необходимо учитывать достижения различных наук с соответствующими теоретическими конструкторами, в том числе метанаук);
- 2) комплексность (интеграция осознания объективных и субъективных, внешних и внутренних аспектов рисков, возникающих при неустойчивой занятости);

- 3) учет множественности субъектов занятости, которые обладают разными ресурсами, интересами и возможностями и поэтому по-разному воспринимающими данный риск и конструирующими свои модели поведения на рынке труда;
- 4) многокритериальность и многоуровневый (глобальный, макро-, мезо-, микро и наноуровни) характер рисков неустойчивости в системе занятости.

Междисциплинарный синтез сегодня популярен, но получил недостаточное развитие в области исследований сферы труда. В современных экономических интерпретациях процессов зарубежные исследователи в центр внимания ставят прагматизм, верификацию и инструментализм. Позитивистская традиция в исследовании сферы труда, постулирующая достаточность эмпирически проверяемых положений, в условиях инновационного развития и многокритериального выбора субъектов труда не способна дать ответы на многие вопросы и объяснить многие феномены в сфере труда. Следующая важная проблема — это качество и адекватность самих экономических моделей.

На наш взгляд, проявления прекаризации занятости правомерно рассматривать, используя методологический инструментарий *поведенческой экономики*. Границы рациональности в поведении субъекта трудовых отношений становятся более подвижными, сложными для трактовки в рамках неоклассики. Привлечение психологических паттернов к анализу поведения субъектов, выбирающих неустойчивую занятость, позволяет исследователям не только выявить глубинные причины явлений на рынке труда, но и анализировать проблемы принятия решений в области трудовой деятельности.

4. Анализ проблем неустойчивой занятости

В докладе МОТ «Мир труда в 2013 г.» показано, что только в пяти странах ЕС (из 27) показатели занятости превысили докризисный уровень. При этом более 40% безработных не имеют работы более года. Доля «отчаявшихся работников» возросла на 29%. В связи с этим приобретает новое звучание вопрос выбора инструментов макроэкономической политики. При невысоком показателе безработицы в России (ниже, чем в среднем по G20) актуальными остаются проблемы структурной, застойной, молодежной безработицы, вопросы занятости женщин, инвалидов и других слабоконкурентных групп населения. Снижается длитель-

ность контрактов занятости. В связи с происходящими событиями новое звучание приобретает вопрос выбора инструментов макроэкономической политики, ориентированных на стимулирование занятости.

Сегодня проблема прекаризации занятости достаточно актуальна для молодежи. Так, по статистике 28,3% безработных в России составляет молодежь в возрасте до 25 лет, в том числе 22,2% — в возрасте 20–24 года. В Саратовской области в 2013 г. 38,7% безработных составила молодежь. На рис. 1. представлены данные по отдельным параметрам достойного труда в России. Указанные показатели позволяют выделить такие проблемные области прекаризации занятости, как высокая неформальная занятость, доля занятых с низким уровнем заработной платы, работающие бедные и пр. По данным Росстата (апрель 2013 г.), доля занятых с заработной платой ниже МРОТ составляла более 1%. При этом среди «лидеров» отмечены следующие виды деятельности: связь; сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; организация отдыха и развлечений, культуры и спорта. Низкий уровень заработной платы не обеспечивает простое воспроизводство рабочей силы и не мотивирует к высокопроизводительному труду, а в дальнейшем воспроизводит неустойчивую занятость в связи с недоинвестированием в человеческий капитал, постоянным поиском работы, выбором неформального сегмента занятости.

Рис. 1. Координаты «достойного» труда (Россия, 2013 г.). Составлено по данным Росстата

В ходе реформирования российской сферы социально-трудовых отношений в последние годы возникли такие инструменты подстройки, как гибкая заработная плата и гибкий режим рабочего времени. По сути, они заменили количественную внешнюю подстройку своеобразным механизмом

адаптации к шокам. С помощью различных форм прекаризации занятости российский бизнес получает возможность использовать на практике внешнюю количественную подстройку. Срочные трудовые договоры и договоры на использование заемного труда выступают как комплементы. Несмотря на существенный рост популярности формата заемного труда в разных странах, с развитием социально-трудовых отношений в этом формате в области регулирования социально-трудовых отношений возникают новые проблемы.

При оценке масштабов риска неустойчивой занятости могут использоваться как расширительный, так и узкий подходы. При узком подходе категория занятых включает неполную занятость в официальной экономике; численность работников, имеющих срочные трудовые или гражданско-правовые договоры; численность работников, вовлеченных в схемы заемного труда; неформальную занятость. При расширительном подходе в нее включается широкий круг нестабильности и неопределенности в системе занятости, объединяя безработных, работающих «бедных», занятых по гражданско-правовым договорам; имеющих просроченную задолженность по заработной плате; занятых в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам; ищущих другую или дополнительную работу в связи с недостаточной оплатой труда или несоответствием специальности; нелегальных иммигрантов. Расширительный подход охватывает больше видов нестабильности занятости и отражает максимальные границы неустойчивой занятости, а узкий подход определяет ее минимальные границы.

Однако оценка неустойчивой занятости при расширенном подходе затруднена из-за недостаточности современной статической базы. Интересный подход, позволяющий учитывать неустойчивость, в том числе и на внутрифирменных рынках, предлагает Д. Такер (в дополнение к традиционным факторам нестабильности выделены возможность изменения работодателем функций, выполняемых работником; отсутствие защиты от дискриминации и др.; ограниченный доступ к обучению и образованию; условия труда являются опасными и вредными) [Такер, 2002, с. 26].

Компонента, связанная с безопасностью труда, наиболее актуальна для занятых в традиционных, требующих модернизации сферах экономики. Так, в России на рабочих местах с вредными и опасными условиями труда в 2012 г., по данным Росстата, была занята половина работников в сфере добычи полезных ископаемых, 1/3 — в обрабатывающих производствах и 1/5 — в строительстве. Наблюдается сильная дифференциация данного

показателя по регионам. В Сибирском федеральном округе 64,1% работников организаций добычи полезных ископаемых трудились во вредных и опасных условиях (в Кемеровской области — 82,4%). В Уральском и Дальневосточном федеральных округах в таких условиях было занято соответственно 34,1% и 42,4% работников организаций обрабатывающих производств (в Приморском крае — 65,8%). Наибольший удельный вес численности работающих в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда, в обрабатывающем производстве в Уральском федеральном округе, а максимальный показатель — в Республике Хакасия (64,6%) [Труд и занятость в России, 2013, с. 350–352]. На рис. 2 представлена динамика показателей неполной занятости в России. Можно отметить снижение показателей неполной занятости по инициативе администрации с начала 2000-х годов до их «всплеска» в кризисный 2009 г. Численность работников, работавших неполный рабочий день по инициативе администрации, сокращается более высокими темпами в последние годы по сравнению с численностью работников, которым предоставляется отпуска по инициативе администрации. Это свидетельствует об изменении в структуре форм оппортунистического поведения работодателей в условиях социально-экономической нестабильности.

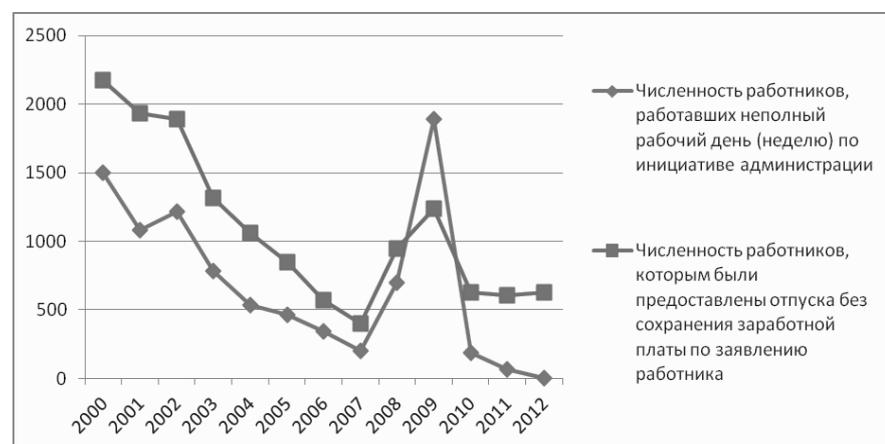
К проявлениям прекаризации некоторые авторы относят частичную занятость. По данному показателю лидируют Нидерланды, Швейцария, Австралия: по данным за 2012 г. 37,8%, 26 и 24,6% занятых соответственно.

Можно отметить, что разнообразные формы неустойчивой занятости в ряде случаев генерируются *постконтрактным оппортунизмом* работодателя. Наиболее типичной его формой являются систематические долги по заработной плате, использование серых схем оплаты труда. В частности, задолженность по заработной плате на 1 августа 2014 г., по данным Росстата, охвати-

ла 61 тыс. человек (в октябре 2013 г. — 97 тыс.). Среди них преобладали работники обрабатывающих производств (38% в 2014 г. и 36% в 2013 г.); 22% (25% в 2013 г.) составили занятые в сфере сельского хозяйства, охоты и предоставления услуг в этих областях, лесозаготовок; 12% занятых в строительстве и по 6% занятых в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды; сферы образования. В 2013 г. наибольший размер просроченной задолженности по заработной плате из-за отсутствия собственных средств отмечался в Хабаровском крае, Кемеровской и Вологодской областях.

Следующая важная проблема неустойчивой занятости — использование формата заемного труда, специфического вида временной занятости, предполагающего либо привлечение предприятиями работников частных агентств занятости на фиксированное время (лизинг), либо вывод их за штат (аутстаффинг). На смену прямым контрактным отношениям «работник–работодатель» приходят отношения, опосредованные организацией-провайдером, что порождает каскад новых рисков. Речь идет о снижении или ликвидации социальных гарантий, нарушении трудовых прав, потере дохода, усилении профессиональных рисков и пр.

Количество российских предприятий, которые используют формат заемного труда, составляет в среднем 3,5% всех предприятий [Смирных, 2013, с. 132–133]. Данный сегмент российского рынка труда не такой масштабный, как в других странах, однако он развивается высокими темпами, начиная с конца 1990-х годов, с одной стороны, позволяя сократить безработицу, а с другой — порождая новые формы неустойчивости занятости и рост сегментации рынка. В регионах оценки масштабов данного сегмента занятости существенно затруднены. Проводимые в Саратовской области исследования проблем заемного труда показывают, что большинство опрошенных в качестве главного недостатка данной формы трудовых отношений

Рис. 2. Неполная занятость (2000–2012 гг.; тыс. человек). Составлено по данным Росстата (Российский статистический ежегодник за соответствующие годы)

выделили меньшую защищенность трудовых и социальных прав (46%) и нестабильность занятости (40%). Более низкий уровень дохода и более высокий профессиональный риск в распределении ответов заняли последние места. Вместе с тем подавляющее число граждан еще не знают о проблемах регулирования заемного труда и возможных рисках. Например, 60% опрошенных считают, что видоизменение давно устоявшейся модели отношений «работник–работодатель» на трехстороннюю «работник–частное агентство занятости–работодатель» не усложняет процесс регулирования социально-трудовых отношений. Опрошенные работники фиксируют отсутствие необходимости самостоятельного поиска работы, минимизацию издержек поиска, возможность получения первого опыта работы, наличие статуса занятости и соответственно получение дохода (как «альтернатива» безработицы) как «преимущества» заемного труда, 48% опрошенных считают, что регулирование заемного должно быть направлено в первую очередь на защиту прав работников, а 22% опрошенных считают, что должны быть достигнуты равные условия труда для постоянных и заемных работников [Санкова, Есипов, 2013, с. 102–103]. Процесс институционализации данной формы трудовых отношений длительный и небезболезненный. Концентрированно основные положения регулирующего воздействия государства на данный сектор можно свести к трем: избирательность (не все агентства и категории работников, профессий могут вовлекаться в данную форму отношений), отсутствие универсальных мер (в различных странах могут применяться специфические меры), приоритет правовых мер. Принятие ФЗ (№ 116-ФЗ) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в России, вступающего в силу с 1.01.2016 г., позволит ввести в правовое поле фактически существующую форму занятости и структурировать систему трудовых отношений, опосредованную участием агентств занятости. В частности, согласно ст. 341.2 ЧАЗ помимо прочих функций должно осуществлять контроль за соблюдением принимающей стороной норм трудового права [Федеральный закон, 2014].

Особый сегмент, находящийся на грани устойчивой и неустойчивой занятости, составляет временная занятость. Анализ показывает, что в 2011–2012 гг. временная занятость доминировала [OECD, 2014]:

- в сфере образования, социальных услуг в Австрии, Дании, Финляндии, Германии, Люксембурге, Норвегии, Швеции, Великобритании;
- в сельском, лесном хозяйстве — в Греции, Португалии, Италии, Франции, Испании, Латвии, Швейцарии, Бельгии, Канаде, Испании и др.;

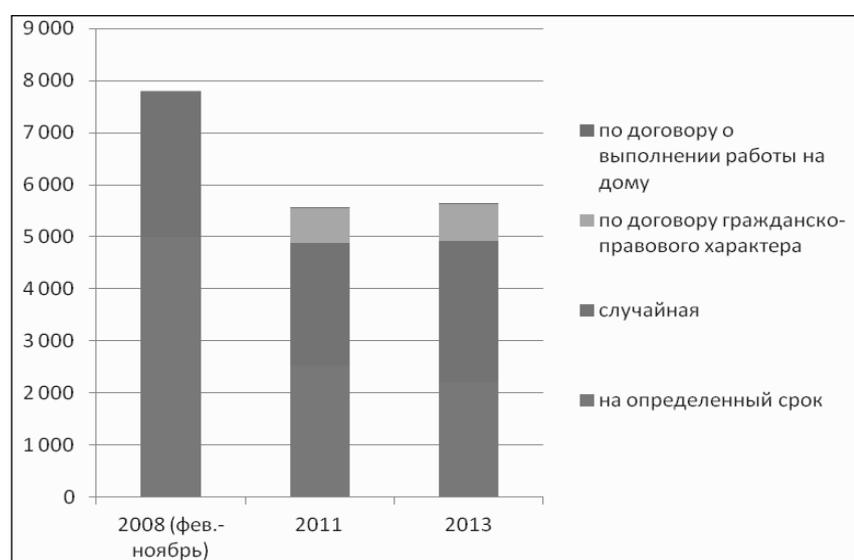
- в строительстве — в Эстонии, Ирландии;
- более равномерное распределение временной занятости по видам деятельности характерно для Чехии, Исландии, Нидерландов, Польши, Словакии.

В России, по оценкам, спрос на временных работников предъявляют промышленность, розничные сети. При этом общемировой тенденцией является рост временной занятости в ИТ, фармацевтике, банковской сфере и продажах. В последние годы отмечается рост доли «белых воротничков» среди временно занятых (более 60%), что позволяет говорить об «интеллектуализации» в данном сегменте рынка труда. Следует отметить, что существуют полярные позиции относительно временной занятости: от полного неприятия данной альтернативы бессрочным контрактам до констатации радужных перспектив. В частности, представители бизнеса отмечают, что временная работа — «это совершенно другая философия отношения к работе как к таковой, когда профессиональная жизнь воспринимается не как обременительная ноша, а как увлекательный, интересный процесс самореализации» [Временная работа, 2011]. Такое понимание временной занятости предполагает, во-первых, добровольный выбор временной работы индивидом в пространстве «труд–досуг», а во-вторых, полную защиту социальных и трудовых прав работников, с которыми заключаются временные контракты.

В целом, характеризуя систему занятости в России по критерию ее стабильности, следует отметить некоторое сокращение — по сравнению с докризисным периодом — доли срочной занятости, рост занятых по договору о выполнении работы на дому (рис. 3).

Ускорение жизненного цикла инноваций, их неравномерность, асинхронность порождают противоречивые кратко- и долгосрочные эффекты для сферы занятости, разнообразные риски на рынке труда, затрагивающие определенные категории работников. Инновационная экономика предполагает повышение гибкости занятости и рынков труда, распространение сферы временных контрактов, развитие нестандартных форм занятости. Этот процесс затрагивает практически все развитые страны. Так, по расчетам специалистов Kelly Services, через 45 лет 80% людей во всем мире будут работать по временным контрактам, что обуславливает необходимость разработки новых соответствующих механизмов социальной защиты работников.

Косвенно о неустойчивости занятости свидетельствуют *трудовые протесты* в связи с невыплатой заработной платы, ее низким размером, реоргани-

Рис. 3.
Структура «непостоянной» занятости в России, тыс. человек.
Составлено по: Обследование населения по проблемам занятости (за соответствующие годы)

зацией и закрытием предприятий. Протест становится некоей формой вовлечения работодателей в диалог. И если в 2011 г. по данному показателю лидировал Сибирский округ (лидеры Бурятия и Иркутская область), затем идут Приволжский, Уральский и Северо-Западный округа, то в начале 2014 г. лидировали Приволжский и Центральный федеральные округа. Регионами-лидерами такого протестного движения стали Самарская и Челябинская области (регионы с традиционно высокой долей индустриальной занятости) и Санкт-Петербург. По данным за 1 квартал 2014 г., причиной 47% протестов стала невыплата зарплаты, 32% — «несогласие с политикой руководства». Как показывают данные проверок, проводимых в регионе профильным министерством, среди выявленных нарушений в 2013 г. преобладали несоблюдение сроков выплаты заработной платы, пособий по нетрудоспособности, отпускных; нарушение размеров доплат за работу в ночное время, за дежурство в выходные и праздничные дни; заниженный размер отпуска за работу на тяжелых работах и работах с вредными и опасными условиями труда, за ненормированный рабочий день и пр.

По полученным результатам в 2008 г. явления прекаризации занятости были характерны для 44% занятых¹, в 2011 г. — для 47%, а в 2013 г. — для 42% работников. Следует отметить, что численность прекариата в России в целом и ее регионах не вполне корректно (при наличной статистической базе) оценивать с помощью процедуры суммирования отмеченных ранее групп занятых, которые подпадают под характеристики неустойчивой занятости. Тот или иной работник

¹ Без учета «работающих бедных».

может одновременно относиться к нескольким группам, сформированным по определенным признакам. В связи с этим в дальнейшем целесообразно использовать данные опросов.

5. Управление системным риском при неустойчивой занятости: новые задачи для политики занятости

Дифференциация понимания прекаризации как особой формы флексибилизации или как системного риска для всей сферы занятости, во-первых, имеет значение для выбора акцентов в разработке социальной политики в целом и программ достойного труда, во-вторых, необходима для ситуационного анализа и прогноза. Помимо этого, новое звучание приобретают вопросы о паттернах экономики благосостояния, социальной справедливости и экономической эффективности, скорости «инклюзивного роста», национальных особенностях реализации модели флексибилизации.

Управление системным риском, связанным с прекаризацией занятости, — многоступенчатый процесс, который имеет своей целью уменьшить или компенсировать ущерб при наступлении неблагоприятных событий (потеря работы; снижение дохода; получение травмы или профзаболевания в процессе трудовой деятельности; отсутствие возможностей личной самореализации, профессионального роста и др.). Однако возможности управления рисками в данной сфере специфичны в силу двух обстоятельств.

Во-первых, в инновационной экономике существует напряженность отдельных видов риска и условий его существования и расширения; *во-вторых*, инструменты защиты от рисков прека-

ризации пока недостаточно развиты. Обзор характеристик активной политики на рынке труда в различных регионах мира показывает, что основными трендами в условиях перехода к инновационной экономике выступают следующие: децентрализация и контрактация определенных услуг, связанных с трудоустройством; приоритет активных программ по сравнению с пассивными мерами; профилирование, аутсорсинг услуг трудоустройства и др. Но существует ряд проблем, сопряженных с реализацией данных услуг: неопределенность реформ, отсутствие лучших образцов. Также наиболее востребованными технологиями управления рисками выступает обучение и переподготовка, которые преобладают в арсенале активных мер политики на рынке труда стран ЕС. Одним из новых и успешно развивающихся во многих регионах мира направлением антирисковой политики на рынке труда выступает «социально чуткая реструктуризация» предприятий. Во многих развитых странах принятой практикой

становятся «пакты занятости и конкурентоспособности». Они связаны с коллективными соглашениями, заключаемыми работодателями и профсоюзами, что еще раз подчеркивает значимость института социального партнерства в решении проблем занятости в современной экономике.

В современных условиях управление рисками на рынке труда и меры по обеспечению эффективной занятости населения правомерно трактовать в терминах обеспечения управления изменениями. Меры должны, с одной стороны, способствовать повышению качества занятости и гибкости рынка труда, без которой никакие инновации в экономике невозможны, а с другой — обеспечивать адекватную защиту работников от рисков, имманентных инновационному развитию, и предоставлять им новые возможности занятости. Также следует обратить внимание на соотношение адаптационного и стратегического аспектов неустойчивой занятости.

Список литературы

1. *Hendricks D.* Defining Systemic Risk // The Pew Financial Reform Project. 2009. Briefing Paper № 1.
2. OECD Employment Outlook, 2014. OECD Publishing.
3. *Standing G.* The Precariat. The New Dangerous Class, 2011.
4. *Tucker D.* «Precarious» Non-Standard Employment — A Review of the Literature, December, 2002. <http://www.dol.govt.nz/pdfs/PrecariousNSWorkLitReview.pdf>.
5. *Бобков В.Н., Вередюк О.В.* Социальная уязвимость работников и общества как результат неустойчивости занятости // Ноосфера. Общество. Человек. 2013. № 1. www.es.rae.ru/noocivil/ru/228-1124.
6. Временная работа: особенности трудоустройства 29.08.2011. <http://www.buhgalteria.ru/article/n50154>.
7. Доклад генерального директора «Изменение моделей и структур в сфере труда». Международная конференция труда. 95-я сессия, 2006. <http://www.ilo.org/public/russian/standards/relm/ilc/ilc95/pdf/rep-i-c.pdf>.
8. *Колосова Р.П., Бобков В.Н.* К новой экономике труда // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6. С.12–14.
9. *Отставнова Л.А.* Исследовательские подходы к анализу отношений «человек-производство» // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2 (30). С. 17–24.
10. *Санкова Л.В., Есипов А.С.* Инновационные формы социально-трудовых отношений в России: развитие и регулирование. Саратов, 2013.
11. *Смирных Л.А.* Заемный труд в России: быть или не быть? // Вопросы экономики. № 12. 2013. С.123–140.

References

1. *Hendricks D.* Defining Systemic Risk. The Pew Financial Reform Project. 2009. Briefing Paper 1.
2. OECD Employment Outlook, 2014. OECD Publishing.
3. *Standing G.* The Precariat. The New Dangerous Class, 2011.
4. *Tucker D.* «Precarious» Non-Standard Employment — A Review of the Literature, December, 2002. Available at: <http://www.dol.govt.nz/pdfs/PrecariousNSWorkLitReview.pdf>.
5. *Bobkov V.N., Veredyuk O.V.* Sotsial'naya uyazvimost' rabotnikov i obshchestva kak rezul'tat neustoychivosti zanyatosti [Social vulnerability of workers and society as a result of the instability of employment]. *Noosfera. Obshchestvo. Chelovek* [Noosphere. Society. People]. 2013, I. 1. Available at: www.es.rae.ru/noocivil/ru/228-1124.
6. *Vremennaya rabota: osobennosti trudoustroystva 29.08.2011* [Temporary work: especially employment 29.08.2011]. Available at: <http://www.buhgalteria.ru/article/n50154>.
7. *Doklad general'nogo direktora «Izmenenie modeley i struktur v sfere truda».* *Mezhdunarodnaya konferentsiya truda. 95-ya sessiya, 2006* [Director General's report "Changing patterns in the world of work." The International Labour Conference. 95th, 2006.]. Available at: <http://www.ilo.org/public/russian/standards/relm/ilc/ilc95/pdf/rep-i-c.pdf>.
8. *Kolosova R.P., Bobkov V.N.* K novoy ekonomike truda [owards a new labor economics]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6, pp.12–14.
9. *Отставнова Л.А.* Issledovatel'skie podkhody k analizu otnosheniy «chelovek-proizvodstvo» [Research approaches to the analysis of the "man-production"]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava* [Actual problems of Economics and Law]. 2014, I. 2 (30), pp. 17–24.
10. *Sankova L.V., Esipov A.S.* *Innovatsionnye formy sotsial'no-trudovyykh otnosheniy v Rossii: razvitiye i regulirovaniye* [Inno-

12. Труд и занятость в России. 2013. Стат. сб. / Росстат. М., 2013.
13. Федеральная служба государственной статистики. <http://www.gks.ru>.
14. Федеральный закон № 116-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (от 05.05.2014). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162598.
15. Янченко Е.В. Контрактные изменения в сфере труда при переходе к инновационному типу экономического роста // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2013. Т. 4. № 1 (73). С. 336–344.
16. Сидоркина З.И., Романов М.Т. Региональные особенности занятости и уровня жизни населения в Дальневосточном макрорегионе // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 61–70.
17. Шелест А.С. Особенности и перспективы развития заемного труда в России // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 2 (180). С. 109–116.
18. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Социальная уязвимость работников и общества как результат неустойчивости занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 9–24.
19. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Неустойчивость занятости как современная проблема и исследовательская категория // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 66–78.
20. Риччери М. Знать, чтобы действовать // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10 (188). С. 6.
21. Колот А.М. Трансформация института занятости как составляющая глобальных изменений в социально-трудовой сфере: феномен прекаризации // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11 (189). С. 93–101.
22. Колосова Р.П., Бобков В.Н. Современные подходы к экономике труда // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 25–37.
23. Ракитский Б.В. Современные научные и практические подходы к проблематике труда против устаревших и бесперспективных подходов // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 50–58.
11. Smirnykh L.A. Zaemnyy trud v Rossii: byt' ili ne byt'? [Agency labor in Russia: to be or not to be?]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics]. 2013, I. 12, pp.123–140.
12. Trud i zanyatost' v Rossii. 2013. Stat.sb. [Labor and Employment in Russia. 2013]. *Rosstat* [Rosstat]. Moscow, 2013.
13. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service]. Available at: <http://www.gks.ru>.
14. *Federal'nyy zakon N 116-FZ «O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» (ot 05.05.2014)* [Federal Law N 116-FZ “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (from 05.05.2014)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162598.
15. Yanchenko E.V. Kontraktaknye izmeneniya v sfere truda pri perekhode k innovatsionnomu tipu ekonomicheskogo rosta [Agreements changes at work in the transition to an innovative type of economic growth]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Technical University]. 2013, V. 4, I. 1 (73), pp. 336–344.
16. Sidorkina Z.I., Romanov M.T. Regional'nye osobennosti zanyatosti i urovnya zhizni naseleniya v Dal'nevostochnom makroregione [Regional features of employment and standards of living in the Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1, (179), pp. 61–70.
17. Shelest A.S. Osobennosti i perspektivy razvitiya zaemnogo truda v Rossii [Features and prospects for the development of agency labor in Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 2 (180), pp. 109–116.
18. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Sotsial'naya uyazvimost' rabotnikov i obshchestva kak rezul'tat neustoychivosti zanyatosti [Social vulnerability of workers and society as a result of the instability of employment]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 9–24.
19. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Neustoychivost' zanyatosti kak sovremennaya problema i issledovatel'skaya kategoriya [Instability of employment as a modern problem and research category]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 66–78.
20. Richcheri M. Znat', chtoby deystvovat' [Know to act]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), p. 6.
21. Kolot A.M. Transformatsiya instituta zanyatosti kak sostavlyayushchaya global'nykh izmeneniy v sotsial'no-trudovoy sfere: fenomen prekarizatsii [Transformation of the institution of employment as part of global changes in the social and labor sphere: the phenomenon precarization]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 93–101.
22. Kolosova R.P., Bobkov V.N. Sovremennyye podkhody k ekonomike truda [Modern approaches to labor economics]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 25–37.
23. Rakitskiy B.V. Sovremennyye nauchnye i prakticheskie podkhody k problematike truda protiv ustarevshikh i besperspektivnykh podkhodov [Modern scientific and practical approaches to the problems of labor against obsolete and unpromising approaches]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 50–58.

Роль неустойчивой занятости в кластеризации общества

The Role of Precarious Employment in the Clustering Community

Получено 19.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 331.5

DOI: 10.12737/7401

ФЕДЧЕНКО А.А.

д-р экон. наук, заведующий кафедрой, экономический факультет Воронежского государственного университета.
Россия, Воронеж, ул. Хользунова, д. 40.
E-mail: Faa1711@yandex.ru

FEDCHENKO A.A.

Doctor of Economics, Head of Chair, Economics Department of Voronezh State University.
40 Khol'zunov Street, Voronezh, Russia.
E-mail: Faa1711@yandex.ru

МАСЛОВА Е.В.

канд. филол. наук, заместитель руководителя, Департамент труда и занятости населения Воронежской области.
Россия, Воронеж, ул. Генерала Лизюкова, д. 7.
E-mail: evmas@yandex.ru

MASLOVA YE.V.

PhD in Philology, Deputy Head of the Department of Labour and Employment of the Population of the Voronezh Region.
7 General Lizyukov Street, Voronezh, Russia.
E-mail: evmas@yandex.ru

Аннотация

В качестве объекта исследования, которому посвящена настоящая публикация, выступает прекаризация. Ее развитие, по мнению авторов, приводит к выраженной социальной кластеризации общества. В соответствии с таким тезисом предметом изучения является влияние неустойчивой занятости на кластеризацию.

Цель работы — выявить причины неустойчивой занятости и ее роль в расслоении общества.

Основные теоретические и эмпирические положения. Между отдельными социальными кластерами возникают значительные различия с точки зрения их места в обществе. Наиболее острые вопросы: высокий риск увольнения отдельных категорий работников и значительная дифференциация доходов. Проведенный авторами на примере Воронежской области анализ свидетельствует о том, что чаще в трудовые отношения, характеризующиеся недостаточными правовыми и социальными гарантиями, вступают молодые люди, не имеющие опыта работы. Статистические и социологические данные подтверждают значимость данного социального кластера и необходимость выработки специфических мер поддержки занятости молодых людей с учетом их социальных, психологических, профессионально-квалификационных особенностей.

В статье показано, что неустойчивость занятости обусловлена значительными профессионально-квалификационными и территориальными диспропорциями региональных рынков труда.

Неустойчивость занятости и низкий уровень оплаты труда в одних кластерах и, напротив, значительный рост доходов в других приводят к усилению расслоения общества. Индикатором, подтверждающим правомерность такого вывода, является коэффициент фондов. К причинам неустойчивой занятости в регионе относятся: низкий уровень оплаты труда в регистрируемом секторе экономики, высокая доля мелкотоварного производства, высокий уровень неформальной занятости и теневой заработной платы, высокий уровень очаговой безработицы, низкая эффективность профориентационной работы среди населения. Анализ позволил выявить наиболее уязвимые группы и определить влияние различных факторов на динамику бедности и неравенства.

Ключевые слова: прекаризация, социальная кластеризация, рынок труда, занятость молодежи, достойный труд.

Abstract

Object of the Study. Precarisation and its development that according to the authors, leads to the strongly pronounced social society clustering.

Subject of the Study is the unstable employment's influence on the clustering in question.

Purpose. The identification of the reasons of unstable employment and its role in the society stratification.

The Basic Theoretical and Empirical Aspects. There are serious gaps between social clusters from the point of view of that place which they take in society. The most pressing questions are the high risk of dismissal of some categories of workers and the essential differentiation of the income. The analysis that was carried out by authors in the Voronezh Region shows that mostly the young people, who don't have any working experience, enter in labour relations, that are characterized by insufficient legal and social guarantees. Statistical and sociological data confirm the importance of this social cluster and the need of specific measures' development of young people's employment support according to their social, psychological, professional and other features.

It is pointed out that instability of employment is provoked by considerable vocational and territorial disproportions on regional labour markets. The instability of employment and the low level of compensation in some clusters and, on the contrary, significant growth in the income in others lead to the deepening stratification of the society. The coefficient of funds is the indicator that confirms the legitimacy of such statement. The reasons for the unstable employment in the region are: the low level of compensation in the registered sector of the economy, the high share of small-scale production, the high level of informal employment and a shadow salary, the high level of focal unemployment, as well as the low efficiency of professional orientation work among the population. The analysis allows to reveal the most vulnerable categories and to define the influence of various factors on dynamics of poverty and inequality. The growth of stability of employment and material well-being are possible only if the efforts of the authority and the society are integrated.

Keywords: precarisation, social clustering, labor market, youth employment, decent work.

1. Введение

Вектор современного социально-экономического развития направлен на создание достойных условий трудовой деятельности — базы для превращения потенциала человека в ведущий фактор экономического и социального развития инновационной экономики, основанной на знаниях. Возникают ситуации, когда уязвимые формы труда вытесняют защищенную и стабильную работу, расширяя сферу неформальных трудовых отношений с работающими бедными и трудящимися безработными. Становится актуальным формирование социальных кластеров как способ трансформации российского общества в социально-ориентированное. Кластер — это объединение нескольких однородных элементов, которое может рассматриваться как самостоятельная единица, обладающая определенными свойствами. Применительно к экономической сфере деятельности кластер рассматривается как сконцентрированная территориальная группа взаимосвязанных компаний, характерными признаками которой являются географическая близость, родство технологий, общность сырьевой базы, наличие инновационной составляющей. Эта трактовка наиболее часто находит отражение в экономических исследованиях российских и зарубежных авторов [Адамова, 2009, с. 172–177; Горетов, 2009, с. 37–39; Гриценко, 2009, с. 74–80; Дадаев, 2008, с. 86–90 и др.].

В современных условиях формирование социальных кластеров выступает способом развития российской экономики, ориентированной как на повышение эффективности и конкурентоспособности российских предприятий, так и на формирование социального государства [Галиахметова, 2013, с. 85–87; Бабинцев, 2012, с. 3; Ларионова, 2006, с. 207–215 и др.]. Ряд исследователей акцентируют внимание на региональных аспектах социальной кластеризации [Иваненко 2006, 2008, 2013; Зеленцова, 2013, с. 24–30; Маркушина, 2010, 18; Карпова 2007 и др.]. При рассмотрении социальной сферы могут использоваться разные подходы к трактовке ее кластеризации. Критериями кластера могут быть социальный статус и сфера деятельности.

Мы разделяем позицию академика В.Л. Макарова, в соответствии с которой более устойчивое и справедливое общество, чем настоящее, — это социальный кластеризм. В соцклассовом обществе главная мотивация у человека, по мнению Макарова, состоит в стремлении повысить свой общественный статус. Каждый соцкластер производит свой продукт, без которого человеческое общество невозможно [Макаров, 2010, с. 139–141]. Базовый принцип — равноправие социальных кластеров — должен сохраняться. Макаров выделяет шесть

социальных кластеров, называя их *сословиями нового типа*: предпринимателей (деловых людей), военных, госслужащих, ученых, учителей, врачей, представителей культуры и искусства, священнослужителей. Но данная типология требует детализации за счет деления «кластера предпринимателей, или деловых людей» на несколько отдельных кластеров, обладающих отличительными чертами.

Можно выделить «кластер предпринимателей и собственников бизнеса» и «кластер наемных работников». Для Воронежской области актуально выделить соцкластер «молодые специалисты»: в регионе насчитывается почти четыре десятка вузов и столько же средних профессиональных учебных заведений. Ежегодно рынок труда пополняется 35–40 тыс. выпускников, получивших диплом о профессиональном образовании.

2. Развитие прекаризации

Развитие прекаризации в отдельных социальных кластерах приводит к тому, что между отдельными соцкластерами возникают значительные различия с точки зрения их места в обществе. Негативные аспекты влияния неустойчивой занятости на социально-трудовые отношения нашли отражение в работах российских ученых [Бобков, 2011, 2012; Вередюк, 2013, с. 25–32 и др.]. Наиболее острыми вопросами являются высокий риск увольнения отдельных категорий работников и значительная дифференциация доходов. Анализ статистики рынка труда Воронежской области свидетельствует о том, что чаще всего в трудовые отношения при недостатке правовых и социальных гарантий вступают молодые люди без опыта работы: каждый третий-четвертый безработный в регионе моложе 30 лет.

Динамичное социально-экономическое развитие предполагает ориентацию на молодежь, поэтому в рамках сотрудничества кафедры экономики труда и основ управления Воронежского госуниверситета и Департамента труда и занятости населения Воронежской области было проведено социологическое исследование рынка труда в его молодежном сегменте [см. также: Курильченко, 2013, с. 112–119]. Анализ результатов исследования профессионального самоопределения молодежи, вступающей в сферу занятости, позволил сделать вывод, что значительная ее часть психологически не готова адекватно оценить свои способности и возможности, совместить их с потребностями рынка труда. Показательно, что более чем для 80% респондентов определяющим при выборе будущего места работы является уровень заработной платы (рис. 1). Одновременно каждый

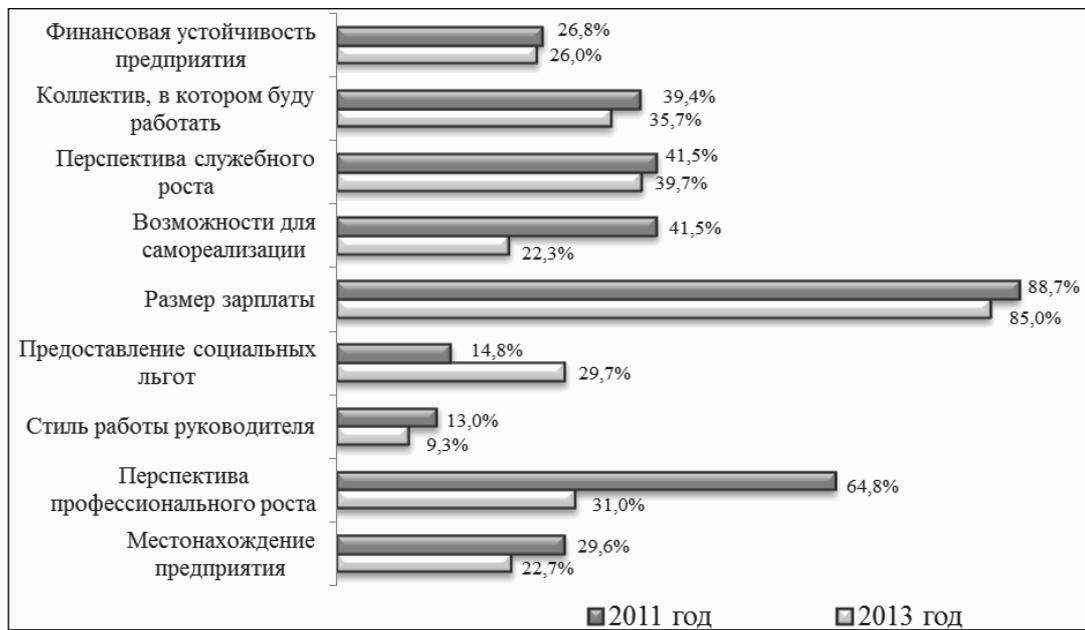

Рис. 1. Характеристики будущей работы, важные с точки зрения выпускников вузов (2011–2013 гг.), % к опрошенным

второй выпускник профессиональной школы не намерен работать по полученной профессии [Аношин, Курильченко, 2013, с. 97–104]. Мониторинговый характер исследования позволяет говорить об устойчивости отмеченных тенденций¹.

Показательно, что среди направленных на профессиональное обучение имеющих официальный статус безработных значительную долю составляют молодые люди: в 1 полугодии 2014 г. — 42,4%, в 2013 г. — 42,0%, в 2012 г. — 43,1% [Кадомцева, 2013, с. 87–96]. Это подтверждает тезис о том, что старшеклассники делают профессиональный выбор, не основываясь на сведениях о ситуации на рынке труда (спросе на рабочую силу, востребованных специальностях, условиях труда и т.п.) [Башмаков, 2013, с. 60–70]. Молодежный сегмент регистрируемого рынка труда на протяжении последних лет остается значительным, несмотря на снижение доли получающих официальный статус безработных среди тех, кто обращается за государственными услугами в области содействия занятости, и увеличение доли трудоустроенных среди этой категории граждан (табл. 1).

¹ Опрос проведен в две волны (2011 и 2013 гг.) по заказу Департамента труда и занятости населения Воронежской области. Выборка квотная, двухступенчатая. На первой ступени отобраны вузы в соответствии с профилем подготовки, на второй — факультеты. Отбор респондентов внутри факультета осуществлен случайным образом. Объем выборки — 650 человек. Метод опроса — личное интервью.

Таблица 1

Молодежный рынок труда (регистрируемый сегмент), Воронежская область

Параметр	Год				
	2009	2010	2011	2012	2013
Доля молодых людей из числа обратившихся за различными услугами в органы занятости, получивших статус безработных, %	72,6	65,8	60,2	60,3	46,1
Доля молодых людей из числа состоящих на учете в органах занятости, нашедших работу, %	46,1	50,9	59,8	71,6	78,4
Доля направленных на профессиональное обучение в общей численности молодых безработных, %	14,2	15,1	17,3	12,4	16,1
Доля принявших участие в социально-адаптационных программах в общей численности молодых безработных, %	5,8	9,4	10,5	7,0	8,1

В зону риска попадают и другие социально-демографические группы (женщины с малолетними детьми, лица «третьего возраста» и т.д.). При этом меры государственной поддержки их занятости носят разрозненный характер и не позволяют решать проблему системно. Неустойчивость занятости обуславливают значительные профессионально-квалификационные и территориальные диспропорции областного рынка труда [Медведева, 2013, с. 59–65]. Так, доля вакансий

для специалистов с высшим образованием в общем спросе на рынке труда по итогам 2013 г. составила 24,3%, а среди соискателей на рабочие места лица с высшим образованием составляют 42,5% (рис. 2). Ситуация усугубляется несовпадением в разрезе конкретных специальностей: по некоторым из них предложение рабочей силы превышает спрос на нее в 10 и более раз.

Территориальные различия приведены на рис. 3.

3. Прекаризация и социально-экономические характеристики населения

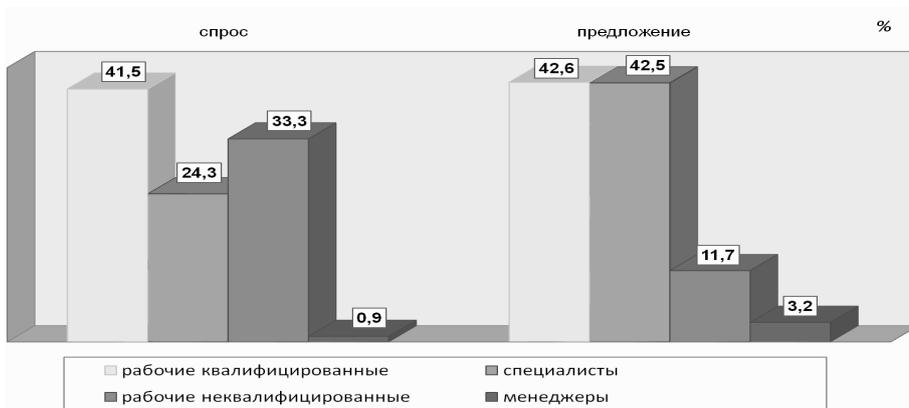
Как свидетельствуют приведенные данные, разрыв между самым благополучным муниципальным районом (Рамонским) и самым неблагополучным (Каменским) по данному показателю составляет 32,5 раза. В условиях существенного превышения предложения рабочей силы над спросом на нее в ряде профессиональных групп и территорий работодатель имеет возможность диктовать работнику свои условия найма.

Неустойчивость занятости и низкий уровень оплаты труда в одних кластерах и, напротив, значительный рост доходов в других приводят к усилению расслоения общества [Бобков, Вередюк,

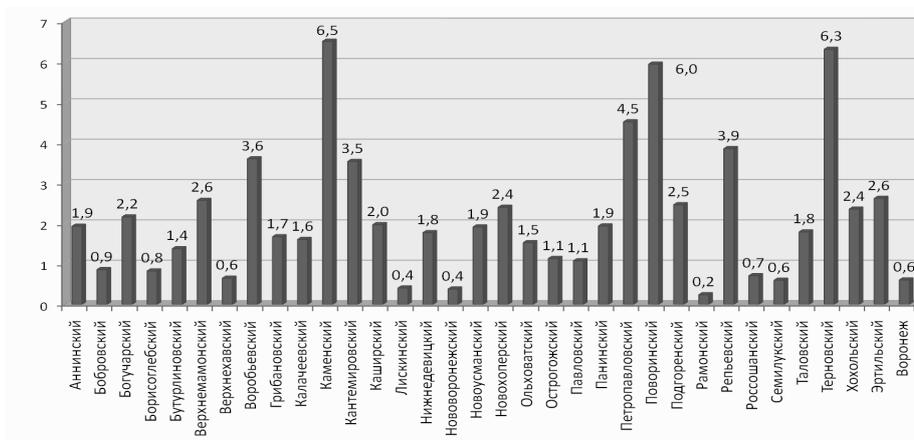
2013, с. 66–78]. Так, децильный коэффициент (коэффициент фондов), характеризующий степень расслоения общества, по итогам 2013 г. в регионе превысил 15. По рекомендациям ООН, он не должен превышать 8–10, в противном случае ситуация чревата социальными катаклизмами.

Анализ динамики децильного коэффициента за последние годы показывает, что в Воронежской области существенный разрыв в уровне жизни отдельных социальных кластеров приобрел характер устойчивой тенденции (табл. 2). Запланированное в рамках региональной стратегии социально-экономического развития снижение разрыва между доходами 10% наиболее обеспеченных и 10% наименее обеспеченных социальных групп не было реализовано: он составил 15,6 раза против ранее планируемых 12,9, увеличившись по сравнению с 2012 г. на 106,1%. Среднедушевые денежные доходы группы 10% с наивысшими доходами в 2013 г. составили в среднем за месяц 67,6 тыс. руб., увеличившись по сравнению с 2012 г. на 20,0%, а у 10% наименее обеспеченных они не превышали 4,3 тыс. руб., или 113,4% к уровню предыдущего года.

Статические данные свидетельствуют о том, что увеличение децильного коэффициента про-

Рис. 2. Соотношение спроса на рабочую силу и ее предложения на рынке труда Воронежской области (итоги 2013 г.)

Рис. 3. Коэффициент напряженности на рынках труда муниципальных районов и городских округов Воронежской области (2013 г.)

Таблица 2

Децильный коэффициент (Воронежская область)

	Год				
	2009	2010	2011	2012	2013
Децильный коэффициент (коэффициент фондов), раз	14,3	14,7	14,6	14,7	15,6

исходит за счет опережающего роста доходов обеспеченных групп населения. Государственные меры поддержки, направленные на повышение доходов малообеспеченных групп, оказываются недостаточно эффективными для минимизации отмеченного разрыва. Характерно, что в среднем по региону рост среднедушевых доходов превышает уровень инфляции. Так, доходы на душу населения в Воронежской области составили в 2009 г. 11 999,4 руб., в 2010 г. — 13 883,3 руб., в 2011 г. — 15 908,5 руб., в 2012 г. — 18 947,7 руб., в 2013 г. — 22 259,7 руб. Другими словами, за пять лет рост среднедушевых доходов составил 185,5%. Показательно, что рост среднеобластной заработной платы за этот же период был на 19,5 процентных пункта ниже и составил 166,0%. Этот процесс, сопровождающийся удорожанием потребительской корзины (табл. 3), приводит к расширению бедности: доля населения с доходами ниже среднего уровня в 2013 г. увеличилась на 0,3% и составила 64,9%. Одновременно величина прожиточного минимума во 2 квартале 2014 г. по сравнению с аналогичным периодом 2013 г. увеличилась на 115,1% (табл. 4), превысив темпы инфляции.

К причинам неустойчивой занятости в регионе относятся:

- низкий уровень оплаты труда в регистрируемом секторе экономики (по имеющимся данным, 15–20% крупных и средних предприятий выплачивают заработную плату ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения, хотя это и противоречит положениям заключенного на 2014–2016 гг. областного трехстороннего соглашения между правительством, объединениями работодателей и профсоюзами);
- высокая доля мелкотоварного производства;
- высокий уровень неформальной занятости и теневой заработной платы, которые, по социологическим данным, в последние годы возрастают;
- высокий уровень очаговой безработицы, обусловленной территориальными и профессионально-квалификационными диспропорциями между спросом на рабочую силу и ее предложением (в отдельных муниципальных районах коэффициент напряженности на рынке труда превышает 5 ед.);
- низкая эффективность профориентационной работы среди населения, в первую очередь молодежи, приводящая к падению престижности массовых рабочих профессий, формированию завышенных ожиданий как соискателей на рабочее место (в отношении уровня заработной платы, условий и характера труда), так и работодателей (в отношении уровня профессиональной подготовки и набора компетенций претендентов на рабочие места).

Таблица 3

Стоимость потребительской корзины (Воронежская область)

Период (год, квартал)	На душу населения (в среднем по области), руб.	Для трудоспособного населения, руб.	Для пенсионеров, руб.	Для детей, руб.
2013, 1 кв.	5359	5552	4800	5566
2013, 2 кв.	5603	5811	5015	5807
2013, 3 кв.	5645	5862	5064	5793
2013, 4 кв.	5614	5821	5048	5781
2014, 1 кв.	6056	6280	5439	6293
2014, 2 кв.	6456	6697	5798	6694

Таблица 4

Прожиточный минимум в Воронежской области, руб.

Период (год, квартал)	На душу населения (в среднем по области)	Для трудоспособного населения	Для пенсионеров	Для детей
2013, 1 кв.	5766	6231	4800	5566
2013, 2 кв.	6031	6524	5015	5807
2013, 3 кв.	6077	6582	5064	5793
2013, 4 кв.	6043	6535	5048	5781
2014, 1 кв.	6512	7053	5439	6293
2014, 2 кв.	6944	7524	5798	6694

Среди выявленных факторов особенно важен низкий уровень заработной платы и доходов значительной части населения в регистрируемом секторе экономики [Яковлев, 2013, с. 84–92].

Необходимо отметить, что темпы роста заработной платы в Воронежской области в последние три года стали замедляться (табл. 5).

Таблица 5

Темпы роста заработной платы

Темпы роста к соответствующему периоду предыдущего года, %	Период								
	1 полугодие 2010 г.	2010 г.	1 полугодие 2011 г.	2011 г.	1 полугодие 2012 г.	2012 г.	1 полугодие 2013 г.	2013 г.	1 полугодие 2014 г.
	115	114	111	114	116	114	112	111	110

Среднемесячная заработная плата в целом по области за 2009–2013 гг. увеличилась в 1,7 раза. Анализ данных об оплате труда по видам экономической деятельности позволяет говорить, что в 1 полугодии 2014 г. наибольшими темпами она росла в оптовой и розничной торговле и услугах населению, образовании, здравоохранении, операциях с недвижимостью, транспорте и связи. Существенное (в разы) повышение заработной платы работникам образования и здравоохранения связано с реализацией соответствующих «дорожных карт», разработанных в рамках реализации указов Президента РФ.

Несмотря на меры по увеличению заработной платы отдельным категориям работников, могут быть выделены виды экономической деятельности, в которых работники с точки зрения своего финансового благополучия попадают в зону риска [Жарова, 2013, с. 81–90]. В таких областях, как сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, уровень заработной платы в 1 полугодии 2014 г. составил 72,9% среднеобластного показателя, рыболовство и рыбоводство — 61,3%. В некоторых областях низкий официальный уровень заработ-

ной платы свидетельствует, по нашему мнению, не столько о действительном уровне оплаты труда, сколько о широко распространенной практике «теневой» заработной платы. По данным статистики, в 1 полугодии 2014 г. средняя заработная плата в отрасли «гостиницы и рестораны» составила 8,2 тыс. руб., финансовая деятельность — 17,9 тыс. руб., снизившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года почти вдвое [См. также: Рогожникова, 2013, 31, с. 100–103].

По данным ежеквартального мониторинга, который проводится Департаментом труда и занятости населения Воронежской области, в 1 полугодии 2014 г. доля предприятий, выплачивающих заработную плату работникам на недопустимо низком уровне, оставалась стабильно высокой (рис. 4).

Решение этой проблемы базируется прежде всего на преодолении бедности, представляющей собой особое социальное явление — экономическое и социокультурное состояние людей, у которых ограничены свобода действий, выбора и возможности, а также доступ к социальным благам. Сложившаяся модель бедности в регионе стала результатом низкого уровня доходов от занятости.

Анализ текущего благосостояния населения Воронежской области позволил выявить наиболее уязвимые его группы (сельское население, безработные, семьи с детьми, инвалиды, одинокие неработающие пенсионеры) и определить влияние различных факторов на динамику бедности и неравенства. Большинство бедных составляют трудоспособные люди. Профиль стратификации, или профиль неравенства, в регионе можно изобразить в виде конуса: наименьшие доходы получает большинство, средние доходы — относительно большая группа, а наивысшие — меньшинство населения [Колот, 2013, с. 38–49]. Но более предпочтительный профиль стратификации — ромб, когда высокий и низкий уровень доходов имеет лишь незначительная часть населения, основная часть — средний класс — имеет средний уровень доходов.

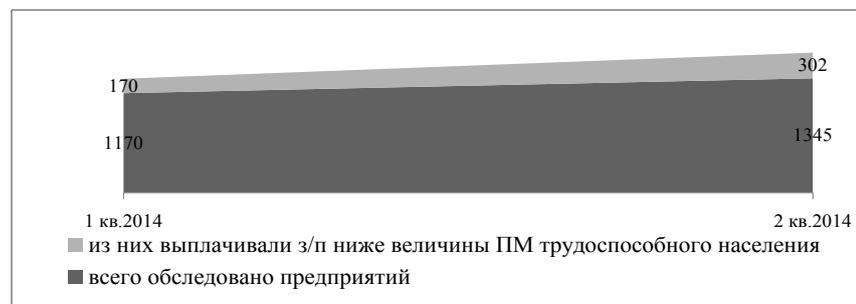

Рис. 4. Мониторинг гарантий по оплате труда (Воронежская область, 2014 г.)

4. Социологическое исследование проблем неустойчивой занятости

Результаты проведенных социологических исследований совокупного месячного дохода респондентов и совокупного месячного дохода их семей позволили выявить проблему семейной бедности. Уровень жизни семей, при прочих равных условиях, в решающей степени зависит от величины заработной платы ее работающих членов, так как доля заработной платы в денежных доходах населения составляет 60–70%. Заработная плата имеет существенные отличия по отраслям и территориям. Анализ данных об отношении среднемесячной начисленной заработной платы работников предприятий и организаций по отраслям экономики и бюджетной сферы показывает значительную (более 3 раз) межсекторальную дифференциацию заработной платы. Если в среднем по Воронежской области среднемесячная зарплата в 2014 г. превысила 22 тыс. руб. при наиболее высоком ее уровне в финансовой деятельности, то в наиболее неблагоприятном положении находились работники здравоохранения и сельского хозяйства. Существенные различия в уровне заработной платы (более 3 раз) имеют место в муниципальных образованиях области.

Успех в борьбе с бедностью может быть достигнут только при работе одновременно по двум направлениям. Во-первых, стимулирование продуктивного использования главного капитала бедных — рабочих рук. Такая политика должна предусматривать мобилизацию рыночных стимулов, социальных и политических институтов, всей инфраструктуры и возможностей современных технологий. Во-вторых, обеспечение населения основными социальными услугами (здравоохранение, питание, начальное образование). Оба направления взаимно усиливают друг друга и не дают эффекта в отдельности [Ракитский, 2013, с. 50–58].

Повысить устойчивость занятости и материальное благосостояние можно только при объединении усилий государства и общества. Это отражает реализация Концепции достойного труда, которая вошла как раздел в программу развития всего мирового сообщества. К ключевым направлениям достойного труда относятся:

- достойная заработная плата;
- эффективная занятость, сбалансированный рынок труда;
- эффективные системы социального страхования, социальной защиты и социальных услуг;
- социальное партнерство;
- соблюдение трудовых прав и уважение интересов работника;

- гендерное равенство;
- безопасные условия труда;
- сильные профсоюзы.

В современных условиях возрастает роль социального партнерства — органов государственной власти, представителей работодателей и общественных организаций — при решении вопросов повышения уровня жизни населения, улучшения условий труда, формирования цивилизованного диалога между ними. К проблемам, решение которых позволило бы повысить устойчивость занятости, относится отсутствие на федеральном уровне Концепции развития социального партнерства и порядка подготовки трудовых арбитров.

На уровне исследуемого региона коллективными договорами, которые самим фактом своего существования поддерживают стабильность занятости на предприятии, охвачено всего 6,6% организаций. Наименьший охват характерен для таких отраслей, как строительство, операции с недвижимостью, сельское хозяйство, обрабатывающие производства. При этом коллективный договор выгоден не только работнику, но и работодателю, который получает возможность отнести к расходным статьям затраты на обеспечение дополнительных гарантий, а не оплачивать их из прибыли. Наибольшие возможности для совершенствования социального партнерства сегодня существуют на уровне муниципальных районов и городских округов. Основной проблемой муниципального уровня остается, по нашему мнению, невысокий уровень развития организационных структур малого и среднего бизнеса и наличие неформального сектора экономики.

На территориях ситуация различается, причем значительно: разрыв между самым благополучным муниципальным районом (Лискинским) и самым неблагополучным (Каширским) составляет 3,7 раза. Одна из основных проблем — недостаточный уровень развития территориальных структур общественных объединений работников и работодателей, неперенных участников отраслевых и трехсторонних соглашений.

Ключевые направления развития нашей страны и ее регионов обусловлены Стратегией-2020. Ориентация на перспективу позволяет формировать вектор изменений во всех сферах деятельности, что особенно важно для проблемных регионов, к которым относится Воронежская область. Стратегия социально-экономического развития Воронежской области на период до 2020 г. реализуется как стратегия опережающего развития. Это обусловлено высоким уровнем показателей, а

также основывается на выполнении следующих условий:

1) формирование прогнозных оценок осуществляется исходя из необходимости достижения намеченных показателей, т.е. предусматриваются более высокие темпы их изменения по сравнению со сложившимися;

2) конкурентное преимущество региона обеспечивается более быстрыми темпами изменения основных показателей данного региона по сравнению с соседними.

Опережающее развитие базируется на использовании инноваций во всех сферах деятельности, обуславливающих прогрессивность происходящих процессов. Инновация трактуется как внедренное

новшество, обеспечивающее качественный рост эффективности процессов или продукции, востребованное рынком, рассматривается как результат инвестирования интеллектуального решения в разработку и получение нового знания, ранее не применявшейся идеи по обновлению сфер жизни людей. По нашему мнению, применение инновационных подходов в социально-экономической сфере, направленных на повышение устойчивости занятости и регулирование рынка труда, позволит избежать негативных последствий значительной дифференциации не только внутри отдельных социальных кластеров, но и между ними.

Список литературы

1. Адамова К.З. Кластерная политика как инструмент повышения конкурентоспособности национальной экономики // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2009. № 38. С. 172–177.
2. Афанасьев М., Мясникова Л. Мировая конкуренция и кластеризация // Вопросы экономики. 2005. № 4. С. 79–86.
3. Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф., Шаповал Ж.А. Проблема кластерного управления социальной сферой в экономической социологии // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Филос. 2012. № 1 (16) 5.
4. Бобков В.Н., Черных Е.А., Алиев У.Т., Курильченко Е.И. Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 5.
5. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Неустойчивость занятости как макроэкономическая проблема: подходы к количественной оценке масштабов в России // Материалы международной научной конференции «Социальная политика для современной России: цели и измерения», посвященной памяти А.Ю. Шевякова (18 октября 2012 г., г. Москва) / Отв. ред. В.В. Локозов. М.: Экономическое образование, 2012.
6. Вередюк О.В. Неустойчивость занятости: теоретические основы и оценка масштабов в России // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2013. № 1. С. 25–32.
7. Галиахметова М.Р. Кластерный подход как направление в развитии высшего образования и экономики региона // III Социальный форум «Рынок труда и политика занятости: состояние и перспективы развития»: Сборник докладов и выступлений. 7–8 ноября 2013 г. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», 2013. С. 85–87.
8. Горетов И.Н. Перспективы реализации кластерных инициатив в регионах // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 12. С. 37–39.
9. Гриценко С.И. Развитие кластеров через призму синергетики: методология развития кластеров // Российское предпринимательство. 2009. № 5. С. 74–80.

References

1. Adamova K.Z. Klaster'naya politika kak instrument povysheniya konkurentosposobnosti natsional'noy ekonomiki [Cluster policy as a tool to improve the competitiveness of the national economy]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Herald of Saratov State Technical University]. 2009, I. 38, pp. 172–177.
2. Afanas'ev M., Myasnikova L. Mirovaya konkurentsia i klasterizatsiya [global competition and clustering]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics]. 2005, I. 4, pp. 79–86.
3. Babintsev V.P., Ushamirskaya G.F., Shapoval Zh.A. Problema klaster'nogo upravleniya sotsial'noy sferoy v ekonomicheskoy sotsiologii [The problem of cluster management in the social sphere of economic sociology]. *Vestnik Volgogradskogo gos. un-ta. Ser. 7, Filos* [Bulletin of the Volgograd State. Univ. Ser. 7, Philos.]. 2012, I. 1 (16), p 5.
4. Bobkov V.N., Chernykh E.A., Aliev U.T., Kuril'chenko E.I. Neustoychivost' zanyatosti: negativnye storony sovremennykh sotsial'no-trudovykh otnosheniy [Instability of employment: the negative aspects of modern social and labor relations]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2011, I. 5.
5. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Neustoychivost' zanyatosti kak makroekonomicheskaya problema: podkhody k kolichestvennoy otsenke masshtabov v Rossii [Instability of employment as a macroeconomic problem: approaches to quantify the scale in Russia]. *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Sotsial'naya politika dlya sovremennoy Rossii: tseli i izmereniya», posvyashchennoy pamyati A. Yu. Shevyakova (18 oktyabrya 2012 g., g. Moskva)* [Proceedings of the international scientific conference "Social policy in contemporary Russia: objectives and measurement", dedicated to the memory AY Shevyakova (18 October 2012, Moscow)]. Moscow, Economic Education Publ., 2012.
6. Veredyuk O.V. Neustoychivost' zanyatosti: teoreticheskie osnovy i otsenka masshtabov v Rossii [Instability of employment: theoretical foundations and assessment of the extent in Russia]. *Vestnik SPbGU. Seriya 5: Ekonomika* [Vestnik St. Petersburg State University. Serie 5: The Economy]. 2013, I. 1, pp. 25–32.

10. Дадаев Л.М. Теоретические аспекты анализа кластерной организации региональной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 24. С. 86–90.
11. Зеленцова Л.С., Иваненко Л.В. Методологические проблемы эффективного управления регионом // Основы экономики, управления и права. 2013. № 2 (8). С. 24–30.
12. Иваненко Л.В. Управление регионом. Концепция мегакластерной организации экономики. Самара, 2008.
13. Иваненко Л.В., Тимощук Н.А., Заикина М.А. Кластер как способ повышения потенциала Самарского региона на рынке туристических услуг // Город и городское хозяйство: сб. мат-лов II Всерос. конф. Самара, 2006. С. 39–55.
14. Иваненко Л.В., Тимощук Н.А. Создание социального кластера как механизм инновационных преобразований социальной сферы в регионе // Вестник СамГУ. 2013. № 10 (111).
15. Карпова Д.П. Использование кластерного подхода в управлении региональной экономикой // Региональная экономика и управление. 2007. № 4 (12).
16. Ларионова Н.И. Стратегия развития рыночных отношений в сервисном кластере экономики // Социально-гуманитарные знания. 2006. №11. С. 207–215.
17. Макаров В.Л. Социальный кластеризм. Российский вызов. М.: Бизнес Атлас, 2010.
18. Маркушина Е.В. Кластеры и кластерные стратегии в развитии экономики региона // Проблемы современной экономики. 2010. № 2 (34).
19. The American Heritage Dictionary of the English Language. Fourth Edition. 2000.
20. Comparing Welfare Capitalism: Social Policy and Political Economy in Europe, Japan and the USA. London-New York, 2001.
21. Porter M.E. Strategy and the Internet // Harvard Business Review. 2001. Vol. 79. №9. March. P. 43–59.
22. Курильченко Е.И. Неустойчивость занятости выпускников высших учебных заведений Удмуртской Республики (по результатам социологического опроса) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 112–119.
23. Аношин А.В., Курильченко Е.И. Направления интеграции рынка труда и рынка образовательных услуг в сфере высшего профессионального образования Удмуртской Республики // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 97–104.
24. Кадомцева С.В. Несбалансированность рынка труда и занятость молодежи // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 87–96.
25. Башмаков В.И. Социальное партнерство в России: пути становления // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10 (188). С. 60–70.
26. Медведева Т.А. Методы описания социальных систем и социально-трудовых отношений // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 59–65.
27. Колот А.М. Наука о труде и социально-трудовых отношениях: вызовы. и доминанты теоретико-методологического обновления // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 38–49.
7. Galiakhmetova M.R. Klasteryny podkhod kak napravlenie v razvitii vysshego obrazovaniya i ekonomiki regiona [cluster approach as a trend in the development of higher education and the economy of the region]. *III Sotsial'nyy forum «Rynok truda i politika zanyatosti: sostoyanie i perspektivy razvitiya»: sbornik dokladov i vystupleniy. 7–8 noyabrya 2013 g* [III Social Forum “The labor market and employment policy: state and development prospects”: collection of reports and presentations. 7-8 November 2013]. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics Publ., 2013, pp. 85–87.
8. Goretov I.N. Perspektivy realizatsii klasternykh initsiativ v regionakh [The Promise of cluster initiatives in the regions]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2009, I. 12, pp. 37–39.
9. Gritsenko S.I. Razvitie klasterov cherez prizmu sinergetiki: metodologiya razvitiya klasterov [development of clusters through the prism of synergy: cluster development methodology]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship]. 2009, I. 5, pp. 74–80.
10. Dadaev L.M. Teoreticheskie aspekty analiza klasternoy organizatsii regional'noy ekonomiki [Theoretical aspects of the analysis of cluster organization of the regional economy]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice]. 2008, I. 24, pp. 86–90.
11. Zelentsova L.S., Ivanenko L.V. Metodologicheskie problemy effektivnogo upravleniya regionom [Methodological problems in the effective management of the region]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava* [Fundamentals of Economics, Management and Law]. 2013, I. 2 (8), pp. 24–30.
12. Ivanenko L.V. *Upravlenie regionom. Kontseptsiya megaklasternoy organizatsii ekonomiki* [Management of the region. Megaklaster concept of economic organization]. Samara, 2008.
13. Ivanenko L.V., Timoshchuk N.A., Zaikina M.A. Klaster kak sposob povysheniya potentsiala Samarskogo regiona na rynke turisticheskikh uslug [Cluster as a way to increase the capacity of the Samara region in the travel market]. *Gorod i gorodskoe khozyaystvo: sb. mat-lov II Vseros. Konf.* [City and Urban Development: Sat. mat-II All-Russian fishing. Conf.]. Samara, 2006, pp. 39–55.
14. Ivanenko L.V., Timoshchuk N.A. Sozdanie sotsial'nogo klastera kak mekhanizm innovatsionnykh preobrazovaniy sotsial'noy sfery v regione [Building social cluster of innovation as a mechanism of social services in the region]. *Vestnik SamGU* [Vestnik of SSU]. 2013, I. 10 (111)
15. Karpova D.P. Ispol'zovanie klaster'nogo podkhoda v upravlenii regional'noy ekonomiki [The use of the cluster approach in the management of the regional economy]. *Regional'naya ekonomika i upravlenie* [Regional Economics and Management]. 2007, I. 4 (12).
16. Larionova N.I. Strategiya razvitiya rynochnykh otnosheniy v servisnom klaster'e ekonomiki [The strategy of development of market relations in the service industry clusters]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Socially-humanitarian knowledge]. 2006, I. 11, pp. 207–215.
17. Makarov V.L. *Sotsial'nyy klasterizm. Rossiyskiy vyzov* [Social clusterism. Russian challenge]. Moscow, Biznes Atlas Publ., 2010.
18. Markushina E.V. Klaster'y i klasternye strategii v razvitii ekonomiki regiona [Clusters and cluster strategies in the economic development of the region]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of modern economy]. 2010, I. 2 (34).

28. *Ракитский Б.В.* Современные научные и практические подходы к проблематике труда против устаревших и бесперспективных подходов // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 6 (184). С. 50–58.
29. *Бобков В.Н., Вередюк О.В.* Неустойчивость занятости как современная проблема и исследовательская категория // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 6 (184). С. 66–78.
30. *Жарова Н.В.* Сравнительный анализ систем оплаты труда в бюджетном секторе экономики // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 7 (185). С. 81–90.
31. *Рогожников Ю.С.* Основные принципы формирования заработной платы // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 10 (188). С. 100–103.
32. *Яковлев Р.А.* Реформирование оплаты труда в бюджетных учреждениях Российской Федерации (основные этапы) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 11 (189). С. 84–92.
19. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. Fourth Edition. 2000.
20. *Comparing Welfare Capitalism: Social Policy and Political Economy in Europe, Japan and the USA*. London-New York, 2001.
21. Porter M.E. Strategy and the Internet. *Harvard Business Review*. 2001. Vol. 79. 9. March. P. 43–59.
22. Kuril'chenko E.I. Neustoychivost' zanyatosti vypusknikov vysshikh uchebnykh zavedeniy Udmurtskoy Respubliki (po rezul'tatam sotsiologicheskogo oprosa) [Instability of employment of graduates of the Udmurt Republic (according to the opinion poll)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 112–119.
23. Anoshin A.V., Kuril'chenko E.I. Napravleniya integratsii rynka truda i rynka obrazovatel'nykh uslug v sfere vysshego professional'nogo obrazovaniya Udmurtskoy Respubliki [Direction of integration of the labor market and the market of educational services in the field of higher education of the Udmurt Republic]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 97–104.
24. Kadomtseva S.V. Nesbalansirovannost' rynka truda i zanyatost' molodezhi [Imbalance in the labor market and youth employment]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 87–96.
25. Bashmakov V.I. Sotsial'noe partnerstvo v Rossii: puti stanovleniya [Social partnership in Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 60–70.
26. Medvedeva T.A. Metody opisaniya sotsial'nykh sistem i sotsial'no-trudovykh otnosheniy [Methods for describing social systems and social and labor relations]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 59–65.
27. Kolot A.M. Nauka o trude i sotsial'no-trudovykh otnosheniyakh: vyzovy. i dominanty teoretiko-metodologicheskogo obnoveniya [The science of labor and social and labor relations: challenges. and the dominant theoretical and methodological renovation]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 38–49.
28. Rakitskiy B.V. Sovremennye nauchnye i prakticheskie podkhody k problematike truda protiv ustarevshikh i besperspektivnykh podkhodov [Modern scientific and practical approaches to the problems of labor against obsolete and unpromising approaches]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 50–58.
29. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Neustoychivost' zanyatosti kak sovremennaya problema i issledovatel'skaya kategoriya [Instability of employment as a modern problem and research category]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 66–78.
30. Zharova N.V. Sravnitel'nyy analiz sistem oplaty truda v byudzhennom sektore ekonomiki [Comparative analysis of wages in the public sector of the economy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 7 (185), pp. 81–90.
31. Rogozhnikova Yu.S. Osnovnye printsipy formirovaniya zarabotnoy platy [The basic principles of wage formation].

Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 100–103.

32. Yakovlev R.A. Reformirovanie oplaty truda v byudzhetykh uchrezhdeniyakh Rossiyskoy Federatsii (osnovnye etapy) [Reforming wages in budgetary institutions of the Russian Federation (main stages)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 84–92.

Влияние реструктуризации градообразующего предприятия на социально-трудовую сферу моногорода

The Impact of Restructuring the Main Enterprise on the Social and Labour Sphere of the Monocity

Получено 11.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 331.5

DOI: 10.12737/7402

ФЕДОРОВА А.Э.

канд. экон. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления, Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина.
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19.
E-mail: dekan_2002@mail.ru

ПАРСЮКЕВИЧ А.М.

аспирант Уральского федерального университета, генеральный директор ЗАО «Специальное техническое снабжение».
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 65.
E-mail: a030363@yandex.ru

FYODOROVA A.E.

PhD in Economics, Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Technologies of Control, Boris Yel'tsin Ural Federal University.
19 Mir Street, Yekaterinburg 620002, Russia.
E-mail: dekan_2002@mail.ru

PARSYUKEVITCH A.M.

Postgraduate of the Chair of Sociology and Social Technologies of Control, Boris Yel'tsin Ural Federal University, Director General of the Special Procurement LLC.
65 8th March Street, Yekaterinburg 620002, Russia.
E-mail: a030363@yandex.ru

Аннотация

Теоретические и эмпирические положения статьи. Социально-экономические преобразования и кризисные явления, наблюдаемые в последние годы в российской экономике, обусловили трансформацию социально-трудовой сферы, которая оказалась наименее адаптированной к новым реалиям экономической жизни общества. В свою очередь качественное и количественное состояние трудовых ресурсов определяет эффективность процессов экономического роста. Стремление градообразующего предприятия сократить издержки на рабочую силу и снизить затраты на социальную инфраструктуру моногорода оказывает болезненное влияние на локальный рынок труда и экономически активное население.

Последствия данного негативного воздействия характеризуются снижением благополучия трудовых ресурсов, что обуславливает необходимость исследования проблемы социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов.

Решение задач по снижению уровня социального загрязнения социально-трудовой сферы монотерритории от экономической деятельности градообразующего предприятия существенно сдерживается отсутствием научно обоснованного информационного и методического обеспечения мониторинга, анализа и оценки факторов и процессов социального загрязнения. Актуальность данного исследования связана с насущной потребностью изучить феномен социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов и разработать методы его регулирования.

Ключевые слова: социально-трудовая сфера монотерритории, социальное загрязнение, токсические практики управления, прекариат, здоровье трудовых ресурсов предприятия.

Abstract

Theoretical and Empirical Aspect of the Article. Socioeconomic transformation and crisis phenomena in the Russian economy in recent years have led to the transformation of the social and labour sphere, which was the least adapted to the new realities of economic life. In its turn, the qualitative and quantitative state of the labour force determines the efficiency of the processes of economic growth. Consequently, there remains the relevance of monitoring the factors that characterize the influence of the main enterprise in the social and labour spheres of the monoterritory. The desire to reduce the main enterprise labour costs and reduce expenditures on the social infrastructure of the monotown has a painful impact on the local labour market and the economically active population.

Implications of the negative impact on well-being is characterized by a decrease in the labour force, which necessitates scoring and researching the problems of social pollution from economic activities of businesses.

Solving problems of lowering levels of social polluting the social and labour sphere of economic activity of the monoterritory by the main enterprise is severely limited by the lack of evidence-based information and methodological support of monitoring, analysis and evaluation of the factors and processes of social pollution. Thus, the relevance of this study is related to the urgent need to researching the phenomenon of social pollution from economic activities of economic development of enterprises and elaborating the methods of controlling it.

Keywords: social and labour sphere of the monoterritory, social pollution, toxic management practices, prekarity, the health manpower company.

1. Концепция социального загрязнения

Концепция социального загрязнения, сформулированная Дж. Пфеффером в 2010 г., подразумевает, что организации и их руководители могут использовать практики управления, которые на-

носят вред качеству жизни и благосостояния работников [1]. Мы идентифицируем социальное загрязнение от экономической деятельности хозяйствующих субъектов [Гундаров, 2013, с. 53–61] как нанесение ущерба благосостоянию и причинение вреда физическому и социально-психоло-

гическому благополучию трудовых ресурсов в результате внутренней и внешней экономической деятельности организаций [Бобков, 2013, с. 3–11] и выделяем четыре группы факторов социального загрязнения (рис.1).

Менеджмент предприятий мало обращает внимания на то, как деятельность отражается на человеке и социальной среде организации [Баженов, 2013, с. 85–89]. Стратегия минимизации затрат на рабочую силу использует токсические практики управления человеческими ресурсами, среди которых прекаризация занятости [2–3] и флексибилизация персонала [4–5] деструктивно воздействуют на работников [Манахова, 2013, с. 61–66].

Реструктуризация градообразующего предприятия в административном округе закрытого типа, при ограниченности социально-экономического развития, вызывает негативные последствия для здоровья и благополучия работающего населения моногорода [Башмаков, 2013, с. 107–113]. Большинство мероприятий по реструктуризации в ЗАТО «Новоуральский городской округ» было проведено в 2009–2011 гг. В 2009 г. был всплеск безработицы, алкоголизма, экономических преступлений и молодежной преступности в моногороде [Гусякова, Говорухина, Григорьев, 2013, с. 76–80], самые высокие показатели незаконного оборота наркотиков. В 2011 г. численность насе-

ления муниципального образования снизилась на 8,4% (8,0 тыс. человек) по сравнению с 2009 г., вырос показатель умерших на 4,8% [Куклин, Леонтьева, Никулина, 2013, с. 130–140]. С 2009 г. снизилась численность занятых в экономике муниципального образования: с 2009 по 2012 г. снижение на 14,5% [Дмитриев, Мисихина, 2013, с. 11–27], [Бобков, Гулюгина, 2013, с. 35–62]. Из-за прекращения деятельности крупных предприятий в городе снизились показатели материального благополучия населения: в 2012 г. по сравнению с 2011 г. среднедушевые доходы населения сократились на 12,8%, или на 3450 руб./мес. [Колдин, 2013, с. 149–160]. Значительная часть горожан были вынуждены искать работу за пределами города.

2. Социологические исследования проблемы социального загрязнения

В 2013 г. проведено два социологических опроса. Выборочная совокупность респондентов первого опроса составила 330 жителей МО «Новоуральский городской округ», из которых 130 человек — работники градообразующего предприятия ОАО «Уральский электрохимический комбинат» и ООО «Урал-прибор» (Новоуральский приборный завод). Таким образом, выделено две группы респондентов:

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО ЗАГРЯЗНЕНИЯ ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Рис. 1. Классификация факторов социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов

1) экономически активное население муниципального образования (МО); 2) работники целевых производственных предприятий (ЦПП) [см. Методологические подходы к разработке системы социальной стандартизации; Бобков, 2013, с. 3–6], [Мошков, 2013, с. 54–60].

Восприятие респондентами обеих групп своих позиций на локальном рынке труда показано в табл. 1. Численность работающих на фоне угрозы увольнения на исследуемых производственных предприятиях несколько выше, чем среди опрошенных жителей муниципального образования: соответственно 12,3 и 9%. Сумма ответов в обеих группах по позициям «нигде не работаю», «имею временную работу», «пока работаю, но есть угроза увольнения» позволяет оценить прекаризация занятости в городском округе на уровне 31% по первой группе опрошенных и 14,6% — по целевому хозяйствующему субъекту. Более 1/3 экономически активного населения Новоуральска (33,7%) не защищены, не уверены в будущем, и их можно отнести к прекариату [6].

Таблица 1

Структура ответов респондентов на вопрос «Работаете ли Вы в настоящее время?»

Вариант ответа	МО	ЦПП	В целом по выборке, %
Нигде не работаю	6,0	0	7,3
Имею временную работу	16,0	2,3	10,6
Имею постоянную работу	63,5	84,6	71,8
Пока работаю, но есть угроза увольнения	9,0	12,3	15,8
Пенсионер	5,5	0,8	5,5

По такому фактору социального загрязнения от экономической деятельности предприятий, как нарушение трудового законодательства [Крылова, Симакина, 2013, с. 62–67], в ходе исследования выявлено, что 12,7% респондентов пострадали от незаконного увольнения (рис. 2).

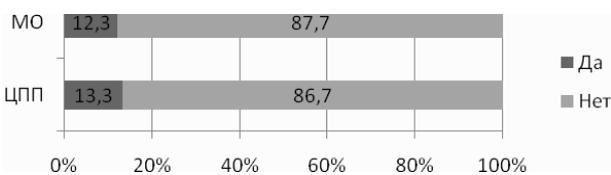

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Можете ли Вы сказать, что когда-либо пострадали от незаконного увольнения?», %

Анализ ответов о причинах последнего увольнения показывает, что 1/3 респондентов обеих групп назвали основанием для увольнения низкий уровень оплаты труда (39,2%), далее по значимости идет желание сменить место работы с целью

карьерного роста (24,9%), 1/5 респондентов (19,7%) указала на сокращение численности (рис. 3).

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Что послужило причиной Вашего ухода с последнего места работы?», %

Мнения респондентов о степени влияния предприятия на их жизнь распределились следующим образом (рис. 4). Большинство утверждает, что нет никакого влияния, 34,4% считают это влияние значимым. Положительное влияние организации чаще отмечают участники опроса среди работающего населения муниципального образования — 39,4% против 29,4% ответов работающих на градообразующем предприятии. Негативное отношение к деятельности организации чаще испытывают работники исследуемого производственного предприятия: 35,7% указали, что переживают отрицательные эмоции, работая на данном предприятии. Из них 27% утверждают, что работа ухудшает их здоровье, а 8,7% ощущают психологический дискомфорт.

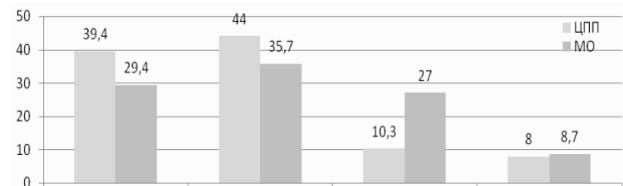

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какое влияние на качество Вашей жизни оказывает предприятие, на котором Вы работаете?», %

Выборочная совокупность респондентов второго опроса составила 207 жителей МО «Новоуральский городской округ», из которых 87 человек — работники градообразующего предприятия ОАО «Уральский электрохимический комбинат» и ООО «Уралприбор» (Новоуральский приборный завод). В структуре респондентов по категориям работников преобладают специалисты (42,5%), практически в равной степени представлены рабочие (28%) и руководители (22,7%), а наименьшую долю имеют служащие (6,8%).

В качестве одного из оценочных критериев выделена степень занятости респондентов на своих рабочих местах. Группировка опрошенных по данному критерию производится на основе распределения ответов на вопрос о месте работы в их жизни (рис. 5). Различия в оценках ответивших жителей моногорода и работников целевых предприятий незначительны, наибольшая доля ответов приходится на ежедневную работу «от звонка до звонка» (44,2 и 50,6% соответственно) и ненормированный рабочий день (35 и 43,7% соответственно). Но среди жителей городского округа встречаются те, кто вынужден выполнять сверхурочную работу (11,7%), и те, кто живет своей работой (9,2%).

Следующий критерий — отношение респондентов к текущей работе, определяющее их восприятие организационной среды (рис. 6). Ранжирование групп респондентов по этому критерию выглядит так: положительное отношение — 62,2%;

отношение может меняться в зависимости от обстоятельств — 23,9%; негативное отношение — 13,9%. Благоприятные эмоции по отношению к своей работе испытывают 2/3 респондентов, но каждый седьмой из ответивших тяготеет к необходимости трудиться на своем рабочем месте.

Мы предложили респондентам оценить степень влияния работы на их физическое самочувствие (рис. 7). Ранжированный ряд по характеру оценки: негативное влияние рабочего места на физическое самочувствие — 67,4%; отсутствие влияния на физическое самочувствие — 26,9%; положительное влияние — 5,7%. Положительное отношение к своей работе высказали 2/3 респондентов, но большинство все же ощущают негативное воздействие своего рабочего места на физическое самочувствие.

Было предложено конкретизировать причинно-следственную связь между ухудшением их физического самочувствия на рабочем месте и

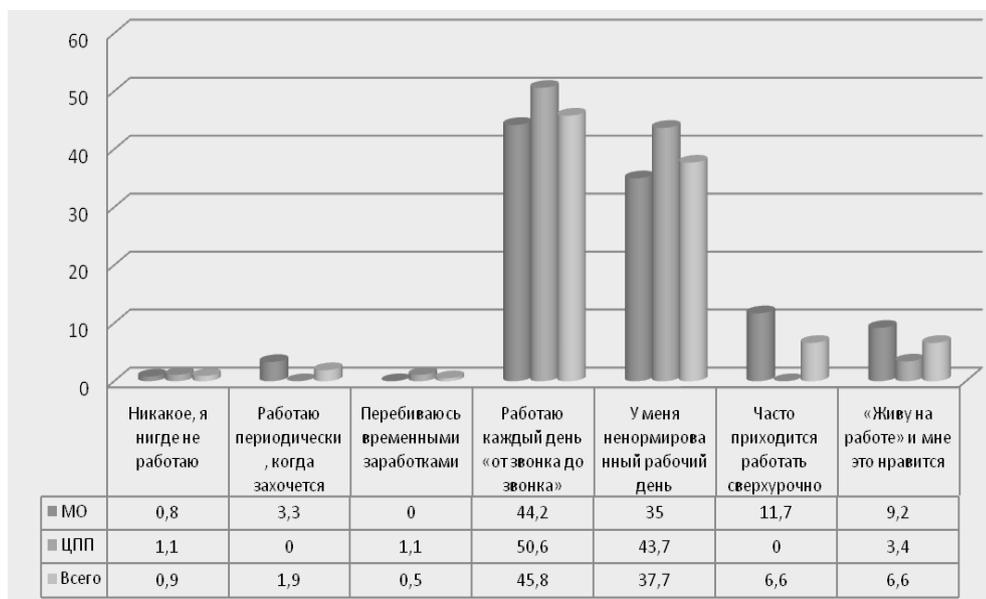

Рис. 5. Структура ответов респондентов на вопрос «Какое место в Вашей жизни занимает работа?», %

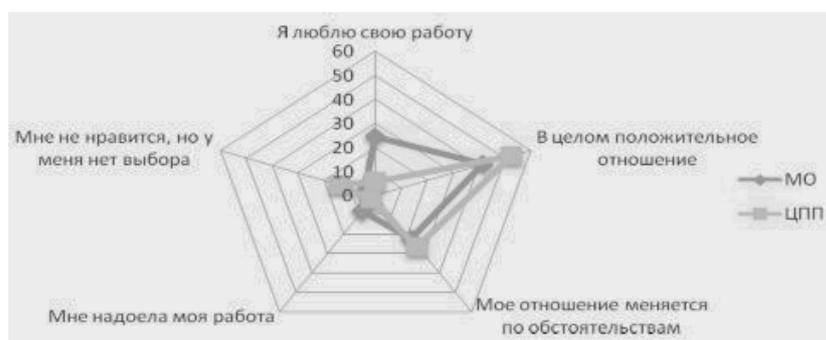

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы относитесь к своей работе?», %

формами его проявления (рис. 8). Ранжирование оценок обеих групп респондентов выглядит так: головные боли — 29,8%; нарушение сна и бессонница — 18,8%; заболевания нервной системы — 13,5%; отсутствие каких-либо проявлений — 13,5%; сердечно-сосудистые заболевания — 7,9%; переедание и/или ожирение — 5,6%; заболевания системы пищеварения — 4,9%; потеря веса — 3%; заболевания дыхательной системы — 2,6% и заболевания системы кровообращения — 0,4%.

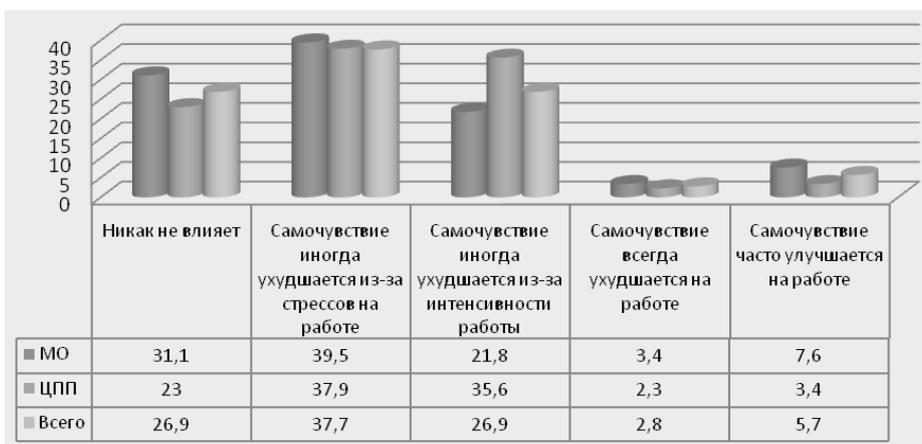
Далее респондентов просили указать фрустрирующие ситуации рабочей среды, которые наиболее часто приводят к ухудшению самочувствия (рис. 9). Отрицают наличие фрустрирующих ситуаций 39,6% респондентов, 43,5% указали на конфликтные ситуации, 11,5% — на высвобождение и перемещение кадров по различным основаниям. Очевидно, что наиболее деструктивными, по мнению работников, ситуациями можно управлять, т.е. снизить степень их токсического влияния

на психосоциальное благополучие персонала не только можно, но и необходимо [Бобков, 2013, с. 18–36].

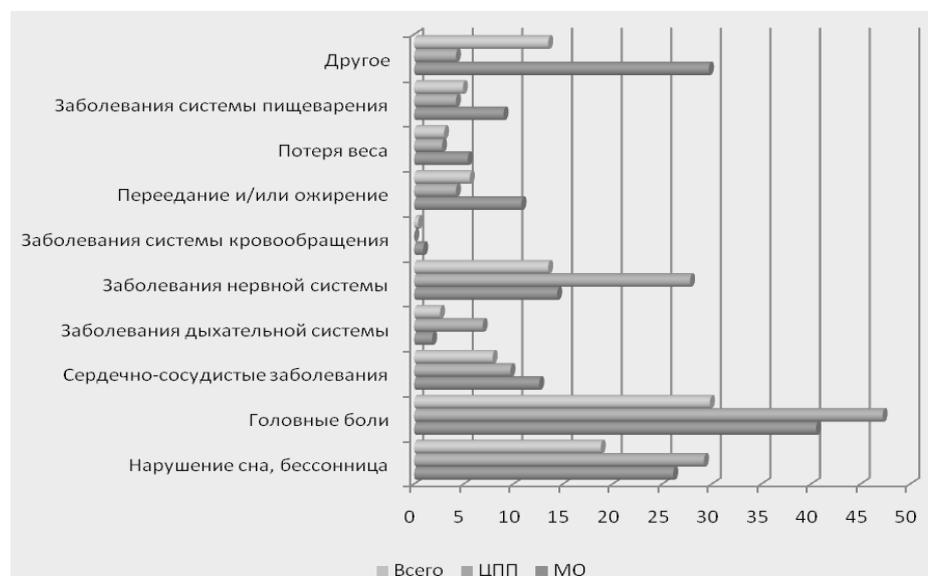
Уровень социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов в аспекте психологического благополучия работников мы оцениваем на основе оценки защищенности и уверенности в будущем (рис. 10). Среди опрошенных 49% в разной мере удовлетворительно оценили психологическую защищенность и уверенность в будущем, а 51% испытывают негативные эмоции: каждый шестой находится под давлением беспокойства, а некоторые ощущают страх и безысходность (4,7%).

3. Заключение

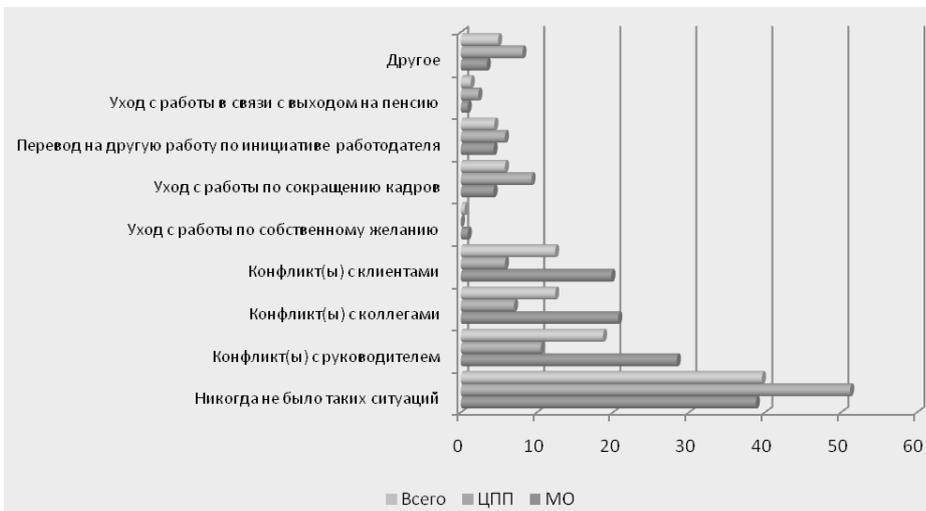
Более 2/3 работающих муниципального образования испытывают негативное влияние своего рабочего места на физическое самочувствие, вслед-

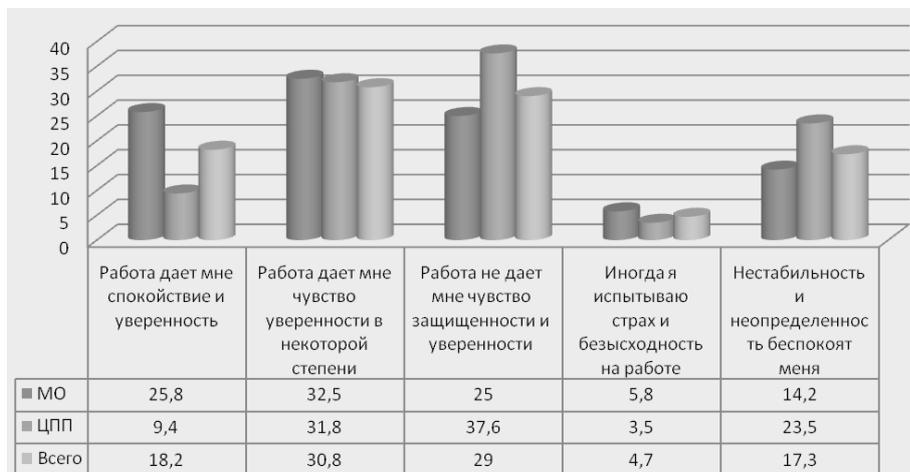
Рис. 7. Структура ответов респондентов на вопрос «Как Ваша работа влияет на Ваше физическое самочувствие?», %

Рис. 8. Структура ответов респондентов на вопрос «В чем именно проявляется ухудшение Вашего самочувствия?»

Рис. 9. Структура ответов респондентов на вопрос «Какие из перечисленных ситуаций негативно отразились на Вашем самочувствии?», %

Рис. 10. Структура ответов респондентов на вопрос «Как Ваша работа влияет на Ваше психологическое благополучие?», %

ствие чего возникают проблемы со здоровьем: у каждого третьего — головные боли; у каждого пятого — нарушение сна; у каждого седьмого — заболевания нервной системы. Отрицательное воздействие организации на социально-психологическое благосостояние работающих обусловлено тем, что каждый второй не имеет возможности удовлетворять потребности в психологической защищенности и уверенности в будущем на своем

рабочем месте. Наиболее значимы для работников среди фрустрирующих ситуаций рабочей среды конфликты с руководителями, коллегами и клиентами. Каждый пятый опрошенный житель моногорода ощущает деструктивное влияние организации на качество своей жизни в целом, что свидетельствует о наличии социального загрязнения от экономической деятельности хозяйствующих субъектов на исследуемой территории.

Список литературы

1. Pfeffer J. Building sustainable organizations: the human factor. Research Paper No. 2017. Graduate School of Business Stanford University Stanford, California, 2009.
2. Бобков В.Н. 20 лет капиталистических трансформаций в России: влияние на уровень и качество жизни // Народный собор. <http://mosnarodsobor.ru/?page=news&id=1657>, 21.05.2012.

References

1. Pfeffer J. Building sustainable organizations: the human factor. Research Paper No. 2017. Graduate School of Business Stanford University Stanford, California, 2009.
2. Bobkov V. N. 20 let kapitalisticheskikh transformatsiy v Rossii: vliyanie na uroven' i kachestvo zhizni [20 years of capitalist transformation in Russia: the impact on the level and quality of life]. *Narodnyy sobor* [People's Cathedral]. Avail-

3. Бобков В.Н., Вередюк О.В. Социальная уязвимость работников и общества как результат неустойчивости занятости // Официальный сайт Всероссийский центр уровня жизни населения. <http://www.vcug.ru/>.
4. Федорова А.Э., Парсюкевич А.М. Прекаризация занятости и ее влияние на социально-экономическое благополучие наемных работников // Известия Уральского государственного университета. 2013. № 5 (49). С. 76–81.
5. Федорова А.Э., Парсюкевич А.М. Факторы социального загрязнения внутриорганизационной среды // Вестник Омского университета. 2013. № 4. С. 78–82.
6. Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class / Bloomsbury Academic. 2011.
7. Гундаров И.А. Поиск оптимальной модели социального государства для высокого качества жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 53–61.
8. Башмаков В.И. Социологические аспекты развития человеческого потенциала организации // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11 (189). С. 107–113.
9. Гулякова Л.Г., Говорухина Г.В., Григорьев С.И. Виталистская модель социальной работы как основа обеспечения качества жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 76–80.
10. Баженов А.В. Анализ и оценка практики производственных компаний по проведению эффективной социальной политики // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 85–89.
11. Бобков В.Н. От капитализма к новому социальному качеству — народному гуманистическому социализму глобального общества // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 18–36.
12. Колдин Ю.В. Противодействие обесценению накопленного благосостояния в эпоху учащения кризисов: теоретическая составляющая антикризисной политики // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 7 (185). С. 149–160.
13. Куклин А.А., Леонтьева А.Г., Никулина Н.Л. Социальная защита населения как фактор роста продолжительности жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 130–140.
14. Манахова И.В. Новая парадигма измерения благосостояния: Россия и страны ОЭСР // Уровень жизни населения регионов России». 2013. № 12 (190). С. 61–66.
15. Дмитриев М.Э., Мисихина В.Г. Изменения в уровне доходов, потребления, бедности и в социальных запросах российского населения в течение 2000–2012 годов. // Уровень жизни населения регионов России». 2013. № 12 (190). С. 11–27.
16. Бобков В.Н. Уровень жизни населения Центрального федерального округа: состояние, динамика, оценка. (Презентация доклада на IV Международном форуме «Инновации. Бизнес. Образование» г. Ярославль. 21–22 ноября 2013 г.) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11 (189). С. 3–11.
17. Бобков В.Н. Методологические подходы к разработке системы социальной стандартизации и опыт ее реализации в Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 4 (182). С. 3–6.
- available at: <http://mosnarodsobor.ru/?page=news&id=1657,21.05.2012>.
3. Bobkov V.N., Veredyuk O.V. Sotsial'naya uyazvimost' rabotnikov i obshchestva kak rezul'tat neustoychivosti zanyatosti [social vulnerability of workers and the public as a result of the instability of employment]. *Ofitsial'nyy sayt Vserossiyskiy tsentr urovnya zhizni naseleniya* [Official site of the National Center for life]. Available at: <http://www.vcug.ru/>.
4. Fedorova A.E., Parsyukevich A.M. Prekarizatsiya zanyatosti i ee vliyanie na sotsial'no-ekonomicheskoe blagopoluchie naemnykh rabotnikov [Prekarizatsiya employment and its impact on the socio-economic well-being of employees]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Ural State University]. 2013, I. 5 (49), pp. 76–81.
5. Fedorova A.E., Parsyukevich A.M. Faktory sotsial'nogo zagryazneniya vnutriorganizatsionnoy sredy [Factors social environment pollution the intra]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2013, I. 4, pp. 78–82.
6. Standing G. The Precariat. The New Dangerous Class. Bloomsbury Academic. 2011.
7. Gundarov I.A. Poisk optimal'noy modeli sotsial'nogo gosudarstva dlya vysokogo kachestva zhizni naseleniya [Search for the optimal model of the welfare state to a high quality of life]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 53–61.
8. Bashmakov V.I. Sotsiologicheskie aspekty razvitiya chelovecheskogo potentsiala organizatsii [Sociological aspects of human development organization]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 107–113.
9. Guslyakova L.G., Govorukhina G.V., Grigor'ev S.I. Vitalistskaya model' sotsial'noy raboty kak osnova obespecheniya kachestva zhizni naseleniya [Vitalist model of social work as a basis for ensuring quality of life]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 76–80.
10. Bazhenov A.V. Analiz i otsenka praktiki proizvodstvennykh kompaniy po provedeniyu effektivnoy sotsial'noy politiki [Analysis and evaluation of practices of production companies to carry out effective social policy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 85–89.
11. Bobkov V.N. Ot kapitalizma k novomu sotsial'nomu kachestvu – narodnomu gumanisticheskomu sotsializmu global'nogo obshchestva [From capitalism to a new social quality - the national humanistic socialism global society]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 18–36.
12. Koldin Yu.V. Protivodeystvie obestseneniyu nakoplenogo blagosostoyaniya v epokhu uchashcheniya krizisov: teoreticheskaya sostavlyayushchaya antikrizisnoy politiki [Countering impairment, the cumulative wealth in the era of more frequent crises: the theoretical component of the anti-crisis policy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 7 (185), pp. 149–160.
13. Kuklin A.A., Leont'eva A.G., Nikulina N.L. Sotsial'naya zashchita naseleniya kak faktor rosta prodolzhitel'nosti zhizni [Social protection of the population as a growth fac-

18. Бобков В.Н. Гулюгина А.А. Мониторинг доходов и уровня жизни населения: январь–март 2013 // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 4 (182). С. 35–62.
19. Крылова Е.Б. Симакина М.А. Анализ существующих подходов к измерению качества жизни человека // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 2 (180). С. 62–67.
20. Мошков А.В. Уровень жизни населения как важнейшая составляющая стратегии социально-экономического развития города (на примере Владивостока) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 54–60.
14. Manakhova I.V. Novaya paradigma izmereniya blagosostoyaniya: Rossiya i strany OESR [The new paradigm of measuring well-being: Russia and the countries of the OECD]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 130–140.
15. Dmitriev M.E., Misikhina V.G. Izmeneniya v urovne dokhodov, potrebleniya, bednosti i v sotsial'nykh zaprosakh rossiyskogo naseleniya v techenie 2000–2012 godov [Changes in the level of income, consumption, poverty and social needs of the Russian population during 2000–2012 years]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 12 (190), pp. 61–66.
16. Bobkov V.N. Uroven' zhizni naseleniya Tsentral'nogo federal'nogo okruga: sostoyanie, dinamika, otsenka. (Prezentatsiya doklada na IV Mezhdunarodnom forume «Innovatsii. Biznes. Obrazovanie» g. Yaroslavl'. 21–22 noyabrya 2013 g.) [The standard of living of the population of the Central Federal District: state, dynamics, assessment. (Presentation of the report on the IV International Forum “Innovation. Business. Education» Yaroslavl'. 21–22 November 2013)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 3–11.
17. Bobkov V.N. Metodologicheskie podkhody k razrabotke sistemy sotsial'noy standartizatsii i opyt ee realizatsii v Rossiyskoy Federatsii [Methodological approaches to the development of the social experience of standardization and its implementation in the Russian Federation]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 4 (182), pp. 3–6.
18. Bobkov V.N., Gulyugina A.A. Monitoring dokhodov i urovnya zhizni naseleniya: yanvar'–mart 2013 [Monitoring of income and living standards of the population in January–March 2013]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 4 (182), pp. 35–62.
19. Krylova E.B., Simakina M.A. Analiz sushchestvuyushchikh podkhodov k izmereniyu kachestva zhizni cheloveka [Analysis of the existing approaches to measuring quality of life]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 2 (180), pp. 62–67.
20. Moshkov A.V. Uroven' zhizni naseleniya kak vazhneyshaya sostavlyayushchaya strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda (na primere Vladivostoka) [The standard of living of the population as a major component of socio-economic development of the city (for example, Vladivostok)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 54–60.

Социальное оправдание неравенства и проблема справедливости

Social Justification for Inequality and the Problem of Justice

Получено 18.08.2014   Одобрено 15.10.2014   Опубликовано 15.12.2014

УДК 316.012

DOI: 10.12737/7403

ГРИГОРЬЕВ С.И.

д-р социол. наук, проф., заместитель генерального директора Всероссийского центра уровня жизни, вице-президент Российской социологической ассоциации, член-корреспондент РАО. 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Папанинцев, д. 97, кв. 86. E-mail: osr@dasu.ru

МИРОНОВА С.В.

канд. социол. наук, доцент кафедры общей социологии факультета социологии Алтайского государственного университета. 456002, Россия, г. Барнаул №2, Проспект Ленина, д. 92, кв. 46. E-mail: sve14042009@yandex.ru

МАРТЫНОВА М.Ю.

д-р полит. наук, профессор Российского государственного социального университета, 129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, корпус 3, кв. 401. E-mail: martynova@iea.ras.ru

ТОЛСТЫХ Г.В.

д-р филос. наук, заведующий Отделом Института экономики регионального развития Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, 58. E-mail: ire2000@mail.ru

GRIGOR'YEV S.I.

Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director General of the All-Russia Centre of Living Standard PLC, Vice President of the Russian Sociological Association, Corresponding Member of the RAE. Flat 86, 97 Papanintsy Street, Barnaul 656049, Russia. E-mail: osr@dasu.ru

MIRONOVA S.V.

PhD in Sociology, Associate Professor of the Chair of General Sociology, Faculty of Sociology, Altay State University. Flat 46, 92 Lenin Avenue, Barnaul 2, 456002, Russia. E-mail: sve14042009@yandex.ru

MARTYNOVA M.YU.

Doctor of Political Sciences, Professor, Russian State Social University. Flat 401, Building 3, 4 Wilhelm Pieck Street, Moscow 129226, Russia. E-mail: martynova@iea.ras.ru

TOLSTYKH G.V.

PhD in Philosophy, Head of the Department of the Institute of Economics of Regional Development of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. 58 Belinskiy Street, Yakutsk 677000, Russia. E-mail: ire2000@mail.ru

Аннотация

Объект. Факторы становления нового цивилизационного типа общества. Новые формы сочетания глобального, «национального» и «регионального» в развитии человека и общества.

Предмет. Усложнение процесса развития человека в обществе. Направления роста и формы социальной динамики. Изменение структуры, характера и динамики социальных отношений. Трансформация образа жизни основных групп населения. Изменение формы и содержания деятельности, востребованной в профессиональной, общественной и социальной жизни. Актуализация задач управления социальным развитием, развитием культуры и повышением уровня безопасности жизни.

Смена доминирующей парадигмы в общественной жизни и общественном сознании эконоцентризма, переход от рыночных приоритетов к приоритетам образовательного общества. Социальные последствия глобализации информации и коммуникаций. Процесс формирования новой социальной культуры. Переход от традиционного общества к потребительскому, а от него — к ноосферному обществу знаний, обществу образования.

Цель. Описание процесса смены типа цивилизационного развития человечества и становления новой модели общества — «образовательного».

Направление теоретического анализа. Основное содержание. В настоящей публикации представлены важнейшие выводы авторов по результатам концептуальных, теоретико-методологических и прикладных, эмпирических исследований, посвященных стратегическим изменениям в осмыслении проблем справедливости в современном обществе на фоне роста глобальных и локальных рисков для жизни людей. Основной вывод: смена типа цивилизационного развития человечества, становления образовательного

Abstract

Object. The factors stimulating a new civilization type of society. New forms of a combination of the global, national and regional in the development of the person and societies.

Subject. Complicating development of the person in society. Directions of growth and forms of social dynamics. Changing structure, character and dynamics of the social relations. Transformation of a way of life of the main groups of the population. Changing of the form and content of the activity demanded in professional, public and social life. Updating problems of management by social and cultural development and the level of safety of life.

Changing a dominating paradigm in public life and public consciousness of an ekonomotsentrizm, market priorities, priorities of educational society. Social consequences of the global information and communication. Process of formation of new social culture. Transition from traditional society — to consumer, and from it — to noospheric society of knowledge, education society.

Purpose. The description of process of change like civilization development of humanity and formation of new model of society: «educational».

Direction of the theoretical analysis. Main contents. The most important conclusions of the authors are presented in the publication as results of conceptual, theoretical and methodological and applied, empirical researches at the turn of the 21st century about strategic changes in judgment of problems of justice in modern society against growth of global and local risks for life of people of the Earth and in Space. Main conclusion: changing the type of civilization development of humanity, formation of educational society, development of a civilization of operated socionatural evolution, a noosphere model of its development. The new basic grounds, criteria of determination of justice on the basis of culturevitalism as social metatheory and sociology of vital forces of the person and society, the vitalistskiy sociological paradigm.

общества, развитие цивилизации и управляемой социоприродной эволюции, ноосферной модели его развития. Обоснованы новые базовые критерии определения справедливости на основе развития культурвитализма как социальной метатеории и социологии жизненных сил человека и общества, виталистской социологической парадигмы.

Ключевые слова: глобализация, глобальные риски, жизненное пространство общества и человека, жизненные силы общества и человека, базовые социальные отношения, политические отношения в обществе, экономические отношения в обществе, социально-бытовые отношения в обществе, духовно-культурные отношения в обществе, социально-экологические отношения в обществе, жизненные ресурсы общества и человека, образовательное общество, ноосферное общество, общество знаний, экономика знаний, «зеленая экономика», социальное положение человека, социальная роль человека, социальное равенство, социальное неравенство, социальная справедливость, социальная несправедливость, основания справедливости.

Keywords: global risks, vital space of society and the person, vital forces of society and the person, the basic social relations, the political relations in society, the economic relations in society, the social relations in society, the spiritual and cultural relations in society, the social-and-ecological relations in society, vital resources of society and the person, educational society, noosphere society, society of knowledge, economy of knowledge, «green economy», a social status of the person, a social role of the person, social equality, a social inequality, social justice, social injustice, the justice bases.

1. Факторы становления нового цивилизационного типа общества

Особая значимость и актуальность данной проблемы обусловлена рядом обстоятельств.

Во-первых, возникновением во второй половине XX в. нового сочетания глобального, национального и регионального в развитии, жизнедеятельности современного общества и человека [Валлерстайн, 2006; Ларюэль, 2008; Возаненков, 2006]. Во-вторых, усложнением процесса развития человека в обществе и ростом социальной динамики. Возникли базовые основания для формирования нового типа цивилизационной эволюции [Бобков, 2013, с. 18–36], сформировалась новая доминирующая научная картина мира. Изменились мировоззрение людей, характер социальных отношений, образ жизни, формы и содержание профессиональной, общественной деятельности [Воронина, 2013; Заславская, 2002; Розин, 2008; Ионин, 2000].

В-третьих, новым сочетанием в жизни людей социально-исторического, социогенетического, актуально-сетевого и повседневно-прагматического, что сказывается на их деятельности во всех основных сферах общества [Давыдов, 1999; Немировский, Невирко, 2008; Бергер, Коллинз, 2004]. В-четвертых, сменой роли и значимости, приоритетов во влиянии этих сфер на задачи управления, социального развития, культуры и безопасности жизни. Экономоцентризм, приоритеты рыночных отношений перестают быть доминирующими [Осипов, 1995; Дугин, 2005; Могилевкин, 2010; Осипов, 1990].

В-пятых, экспансией постмодернизма на рубеже XX–XXI вв. осложнены проблемы управления и прогнозирования развития человека, общества и культуры. Обострились риски для жизнедеятельности человека, социальных групп, институтов, органов государственного, корпоративного и гражданского управления, а также сфер научно-образовательного и духовно-культурного развития, здравоохранения и социальной защиты [Куклин, Леонтьева, Никулина, 2013, с. 130–140], совершенствования культуры в целом [Кравченко, 2007; Листар, 1998; Козловский, 1997; Андерсон, 2011; Муравей, 2002; Гура, 2011; Зубков, 2003]. В-шестых, достижениями ученых в управлении биосоциальной природой человека (как биопсихосоциального существа — «социального животного»). В-седьмых, возникновением нового (стратегического) уровня общества как субъекта социокультурного развития, социальной системы и организации (по сравнению с концом первой половины XIX — первой половиной XX в.) [Башмаков, 2013, с. 107–113]. Человечество достигло предела возможностей реально воздействовать на генетику отдельного человека [Антонов, 2000; Сажина, 2008; Бурлачук, 2009].

Это произошло на фоне глобальной информационно-коммуникационной революции в обществе, в развитии его производственно-хозяйственной составляющей [Баженов, 2013, с. 85–89], социальной сферы и управления, где обозначилась смена цивилизационного типа развития. Традиционное потребительское общество стало трансформироваться в ноосферное общество знаний, образования, с новой социальной культурой взаимодействия, личностного и общественного развития, в котором финансовая эффективность уходит на второй план [Колдин, 2013, с. 149–160].

Разумеется, изменяются основания анализа и реального обеспечения справедливости, осмысления и регулирования оптимального сочетания в обществе равенства и неравенства [Ноосферизм, 2004; Вернадский, 2013; Каменская, 2009; Военков,

2007; Аргунова, 2004; Ахинов, Камилов, 2006]. Этого требуют масштабно обострившиеся к началу XXI в. дискуссии о социальном идеале «третьего пути» развития общества, его специфике в различных социокультурных, национально-этнических, социально-исторических и социально-территориальных условиях [Иванов, Попков, Тигашев, Шишин, 2004; Евразийская идеология и «третий путь» развития России, 2012; Зиновьев, 2000; Удальцов, 2010].

2. Человек и общество в диатропической картине меняющегося мира

На фоне радикальных изменений информационно-коммуникационной среды обитания современного человека и общества, их субъектности, форм взаимодействия в природной и социокультурной среде, смены доминирующей научной картины мира, на основе системно-синергетического его видения формируется диатропика [Голубев, 2013, с. 62–66]. Диатропическая научная картина мира обострила проблемы поиска оптимального сочетания монизма и полипарадигмальности современного научного знания, эффективного применения его отдельных парадигм в каждой науке и в их пограничных образованиях. Масштабно возросла значимость взаимодействия, сочетания, взаимовлияния всех основных сфер общественного сознания, их использования в научно-образовательных и воспитательных целях [Березутский, 2013, с. 95–100], оптимального сочетания традиций и новаций, глобального, национального и регионального, личностного и общественного, социального-группового [Буряк, 2005].

Мы акцентируем на этом внимание потому, что во всех этих формах общественного сознания проблемы социального равенства и неравенства, их основания, механизмы взаимодействия, сочетания, справедливости и несправедливости так или иначе отражаются, фиксируются, оцениваются [Бурдяк, 2013, с. 37–46]. А это значит, что целостная, разносторонняя, интегрированная оценка, понимание, видение справедливого и несправедливого возможно только в результате использования их отражения во всех основных формах общественного сознания [Фара, 2013, с. 34–35].

Осуществление справедливого и несправедливого в современном обществе не может быть полноценно рассмотрено без учета влияния каждой формы общественного сознания на социальное положение и роль людей, механизмы осуществления справедливости в конкретных социокультурных условиях их жизни, стратегически значимо отражение их в категориях *социальное положение*

и роль человека в обществе, его социальное благополучие, богатство и обеспеченность жизни [Махова, 2013, с. 61–66].

В условиях потребительского общества главные показатели успеха следующие: благополучие человека, его положение и роль в обществе, владение материальной собственностью, которая позволяет удовлетворять основные потребности жизнеобеспечения, связанные с профессионально-трудовой и семейно-бытовой деятельностью, обеспечением жизненных благ, удовлетворение материальных и духовных интересов [Дмитриев, Мисихина, 2013, с. 11–27]. Это связывается с наличием собственности у представителей правящих классов, элит данного общества, а также с уровнем трудовых доходов работников [Бобков, 2013, с. 4–6]. И в том, и в другом случае основой благополучия выступает прибыль, уровень доходов от накопления собственности, ее использования для удовлетворения потребностей, а также уровень заработной платы работников наемного труда, наличие у них корпоративных и государственных льгот (материальная поддержка) [Мошков, 2013, с. 54–60].

С середины XX в. такое видение основ социального положения людей, его равенства и неравенства, защищенности и незащищенности, благополучия, жизненного успеха и проблем стало масштабно меняться [Крылова, Симакина, 2013, с. 62–67]. В социальной работе, системе социальной защиты был изменен подход к оценке главной цели ее реализации: от приоритета адресной социальной помощи к обеспечению социального благополучия человека и общества. Это стратегически важно, потому что социальное благополучие трактуется только как обеспеченность минимально необходимыми социальными благами в социально-бытовой сфере обитания. Особенно если речь идет об обеспечении полноценного участия каждого человека во всех основных сферах общественного развития, удовлетворения им своих разнообразных интересов и потребностей — в политическом и экономическом развитии, в области духовно-культурных и социально-экологических отношений. Этот процесс усилился во второй половине XX в. по мере роста внимания к обеспечению физического, психического и социального здоровья, что было связано с развитием социогуманитарных практик, социализацией и гуманизацией общественных и личностных отношений [Орлов, 2013, с. 37–42].

Представления о социальном равенстве и справедливости обострились в связи с кризисным развитием общества, из-за обострения ряда проблем социогуманитарного характера, массового

распространения социальных болезней, нарушения психического и физического здоровья [Кавокин, 2013, с. 102–106]. В научном плане это наиболее масштабно было обозначено в 1960–1970-е годы в докладах Римского клуба. В 1980–1990-е годы этому способствовали разработки в области устойчивого развития, а также формирование социальной метатеории культурвитализма, ряда связанных с ней современных парадигм политологического, культурологического и социологического знания, в том числе виталистской социологии, социологического витализма.

3. Цивилизационный перелом: проблемы социального равенства и справедливости

В контексте данной проблемы потребовались радикальные изменения, дополнения к сложившимся ранее подходам, к осмыслению основ формирования социального равенства и неравенства, их сочетания как основы характеристики справедливого и несправедливого. Эти изменения и дополнения в главном относятся к следующему.

Во-первых, они обосновывают, аргументируют выход социальной квалиметрии за пределы *экономоцентризма и вульгарно-рыночного прагматизма* традиционного потребительского стихийно-эксплуататорского общества, ориентированного на обеспечение финансово-экономического благополучия, с одной стороны, и адресной социальной помощи «слабым», недостаточно обеспеченным слоям населения — с другой.

Во-вторых, они максимально расширяют совокупность базовых оснований для обеспечения благополучия жизни человека и общества до безопасности его жизнедеятельности, сохранения жизни во всех основных сферах общества за счет повышения социальной культуры и экологической защищенности, включенности человека в социальное управление.

В-третьих, это связано с повышением роли образования и науки, морали и культуры общения, социальных коммуникаций населения, управленческого актива в условиях формирования общества ноосферной цивилизации управляемой социоприродной эволюции, позволяющей минимизировать опасность глобальных рисков, связанных с возможностью, опасностью самоуничтожения человечества, массовых заболеваний, аномалий физического, психического и социального здоровья каждого отдельного человека.

Социальное положение и его различия, социальное равенство и неравенство оказываются связаны с максимально широким и сложным, разнообразным количеством условий и факторов, оснований бес-

печения *благополучия человека и общества*, которое сегодня связывается не только с удовлетворением потребностей и интересов личности, но и с полноценным включением во все основные сферы усложнившегося общества, *с обеспечением социоприродной и социокультурной безопасности*, основой которой становится социальная культура жизни людей формирующегося общества ноосферной цивилизации [Прохорова, 2013, с. 51–56]. В контексте решения проблем справедливости ставится задача *сохранить жизнь людей, личность и общество* на основе обеспечения, воспроизводства природного и национально-культурного сочетания глобального и регионального, общественного и личностного, культуроцентричности и поликультуризма.

В национально-государственном масштабе в контексте решения проблем справедливости ключевыми становятся вопросы сохранения полноценной жизни [Байков, 2013, с. 82–87], социально оправданного равенства и неравенства коренных народов и национально-этнических групп, имеющих за пределами рассматриваемых государств свои национально-государственные образования. Основными критериями социального оправдания дифференциации положения и роли этнических групп и народов выступает социально-культурная задача сохранения жизни этих социокультурных общностей, их статуса, прав, общепринятых стандартов в развитии производства и социальной сферы.

Во внутригосударственных социальных отношениях между коренными и некоренными народами принципиальное значение имеет противодействие тенденциям совпадения имущественной, социально-классовой и национально-этнической дифференциации, особенно если социальные, имущественные неравенства оказываются не в пользу коренных народов. В условиях роста глобальных рисков это обуславливает обострение конфликтности, угрожающей жизни целых регионов, стран и народов.

4. Социологический анализ представлений о равенстве и справедливости

В современном образовательном обществе знаний, новых информационных технологий надо учитывать как ключевую проблему переходного периода от традиционного потребительского стихийно-эксплуататорского общества к обществу ноосферной цивилизации и социоприродной эволюции, когда возможны маятниковые процессы, связанные с участием различных стран и народов в глобальных экспериментах и движениях и возврат этих стран к своему социально-историчес-

кому прошлому. В переходные периоды возникают депопуляционные всплески (соотношение рождаемости и смертности в России 1990-х годов и начала XXI в.), расширение массы лиц без постоянного места жительства, обострение проблем одиночества, эмиграции (прежде всего интеллигенции, представителей бизнеса, деловых кругов), серьезными проблемами становятся рост суицида, социальных болезней, аномалий психического здоровья.

Все это происходит на фоне столкновения в массовом сознании и в идеологических построениях различных политических сил современной России следующих трактовок справедливости:

- законность, соблюдение законов, юридических норм поведения людей, организации, общества (22%);
- равноправие и социальное равенство положения людей в обществе, одинаковый доступ к благам (24%);
- обеспеченность социального неравенства в соответствии с различными талантами, способностями людей, полученным наследством от родных и близких (19%);
- следование людей нравственным нормам жизни, морали современного общества (9%);
- действия людей, соответствующие социальным нормам, действующим, признанным в данном обществе (17%);
- социально оправданное равенство и неравенство положения людей в обществе, отдельных его социальных групп, слоев общества (12%);
- содействие, служение каждого человека, общества и государства сохранению жизни на Земле и в Космосе, развитию их жизненного потенциала (16%);
- служение Богу, высшим духовно-религиозным ценностям (7%);
- служение прекрасному, культурным ценностям (5%)¹;
- другое (1%);
- трудно сказать (9%).

Доминирующими по массовости упоминаний этих определений справедливости экспертами стали следующие:

- характеристика как равноправие и социальное равенство (25% экспертных оценок),
- определение справедливости как законность (21%),
- трактовка справедливости как обеспечения социального неравенства в соответствии со

¹ Материалы всероссийского социологического исследования 2012–2013 гг. «Общественный и личностный идеал, представления о смысле и качестве жизни и справедливости, жизненные планы и социальное здоровье современной учащейся молодежи России. Экспертный опрос» (выборка 467 экспертов).

способностями, талантами людей, полученным наследством (19%),

- понимание справедливости как действий людей в соответствии с социальными нормами, признанными и действующими в данном обществе на определенном этапе его социального развития (17%).

Реже других эксперты упомянули определения справедливости:

- служение людей прекрасному (5%);
- служение людей высшим духовно-религиозным ценностям, Богу (7%);
- социально оправданное равенство и неравенство людей, отдельных социальных групп в обществе (12%).

Статистически значимым оказалось по частоте упоминаний такое определение справедливости, как содействие, служение каждого человека, общества и государства сохранению жизни на Земле и в Космосе, развитию их жизненного потенциала (16% экспертных заключений). Это очевидное следствие массового осмысления экспертным сообществом, населением в целом опасностей, роста глобальных и локальных рисков.

Не менее важно, что среди экспертных оценок представлены статистически значимые по частоте упоминания характеристики справедливости, связанные с проблематикой социокультурного и духовно-нравственного развития, действия социальных норм, в том числе юридических. В этом отражается рост масштабов понимания экспертным сообществом значимости культуры, культурвитализма для сохранения жизни, обеспечения ее благополучия, защищенности. Эксперты отмечают противоречия трактовок справедливости, что создает в обществе базу конфликтности, социальных противостояний. Так, понимание справедливости как обеспечение социального равенства, равноправия отмечают 24% экспертов, а ее трактовку как обеспечение социального неравенства в соответствии с различиями способностей людей отмечают 19% участников опроса.

Массовость рассматриваемых оценок понимания справедливости значимо различается по регионам современной России, в том числе в отдельных федеральных округах. Для примера обратимся к данным по Сибирскому федеральному округу, его регионам Алтайский край и Республика Алтай (табл. 1).

Представленная здесь дифференциация различных трактовок справедливости в современной России, ее регионах свидетельствует о масштабной десоциализации и дегуманизации общественного сознания, социальных и личностных идеалов населения. Это серьезно осложняет постреформенную стабилизацию развития российского общества,

Таблица 1

Дифференциация массовости различных определений справедливости по регионам России, ее федеральных округов (%)

		Республика Алтай	Алтайский край	СФО	Россия
01	справедливость как законность, соблюдение законов, юридических норм	19	18	18	21
02	справедливость как равноправие и социальное равенство положения людей в обществе	26	25	23	24
03	справедливость как обеспеченность социального неравенства в соответствии с различиями способностей, талантов людей	12	14	16	19
04	справедливость как соблюдение, следование людей нравственным нормам жизни, морали современного общества	15	14	10	9
05	справедливость как соответствие действий людей социальным нормам, принятым в данном обществе	17	18	16	17
06	справедливость как социально оправданное равенство и неравенство положения людей в обществе	11	13	10	12
07	справедливость как содействие, служение каждого человека, общества и государства сохранению жизни на Земле и в Космосе, развитию их жизненного потенциала	16	15	13	16
08	справедливость как служение Богу, высшим духовно-религиозным ценностям	8	7	6	7
09	справедливость как служение прекрасному	7	6	6	5
10	другое	0	0	0	1
11	трудно сказать	8	7	7	9

возрождение его государственности, патриотизма коренного населения России. В экономике явно обозначаются тенденции к совпадению национально-этнической и социальной, имущественной дифференциации. Это осложняет решение проблем справедливости, социальной напряженности и повышает угрозы политической и экономической, а также духовно-культурной нестабильности. Разнообразие часто противоречивых представлений о справедливости в значительной мере свя-

зано с информацией в средствах прозападных СМИ, сети Интернет, что выражается в развитии представлений не только о справедливости, но и о социальном идеале общества и человека, о доминирующих смыслах его жизни. Об этом свидетельствуют данные экспертного опроса в России 2012–2013 гг. В частности, характерным представляется разнообразие, противоречивое сочетание представлений экспертов об идеальном обществе. Об этом свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

Дифференциация оценок экспертами массовости распространения в современной России представлений населения о социальном идеале современного общества, на который должны ориентироваться россияне (%)

01	традиционное российское императорско-монархическое общественное устройство, где сохраняются основные сословия общества, исторически сформировавшиеся в России, русское православие, другие традиционные религии, объединяющие его духовно	5
02	либерально-демократическое общество, основанное на частной собственности и рыночных отношениях, где рынок выполняет роль универсального регулятора всей системы общества, а частная собственность является основой свободы	19
03	социалистическое (коммунистическое) общество, основанное на общественной собственности и власти трудящихся, где действует принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду»	14
04	постиндустриальное информационное общество, взаимодействующее с мировыми, глобальными центрами политического и финансово-экономического влияния	23
05	ноосферное образовательное общество знаний управляемой социоприродной эволюции, основанное на интеграции Разума и Духовности, природного и социокультурного развития, оптимальном сочетании интернационального и национального	6
06	общество, основанное на развитии национального государства, его коренных народов, их культуры как основы социокультурной безопасности и жизненных сил	12
07	общество «третьего пути» развития, интегрирующего позитивные черты капиталистического и социалистического развития	10
08	общество, интегрирующее позитивные черты национально-государственно-монархического, либерально-рыночно-капиталистического и социалистического общественного устройства и развития	3
09	другое	2
10	трудно сказать	8

Среди определений социальных идеалов общественного развития общества в современной России доминируют: их характеристики как постиндустриальных информационных обществ, взаимодействующих с мировыми центрами глобального политического и финансово-экономического влияния (23% упоминаний); трактовки социального идеала общества как либерально-демократического сообщества людей, основанного на частной собственности и рыночном хозяйствовании (18%); речь идет об определении социального идеала общества социалистического типа, основанного на общественной собственности и власти трудящихся, где доминирует принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду» (14%).

Среди статистически представительных определений социального идеала общественного развития (12% экспертных оценок) показательна и перспективно значима его характеристика как общества, основанного на развитии национального государства, потенциала его коренных народов,

их культуры как фундамента социокультурной и национально-государственной безопасности, их жизненных потенций. Это характерная актуальная реакция населения, интеллектуальных элит на процессы глобализации и рост глобальных рисков для жизни человека и общества в современном мире, сохранение жизни и социальная культура становятся все более востребованными, что сказывается на развитии представлений о справедливости.

Новая революционная «ломка» российского общества рубежа XX–XXI вв. породила значительное разнообразие сочетания трактовок справедливости и социального идеала общества, где явно ослабленными оказались духовно-нравственные и социально-гуманитарные основания. На этом фоне возникло немало их противоречивых характеристик, а также затруднений с дефинициями означенных понятий (около 10% в том и другом случае).

Список литературы

1. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение: Пер. с англ. М.: Территория будущего, 2006.
2. Русский национализм: социальный и культурный контекст / Сост. и ред. М. Ларюэль. М.: Новое литературное обозрение, 2008.
3. Региональная безопасность / Ред. А.В. Возаненкова. М.: Изд. РАГС, 2006.
4. Воронина С.А. Взаимодействие современного информационного общества и человека: социально-философский аспект. Барнаул: Изд. АлтГУ, 2013.
5. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002.
6. Розин В.М. Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. М.: Изд. МПСИ; Воронеж: Изд. НПО «Модэк», 2008.
7. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2000.
8. Новое и старое в теоретической социологии. Кн. 1 / Ред. Ю.Н. Давыдов. М.: ИС РАН, 1999.
9. Немировский В.Г., Невирко Д.Д. Социология человека: от классических к постнеоклассическим подходам. М.: Изд. ЛКИ, 2008.
10. Бергер П.Л., Бергер Б., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. М.: Акад. Проект, 2004.
11. Осипов Г.В. Социология и политика. М.: ИСПИ РАН, 1995.
12. Дугин Е.Я. Создание смыслов в электронную эру. М.: Креативная социология, 2005.
13. Могилевкин И.М. Глобальная инфраструктура: механизм движения в будущее. М.: Магистр, 2010.
14. Социальная структура и социальные процессы. Словарь-справочник. Т. 1 / Ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1990.

References

1. Vallerstain I. *Mirosistemnyy analiz: vvedenie* [world-system analysis: an introduction]. Moscow, «Territoriya budushchego» Publ., 2006.
2. Laryuel' M. *Russkiy natsionalizm: sotsial'nyy i kul'turnyy kontekst* [Russian nationalism: the social and cultural context]. Moscow, New Literary Review Publ., 2008.
3. Vozanenkova A.V. *Regional'naya bezopasnost'* [Regional security]. Moscow, RAGS Publ., 2006.
4. Voronina S.A. *Vzaimodeystvie sovremennogo informatsionnogo obshchestva i cheloveka: sotsial'no-filosofskiy aspekt* [The interaction of modern information society and humans: socio-philosophical aspect]. Barnaul, AltGU Publ., 2013.
5. Zaslavskaya T.I. *Sotsietal'naya transformatsiya rossiyskogo obshchestva* [Societal's transformation of Russian society]. Moscow, Delo Publ., 2002.
6. Rozin V.M. *Nauka: proiskhozhdenie, razvitie, tipologiya, novaya kontseptualizatsiya* [Science: origin, development, typology, a new conceptualization]. Moscow, MPSI Publ.; Voronezh, Izd. NPO «Modek» Publ., 2008.
7. Ionin L.G. *Sotsiologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie* [Sociology of culture: the way in the new millennium]. Moscow, Logos Publ., 2000.
8. Davydov Yu.N. *Novoe i staroe v teoreticheskoy sotsiologii* [New and old theoretical sociology]. Book 1. Moscow, IS RAN Publ., 1999.
9. Nemirovskiy V.G., Nevirko D.D. *Sotsiologiya cheloveka: ot klassicheskikh k postneoklassicheskim podkhodam* [Sociology man from classic to postneoklassicheskim approaches]. Moscow, LKI Publ., 2008.
10. Berger P.L., Berger B., Kollinz R. *Lichnostno-orientirovannaya sotsiologiya* [personal-oriented sociology]. Moscow, Akad. Proekt Publ., 2004.

15. Кравченко С.А. Социология модерна и постмодерна в динамически меняющемся мире. М.: Изд. «МГИМО-университет», 2007.
16. Листар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.
17. Козловский П. Культура постмодерна. М.: Республика, 1997.
18. Андерсон П. Истоки постмодерна: Пер. с англ. М.: Территория будущего, 2011.
19. Экология и безопасность жизнедеятельности / Ред. Л.А. Муравей. М.: ЮНИТИ, 2002.
20. Гура А.Н. Техногенный риск. М.: КНОРУС, 2011.
21. Zubkov V.I. Социологическая теория риска. М.: Изд. РУДН, 2003.
22. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.: Грааль, 2000.
23. Сажина Л.В. Современная гендерная культура: кросс-культурный анализ брачно-семейного сегмента. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2008.
24. Бурлачук Л.Ф., Кочарян А.С., Жидко М.Е. Психотерапия. СПб.: Питер, 2009.
25. Волков Ю.Г., Поликарпов В.С. Человек. Энциклопедический словарь. М.: Гардарики, 1999.
26. Ноосферизм: арктический взгляд на устойчивое развитие России и человечества в XXI веке. Т. III, кн. 1 / Ред. А.И. Субетто. СПб.: Астерион, 2004.
27. Вернадский и ноосферная парадигма развития общества, науки, культуры, образования и экономики в XXI веке. Т. II / Ред. А.И. Субетто и В.А. Шамахов. СПб.: Астерион, 2013.
28. Каменская М.В. Социальная несправедливость: сущность, структура, функции. Калуга: Эйдос, 2009.
29. Социальная справедливость и экономическая эффективность: опыт, проблемы, теория / Ред. М.И. Военков. М.: Ленанд, 2007.
30. Аргунова В.Н. Социальная справедливость: ценностно-институциональный анализ. Иваново: ИГУ, 2004.
31. Ахинов Г.А., Камиллов Д.А. Политика государства в сфере распределения доходов населения. М.: ТеИС, 2006.
32. Иванов А.В., Попков Ю.В., Тигашев Е.А., Шишин М.Ю. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты. Барнаул. Изд. АГАУ, 2007.
33. Ионов И.Н. Пути развития цивилизационного сознания в Евразии, и проблема евразийства // Цивилизации. Вып. 6. М., 2004.
34. Евразийская идеология и «третий путь» развития России: контекст современного славянского социокультурного пространства. Материалы всероссийского экспертного опроса по программе международного проекта МФСПиК / Ред. С.И. Григорьев. М.: МФСПиК, 2012.
35. Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Россия. Лен. Харсвет; М.: АСТ, 2000.
36. Социальное взаимодействие в транзитивном обществе. Вып. XII / Ред М.В. Удальцова. Новосибирск: НГУЭУ, 2010.
37. Социальное взаимодействие в транзитивном обществе. Вып. XIII / Ред. М.В. Удальцова. Новосибирск: НГУЭУ, 2011.
11. Osipov G.V. *Sotsiologiya i politika* [Sociology and politics]. Moscow, ISPI RAN Publ., 1995.
12. Dugin E.Ya. *Sozdanie smyslov v elektronnyu eru* [Creating Meaning in the electronic age]. Moscow, Creative Sociology Publ., 2005.
13. Mogilevkin I.M. *Global'naya infrastruktura: mekhanizm dvizheniya v budushchee* [Global infrastructure: the mechanism of movement in the future]. Moscow, Magistr Publ., 2010.
14. Osipov G.V. *Sotsial'naya struktura i sotsial'nye protsessy. Slovar'-spravochnik* [The social structure and social processes. Dictionary Directory]. V. 1. Moscow, Nauka Publ., 1990.
15. Kravchenko S.A. *Sotsiologiya moderna i postmoderna v dinamicheski menyayushchemsya mire* [Sociology of modern and postmodern in a dynamically changing world]. Moscow, «MGIMO-universitet» Publ., 2007.
16. Listar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna* [The postmodern condition]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1998.
17. Kozlovskiy P. *Kul'tura postmoderna* [postmodern culture]. Moscow, Respublika Publ., 1997.
18. Anderson P. *Istoki postmoderna* [The origins of postmodern]. Moscow, «Territoriya budushchego» Publ., 2011.
19. Muravey L.A. *Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti* [Ecology and life safety]. Moscow, YuNITI Publ., 2002.
20. Gura A.N. *Tekhnogennyy risk* [Technological hazards]. Moscow, KNORUS Publ., 2011.
21. Zubkov V.I. *Sotsiologicheskaya teoriya riska* [Sociological theory of risk]. Moscow, RUDN Publ., 2003.
22. Antonov A.I., Sorokin S.A. *Sud'ba sem'i v Rossii XXI veka* [The fate of the family in Russia in XXI century]. Moscow, «Graal» Publ., 2000.
23. Sazhina L.V. *Sovremennaya gendernaya kul'tura: krosskul'turnyy analiz brachno-semeynogo segmenta* [Modern gender culture: a cross-cultural analysis of marriage and family segment]. Rostov-on-Don, IPO PI YuFU Publ., 2008.
24. Burlachuk L.F., Kocharyan A.S., Zhidko M.E. *Psikhoterapiya* [Psychotherapy]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009.
25. Volkov Yu.G., Polikarpov V.S. *Chelovek. Entsiklopedicheskiy slovar'* [People. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Gardariki Publ., 1999.
26. Subetto A.I. *Noosferizm: arkticheskiy vzglyad na ustoychivoe razvitiye Rossii i chelovechestva v XXI veke* [Noosferizm: Arctic perspective on sustainable development of Russia and of humanity in the XXI century]. V. III, Book 1. St. Petersburg, Asterion Publ., 2004.
27. Subetto A.I., Shamakhov V.A. *Vernadskiy i noosfernaya paradigma razvitiya obshchestva, nauki, kul'tury, obrazovaniya i ekonomiki v XXI veke* [Vernadsky noosphere development paradigm and society, science, culture, education and economy in the XXI century]. V. II. St. Petersburg, Asterion Publ., 2013.
28. Kamenskaya M.V. *Sotsial'naya nespravedlivost': sushchnost', struktura, funktsii* [Social injustice: the nature, structure, functions]. Kaluga, Eydos Publ., 2009.
29. Voenkov M.I. *Sotsial'naya spravedlivost' i ekonomicheskaya effektivnost': opyt, problemy, teoriya* [Social justice and economic efficiency: experience, problems, theory]. Moscow, Lenand Publ., 2007.
30. Argunova V.N. *Sotsial'naya spravedlivost': tsennostno-*

38. Буряк А. Модернизм: идеология новой цивилизации. Минск: ФУАинформ, 2005.
39. Теоретическая социология. Антология. Часть I—II / Ред. С.П. Баньковская. М.: Университет, 2002.
40. Куклин А.А., Леонтьева А.Г., Никулина Н.Л. Социальная защита населения как фактор роста продолжительности жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 130—140.
41. Колдин Ю.В. Противодействие обесценению накопленного благосостояния в эпоху учащения кризисов: теоретическая составляющая антикризисной политики // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 7 (185). С. 149—160.
42. Кавокин С.Н. Совершенствование системы освидетельствования и комплексной реабилитации инвалидов как обязательное условие реализации требований Конвенции о правах инвалидов // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11 (189). С. 102—106.
43. Бурдяк А.Я. Неравенство в обеспеченности жильем как ключевой фактор неравенства уровня и качества жизни в мегаполисе // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 12 (190). С. 37—46.
44. Березутский Ю.В. Социальное развитие молодежи дальневосточного региона в социологическом измерении // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 95—100.
45. Байков Н.М. Социальное самочувствие пожилых людей как интегральный показатель жизненных сил дальневосточного региона // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 82—87.
46. Бобков В.Н. От капитализма к новому социальному качеству — народному гуманистическому социализму глобального общества // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 18—36.
47. Баженов А.В. Анализ и оценка практики производственных компаний по проведению эффективной социальной политики // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 85—89.
48. Фара Д.-М. Гражданское общество и социальная Европа // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10 (188). С. 34—35.
49. Баишаков В.И. Социологические аспекты развития человеческого потенциала организации // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11 (189). С. 107—113.
50. Орлов И.Б. Теоретические основания государства социального гуманизма // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 37—42.
51. Бобков В.Н. Экономические аспекты социальной политики в России // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 4—6.
52. Прохорова Е.И. Персонализация личности как система индивидуализации здорового образа жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 2 (180). С. 51—56.
53. Голубев В.С. О природе человека с позиции естественно-гуманитарного синтеза // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 62—66.
54. Мошков А.В. Уровень жизни населения как важнейшая составляющая стратегии социально-экономического развития города (на примере Владивостока) // *institutional'nyy analiz* [Social justice: value-institutional analysis]. Ivanovo, IGU Publ., 2004.
31. Akhinov G.A., Kamilov D.A. *Politika gosudarstva v sfere raspredeleniya dokhodov naseleniya* [The state policy in the sphere of distribution of income]. Moscow, TeIS Publ., 2006.
32. Ivanov A.V., Popkov Yu.V. Tigashev E.A., Shishin M.Yu. *EvrAziystvo: klyuchevye idei, tsennosti, politicheskie prioritety* [Eurasianism: key ideas, values and political priorities]. Barnaul, AGAU Publ., 2007.
33. Ionov I.N. Puti razvitiya tsivilizatsionnogo soznaniya v Evrazii, i problema evraziystva [Ways of development of civilization consciousness in Eurasia, and the problem of Eurasianism]. *Tsivilizatsii* [Civilization]. I. 6. Moscow, 2004.
34. Grigor'ev S.I. *EvrAziyskaya ideologiya i «tretiy put'» razvitiya Rossii: kontekst sovremennogo slavyanskogo sotsiokul'turnogo prostranstva. Materialy vserossiyskogo ekspertnogo oprosa po programme mezhdunarodnogo proekta MFSPiK* [Eurasian ideology and the “third way” of Russia: the context of contemporary Slavic cultural space. Proceedings of the All-Russian expert survey on the program of the international project MFSPiK]. Moscow, MFSPiK Publ., 2012.
35. Zinov'ev A. *Global'noe sverkhobshchestvo i Rossiya* [global super society and Russia]. Leningrad, Kharsvet Publ.; Moscow, AST Publ., 2000.
36. Udaltsova M.V. *Sotsial'noe vzaimodeystvie v tranzitivnom obshchestve* [Social interaction in the transition society]. I. XII. Novosibirsk, NGUEU Publ., 2010.
37. Udaltsova M.V. *Sotsial'noe vzaimodeystvie v tranzitivnom obshchestve* [Social interaction in the transition society]. I. XIII. Novosibirsk, NGUEU Publ., 2011.
38. Buryak A. *Modernizm: ideologiya novoy tsivilizatsii* [Modernism: the ideology of a new civilization]. Minsk, FUAinform Publ., 2005.
39. Ban'kovskaya S.P. *Teoreticheskaya sotsiologiya. Antologiya* [Theoretical sociology. Anthology]. Part I-II. Moscow, Universitet Publ., 2002.
40. Kuklin A.A., Leont'eva A.G., Nikulina N.L. *Sotsial'naya zashchita naseleniya kak faktor rosta prodolzhitel'nosti zhizni* [Social protection of the population as a growth factor in life expectancy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 130—140.
41. Koldin Yu.V. *Protivodeystvie obestseneniyu nakoplenogo blagosostoyaniya v epokhu uhashcheniya krizisov: teoreticheskaya sostavlyayushchaya antikrizisnoy politiki* [Countering impairment, the cumulative wealth in the era of more frequent crises: the theoretical component of the anti-crisis policy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 7 (185), pp. 149—160.
42. Kavokin S.N. *Sovershenstvovanie sistemy osvidetel'stvovaniya i kompleksnoy rehabilitatsii invalidov kak obyazatel'noe uslovie realizatsii trebovaniy Konventsii o pravakh invalidov* [Improving the system of inspection and comprehensive rehabilitation as a prerequisite to implementing the requirements of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 102—106.
43. Burdyak A.Ya. *Neravenstvo v obespechennosti zhil'em kak klyuchevoy faktor neravenstva urovnya i kachestva zhizni v*

- Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 54–60.
55. Крылова Е.Б., Симакина М.А. Анализ существующих подходов к измерению качества жизни человека // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 2 (180). С. 62–67.
56. Дмитриев М.Э., Мисихина В.Г. Изменения в уровне доходов, потребления, бедности и в социальных запросах российского населения в течение 2000–2012 годов // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 12 (190). С. 11–27.
57. Манахова И.В. Новая парадигма измерения благосостояния: Россия и страны ОЭСР // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 12 (190). С. 61–66.
- megapolise [Inequalities in housing provision as a key factor in the inequality level and quality of life in the city]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 12 (190), pp. 37–46.
44. Berezutskiy Yu.V. Sotsial'noe razvitie molodezhi dal'nevostochnogo regiona v sotsiologicheskom izmerenii [Social development of young people in the Far East region sociological perspective]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 95–100.
45. Baykov N.M. Sotsial'noe samochuvstvie pozhilykh lyudey kak integral'nyy pokazatel' zhiznennykh sil dal'nevostochnogo regiona [Social well-being of older persons as an integral indicator of vitality Far East region]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 82–87.
46. Bobkov V.N. Ot kapitalizma k novomu sotsial'nomu kachestvu – narodnomu gumanisticheskomu sotsializmu global'nogo obshchestva [From capitalism to a new social quality - the national humanistic socialism global society]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 18–36.
47. Bazhenov A.V. Analiz i otsenka praktiki proizvodstvennykh kompaniy po provedeniyu effektivnoy sotsial'noy politiki [Analysis and evaluation of practices of production companies to carry out effective social policy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 85–89.
48. Fara D.-M. Grazhdanskoe obshchestvo i sotsial'naya Evropa [Civil society and social Europe]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 34–35.
49. Bashmakov V.I. Sotsiologicheskie aspekty razvitiya chelovecheskogo potentsiala organizatsii [Sociological aspects of human development organization]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 107–113.
50. Orlov I.B. Teoreticheskie osnovaniya gosudarstva sotsial'nogo gumanizma [The theoretical foundation of the state of social humanism]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 37–42.
51. Bobkov V.N. Ekonomicheskie aspekty sotsial'noy politiki v Rossii [Economic aspects of social policy in Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 4–6.
52. Prokhorova E.I. Personalizatsiya lichnosti kak sistema individualizatsii zdorovogo obraza zhizni [Personalization personality as a system of individualization of a healthy lifestyle]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 2 (180), pp. 51–56.
53. Golubev V.S. O prirode cheloveka s pozitsii estestvenno-gumanitarnogo sintez [Human Nature from the standpoint of natural and humanitarian synthesis]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 62–66.
54. Moshkov A.V. Uroven' zhizni naseleniya kak vazhneyshaya sostavlyayushchaya strategii sotsial'no-ekonomicheskogo

- razvitiya goroda (na primere Vladivostoka) [The standard of living of the population as a major component of socio-economic development of the city (for example, Vladivostok)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013. I. 1 (179), pp. 54–60.
55. Krylova E.B., Simakina M.A. Analiz sushchestvuyushchikh podkhodov k izmereniyu kachestva zhizni cheloveka [Analysis of the existing approaches to measuring quality of life]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 2 (180), pp. 62–67.
56. Dmitriev M.E., Misikhina V.G. Izmeneniya v urovne dokhodov, potrebleniya, bednosti i v sotsial'nykh zaprosakh rossiyskogo naseleniya v techenie 2000–2012 godov [Changes in the level of income, consumption, poverty and social needs of the Russian population during 2000–2012 years]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 12 (190), pp. 11–27.
57. Manakhova I.V. Novaya paradigma izmereniya blagosostoyaniya: Rossiya i strany OESR [The new paradigm of measuring well-being: Russia and the countries of the OECD]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 12 (190), pp. 61–66.

Повышение уровня жизни ученых: социальная справедливость гуманитариев

Improving the Standard of Scientists' Living: Social Justice for the Humanities

Получено 22.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 316.33

DOI: 10.12737/7404

ЯКОВЛЕВ И.Г.

д-р социол. наук, главный редактор Научно-теоретического и аналитического журнала «Управление мегаполисом», Научно-издательская компания «Контент-Пресс».
109439, Россия, г. Москва. Волгоградский проспект, д. 128, корп. 5, кв. 124.
E-mail: yakovlev-ig@ya.ru

YAKOVLEV I.G.

Doctor of Sociology, the Chief Editor of the Scientific-Theoretical and Analytical Journal «Management of the Metropolis», «Content-Press» Scientific Publishing Company.
Flat 124, 128 Volgogradskiy Avenue, Moscow 109439, Russia.
E-mail: yakovlev-ig@ya.ru

Аннотация

Статья посвящена поиску путей обеспечения социальной справедливости для представителей гуманитарных наук с целью повышения уровня жизни ученых. В этом случае эффективным средством охраны является создание тезаурусной базы данных в качестве формализации понятийного аппарата гуманитарных работ. Данный подход позволяет обеспечить реализацию правовой защиты гуманитарных наук. Создание гуманитарной технологической платформы возможно на этой основе.

Ключевые слова: уровень жизни, работы в области гуманитарных наук, тезаурусные базы данных, правовая охрана и коммерциализация, гуманитарная технологическая платформа.

Abstract

The article is devoted to searching for ways to ensure social justice for members of the humanities to improve the living standards of scientists. In this case effective means is to create a thesaurus database formalizing the humanitarian works conceptual apparatus. This approach enables the implementation of human science legal protection. Creation of humanitarian technology platform is possible on this basis.

Keywords: humanitarian work, thesaurus database, legal protection, commercialization, a technology platform.

1. Социальная несправедливость — налицо

Ученые-гуманитарии с точки зрения охраны прав на свои интеллектуальные продукты практически беззащитны по сравнению с представителями естественных и технических наук, у которых есть возможность опираться на патентное право. Гуманитарии могут опираться только на механизмы охраны и защиты авторских и смежных прав, которые практически не позволяют надежно охранять создаваемые произведения путем официальной их регистрации в государственных органах. Результаты такого научного труда в лучшем случае приравниваются к произведениям литературы и искусства. Однако гуманитариям это фактически ничего не дает [Бобков, 2013, 31, с. 3–6].

Средства массовой информации сообщили, что за соблюдением авторских прав проследит Федеральная служба по авторским правам. Предполагается, что новая служба займется контролем деятельности Российского авторского общества (РАО), Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) и Российского союза правообладателей (РСП). Указанные организации в

основном занимаются вопросами сбора авторских гонораров за массовую трансляцию или публикацию произведений композиторов, исполнителей, художников, писателей и т.п. Естественно, что какой-либо экономический эффект в данном случае возможен лишь в случае достаточно больших тиражей. Это означает, что для подавляющего большинства гуманитариев, публикуемые произведения которых, как правило, малотиражны, такой механизм защиты авторских прав неэффективен. Это связано с тем, что для успешной защиты результатов интеллектуальной деятельности необходимо располагать действенным механизмом их охраны [Новоселов, 2013, 27, с. 29–33]. Налицо проявление социальной несправедливости: при прочих равных условиях, шансов на успешную охрану и тем более защиту результатов своей интеллектуальной деятельности у гуманитариев существенно меньше, чем у их коллег, представляющих иные научные или творческие направления¹ [Орлов, 2013, 28, с. 37–42].

¹ Социальная несправедливость в отношении гуманитариев проявляется в том, что в соответствии с новыми правилами присвоение докторских степеней представители гуманитарных наук должны опубликовать 15 научных

2. Есть ли инструменты охраны гуманитарных произведений?

Маленькая лазейка для решения проблемы в отечественном законодательстве все-таки есть. Создана инновационная технология тезаурусной объективизации гуманитарных знаний, которая дает возможность достаточно хитроумным путем получать на результаты интеллектуальной деятельности гуманитариев свидетельства Роспатента (Федеральной службы интеллектуальной собственности). Это, конечно, не патент, но документ органа исполнительной власти федерального уровня достаточной юридической силы. Он устанавливает права авторов и правообладателей на гуманитарное научное произведение с определенным названием, фиксирует приоритет и дату государственной регистрации, определяет регистрационный номер, т.е. свидетельство Роспатента имеет все атрибуты правоустанавливающего документа.

Пока, не вдаваясь в подробности, выделим главное: каждый без исключения научный труд обладает понятийным аппаратом, который может быть выделен из научного произведения (публикации, диссертации, научного отчета и т.п.). Научный аппарат может быть представлен в виде качественного нового продукта — тезауруса, т.е. терминологической базы данных с системой семантических связей между ее смысловыми элементами. Такая база данных заполняется экспертными оценками, определяющими значение элементов тезауруса и характер семантических связей, должным образом оформляется и регистрируется в Роспатенте. Экспертиза позволяет выявлять лакуны в понятийном аппарате некоторой предметной области и создать для нее расширенную новую теорию, включающую предыдущую как составную часть. Все это названо «тезаурусной объективизацией», на которую уже получено свидетельство Роспатента № 2013620360 от 04.03.2013.

Главный момент: практически все ранее созданные произведения могут быть актуализированы и представлены в виде тезаурусных баз данных, после чего на них можно получить государственный документ официального образца, что позволит получить на них исключительные или неисключительные права и ввести в гражданский и экономический (хозяйственный) оборот. Иными словами, в отношении ранее выполненных научно-исследовательских работ, даже если их имущественные права на их результаты

принадлежат заказчику, может быть создан принципиально новый продукт, который может быть коммерциализирован, т.е. продан [Татаринцева, 2013, 30, с. 29–33].

3. Теоретический прорыв в сфере тезаурусов

Тезаурусная объективизация как метод опредмечивания гуманитарных знаний имеет солидный научный базис в виде тезаурусной теории. Прочные основы этой теории заложены известными российскими учеными: братьями Вал. А. Луковым и Вл. А. Луковым. Их монографическая диалогия, посвященная тезаурусам, стала новым словом в отечественной гуманитарной науке (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2008; 2013а). В этом фундаментальном труде нашли отражение общая теория тезаурусов, методология тезаурусного исследования, параметры тезаурусного эскиза человека, специальные тезаурусные теории, относящиеся к различным отраслям человеческого знания, и т.д. Работа поражает широтой эрудиции и глубиной охвата исследуемой предметной области. Она по праву может быть названа теоретическим прорывом в мире тезаурусов.

Вопросам методологии тезаурусного подхода посвящена серия их теоретических статей (Луков Вал. А., Луков Вл. А., 2013б; 2014; Луков, 2014), которые инициировали формирование ряда тезаурусных научных школ для различных отраслей науки. Так, в последнее время вышло большое количество научных статей в разных теоретических и прикладных сферах: развития тезаурусной теории (Кузнецова, Логинова, 2013); философии (Костина, 2008; Гневашева, 2014); социологии молодежи (Криворученко, Яковлев, 2012; Ковалева, Левичева, 2012/2013; Григоренко, 2013); социологии культуры (Завьялова, 2014); этнологии (Ламажаа, 2012); экономики (Шустова, 2012) и др.

На основе тезаурусного подхода в настоящее время формируется социологическая научная школа «Тезаурусная объективизация гуманитарного знания». Ядро этой школы составляют доктор социологических наук И. Г. Яковлев (Яковлев, 2012); доктор социологических наук, профессор В.В. Егоров (Егоров, 2013); соискатели ученой степени доктора социологических наук кандидат политических наук Е.Д. Айпин (Айпин, 2013), кандидат социологических наук Л.И. Гусева (Гусева, 2013), кандидат педагогических наук доцент В.В. Мелихов (Мелихов, 2014); соискатели ученой степени кандидата социологических наук С.А. Кирин (Кирин, 2014), О.А. Ениев (Ениев, 2013), Е.В. Овечкина (Овечкина, 2013), Е.Б. Яковлева (Яковлева,

статей в журналах, входящих в перечень ВАК, а их коллеги из сферы естественных и технических наук — всего по 10.

2012). Научным руководителем и консультантом указанных соискателей является доктор социологических наук И.Г. Яковлев.

Работа по созданию тезаурусных баз данных, основанная на тезаурусной теории, отражает одновременное развитие тезаурусного подхода в гуманитарных науках во многих прикладных сферах. Следовательно, тезаурусная объективизация — не только прикладная технология, но и широкое направление современной научной мысли. Можно сказать, что уже ясны общие контуры применения тезаурусной концепции в сфере объективизации научных работ по социологии, социальной философии, политологии, культурологии, филологии, экономике, этнографии. В частности, она применена при исследовании городской среды, сфер развития мегаполиса, управления крупными городскими агломерациями и т.д.

В настоящее время ведется работа по внедрению тезаурусной теории в сферу юриспруденции. Основной их целью является правовая охрана и, в случае надобности, защита гуманитарных произведений от недобросовестного использования.

4. Правовая основа охраны гуманитарных произведений

Поскольку тезаурусная база данных является охраняемым результатом интеллектуальной деятельности в соответствии с п. 1 ст. 1225 части 4 Гражданского кодекса (ГК) РФ, в ее отношении может быть осуществлена государственная регистрация с получением свидетельства, удостоверяющего исключительное право их обладателей на результаты интеллектуальной деятельности в соответствии с п. 3 ст. 1246 части 4 ГК РФ. Отметим особо, что каждая тезаурусная база должна пройти внутреннее и внешнее рецензирование, поскольку в Роспатенте экспертов-гуманитариев, как правило, нет. Наверное, это естественно, поскольку специалисты патентного ведомства должны проверять документы, подаваемые на депонирование, только на предмет правильности их оформления как баз данных. То, что база данных может быть тезаурусом, к ним не относится, а необходимость разбираться в понятийном аппарате неизвестного им научного направления — тем более.

Разработка тезаурусной базы данных по теме диссертационного исследования дает соискателю ученой степени в сфере гуманитарных наук ряд важных преимуществ. Свидетельство Роспатента одновременно представляет собой: 1) официальный документ федерального органа исполнительной власти с гербовой печатью, подтверждающий

авторство и приоритет; 2) к опубликованным работам, отражающим основные научные результаты диссертации, приравниваются «программы для электронных вычислительных машин; базы данных..., зарегистрированные в установленном порядке»²; 3) документ об официальной апробации, поскольку регистрируемые результаты интеллектуальной деятельности проходят государственную экспертизу; 4) отражает факт внедрения разработок соискателя ученой степени в интересах правообладателя официально зарегистрированных результатов интеллектуальной деятельности; 5) удостоверяет факт принадлежности к избранному кругу не только ученых, но и изобретателей [Макарова, 2013, 29, с. 12–17]. Соискатель ученой степени должен принимать во внимание, что свидетельство Роспатента, кроме «объективных» достижений научных результатов, оказывает влияние и на «субъективное» отношение при оценке научных результатов и положений, выдвигаемых для публичной защиты.

Документы об официальной апробации и внедрении чаще всего выдаются коммерческими или государственными организациями и предприятиями. В свою очередь, свидетельство Роспатента показывает, что научные разработки соискателя в части структуры базы данных прошли государственную экспертизу Федеральной службы по интеллектуальной собственности — Роспатента, которая находится в ведении Правительства Российской Федерации.

5. Коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности гуманитариев

Зарегистрированные базы данных могут быть ядром сложных объектов и единых технологий, выступающие также товарными продуктами, которые могут быть коммерциализированы, т.е. от их коммерческой реализации может быть получен доход. Это означает, что «мертвые» результаты интеллектуальной деятельности могут быть не только реанимированы в иной ипостаси как оригинальный продукт, но и использованы для развития перспективного научного направления и создания новых комплексных научных инструментов. Это означает, что каждая научно-исследовательская организация может при должной методической поддержке создавать на базе прежних работ новые тезаурусные базы данных, слож-

² Постановление Правительства РФ от 30 января 2002 г. № 74 «Об утверждении Единого реестра ученых степеней и ученых званий и Положения о порядке присуждения ученых степеней».

ные объекты и единые технологии, которые могут продаваться на рынке научно-технической продукции. Создан легальный механизм коммерциализации омертвленных продуктов подконтрактной гуманитарной научно-исследовательской деятельности без прямого использования обозначенных в контрактах результатов (в виде научных отчетов, докладов, описания методик и т.п.).

6. Гуманитарная технологическая платформа как средство достижения социальной справедливости

В естественно-научной и технической сферах для реализации коммерческой составляющей деятельности ученых созданы и действуют 30 технологических платформ, ориентированных на коммерческое распространение результатов научных исследований. Это еще одно проявление социального неравенства [Фара, 2013, 26, с. 34–35]. В их состав входят учебные организации, действующие в близких научных направлениях. Технологические платформы — эффективные коммуникационные механизмы, предназначенные для решения как коммерческих, так и трансферных (обмена технологиями) вопросов.

В настоящее время в интересах представителей гуманитарных наук не создано ни одной технологической платформы. Это, на наш взгляд, связано с тем, что до недавнего времени не существовало эффективного механизма охраны и коммерциализации результатов научной деятельности в сфере гуманитарных наук. Теперь, когда такой механизм создан и апробирован для успешного развития социально-гуманитарных наук, гуманитариям нужно создать собственную *гуманитарную технологическую платформу*. Этот инициативный проект может ввести в оборот научные работы, которые висят на балансах организаций и за которые выплачиваются налоги, но доходов они не приносят (Яковлева, 2012).

Мы мыслим этот проект как масштабное объединение гуманитарных научно-исследовательских и образовательных учреждений, которые готовы предпринять усилия по коммерциализации уже существующих продуктов и результатов текущих проектов. Такое объединение предполагается осуществить путем заключения договоров и лицензионных соглашений между участниками гуманитарной технологической платформы и ее инициаторами.

7. Пусковой механизм повышения жизненного уровня — инвентаризация гуманитарных произведений

Чтобы понять научный потенциал формируемой платформы, ее инициаторы предлагают провести инвентаризацию нематериальных активов потенциальных участников. Такие работы, как правило, проводят оценщики, но они, являясь профессионалами в своей сфере, обычно не могут глубоко проникнуть в суть сложных результатов научных исследований в гуманитарной сфере. Именно по этой причине нематериальные активы научно-исследовательских организаций в массе своей недооценены. Мы предлагаем осуществить не оценку, а инвентаризацию результатов деятельности ученых-гуманитариев.

Наша методика инвентаризации нематериальных активов отвечает свойствам патентной чистоты и оформлена в виде единой технологии «View-Content-Инвентаризация». Она представляет собой выраженный в объективной форме результат научно-технической деятельности, осуществленной своими силами и за свой счет в 2007–2010 гг. Этот сложный объект (комплексный научно-технический результат) характеризуется единством его составных частей, которые объединены общим назначением и служат технологической основой практической деятельности в гражданской сфере, направленной на анализ и синтез нормативно-правовых текстов. Единая технология включает официально зарегистрированные, незарегистрированные и опубликованные охраняемые объекты исключительных прав, а также неохраноспособные результаты интеллектуальной деятельности. Инвентаризация позволит выявить потенциально коммерциализируемые результаты научно-исследовательской деятельности, которые могут быть подвергнуты тезаурусной объективизации и правовой охране.

Инвентаризация проводится в три этапа. На первом этапе путем анкетирования проводится первичная самооценка деловой репутации (гудвилла) участника, а также выявляются права на объекты исключительных прав, связанные с его научно-исследовательской деятельностью. На втором этапе осуществляется экспертиза выявленных объектов на предмет возможности их тезаурусной объективизации и получения соответствующих свидетельств. На третьем этапе усилиями ученых создаются тезаурусы понятийного аппарата выявленных объектов, затем силами патентоведов и юристов готовятся лицензионные соглашения и заявки в Роспатент, а также осуще-

ствляется их сопровождение вплоть до получения свидетельств.

Свидетельство станет вкладом участника в Гуманитарную технологическую платформу. Все это позволит ему впредь в рамках платформы получать официальные документы на производимую гуманитарную научную продукцию.

Стоимость первого инвентаризационного этапа невелика — существенно ниже стоимости услуг оценщиков по экспертизе сходных объектов. Кроме того, инвентаризация не только поможет понять, какими интеллектуальными ресурсами обладает потенциальный участник гуманитарной технологической платформы, но и предоставит доступ к уникальным технологиям объективизации и правовой охраны результатов комплексных научных исследований, которые оценщики сделать в принципе не способны. Существенное снижение цены достигнуто за счет привлечения инновационных информационно-аналитических технологий.

8. Не панацея, но действенное лекарство

Поиск выхода из порочного круга социальной несправедливости приводит представителей гуманитарных наук к поиску надежных средств охраны и защиты результатов своей интеллектуальной деятельности. Поскольку действующее российское законодательство таких средств не предоставляет, гуманитариям приходится по мере возможности пользоваться механизмами, которые имеются в распоряжении представителей естественных и технических наук. Именно на стыке возможностей, которые есть у «физиков» и «лириков», появляются новые механизмы. Они не являются панацеей от всех бед гуманитариев, но предоставляют возможность не только получать официальные документы Федеральной службы по интеллектуальной собственности — Роспатента, но и эффективно защищать свои произведения, в частности в судебном порядке³.

³ Например см.: дела № А40-67383/12 и № А40-96340/13 на сайте Арбитражного суда города Москвы.

Эта возможность обеспечивается за счет организации логической цепочки: 1) производство, подлежащее охране и защите; 2) терминологический глоссарий; 3) тезаурус понятийного аппарата производства; 4) логико-семантическая модель в виде совокупности семантических шкал для оценки значения понятий; 5) математическая модель, связывающая понятия с помощью регрессионных уравнений; 6) компьютерная модель в виде базы данных с оценками понятий и программы для ЭВМ для осуществления соответствующих вычислений, на которые можно получить свидетельства Роспатента. Таким путем мы осуществляем переход от «лирики» к «физике» и получаем правоустанавливающие документы на гуманитарную интеллектуальную собственность.

Предлагаемый проект является верной защитой от плагиата — покушения на нематериальные активы гуманитариев. Используемые в настоящее время антиплагиатные информационные технологии позволяют выявлять факты заимствования отрывков из чужих произведений на основе контекстного поиска. На наш взгляд, это упрощенный подход, который достаточно легко можно обойти с помощью, например, контекстной замены. Тезаурусные базы данных дают возможность выявлять научную парадигму, направление, школу и, наконец, конкретного автора по понятийному аппарату, который он использует.

Предлагаемый подход не является панацеей от всех бед гуманитариев. Однако он позволяет эффективно осуществлять тезаурусную объективизацию, правовую охрану, в случае необходимости — защиту, а также коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности в сфере гуманитарных наук. Именно с этого, на наш взгляд, можно начать движение в сторону обеспечения социальной справедливости для гуманитариев.

Список литературы

1. Айтин Е.Д. Резервация как институт сохранения среды обитания коренных малочисленных народов Севера // Точки над Е. 2013. № 1 (6). С. 32–53.
2. Гневашева В.А. Добродетель и ценность как тезаурусные константы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 117–124.
3. Григоренко Б.Ю. Тезаурусный подход в исследовании доверия молодежи к власти: методологические воз-

References

1. Aypin E.D. Rezervatsiya kak institut sokhraneniya sredy obitaniya korennykh malochislennykh narodov Severa [Reservation as an institution preserving the habitat of indigenous peoples]. *Tochki nad E* [points over Y]. 2013, I. 1 (6), pp. 32–53.
2. Gnevasheva V.A. Dobrodetel' i tsennost' kak tezaurusnye konstanty [virtues and value as a thesaurus constants].

- возможности применения // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 118–122.
4. Гусева Л.И. Тезаурус дорожной карты по преодолению сиротства в московском мегаполисе // Управление мегаполисом. 2013. № 2 (32). С. 9–23.
  5. Егоров В.В. Объективизация результатов научных исследований // Точки над Е. 2013. № 1 (6). С. 99–101.
  6. Ениев О.А. Теоретические основы тезаурусной объективизации гуманитарных знаний // Точки над Е. 2013. № 1 (6). С. 9–18.
  7. За соблюдением авторских прав проследит специальная служба // Вести, интернет-газета («VESTI.RU») 14.10.2013. <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1141552&cid=7>.
  8. Завьялова Н.А. Механизмы тезаурусного расширения в русле теоретико-информационного подхода как отражение социокультурной динамики // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 194–204.
  9. Кирилин С.А. Тезаурусная методика социологического обследования эффективности банковских социальных технологий // Управление мегаполисом. 2014. № 1 (37). С. 21–36.
  10. Ковалева А.И., Левичева В.Ф. О теориях молодежи и путях их развития / Рецензия на книгу Вал. А. Лукова «Теории молодежи: междисциплинарный анализ» // West-Ost-Report: Intern. Forum for Science and Research (Berlin). 2012/2013. № 3/4. С. 97–101.
  11. Костина А.В. Тезаурусный подход как новая парадигма гуманитарного знания // Обсерватория культуры (Рос. гос. б-ка). 2008. № 5. С. 102–109.
  12. Криворученко В.К., Яковлев И.Г. Теории молодежи [рец. на кн. Вал. А. Лукова «Теории молодежи». М., 2012]. Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 4 (июль — август). http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Krivoruchenko~Iakovlev_Theories-of-Youth/.
  13. Кузнецова Т.Ф., Логинова Л.Ф. Тезаурусы: продолжение и развитие теории // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 4. С. 326–329.
  14. Ламажая Ч.К. Тезаурусный подход для тувиноведения // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 38–45.
  15. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во нац. ин-та бизнеса. 2008.
  16. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы II: Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира. М.: Изд-во нац. ин-та бизнеса. 2013а.
  17. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурус как ориентационный комплекс // Знание. Понимание. Умение. 2013б. № 2. С. 107–110.
  18. Луков Вал.А., Луков Вл.А. Методология тезаурусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 18–35.
  19. Луков Вл.А. Концепция тезаурусных сфер // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1. С. 307–326.
  20. Мелихов В.В. Тезаурусный анализ здорового образа жизни инвалидов // Управление мегаполисом. 2014. № 1 (37). С. 11–20.
  21. Овечкина Е.В. Тезаурусная объективизация понятийного аппарата продовольственной безопасности *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2014, I. 2, pp. 117–124.
  3. Grigorenko B.Yu. Tezaurusnyy podkhod v issledovanii doveriya molodezhi k vlasti: metodologicheskie vozmozhnosti primeneniya [Thesaurus approach to the study of trust in power: methodological possibilities of application]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2013, I. 2, pp. 118–122.
  4. Guseva L.I. Tezaurus dorozhnoy karty po preodoleniyu sirotdstva v moskovskom megapolise [Thesaurus roadmap to overcome the orphanage in the Moscow metropolis]. *Upravlenie megapolisom* [Management metropolis]. 2013, I. 2 (32), pp. 9–23.
  5. Egorov V.V. Ob"ektivizatsiya rezul'tatov nauchnykh issledovaniy [Objectification of research results]. *Tochki nad E* [points over Y]. 2013, I. 1 (6), pp. 99–101.
  6. Eniev O.A. Teoreticheskie osnovy tezaurusnoy ob"ektivizatsii gumanitarnykh znaniy [Theoretical Foundations thesaurus objectification of human knowledge]. *Tochki nad E* [points over Y]. 2013, I. 1 (6), pp. 9–18.
  7. Za soblyudeniem avtorskikh prav prosledit spetsial'naya sluzhba [Compliance with copyright will see a special service]. *Vesti, internet-gazeta ("VESTI.RU")* [News, an online newspaper ("VESTI.RU")] 14.10.2013. 14.10.2013. Available at: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=1141552&cid=7> (Accessed 5 Januar 2014).
  8. Zav'yalova N.A. Mekhanizmy tezaurusnogo rasshireniya v rusle teoretiko-informatsionnogo podkhoda kak otrazhenie sotsiokul'turnoy dinamiki [Mechanisms thesaurus expansion in line with the information-theoretic approach as a reflection of social and cultural dynamics]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2014, I. 1, pp. 194–204.
  9. Kirin S.A. Tezaurusnaya metodika sotsiologicheskogo obsledovaniya effektivnosti bankovskikh sotsial'nykh tekhnologiy [Thesaurus technique sociological survey of bank efficiency of social technologies]. *Upravlenie megapolisom* [Management metropolis]. 2014, I. 1 (37), pp. 21–36.
  10. Kovaleva A.I., Levicheva V.F. O teoriyakh molodezhi i putyakh ikh razvitiya. Retenziya na knigu Val. A. Lukova «Teorii molodezhi: mezhdistsiplinarnyy analiz» [Theories of youth and ways of their development. Book Review Val. A. Loukova "Theories of Youth: An Interdisciplinary Analysis"]. *West-Ost-Report: Intern. Forum for Science and Research (Berlin)*. 2012/2013, I. 3/4, pp. 97–101.
  11. Kostina A.V. Tezaurusnyy podkhod kak novaya paradigma gumanitarnogo znaniya [Thesaurus approach as a new paradigm of human knowledge]. *Obseratoriya kul'tury (Ros. gos. b-ka)* [Observatory of Culture]. 2008, I. 5, pp. 102–109.
  12. Krivoruchenko V.K., Yakovlev I.G. Teorii molodezhi [rets. na kn. Val. A. Lukova «Teorii molodezhi». М., 2012] [Theories of Youth [review on the book. Val. A. Loukova "Theories of Youth." М., 2012]]. *Informatsionno-gumanitarnyy portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»* [Information Portal Humanities "Knowledge. Understanding. Ability"]. 2012, I. 4 (July - August). Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Krivoruchenko~Iakovlev_Theories-of-Youth/ (Accessed 5 Januar 2014).
  13. Kuznetsova T.F., Loginova L.F. Tezaurusy: prodolzhenie i razvitie teorii [thesaurus: the continuation and development of the theory]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2013, I. 4, pp. 326–329.
  14. Lamazhaa Ch.K. Tezaurusnyy podkhod dlya tuvinovedeniya [Thesaurus approach tuvinovedeniya]. *Znanie. Poni-*

- (опыт реализации) // Управление мегаполисом. 2013. № 1 (31). С. 10–22.
22. Шустова Е.А. Динамизм в тезаурусной концепции меркантилизма // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 97–100.
  23. Яковлев И.Г. Профессиональная интеграция инвалидов: тезаурусная объективизация результатов научной деятельности: научно-методическое пособие. М.: Контент-Пресс, 2012.
  24. Яковлева Е.Б. Объективизация теоретической модели управления лизинговой компании // Управление мегаполисом. 2012. № 4 (29). С. 62–78.
  25. Яковлева Е.Б. Технологическое развитие региона на основе гуманитарной технологической платформы // Управление мегаполисом. 2013. № 4 (34). С. 10–18.
  26. Фара Д.-М. Гражданское общество и социальная Европа // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10 (188). С. 34–35.
  27. Новоселов Е.И. Итальянские ученые-гуманитарии — за регулирование рыночной экономики // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10 (188). С. 29–33.
  28. Орлов И.Б. Теоретические основания государства социального гуманизма // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 37–42.
  29. Макарова О.В. Социально-экономическая эффективность персоналистских процессов и структур // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 2 (180). С. 12–17.
  30. Татаринцева Н.В. Персоналистская занятость как новый этап работы с человеческими ресурсами // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 2 (180). С. 29–33.
  31. Бобков В.Н. Методологические подходы к разработке системы социальной стандартизации и опыт ее реализации в Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 4 (182). С. 3–6.
  32. manie. Umenie [Knowledge. Understanding. Ability]. 2012, I. 2, pp. 38–45.
  33. Lukov Val.A., Lukov VI.A. *Tezaurusy: Sub"ektnaya organizatsiya gumanitarnogo znaniya* [thesaurus: Subjective organization of human knowledge: scientific]. Moscow, Interantional Institute of Business Publ., 2008, 784 p.
  34. Lukov Val.A., Lukov VI.A. *Tezaurusy II: Tezaurusnyy podkhod k ponimaniyu cheloveka i ego mira* [Thesauri II: Thesaurus approach to the understanding of man and his world: to learn]. Moscow, Interantional Institute of Business Publ., 2013a, 640 p.
  35. Lukov Val.A., Lukov VI.A. *Tezaurus kak orientatsionnyy kompleks* [Thesaurus orientation as complex]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2013b, I. 2, pp. 107–110.
  36. Lukov Val.A., Lukov VI.A. *Metodologiya tezaurusnogo podkhoda: strategiya ponimaniya* [Methodology thesaurus approach: a strategy for understanding]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2014, I. 1, pp. 18–35.
  37. Lukov VI.A. *Kontseptsiya tezaurusnykh sfer* [The concept of spheres thesaurus]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2014, I. 1, pp. 307–326.
  38. Melikhov V.V. *Tezaurusnyy analiz zdorovogo obraza zhizni invalidov* [Thesaurus analysis of a healthy lifestyle disabled]. *Upravlenie megapolisom* [Management metropolis]. 2014, I. 1 (37), pp. 11–20.
  39. Ovechkina E.V. *Tezaurusnaya ob"ektivizatsiya ponyatiynogo apparata prodovol'stvennoy bezopasnosti (opyt realizatsii)* [Thesaurus objectification of the conceptual apparatus of food security (the experience of implementation)]. *Upravlenie megapolisom* [Management metropolis]. 2013, I. 1 (31), pp. 10–22.
  40. Shustova E.A. *Dinamizm v tezaurusnoy kontseptsii merkantilizma* [The dynamism in the thesaurus concept of mercantilism]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Ability]. 2012, I. 4, pp. 97–100.
  41. Yakovlev I.G. *Professional'naya integratsiya invalidov: tezaurusnaya ob"ektivizatsiya rezul'tatov nauchnoy deyatel'nosti* [Professional Integration of Disabled People: thesaurus objectification of the results of scientific research: scientific-methodical manual]. 2012, Moscow, Kontent-Press Publ., 116 p.
  42. Yakovleva E.B. *Ob"ektivizatsiya teoreticheskoy modeli upravleniya lizingovoy kompanii* [Objectification theoretical model of management of the leasing company]. *Upravlenie megapolisom* [Management metropolis]. 2012, I. 4 (29), pp. 62–78.
  43. Yakovleva E.B. *Tekhnologicheskoe razvitie regiona na osnove gumanitarnoy tekhnologicheskoy platformy* [The technological development of the region on the basis of humanitarian technology platform]. *Upravlenie megapolisom* [Management metropolis]. 2013, I. 4 (34), pp. 10–18.
  44. Fara D.-M. *Grazhdanskoe obshchestvo i sotsial'naya Evropa* [Civil society and social Europe]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 34–35.
  45. Novoselov E.I. *Ital'yanskie uchenye-gumanitarii — za regulirovanie rynochnoy ekonomiki* [Italian scholars in the humanities - for the regulation of the market economy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 29–33.

28. Orlov I.B. Teoreticheskie osnovaniya gosudarstva sotsial'nogo gumanizma [The theoretical foundation of the state of social humanism]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 37–42.
29. Makarova O.V. Sotsial'no-ekonomicheskaya effektivnost' personalistskikh protsessov i struktur [Socio-economic benefits personalistic processes and structures]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 2 (180), pp. 12–17.
30. Tatarintseva N.V. Personalistskaya zanyatost' kak novyy etap raboty s chelovecheskimi resursami [Personalistic employment as a new stage of work with human resources]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 2 (180), pp. 29–33.
31. Bobkov V.N. Metodologicheskie podkhody k razrabotke sistemy sotsial'noy standartizatsii i opyt ee realizatsii v Rossiyskoy Federatsii [Methodological approaches to the development of the social experience of standardization and its implementation in the Russian Federation]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 4 (182), pp. 3–6.

Социогуманитарный вектор развития социально-экономической системы России

The Sociohumanitarian Vector of the Development of the Russian Socioeconomic System

Получено 23.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 316.442

DOI: 10.12737/7405

САВЧЕНКО П.В.

д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32.
E-mail: pol@inecon.ru

SAVCHENKO P.V.

Doctor of Economics, Professor, Chief Research Worker, Institute of Economics, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
32 Nakhimovskiy Avenue, Moscow 117218, Russia.
E-mail: pol@inecon.ru

ГОЛУБЕВ В.С.

д-р геол.-минерал. наук, проф., главный научный сотрудник Института системного анализа РАН.
117463, Россия, Москва, ул. Голубинская, д. 25, к. 2, кв. 298.
E-mail: v.s.golubev@bk.ru

GOLUBEV V.S.

Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor, Chief Research Worker, Institute of Systems Analysis, Russian Academy of Sciences.
Flat 298 25/2 Golubinskaya Street, Moscow 117463, Russia.
E-mail: v.s.golubev@bk.ru

ФЕДОРОВА М.Н.

д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.
117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 32.
E-mail: pol@inecon.ru

FYODOROVA M.N.

Doctor of Economics, Leading Research Worker at the Institute of Economics, RAS.
32 Nakhimovskiy Avenue, Moscow 117218, Russia.
E-mail: pol@inecon.ru

Аннотация

Объект. В статье рассматривается роль человека как субъекта экономики и общества в социогуманитарном развитии.

Предмет анализа. Исследуются тенденции в российской социально-экономической системе и ее подсистемах: экономической, политической, социальной, нравственно-духовной и семейно-бытовой — с целью выявить основные проблемы и противоречия социогуманитарного развития.

Основные положения статьи. Авторы исходят из того, что социогуманизм основан на гармоничном синтезе в системе природа–человек–общество. Человек как субъект экономики и общества обладает витальным, интеллектуальным и духовным капиталом, находится под влиянием вертикальных и горизонтальных отношений социально-экономической системы и в то же время формирует их по своему образу и подобию. Возникающие противоречия разрешаются рождением «нового», выступающего гармоническим синтезом преодолеваемых противоположностей. Социогуманитарное государство становится закономерным этапом развития в ряду либеральное–социальное–социогуманитарное государство.

Цели статьи. Существующие тенденции экономического, социального и гуманитарного развития России весьма противоречивы. Некоторые из них отвечают социогуманитарному вектору развития, а другие — нет. Требуются системные реформы. В условиях глобализации самое главное — выиграть конкуренцию за человека. России необходимо совершенствовать институты и инфраструктуру развития человека, включающие заинтересованность в создании инновационного общества, мотивации для реализации творческих и предпринимательских способностей, социальные лифты для продвижения креативных групп населения.

Ключевые слова: социально-экономическая система, социогуманизм, социогуманитарное государство, человек как субъект экономики и общества, витальный капитал, интеллектуальный капитал, духовный капитал.

Abstract

Object. The role of the human as an economic and social actor in the sociohumanitarian development is considered.

The Subject of the Analysis. The trends of changes in the Russian socioeconomic system and its subsystems are analyzed: economic, political, social, moral, home and family — for the purpose of the presence of basic problems and contradictions of socio-humanitarian development.

The Main Aspects of the Article. The authors proceed from the fact that socio-humanism is based on the harmonious synthesis in the system nature-man-society. The human as an economic and social actor possesses vital, intellectual and moral capital is affected by the vertical and horizontal relations of socioeconomic system and at the same time forms them in his (her) own image. The contradictions are resolved by the generation of «new», that are the harmonic synthesis of the resolving oppositions. The sociohumanitarian state is a natural stage in the sequence: liberal — social — sociohumanitarian.

Purpose of the Article. The existing trends of economic and sociohumanitarian development of Russia are completely contradictory. Some of them corresponds to the socio-humanitarian vector of the development, whereas others not. The system reforms are to be carried out. Under the conditions of globalization the main thing is to win competition for the human. In Russia it is necessary to improve institutions and infrastructure of the human development that include the motivation to the creation of innovations for the realization of creative and owner's abilities, social elevators for promoting of the creative persons and groups.

Keywords: socioeconomic system, sociohumanism, a socio-humanitarian state, the human as an economic and social actor, vital capital, intellectual capital, moral capital.

1. Концепция социогуманизма

Социогуманизм — это естественно-гуманитарное учение о функционировании и развитии глобальной системы природа–человек–общество и локальных подсистем. Социогуманизм выступает как обобщенный итог исторического пути, на котором неизменно росла ценность человека, совершенствовалось бытие [Бушуев, Голубев, Коробейников, 2013, 19, с. 43–52].

Учение социогуманизма, в отличие от большинства социальных теорий, строится дедуктивным методом — от теории социоприродного развития к социуму и человеку. Тем самым оно лишено недостатков обычно используемых индуктивных построений (субъективизм, неучет существенных факторов, преувеличение или преуменьшение роли других и т.п.). Три главные составляющие этого учения: от общества потребления — к обществу социального гуманизма, от «человека социального» — к «человеку социально-духовному», от социального — к социогуманитарному государству [Бобков, 2013, 22, с. 6–8].

При социогуманизме разрешаются (частично или полностью) на основе гармоничного синтеза основные противоположности в системе природа–человек–общество [Голубев, Кураков, Тимирясова, 2013, 1, с. 110].

1. Человек, его жизнь в гармонии с Природой как высшая ценность бытия. Неизмеримым был «труд» Природы по выдвиганию и становлению человека. Истинная «цена» человека бесконечно велика. Когда же возникает необходимость оценить стоимость человека (через величину человеческого капитала), непременно следует иметь в виду относительность данных оценок.

2. Человек и Природа сопряжены. Не будет Природы, не будет и человека. Вместе с тем у человека имеется биосферная функция — поддерживать устойчивость современной биосферы [Голубев, 2001, 2]. В этом аспекте установки антропоцентризма и биоцентризма односторонние и неверные.

3. Развитие человека естественно и закономерно. Оно обусловлено свойством самосохранения жизни при изменяющихся условиях среды жизнеобитания, вызванных как внешними (экзогенными), так и внутренними (эндогенными) причинами. Культурный прогресс человечества эволюционно обусловлен. Он вырос из этологического прогресса в животном мире.

4. Движущей силой эволюции является открытие и освоение нового ресурса [3]. Благодаря кооперации разных видов и взаимодополняемости их функций (комплементарности), жизнь устойчиво самосохраняется на протяжении геологиче-

ского времени. Механизмы конкуренции, борьба за существование играют вспомогательную роль: они устраняют регресс. Социальный дарвинизм, теория «человека экономического» основана на установке «служение себе». Этот подход не удовлетворителен, поскольку основан на диадной парадигме развития как «борьбы» противоположностей [Голубев, 2001, 2]. При этом искажается природа человека: он полагается существом сугубо эгоистическим («человек экономический»).

5. В мире первично «добро», а не «зло», альтруизм, а не эгоизм. Если бы первичным было «зло», то устойчивое существование жизни, цивилизации было бы невозможно. Согласно позитивной психологии, истинная, соответствующая эволюционному предназначению жизнь — такая, при которой человек максимально развивает свои индивидуальные достоинства и добродетели для служения высшим духовным целям. При этом главные человеческие достоинства можно свести к следующим: мудрость и знание, мужество, любовь, доброта и человечность, справедливость, умеренность, духовность.

6. Гуманитарный прогресс в целом протекает по механизму устойчивого развития — через выделенные индивиды («человек творческий») на фоне основной не прогрессирующей массы. «Новое» овладевает массами постепенно. Отсюда вытекает особая историческая роль и ответственность ученых и интеллигенции — через нее осуществляется научный и культурный прогресс человечества в целом [Бобков, Субетто, 2013, 21, с. 3–8].

7. Характеристикой качества человека выступает человеческий капитал. Он складывается из унаследованной (витальный капитал) и приобретенной (интеллектуальный и духовный) составляющих. В «человеке гармоничном» составляющие человеческого капитала находятся в оптимальном соотношении (в «золотой пропорции»).

8. Согласно социогуманизму, жизнь — высшая ценность бытия. Поэтому гуманитарные ценности (здоровье, образование, мораль, семья и т.п.) приоритетны по сравнению с материальными (хотя не умаляют значение и роль последних). Так, иерархии либеральных приоритетов богатство–власть–слава можно противопоставить социогуманитарные — умеренность–свобода–достоинство.

9. Гармоничный образ жизни отвечает максимальной продолжительности деятельной жизни, что достигается на основе задействования основных факторов: благополучного детства, здорового и деятельного образа жизни, овладения мировоззрением социогуманизма. Здоровье человека в большей степени находится внутри него самого, определяясь его мировоззрением. Оптимизация

здоровья и высокая культура жизни достигаются на основе мировоззрения социогуманизма [Гордина, 2013, 28, с. 44–51].

10. Аномальная жажда обогащения рассматривается социогуманизмом как патология.

11. Ценности социогуманизма во многом соотносятся с религиозными ценностями. Это особенно касается таких сущностных моментов, как отношение к человеку и материальной стороне его жизни, а также к труду и богатству. Социальный гуманизм по-особому, ясно и доходчиво, расшифровывает феномен духовности. Духовный человек понимает, что жизнь — высшая ценность бытия, строит свою жизнь в соответствии с этим пониманием. Тем самым устраняется во многом неопределенный смысл, которое часто сопровождает термин «духовность» [Голубев, 2013, 27, с. 92–99]. Духовность не тождественна религиозности: неверующий человек может быть глубоко духовным и наоборот. Здесь возникает определенная коллизия, связанная с тем, что человек жертвует своей жизнью ради спасения других. Однако это относится к «неравновесной» критической ситуации (стихийные бедствия, войны, преступления и др.). В «равновесной» жизни данная трактовка духовности остается в силе [Субетто, Бобков, Оноприенко, 2013, 20, с. 72–75].

12. Глубинная цель социогуманитарного развития — благо, максимально полная удовлетворенность жизнью. Это дается не избытком материальных благ, а полнотой жизни — максимальным развитием и использованием позитивных человеческих качеств для реализации своего земного предназначения. «Все в меру» — этот издревле известный принцип благополучной жизни, получающий в учении социогуманизма новое обоснование.

2. Социогуманитарное измерение человека и общества

Стагнирующие общества материализма функционируют на основе диадной парадигмы единства и борьбы противоположностей. Диадная парадигма не учитывает творческую составляющую материи. Законом развития является триадная парадигма. Согласно ей, существующие в мире противоположности разрешаются рождением «нового», выступающего гармоническим синтезом преодолеваемых противоположностей. Социогуманитарное государство становится закономерным этапом развития в ряду либеральное–социальное–социогуманитарное государство. Переход мира на социогуманитарную траекторию развития может состояться уже в XXI в. [Субетто, 2013, 23, с. 9–29].

Вертикальные и горизонтальные отношения социально-экономической системы представляют собой отношения между людьми. Необходимо, чтобы витальная, интеллектуальная и духовная составляющие человеческого капитала гармонично сочетались [Григорьев, 2013, 29, с. 52–57]. Если человек находит возможности реализовать свои интересы и потребности, система сохраняется и развивается. Если нет, система деградирует и разваливается. Человек разрушает ее в надежде создать лучшую, но часто получает обратный эффект.

Во всех странах согласование интересов человека, общества и государства регулируется экономической эффективностью и социальной справедливостью. Различия между странами проявляются в соотношении этих принципов, которое имеет общие, особенные и идентичные черты [Бобков В.Н., Бобков Н.В., 2013, 24, с. 30–33].

В связи с вышеизложенным важное значение для экономической теории и практики имеет исследование взаимодействия интересов человека, общества и государства, выявление факторов, препятствующих реализации социогуманитарного вектора развития социально-экономической системы в России в посткризисный период. Сокращение социальных расходов государства означает социальный регресс (уменьшение социального капитала). Это можно нивелировать, если социальная функция перейдет от государства к негосударственным НКО и самому человеку. Но в условиях значительного социального расслоения общества (рост расслоения — регресс вследствие уменьшения социального капитала) такой переход проблематичен. В результате социальная сфера все больше будет превращаться в сферу бизнеса, а общественные блага — в частные.

Существуют несводимые общественные интересы, которые не имеют рыночных форм проявления (например, воспитание нравственности подрастающего поколения, фундаментальная наука и т.п.) [Урсул, 2013, 30, с. 62–74]. Эти составляющие духовного и культурного капитала, нормативные предпочтения общества, выявляются политическим путем, с помощью институтов государства и гражданского общества [Гринберг, Рубинштейн, 2013, 4, с. 346].

Общество выступает противоречивым фактором формирования интересов и потребностей человека, так как в нем можно найти разнообразные варианты, примеры поведения в той или иной ситуации. В нем можно увидеть и отдаленные последствия выбора человеком того или иного варианта, но не все обращают на это внимание. Сложность формирования общества как целостного организма состоит в том, что необходимо

согласовать интересы социальных групп, семей и индивидов [Голубев, 2013, 26, с. 41–43]. В обществе постоянно возникает потребность в новых институтах или улучшении существующих, что выражается в деятельности общественных и религиозных объединений, профсоюзов, политических партий, различных фондов и др. Государство закрепляет новые институты в законах, осуществляет качественное улучшение общественной среды [Гринберг, Рубинштейн, 2013, 4, с. 179, 195, 226].

Человек как субъект экономики и общества функционирует в системе институтов — экономических, политических, социальных и др. С одной стороны, институты влияют на выбор человека и его мотивацию. С другой стороны, институты создаются и трансформируются людьми, имеющими свои интересы, привычки и взгляды. В связи с этим, как отмечает Дж. Ходжсон, анализ любого экономического явления надо начинать с индивидов и институтов [Ходжсон, 2008, 5, с. 47]. Через институты индивид связан с другими индивидами, организациями, социальными группами, обществом, государством.

Формальные и неформальные институты социально-экономической системы основаны на сочетании личных свобод и обязанностей. В каждой стране это сочетание имеет свои особенности, но если между ними нет гармонии (власть закона), возникают факторы, противодействующие социогуманитарному вектору развития системы. К таким факторам относятся рост социального расслоения общества, коррупция, олигархизм (последние два фактора потребуются в дальнейшем учитывать при расчете социального капитала). Они в той или иной мере проявляются во всех подсистемах. Их формирование в России в значительной мере связано с авторитарными традициями. Но это не означает, что страны с демократическими традициями могут избежать роста социального расслоения общества, коррупции и олигархизма. Как известно, страны с демократическими традициями — это страны с рыночной экономикой, а в рыночной экономике конкуренция неизбежно приводит к концентрации и централизации капитала и монополии, а отсюда вытекают олигархизм и соединение интересов крупного бизнеса и бюрократии.

3. Социогуманитарный проект России

Необходимо отметить, что в России интегральный показатель, характеризующий социогуманитарный вектор развития социально-экономической системы, — индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) (другое название — индекс раз-

вития человека — ИРЧ), в целом, неплохой [Адамов, 2013, 25, с. 34–40]. По данным ООН, ИРЧП варьирует от 0,304 в Демократической республике Конго и Нигере до 0,955 в Норвегии и Исландии. В период перехода к рынку в России произошло снижение ИРЧП: если в 1990 г. он достигал 0,815, то в 1995 г. снизился до 0,771. Россия оказалась в числе стран со средним уровнем развития человеческого потенциала. В последние годы ИРЧП растет, но еще не достиг уровня 1990 г. По уровню ИРЧП Россия сегодня находится на 55-м месте (0,788) и входит в группу стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала [6]. Однако следует обратить внимание на то, что покупательная способность бедных и малообеспеченных слоев населения растет медленнее, чем в среднем всего населения. Политика государства должна быть ориентирована на достижение социально приемлемых показателей качества жизни всех групп населения [Василенко, 2013, 31, с. 82–92].

ИРЧП недостаточно для характеристики качества человека и его жизни. Он выводится индуктивным методом и потому носит субъективный характер. В развитие ИРЧП был предложен индекс качества жизни — ИКЖ [Голубев, Кураков, Тимирясова, 2013, 1; Голубев, 2001, 2], который строится дедуктивным методом и имеет поэтому ясную теоретическую базу (теорию социоприродного развития). ИКЖ включает существенно больше значимых факторов развития, чем ИРЧП. В нем в безразмерном виде учитывается производство удельного физического, человеческого и социального капитала.

По ИКЖ (0,444) Россия занимала в 2009 г. 73-е место в мире. Но особенно неблагоприятно положение страны по частному индексу человеческого капитала — 162-е место в мире (значение индекса 0,341) [Голубев, Кураков, Тимирясова, 2013, 1]. Это свидетельствует о том, что страна переживает острый социогуманитарный кризис — кризис человека и социальной модели.

Необходимо отметить, что в России оценка населением общей экономической ситуации, личного материального положения, конъюнктуры рынка и рынков сбережений в 2010–2012 гг. была отрицательной, но имелись небольшие позитивные изменения [7]. Это свидетельствует о неуверенности людей в завтрашнем дне, снижает их склонность к сбережениям.

Рассматривая положение человека в экономической подсистеме российской социально-экономической системы, можно констатировать как позитивные тенденции, так и наличие устойчивого социального расслоения. К позитивным тенденциям относится сокращение численности населе-

ния с доходами ниже прожиточного минимума. В 2012 г. она составила 15,6 млн человек (10,9% общей численности населения), в 2007 г. — 18,8 млн (13,3%) [7]. Распределение общего объема денежных доходов по 20%-м группам населения в 2007–2012 гг. было стабильным: первая группа (с наименьшими доходами) — 5,1–5,2%, вторая — 9,8–9,9%, третья — 14,8–14,95, четвертая — 22,5–22,6%, пятая (с наибольшими доходами) — 47,4–47,8%. Коэффициент Джини в этот период также незначительно колебался в интервале 0,417–0,422. Аналогично изменялся и коэффициент фондов — в интервале 16,2–16,7. Произошли позитивные изменения в распределении населения по величине среднедушевых денежных доходов: сократился удельный вес групп населения с доходами менее 5000–14 000 руб. и увеличился удельный вес групп населения с доходами 14 000 — свыше 45 000 руб. Аналогичные изменения произошли и в распределении численности работников по размеру начисленной заработной платы.

Вместе с тем коэффициент фондов и индекс Джини не достигли уровня 1995 г. (13,5 и 0,387 соответственно). Необходимо учитывать, что общественно приемлемым, как показывает мировой опыт, считается значение коэффициента фондов 7–8. Индекс Джини в России выше, чем в Европе, но ниже, чем в США. Доля среднего класса в России достигает 20–25%.

К позитивным тенденциям в экономической подсистеме можно отнести также сокращение производственного травматизма, профессиональных заболеваний и безработицы. В России уровень безработицы в 2012 г. сократился до 5,5% по сравнению с кризисным 2009 г. (8,3%). Это ниже, чем в большинстве развитых стран — Германии, Бельгии, Великобритании, Италии, Финляндии, Франции, Швеции, США и Канаде, но выше, чем, например, в Австрии, Японии и Норвегии. Однако необходимо учитывать, что безработица в стране среди молодежи в 2 раза выше средней. Если человек с молодых лет не привык работать, не реализует себя как субъект экономики, то это может негативно сказаться на его поведении как субъекта общества.

К негативным явлениям относится устойчивая занятость большой доли населения в неформальном секторе, без уплаты налогов и социальных отчислений. Это 19% занятого населения, в том числе в сельской местности 32,3%. В целом удельный вес заработной платы в ВВП составил в 2012 г. 50,4%, а официальной — только 36%.

В России сложилась устойчивая дифференциация среднемесячной номинальной начисленной заработной платы по видам экономической

деятельности и субъектам РФ. В 2013 г. в финансовой деятельности она превышала среднюю по РФ в 2,19 раза, в производстве кокса и нефтепродуктов — в 2,17 раза, в добывающих отраслях — в 2,04 раза. Самой низкой она была в образовании (в долях от средней зарплаты) — 0,78, в здравоохранении и предоставлении социальных услуг — 0,82, в сфере прочих услуг (коммунальных, социальных и персональных) — 0,83, в обрабатывающих отраслях — 0,9. Отставание промышленной и социальной сфер по заработной плате делает эти виды деятельности непривлекательными при выборе места работы, в результате снижается квалификация и развивается бытовая коррупция.

По субъектам РФ среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 2013 г. составила (по отношению к средней по стране): в Чукотском автономном округе — 2,34, в Ямало-Ненецком автономном округе — 2,32, в Ненецком автономном округе — 2,09, в Магаданской области — 1,9, в Москве — 1,88, в Республике Дагестан — 0,57, в Республике Калмыкия — 0,59, в Карачаево-Черкесской Республике — 0,6, в Республике Марий Эл — 0,62, в Ивановской области — 0,63.

В России в 2013 г. среднестатистическая разница в заработной плате руководителей и рабочих сравнительно небольшая: 2,26 во всех видах деятельности, в том числе в добыче полезных ископаемых — меньше 2; в производстве машин и оборудования — 1,7; в операциях с недвижимым имуществом и услугах по информационным технологиям — 3,4, в образовании — 3,85; в здравоохранении — 3,0. В то же время ежемесячные доходы членов правления Сбербанка составляют 11,7 млн руб., ВТБ — 10 млн, Газпромбанка и РЖД — 6,1 млн, Русгидро — 5,9 млн, Газпромнефти — 5,4 млн руб. Это более чем в 100 раз превышает заработную плату рабочих соответствующих видов деятельности. Среднемесячная заработная плата в РФ в 2013 г. составляла около 29 тыс. руб.

Разрыв в доходах, как показывает зарубежный опыт, можно уменьшить за счет прогрессивного налогообложения, поощрения благотворительности и повышения заработной платы рядовым работникам. Прогрессивное налогообложение — необходимый атрибут социального государства. Вознаграждение топ-менеджеров должно обеспечивать им реализацию своих способностей и интересов и быть социально приемлемым. В последние годы в РФ предпринимаются попытки ограничить аппетиты руководства корпораций — так, «золотые парашюты» (выходные пособия) должны быть не более трех месячных окладов.

Расслоение по доходам усиливается из-за нерешенности жилищной проблемы в России, различий в жилищных условиях. С помощью ипотечных кредитов могут решить жилищную проблему только 8% населения, 25% семей проживают в плохом или очень плохом жилье, 40% российских граждан не имеют отдельного жилья или их условия проживания не удовлетворительны (менее 8 кв. м на человека, неблагоустроенный сельский дом) [Ларионов, Ларионова, 2014, 8, с. 47–48]. Жилье дорожает, ввод нового жилья замедляется.

По данным мониторинга Института социально-экономического и политического развития (ИСЭПИ), меры, предусмотренные в указах Президента РФ об обеспечении россиян доступным и комфортным жильем, реализуются на 25%. Особенно много нерешенных проблем в сферах бесплатного предоставления земельных участков под строительство жилья экономкласса, льгот по ипотечному кредитованию отдельных категорий граждан (молодых семей, работников бюджетной сферы), пресечения монопольной деятельности и недобросовестной конкуренции хозяйствующих субъектов в жилищном строительстве и производстве строительных материалов, модернизации и повышении энергоэффективности объектов коммунального хозяйства, формировании рынка доступного арендного жилья [9].

На рост социального расслоения большое влияние оказывает системная коррупция. По индексу восприятия коррупции [10] Россия занимает 143-е место, что говорит о достаточно высоком ее уровне.

В социальной подсистеме также существуют тенденции, свидетельствующие о недостаточной реализации социогуманитарного вектора. Несмотря на то, что согласно ст. 7 Конституции РФ Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, происходит сокращение государственных расходов на социальные отрасли. В Федеральном бюджете 2014 г. расходы на социально-культурные отрасли плюс ЖКХ составили 91% к уровню 2013 г. Так, расходы на здравоохранение в 2014 г. предполагается снизить до 87,9% от уровня 2013 г., а в 2016 г. — до 89,5% от уровня 2014 г.; расходы на ЖКХ — до 75,7 и 64,1% соответственно. В процентах к ВВП за период 2013–2016 гг. предполагается сократить социальные расходы на ЖКХ — с 0,2 до 0,1%, на образование — с 1,0 до 0,7%, на здравоохранение — с 0,8 до 0,5%, на социальную политику — с 5,8 до 5,0% [Сенчагов, Губин, Караваева, Иванов, 2014,

11, с. 27, 30, 39]. Таким образом, социальные расходы все больше перекадываются на человека. При значительной дифференциации доходов это усиливает социальное неравенство и различие стартовых возможностей молодежи.

По данным Росстата, в 2013 г. средний размер назначенных пенсий в РФ составил 9917 руб. С 2010 г. он увеличился в номинальном выражении почти на 1/3. В то же время соотношение среднего размера начисленных пенсий и среднего размера начисленной заработной платы стало уменьшаться (2010 г. — 35,7%, 2011 г. — 35,1%, 2012 г. — 33,9%, 2013 г. — 33,14%), а в 2013 г. заметно снизилось и соотношение среднего размера назначенных пенсий и величины прожиточного минимума пенсионера (2012 г. — 176,5%, 2013 г. — 165,4%). Соотношение величины основных минимальных социальных гарантий (минимального размера оплаты труда, пособий по уходу за детьми, пособий по безработице, стипендий и т.д.) и величины прожиточного минимума в 2008–2013 гг. также имело тенденцию к снижению.

Необходимо учитывать, что развитие институтов пенсионной системы зависит от демографических параметров. Численность занятых в экономике, приходящихся на одного пенсионера, из года в год сокращается [7, с. 114]. В связи с сокращением численности населения в трудоспособном возрасте возник вопрос о повышении возраста выхода на пенсию и необходимого для этого стажа. В настоящее время предполагается решить эту проблему путем стимулирования позднего, чем пенсионный возраст, выхода на пенсию с помощью повышения пенсионных выплат. По данным правительства РФ, более 13 млн пенсионеров продолжают работать.

В качестве показателей, характеризующих социогуманитарный вектор в политической подсистеме, можно рассматривать наличие политических партий, долю избирателей, принявших участие в выборах, результаты социологических опросов о доверии президенту, органам законодательной, исполнительной и судебной власти, губернаторам, а также оценки бизнесменами удобства ведения бизнеса, инвестиционной привлекательности страны и др. Как показывают данные социологических опросов Левада-Центр, граждане России в 2010–2014 гг. больше одобряли деятельность президента РФ и губернаторов (более 50%), чем правительства РФ (менее 50%). Доверие к правительству снижается: если в 2010 г. 32% опрошенных считали, что оно может в ближайшее время добиться изменения положения в стране к лучшему, то в 2014 г. таких было 20% [12]. По удобству ведения бизнеса у России показатель неплохой —

43-е место из 157. Но по так называемым нематериальным издержкам (риски коррупции, степень защиты прав собственности, уровень инфляции и налоговой нагрузки) Россия отстает [13].

Необходимо также учитывать международные индикаторы, особенно индикаторы WGI Всемирного банка, агрегированные из различных показателей и изменяющиеся в пределах от -2,5 до +2,5. Эти индикаторы характеризуют права граждан и подотчетность госорганов, стабильность политической системы и отсутствие насилия, эффективность органов государственного управления, качество регулирующих институтов, качество правовых институтов, антикоррупционный контроль. По этим индикаторам у России в основном отрицательные значения [Ваславская, 2012, 14, с. 112–115].

Реализация социогуманитарного вектора развития социально-экономической системы во многом зависит от состояния нравственно-духовной и семейно-бытовой подсистем. Духовные свойства человека можно условно разделить на объединяющие людей и разъединяющие их. Людей объединяют взаимное уважение, честность, ответственность, достоинство, порядочность. Эти свойства позволяют людям сотрудничать. Людей разъединяют жадность, зависть, злоба, гордость, тщеславие. Эти свойства толкают на преступления и нарушения нравственных норм. Формальные и неформальные институты на государственном, международном и глобальном уровнях строятся так, чтобы развивать в человеке первую группу свойств и изживать вторую. Необходимо при этом учитывать, что существует тонкая грань между личным интересом и жадностью, достоинством и гордостью и т.д. Человек должен быть духовно сильным, чтобы не переходить ее.

В нравственно-духовной подсистеме важны ценностные ориентации человека, его честность, уважение к другим. Российский экономист И.И. Янжул отмечал: «Ни одна из добродетелей, создающих наиболее богатства в стране, не имеет такого крупного значения, как честность ... Здесь разумеется честность: 1) как исполнение обещания; 2) как уважение чужой собственности; 3) как уважение к чужим правам; 4) как уважение к существующим законам и нравственным нормам» [Янжул, 1912, 15, с. 8–9]. «Кодекс чести» российских предпринимателей конца XIX — начале XX в. включал: любезность и вежливость, верность данному слову, уважение к власти, честность и правдивость, уважение к частной собственности, уважение к человеку, соблюдение моральных норм, умение жить по средствам, целеустремленность [Дьячкова, 2012, 16, с. 161–162].

Об условиях, в которых формируются нравственно-духовные качества человека, свидетельствуют показатели посещаемости театров, музеев, культурно-развлекательных мероприятий, развития спорта и туризма, а также результаты социологических опросов о взаимоотношениях людей, показатели преступности, смертности от убийств и самоубийств, заболеваемости алкоголизмом и наркоманией. От этих показателей зависят человеческий, социальный и культурный капитал социумов. Необходимо отметить позитивную тенденцию по значительному сокращению количества преступлений в 2007–2012 гг., в том числе тяжких. Однако количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, сократилось незначительно. Уменьшилось количество лиц, содержащихся в местах лишения свободы, исправительных и воспитательных колониях. Смертность от убийств в расчете на 1000 человек населения сократилась на 40%, а от самоубийств — на 28% [7]. Но вместе с тем вызывает тревогу, что при общем сокращении числа преступлений несовершеннолетних выросло их количество, совершенное ранее судимыми лицами, а также находящимися в состоянии алкогольного опьянения.

К негативным тенденциям относится сокращение удельного веса расходов населения на организацию отдыха и культурные мероприятия в 2009–2011 гг. с 7,3 до 6,9% [7]. Возможности посещения культурных мероприятий зависят от уровня доходов семьи. Особенно это сказывается на доле детей, посещающих театры, концерты, музеи, художественные выставки, спортивные мероприятия, экскурсии и т.п. Эта доля в богатых и бедных семьях различается в несколько раз. Отсутствие равного доступа детей к культуре препятствует сохранению традиций и духовному развитию человека.

В основных направлениях государственной политики по развитию сферы культуры и массовых коммуникаций по Российской Федерации до 2015 г. и плане действий по их реализации отмечается неравный доступ различных групп населения к услугам организаций культуры, социальное неравенство в творческом развитии детей и молодежи, что оказывает негативное влияние на социальное самочувствие населения. Обращается внимание на необходимость обеспечить равный доступ различных групп граждан к услугам в области культуры, в том числе малообеспеченных и иных категорий граждан, нуждающихся в социальной поддержке. При этом наряду с повышением заработной платы и пенсионного обеспечения творческих работников, государственными грантами для поддержки выдающихся деятелей

культуры, творческих коллективов и талантливой молодежи, укреплением материальной базы учреждений культуры и искусства предполагается создать условия для адаптации сферы культуры и массовых коммуникаций к рыночным условиям, стимулировать увеличение доли частного финансирования этой сферы, в том числе использовать механизмы государственно-частного партнерства, развивать меценатство и благотворительность [18].

Необходимо отметить, что в России развиваются традиции благотворительности и меценатства, что свидетельствует о наличии социогуманитарного вектора в сфере бизнеса. Эти традиции имеют давнюю историю. Полезно вспомнить принцип известного русского филантропа ХХ в. В.П. Рябушинского — «богатство обязывает». Для укрепления этих традиций полезно расширить налоговые льготы за благотворительность. На наш взгляд, в дополнение к Федеральному закону «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11.08.1995 № 135-ФЗ необходимо более детально разработать правовые основы благотворительности физических лиц, в частности вопрос о льготах. Так, в ст. 11 Проекта Федерального закона «О меценатской деятельности» предусмотрено, что государственные органы исполнительной власти могут предоставить меценату право включать средства, направленные получателям меценатской поддержки, в состав внереализационных расходов в том отчетном (налоговом) периоде, в котором были произведены соответствующие расходы, в размере, не превышающем 10% полученной в этом отчетном (налоговом) периоде налогооблагаемой прибыли, исчисленной без учета указанных расходов. Желательно формулировку «могут предоставлять» заменить на «предоставляют». Это касается и ст. 12 о том, что государственные органы исполнительной власти могут предоставить получателям меценатской помощи (государственным, муниципальным и негосударственным некоммерческим организациям) льготы в отношении имущества, полученного в качестве меценатской поддержки. Целесообразно также в ст. 12 дополнить перечень получателей меценатской поддержки, включив в него физических лиц.

В семейно-бытовой подсистеме осуществляется воспроизводство и рост человеческого капитала: рождение детей и воспитание подрастающего поколения, увеличение здоровья, закладываются основы взаимоотношений человека с другими людьми и солидарность поколений. Здесь при оценке производства человеческого капитала требуется учесть ряд гуманитарных характеристик:

показатели изменения половозрастного состава населения, коэффициенты демографической нагрузки, численность граждан в учреждениях для престарелых и инвалидов, число детей в детских домах, домах ребенка и т.п. В России наблюдается долговременная тенденция старения населения: удельный вес лиц старше трудоспособного возраста увеличился с 18,5% в 1989 г. до 23,1% в 2013 г., а удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста сократился за этот период с 24,5% до 16,8%. Количество детей в детских домах, домах-интернатах и школах-интернатах, а также численность лиц, проживающих в домах престарелых, в 2007–2012 гг. уменьшились [7].

В российских семьях существует в основном потребность в двух детях, что недостаточно для простого воспроизводства населения. Для обеспечения расширенного воспроизводства необходим комплекс мер по обеспечению доступности здравоохранения, образования (в том числе дошкольного) и социального обслуживания. Коммерциализация этих отраслей социальной сферы приводит к усилению социального расслоения. Например, несмотря на гарантированный государством единый стандарт медицинской помощи, люди вынуждены все больше обращаться к платным медицинским услугам. Между тем доступность здравоохранения, как правило, в большей степени влияет на решение рожать детей, чем уровень доходов. Для решения демографической проблемы также важное значение имеет размер платы за пользование детским садом, наличие в детских садах мест для детей моложе двух лет для работающих матерей и др.

Рассмотренные нами показатели экономического, социального и гуманитарного развития России весьма противоречивы. Некоторые из них отвечают социогуманитарному вектору развития, другие — нет. Требуются системные реформы. Общим принципом, объединяющим их, является новая триадная парадигма мира. При движении к социогуманизму будет происходить преодоление существующих в обществе противоположностей путем их гармонического синтеза. К числу этих противоположностей относятся следующие.

В экономической сфере:

- бедность–богатство — через средний класс;
- рыночная–плановая экономика — через смешанную рыночно-плановую экономику;
- частная–общенародная собственность — через коллективистскую (кооперативную) собственность;
- производство–потребление — через прогрессивное налогообложение;

- конкуренция–кооперация — через устойчивое развитие.
В социальной сфере:
- человек–государство — через социогуманитарное государство;
- права–обязанности — через власть закона;
- свободное — несвободное развитие — через гармоничное развитие.
В гуманитарной сфере:
- бытие–сознание — через социогуманизм (не только «бытие определяет сознание», но и «сознание определяет бытие»);
- природа–человек — через гуманизацию окружающей среды;
- добро–зло — через разумное добро;
- эгоизм–альтруизм — через «человека гармоничного»;
- несчастье–счастье — через благополучие.

В условиях глобализации самое главное — выиграть конкуренцию за человека¹. России необходимо совершенствовать институты и инфраструктуру развития человека, включающие заинтересованность в создании инновационного общества, мотивации для реализации творческих и предпринимательских способностей, социальные лифты для продвижения креативных групп населения. Инвестиции в человеческий капитал должны опережать инвестиции в физический капитал. Поворот к социогуманитарному вектору развития социально-экономической системы может начаться уже сейчас [Пюрвеев, 2013, 32, с. 93–110].

¹ В 2002–2010 гг. человеческий капитал России в номинальном выражении возрос со 120,8 до 608,0 трлн руб., а на душу населения — с 1,2 до 6,1 млн руб. В долларах США по ППС он возрос в целом с 12,0 до 38,1 трлн долл., а на душу населения — со 118,7 до 381,5 тыс. долл. [Капелюшников, 2013, 19, с. 36].

Список литературы

1. Голубев В.С., Кураков А.Л., Тимирязова А.В. Человечествоведение / Институт экономики, управления и права. Москва–Казань: Познание, 2013.
2. Голубев В.С. Введение в синтетическую эволюционную экологию. М.: Папирус Про, 2001.
3. Кризис 2010-х годов и новая энергетическая цивилизация. М.: Энергия, 2013.
4. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум и государство: экономическая дилемма. М.: Весь мир, 2013.
5. Ходжсон Дж. Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // Вопросы экономики. 2008. № 8.
6. [www:// gtmarket.ru/news/2013](http://gtmarket.ru/news/2013).
7. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2013: Стат. сб. М.: Росстат, 2013.
8. Ларионов А., Ларионова Ю. Роль и место понятийно-категориального аппарата в реализации национального проекта «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» // Вестник ИЭ РАН. 2014. № 1.
9. Козлов П. Народный фронт не устраивает исполнение майских указов // Известия, 04.07.2014. С. 1–2.
10. Интегральный показатель, основанный на результатах социологических обследований предпринимателей и экспертных оценках о частоте и размерах взятки. Расчет этого показателя осуществляет неправительственная международная организация Transparency International.
11. Сенчагов В., Губин Б., Караваева И., Иванов Е. Федеральный бюджет 2014–2016 — бюджет торможения экономического развития // Вестник ИЭ РАН. 2014. № 1.
12. Савельев О. Январские рейтинги одобрения и доверия // Московская правда. 12.02.2014. С. 2.

References

1. Golubev V.S., Kurakov A.L., Timiryasova A.V. *Chelovekovedenie* [Humanities]. Moscow–Kazan', Poznanie Publ., 2013.
2. Golubev V.S. *Vvedenie v sinteticheskuyu evolyutsionnyuyu ekologiyu* [Golubev Introduction to synthetic evolutionary ecology]. Moscow, Papirus Pro Publ., 2001.
3. *Krizis 2010-kh godov i novaya energeticheskaya tsivilizatsiya* [The crisis of the 2010s and a new energy civilization]. Moscow, Energiya Publ., 2013.
4. Grinberg R.S., Rubinshteyn A.Ya. *Individuum i gosudarstvo: ekonomicheskaya dilemma* [The individual and the state: economic dilemma]. Moscow, Ves' mir Publ., 2013.
5. Khodzhsion Dzh. Instituty i individy: vzaimodeystvie i evolyutsiya [The institutions and individuals: cooperation and evolution]. *Voprosy ekonomiki* []. 2008, I. 8.
6. Available at: [www:// gtmarket.ru/news/2013](http://gtmarket.ru/news/2013).
7. *Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2013* [Social status and standard of living of the population of Russia]. Moscow, Rosstat Publ., 2013.
8. Larionov A., Larionova Yu. Rol' i mesto ponyatiynokategorial'nogo apparata v realizatsii natsional'nogo projekta «Dostupnoe i komfortnoe zhil'e — grazhdanam Rossii» [Role of conceptual and categorical apparatus in the national project "Affordable and Comfortable Housing - to Russian citizens"]. *Vestnik IE RAN* [Bulletin of RAS]. 2014, I. 1.
9. Kozlov P. Narodnyy front ne ustraivaet ispolnenie mayskikh ukazov [People's Front are not satisfied with the execution of the May decrees]. *Izvestiya* [News], 04.07.2014, pp. 1-2.
10. *Integral'nyy pokazatel', osnovanny na rezul'tatakh sotsiologicheskikh obsledovaniy predprinimateley i ekspertnykh otsenkakh o chastote i razmerakh vzyatok. Raschet etogo pokazatelya osushchestvlyayet nepravitel'stvennaya mezhd-*

13. Едовина Т. Россию продвинули по части бизнеса // Коммерсантъ. 2014. 23.01. С. 2.
14. Ваславская И. Индикаторы надежности защиты прав собственности // Вестник ИЭ РАН. 2012. № 6.
15. Янжул И.И. Экономическое значение честности (Забытый фактор производства). М., 1912.
16. Дьячкова С. Социальная ответственность как национальная духовная традиция российского предпринимательства // Вестник ИЭ РАН. 2012. № 6.
17. www.mkrf.ru.
18. Капелюшников Р. Сколько стоит человеческий капитал России? // Вопросы экономики. 2013. № 2.
19. Бушуев В.В., Голубев В.С., Коробейников А.А. Ноосферизм, устойчивое развитие, нравственное государство, социогуманизм: общее и особенное // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 43–52.
20. Субетто А.И., Бобков В.Н., Оноприенко В.И. Классификация концептуальных научных школ ноосферизма // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 72–75.
21. Бобков В.Н., Субетто А.И. Декларация Круглого стола «Ноосферная парадигма глобального развития общества» // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 3–8.
22. Бобков В.Н. Общество коллективного взаимодействия // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 8 (186). С. 6–8.
23. Субетто А.И. Методологические основания ноосферно-ориентированного синтеза наук в XXI веке: Научный доклад, представленный на заседании Московского отделения Ноосферной общественной академии наук 15 мая 2013 года. Москва, ВЦУЖ // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 8 (186). С. 9–29.
24. Бобков В.Н., Бобков Н.В. Современное развитие идей В.И. Вернадского о ноосфере: новые процессы и структуры // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 8 (186). С. 30–33.
25. Адамов А.К. Организация духовной и экономической деятельности на принципах ноосферной демократии // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 8 (186). С. 34–40.
26. Голубев В.С. Глобальный Проект социогуманитарного развития: от общества потребления — к обществу социального гуманизма, от социального к социогуманитарному государству, от «человека социально-го» — к «человеку социально-духовному» // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 8 (186). С. 41–43.
27. Голубев Е.А. Нужна ли человечеству ноосфера? // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 10 (188). С. 92–99.
28. Гордина Л.С. НОО-Конституция как гарант преодоления хрематического сознания // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 8 (186). С. 44–51.
29. Григорьев С.И. Виталистская социология быдлоизации — основа научного обеспечения преодоления кризисного развития современного российского общества // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 8 (186). С. 52–57.
11. Senchagov V., Gubin B., Karavaeva I., Ivanov E. Federal'nyy byudzheth 2014–2016 – byudzheth tormozheniya ekonomicheskogo razvitiya [2014–2016 federal budget – the budget deceleration of economic development]. *Vestnik IE RAN* [Herald of RAS]. 2014, I. 1.
12. Savel'ev O. Yanvarskie reytingi odobreniya i doveriya [The January approval ratings and trust]. *Moskovskaya Pravda* [Moskovskaya Pravda]. 12.02.2014, p. 2.
13. Edovina T. Rossiyu prodvinuli po chasti biznesa [Russia advanced on the part of businesses]. *Kommersant* [Kommersant]. 2014. 23.01, p. 2.
14. Vaslavskaya I. Indikatory nadezhnosti zashchity prav sobstvennosti [Indicators reliability of property rights protection]. *Vestnik IE RAN* [Bulletin of RAS]. 2012, I. 6.
15. Yanzhul I.I. *Ekonomicheskoe znachenie chestnosti (Zabytyy faktor proizvodstva)* [The economic importance of honesty (Forgotten factor of production)]. Moscow, 1912.
16. D'yachkova S. Sotsial'naya otvetstvennost' kak natsional'naya dukhovnaya traditsiya rossiyskogo predprinimatel'stva [Social Responsibility as a national spiritual tradition of Russian entrepreneurship]. *Vestnik IE RAN* [Bulletin RAS]. 2012, I. 6.
17. Available at: www.mkrf.ru.
18. Kapelyushnikov R. Skol'ko stoit chelovecheskiy kapital Rossii? [How much does Russia human capital?]. *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics]. 2013, I. 2.
19. Bushuev V.V., Golubev V.S., Korobeynikov A.A. Noosferizm, ustoychivoe razvitie, нравственное gosudarstvo, sotsiogumanizm: obshchee i osobennoe [Noosferizm, sustainable development, moral state, sotsiogumanizm: general and special]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 43–52.
20. Subetto A.I., Bobkov V.N., Onoprienko V.I. Klassifikatsiya kontseptual'nykh nauchnykh shkol noosferizma [Classification of conceptual scientific schools noosferizma]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 72–75.
21. Bobkov V.N., Subetto A.I. Deklaratsiya Kruglogo stola «Noosfernaya paradigma global'nogo razvitiya obshchestva» [Declaration of the Round Table “Noospheric paradigm of global development of society”]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 3–8.
22. Bobkov V.N. Obshchestvo kolektivnogo vzaimodeystviya [Society of collective interaction]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 8 (186), pp. 6–8.
23. Subetto A.I. Metodologicheskie osnovaniya noosferno-orientirovannogo sinteza nauk v XXI veke. Nauchnyy doklad, predstavlenyy na zasedanii Moskovskogo otdeleniya Noosfernoy obshchestvennoy akademii nauk 15 maya 2013 goda. Moskva, VTSUZH [Methodological grounds noosferno-oriented synthesis of Sciences in the XXI century / scientific papers presented at a meeting of the Moscow branch of the Noosphere Public Academy of Sciences May 15, 2013. Moscow, VTSUZH]. *Uroven' zhizni naseleniya*

30. Урсул А.Д. В.И. Вернадский и ноосферные перспективы глобального направления науки // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 8 (186). С. 62–74.
31. Василенко В.Н. Императивы вернадскианской революции: ноосферный вектор развития России и глобального общества // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 12 (190). С. 82–92.
32. Пюрвеев Д.Б. Учение В.И. Вернадского о ноосфере и модель космо-планетарной интеграции планеты // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 12 (190). С. 93–110.
- regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 8 (186), pp. 9–29.
24. Bobkov V.N., Bobkov N.V. Sovremennoe razvitie idey V.I. Vernadskogo o noosfere: novye protsessy i struktury [Modern development of ideas V.I. Vernadsky's noosphere, new processes and structures]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 8 (186), pp. 30–33.
25. Adamov A.K. Organizatsiya dukhovnoy i ekonomicheskoy deyatel'nosti na printsipakh noosfernoy demokratii [The organization of the spiritual and economic activities on the principles of democracy noosphere]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 8 (186), pp. 34–40.
26. Golubev V.S. Global'nyy Proekt sotsiogumanitarnogo razvitiya: ot obshchestva potrebleniya – k obshchestvu sotsial'nogo gumanizma, ot sotsial'nogo k sotsiogumanitarnomu gosudarstvu, ot «cheloveka sotsial'nogo» – k «cheloveku sotsial'no-dukhovnomu» [Global Project socio-humanitarian development: from the consumer society - a society of social humanism, from the social to the socio-humanitarian state of “social man” - to the “man of social and spiritual”]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 8 (186), pp. 41–43.
27. Golubev E.A. Nuzhna li chelovechestvu noosfera? [Do mankind noosphere?]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 92–99.
28. Gordina L.S. NOO-Konstitutsiya kak garant preodoleniya khrematicheskogo soznaniya [Noo-Constitution as a guarantee of overcoming hrematicheskogo consciousness]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 8 (186), pp. 44–51.
29. Grigor'ev S.I. Vitalistskaya sotsiologiya bydloizatsii – osnova nauchnogo obespecheniya preodoleniya krizisnogo razvitiya sovremennoy rossiyskoy obshchestva [Vitalist sociology bydloizatsii - the basis of scientific support to overcome the crisis of modern Russian society]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 8 (186), pp. 52–57.
30. Ursul A.D. V.I. Vernadskiy i noosfernye perspektivy global'nogo napravleniya nauki [Vernadsky noosphere and the outlook for global field of science]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 8 (186), pp. 62–74.
31. Vasilenko V.N. Imperativy vernadskianskoy revolyutsii: noosfernyy vektor razvitiya Rossii i global'nogo obshchestva [Imperatives vernadskianskoy revolution noosphere vector of Russian and global society]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 12 (190), pp. 82–92.
32. Pyurveev D.B. Uchenie V.I. Vernadskogo o noosfere i model' kosmo-planetarnoy integratsii planet [Vernadsky's noosphere and model cosmo-planetary integration planet]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 12 (190), pp. 93–110.

Демографическое развитие Москвы в начале 2000-х годов

Demographic Development of Moscow in the Early 2000 years

Получено 02.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 316.442

DOI: 10.12737/7406

СТЕПАНОВА А.В.

аспирант кафедры демографии НИУ ВШЭ, младший научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения, экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 46. E-mail: Stepanova.anastasia@gmail.com

STEPANOVA A.V.

Postgraduate at the National Research University — Higher School of Economics, Junior Research Worker at the Lomonosov Moscow State University Centre for the Study of Problems of the Population. Building 46, 1 Lenin Hills, Moscow 119991, Russia. E-mail: Stepanova.anastasia@gmail.com

Аннотация

Объект. Демографические процессы рождаемости, смертности, миграции населения г. Москвы.

Предмет исследования. Взаимовлияние уровня жизни и демографической ситуации. Динамика численности и плотности населения Москвы, возрастной состав населения, тенденции в демографических процессах рождаемости, смертности и миграции. Динамика коэффициентов миграции. Миграционный и естественный прирост населения Москвы. Процесс старения населения.

Аналитические результаты. Снижение рождаемости и роста смертности (естественная убыль населения Москвы с 1989 до 2010 г.) как следствия экономического кризиса 1990-х годов. Рост рождаемости в 2000-е гг. как феномен демографических волн прошлого и улучшения экономической ситуации и демографической политики. Неравномерность роста населения Москвы по административным округам. Существенный сдвиг в соотношении численности соседних поколений — фактор демографических волн. Высокий показатель миграции — фактор экономических потребностей крупного города в трудовых ресурсах. Смещение пика рождений от возрастной группы 20–24 года к группе 25–29 лет (приближение к модели рождаемости в Берлине и Лондоне). Возрастная модель рождаемости в Москве заметно отличается от «молодой» модели рождаемости большинства российских регионов.

Позитивный тренд: снижение доли внебрачных рождений в общем числе рождений как в Москве с 30% (2005 г.) до 25% (2011 г.), так и по России. Ожидаемая продолжительность жизни в 2012 г. в Москве составила 71,6 года для мужчин и 79,6 года для женщин. Гендерные различия в Москве: снижение смертности (разность показателей для мужчин и женщин) сократилось с 10,8 (2001 г.) до 8 лет (2012 г.). Главные причины смертности: 1) болезни сердечно-сосудистой системы; 2) несчастные случаи (отравления и травмы). По уровню смертности Москва находится в более благоприятном положении относительно других регионов России.

Миграционные процессы. Миграционный прирост населения Москвы за счет внутренней миграции к 2000-м годам удвоился. Доля регионов Центрального округа на уровне 36–39% от объема миграции по России. Доля рождения от иногородцев в Москве энергично растет: в 1992 г. 3,5%, а в 2011 г. — 21%.

Цель. Получение целостной динамической картины основных демографических показателей (рождаемость, смертность, миграция).

Источники социальной статистики. Исследование выполнено по данным переписей населения 2002 и 2010 гг. и по данным текущего статистического учета. Особое внимание уделено влиянию рождаемости и смертности у иногородних жителей Москвы на показатели естественного движения населения Москвы.

Ключевые слова: Москва, население, рождаемость, смертность, миграция, возрастной состав населения.

Abstract

Object. Demographic processes of fertility, mortality, migration in Moscow.

Subject of the Study. Interrelation of the standard of living and demographics. Dynamics of population size and density of Moscow, the age structure of the population, trends in demographic processes of fertility, mortality and migration. Dynamics of migration rates. Migration and natural increase of the population of Moscow. The aging process.

Analytical Results. Declining birth rates and rising death rates (natural decline in the population of Moscow from 1989 to 2010) as a consequence of the economic crisis of the 1990s. The first increase in the birth rate in the early 2000s. as a phenomenon of the demographic wave of the past, and how to improve the economic situation and population policy. Unevenness of growth in the population of the Moscow administrative districts. Significant shift in the ratio between the number of adjacent generations — the factor of demographic waves. High rate of migration — a factor of the economic needs of a large city in the labour force. Shift of the peak of births by age group of 20–24 years to 25–29 years (approaching fertility patterns in Berlin and London). The age pattern of fertility in Moscow is markedly different from the “new” model of fertility of most Russian regions.

Positive trend: reducing the proportion of non-marital births in the total number of births in Moscow from 30% (2005) to 25% (2011), and in Russia. Life expectancy in 2012 was in Moscow 71.6 years for men and 79.6 years for women. Gender differences in Moscow: a reduction in mortality (rate of men — minus the rate of women) decreased from 10.8 years (2001) — up to 8 years old (2012).

The main causes of death are: 1) cardiovascular diseases; 2) accidents (injury and poisoning). High mortality Moscow is relatively in a more favourable position to the other regions of Russia.

Migration processes. Net migration of Moscow at the expense of internal migration had doubled by 2000. Share of regions in the Central District is at 36–39% of the volume of migration in Russia. Birth of those arrived from other towns (non-residents) in Moscow vigorously growing: from 3.5% (1992) to 21% (2011).

Purpose. Getting a complete picture of the dynamic basic demographic indicators (fertility, mortality, migration).

Sources of Social Statistics. The author has used the data of the 2002 and 2010 censuses, as well as of the current statistics. Particular attention is paid to the influence of fertility and mortality among non-resident citizens of Moscow on the performance of vital Moscow.

Keywords: Moscow, population, fertility, mortality, migration, age structure of the population.

1. Введение

В 2013 г. в России впервые за два десятилетия был зафиксирован естественный прирост населения в размере 24 013 человек¹. По величине естественного прироста Москва находится в лидирующей группе регионов, уступая Республике Дагестан, Тюменской области и Чеченской Республике. Москва за 2013 г. показала естественный прирост населения в размере 19 887 человек, что немного меньше прироста по стране в целом. Такой положительный результат заставляет обратить внимание на тенденции в демографическом развитии Москвы для определения проблем и уточнения перспектив развития населения города.

Уровень жизни влияет на демографическую ситуацию и наоборот: демографические процессы (рождаемость, смертность, миграция), изменяя численность и состав населения, влияют на экономическое, социальное, политическое, экологическое развитие территории [Бобков, 2013, 19, с. 3–11]. Высокий уровень жизни в Москве поддерживает миграционный приток в столицу, что не только восполняет трудовые ресурсы города, но и способствует притоку частных инвестиций через покупку недвижимости, расходы мигрантов на образование, медицину, товары длительного потребления и пр. Анализ демографического развития позволяет выявить направления социально-экономического развития города. Очевидно, например, что демографическое старение или относительное увеличение домохозяйств одиночек не только меняют инфраструктуру города, структуру спроса на разного рода услуги, но и сказываются на таких показателях уровня жизни, как доходы на душу населения, масштабы экономического неравенства и пр.

Среди публикаций, посвященных исследованию населения Москвы, можно отметить вышедший в 1992 г. сборник статей «Население Москвы: прошлое, настоящее, будущее» под редакцией В.М. Моисеенко, где рассмотрены демографические и социальные процессы. В 2006 г. вышла книга «Демографическая ситуация в Москве и тенденции ее развития» под редакцией Л.Л. Рыбаковского, в которой проанализированы демографические процессы и охарактеризованы тенденции в демографическом развитии Москвы на основании данных текущей статистики и переписи 2002 г. В 2012 г. вышла статья П.Л. Кириллова и А.Г. Махровой «Полимасштабный анализ демографического развития Москвы в постсоветский период», в которой представлена динамика численности и

плотности населения города, общих коэффициентов естественного движения и миграции населения как по Москве в целом, так и по административным округам города. Наше исследование посвящено анализу демографической ситуации в Москве в 2000-х годах. В нем проанализированы специальные и суммарные коэффициенты демографических процессов, что позволяет элиминировать влияние возрастной структуры населения, присущее общим коэффициентам. Также рассмотрено влияние миграции на процессы воспроизводства населения Москвы.

2. Численность и возрастной состав населения столицы

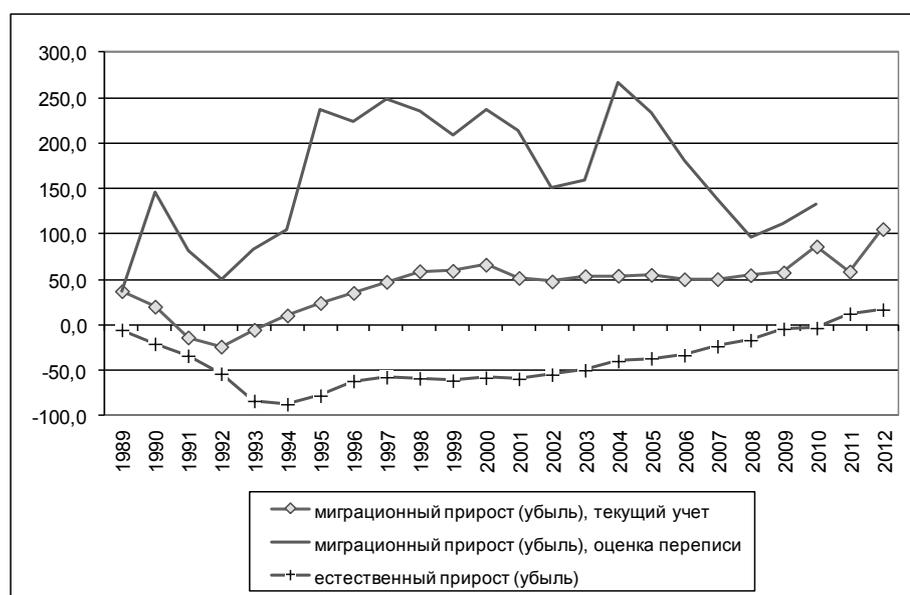
С конца 1990-х годов до 2010 г. население России сокращалось, а население Москвы продолжало расти теми же темпами, что и ранее². По результатам переписи 2002 г., численность постоянного населения России составила 145 млн человек, а населения Москвы — более 10 млн. По переписи 2010 г., численность населения России уменьшилась до 142 млн человек, а Москвы увеличилась до 11,5 млн. В административных границах Москвы, по данным на начало 2013 г., проживало 11,98 млн человек (8,4% российского населения).

Решающим фактором увеличения численности постоянного населения в Москве, как и в других крупнейших городах мира, отличающихся низким уровнем рождаемости, остается миграция (см. рис. 1). В последние два десятилетия миграционный прирост по абсолютной величине существенно превышал наблюдавшийся прежде. За период с 1990 по 2012 г. Москва увеличилась на 4 млн человек новых постоянных жителей [1, с. 92]. Но в этот период происходила естественная убыль населения города: число умерших заметно превышало число родившихся (рис. 1). Период естественной убыли, начавшийся в 1989 г. и остановившийся в 2010 г., стал самым продолжительным и тяжелым в истории Москвы. За это время в городе родилось 1,9 млн, а умерло 2,8 млн человек. Таким образом, за годы последнего демографического кризиса естественная убыль составила более 970 тыс. человек [1, с. 92].

Учитывая, что по данным отдела адресно-справочной работы и информационных ресурсов УФМС

² Население Москвы можно разделить на постоянное население, для которого Москва является постоянным местом проживания, и временное, прибывшее в город, но постоянно проживающее на другой территории. Росстат при проведении текущих оценок населения временное население со сроком пребывания в Москве более 9 месяцев включает в постоянное население. При проведении переписи в постоянном населении учитывались лица, находившиеся в Москве более одного года.

¹ Росстат. Естественное движение населения Российской Федерации за 2013 год http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_106/Main.htm.

Рис. 1.
Миграционный и естественный прирост населения Москвы, тыс. человек
Рассчитано по данным Росстата

г. Москвы население города на 1 января 2013 г. составляет 9439 тыс. человек, а население, учитываемое Росстатом, — 11 980 тыс. человек, разница более чем в 2,5 млн человек образуется за счет лиц, не имеющих в Москве регистрации по месту жительства [2, с. 10–11].

Увеличение населения Москвы идет неравномерно по административным округам. Медленнее всего растет население Центрального округа — согласно итогам переписи населения 2010 г. оно увеличилось по сравнению с 1992 г. на 8,3% при общем росте населения города на 27%. Самыми быстрыми темпами увеличивалось население Юго-Восточного округа — на 52%, Северо-Западного — 51% и Юго-Западного — 39%. Население все больше концентрируется на окраинах города, роль центра как места проживания постепенно снижается.

С 1 июля 2012 г. все населенные пункты Московской области, расположенные между Варшавским шоссе, Большим кольцом Московской железной дороги и Киевским шоссе, вошли в состав Москвы. В результате такого радикального изменения границ столицы ее площадь увеличилась сразу более чем в 2,4 раза. Однако из-за относительной малочисленности постоянного населения «Новой Москвы» общая численность постоянного населения города возросла всего на 250 тыс. человек, или на 2,2%.

Возрастно-половая пирамида населения современной Москвы сформировалась под влиянием, во-первых, закономерного снижения рождаемости и смертности в результате демографического перехода — процесса старения населения. На протяжении последних 20 лет количество лиц стар-

шего возраста в абсолютном и относительном выражении в Москве устойчиво увеличивается (табл. 1). Во-вторых, под влиянием экономических и политических пертурбаций, которые вызвали сильные нарушения в соотношении численности соседних поколений, за которыми последовали демографические волны. В-третьих, под влиянием экономической потребности крупного города в трудовых ресурсах, вызывающей мощный приток мигрантов трудоспособного возраста.

Численность потенциальных работников в Москве за 1989–2013 гг. увеличилась почти на 2,2 млн человек (или более чем на 1/3) и достигла своего исторического максимума (табл. 1). По данным переписи 2010 г., этот показатель превысил 7,3 млн человек, на 1 января 2013 г. численность лиц в трудоспособном возрасте составила 7,4 млн человек. Такой мощный прирост работников стал одним из главных факторов успешного экономического развития Москвы в последнее десятилетие. При этом уровень безработицы в столице благодаря высокому спросу на труд был и остается самым низким в России. Однако по данным текущего учета 2013 г., в Москве продолжает увеличиваться доля населения в нетрудоспособном возрасте (дети и люди старшего возраста), а доля лиц трудоспособного возраста снижается.

Период экономико-демографического благополучия подходит к концу [Манахова, 2013, 20, с. 61–66]. В России в ближайшие десять лет ожидается сокращение численности трудоспособного населения на 10–11 млн человек. Это означает, что резервы внутрироссийской миграции для поддержания роста Москвы практически исчер-

Таблица 1

Распределение населения Москвы по возрастным контингентам по данным переписей населения и на 1 января 2013 г.

Год	Численность возрастного контингента, тыс. человек			Доля возрастного контингента, %		
	Мужчины и женщины 0–15 лет	Мужчины 16–59, женщины 16–54	Мужчины от 60 лет и старше, женщины от 55 лет и старше	Мужчины и женщины 0–15 лет	Мужчины 16–59, женщины 16–54	Мужчины от 60 лет и старше, женщины от 55 лет и старше
1989	1764	5185	1924	19,9	58,3	21,8
2002	1365	6758	2235	13,8	64,7	21,5
2010	1476	7304	2722	12,8	63,5	23,7
2013	1607	7420	2953	13,4	61,9	24,6

Расчитано по данным Росстата.

паны. Сокращение трудового потенциала будет препятствовать успешному экономическому и социальному развитию города. Предупредить его в ближайшие годы можно путем снижения смертности в трудоспособном возрасте и увеличения притока мигрантов. Повышение уровня рождаемости позволит преодолеть негативные изменения в возрастной структуре для отдаленного будущего.

3. Рождаемость: тенденции и ситуация

Динамика числа рождений определяется двумя факторами: структурным, т.е. особенностями изменения численности женщин основного детородного возраста, и собственно интенсивностью деторождений, одним из главных индикаторов которой выступает суммарный коэффициент рождаемости. Снижение уровня рождаемости и отрицательный естественный прирост населения — не неожиданность и не временное явление. В значительной степени они были предопределены процессом модернизации традиционного общества. В результате уровень рождаемости в Москве не обеспечивает расширенное воспроизводство населения на протяжении более полувека. Экономический кризис 1990-х годов привел к резкому падению рождаемости на фоне продолжавшегося роста смертности. Результатом этих тенденций стал период естественной убыли населения Москвы с 1989 до 2010 г. Начавшийся рост рождаемости в 2000-е годы был обусловлен в основном действием демографических волн прошлого, улучшением экономической ситуации в стране и реализацией мер проводимой демографической политики. В 2010 г. число рождений практически сравнялось с числом смертей, а в 2011, 2012 и 2013 гг. сложилась тенденция к превышению числа рождений над числом смертей.

Длительное время Москва шла в авангарде процесса демографического перехода в России: уровень рождаемости в ней снизился намного раньше, чем в других регионах страны. Однако в последние десятилетия в результате быстрого снижения рождаемости в регионах различия между Москвой и среднероссийскими показателями заметно сократились (табл. 2).

По суммарному коэффициенту рождаемости (СКР) в 2012 г. Москва занимала одно из последних мест среди регионов России. Ниже нее находятся только Республика Мордовия с СКР=1,31 и Ленинградская область — 1,22. Лидировали в рейтинге Республика Тыва — 3,35, Чеченская Республика — 3,08 и Республика Алтай — 2,91 [3, с. 66].

Доля внебрачных рождений в общем числе рождений снижается как в Москве, так и по России. После достижения в 2005 г. исторического максимума (30%), показатель стал неуклонно снижаться и в 2011 г. стал меньше 25%. В Москве снижение доли рождений вне брака началось с 2002 г.: с 27 до 21% в 2012 г. Для сравнения: в Берлине доля внебрачных рождений в 2003 г. составляла 38,6%, в 2007 г. — более 47%, а в 2011 г. — более 50% [4, с. 2, 3].

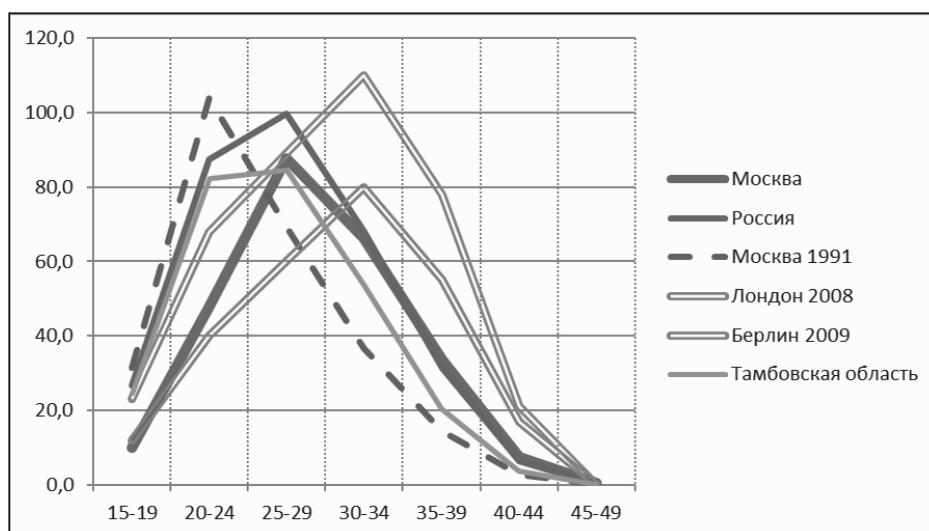
В Москве, как и в России в целом, пик рождений переместился из возрастной группы 20–24 года в группу 25–29 лет. В 2011 г. второе место по доле рождений занимала группа женщин от 30 до 35 лет (рис. 2). В итоге средний возраст матери при рождении ребенка в Москве с 1990 по 2012 г. увеличился на три года — с 26 до 29 лет. Возрастная модель рождаемости в Москве стремится к модели рождаемости в столицах западных стран (Берлин, Лондон) и заметно отличается от «молодой» модели рождаемости большинства российских регионов.

Таблица 2

Суммарные коэффициенты рождаемости в Москве и России (число рождений на 1 женщину)

Год	Москва	Россия	Отношение [Россия] к [Москва]
1989	1,50	2,01	1,34
1999	0,93	1,16	1,25
2003	1,08	1,32	1,22
2004	1,10	1,34	1,22
2005	1,07	1,30	1,21
2006	1,06	1,31	1,24
2007	1,10	1,43	1,3
2008	1,16	1,52	1,31
2009	1,22	1,56	1,28
2010	1,27	1,59	1,3
2011	1,27	1,60	1,25
2012	1,32	1,69	1,28

Рассчитано по данным Росстата.

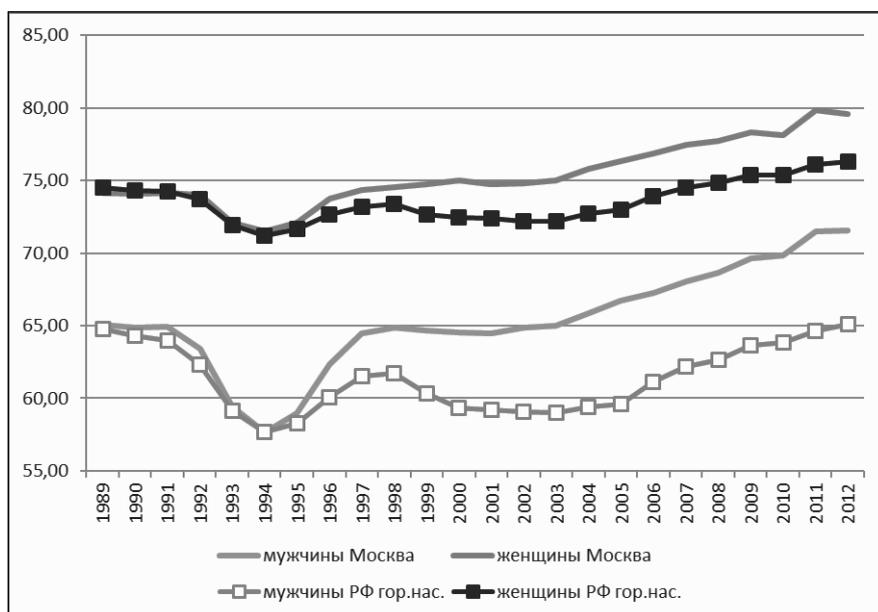
Рис. 2.
Возрастной коэффициент рождаемости в 2011 г. (на 1000 женщин)

4. Смертность и продолжительность жизни

На фоне общероссийских тенденций динамики смертности в последние 20 лет ситуация в Москве выглядит более благоприятной (рис. 3).

В 2012 г. ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ) при рождении в Москве составила 71,6 лет для мужчин и 79,6 лет для женщин. В конце 1980 — начале 1990-х годов ожидаемая продолжительность жизни в Москве незначительно отличалась от показателей по стране в целом. Но затем выход из кризиса в Москве проходил более быстрыми темпами, и в последующие годы разница в показателях между Москвой и Россией росла вплоть до 2005 г. В 2012 г. эта разница составила 6,47 лет

у мужчин и 3,3 года у женщин. Снижение смертности в Москве в большей степени отмечалось у мужчин, чем у женщин, в результате чего гендерные различия в ожидаемой продолжительности жизни при рождении сократились с 10,75 года в 1989–2001 гг. до 8 лет в 2012 г. Однако по сравнению с европейскими столицами ОПЖ в Москве все еще находится на низком уровне. В 2012 г. ОПЖ в Париже была 80,5 лет для мужчин и 86,7 года для женщин, в Берлине — 78,8 лет для мужчин и 83,2 года для женщин, в Праге — 77,1 и 82,1 года соответственно [6]. Анализ сложившейся ситуации в Москве и соседних регионах показал, что более высокая продолжительность жизни в столице в основном определяется относительно низкой

Рис. 3.
Ожидаемая продолжительность жизни в Москве и России в 1989–2012 гг.

смертностью взрослых. Прежде всего это связано с более низкой смертностью в Москве у мужчин в возрасте 15–64 года, а у женщин — 65 лет и старше.

Различия в структуре смертности мужчин в Москве, в России и в Московской области не носят принципиального характера. Как и в целом по стране, в Москве наиболее высокие показатели смертности отмечаются от таких причин, как сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные новообразования и внешние. Лидерство Москвы по продолжительности жизни связано в основном с более низкой смертностью от болезней системы кровообращения и от внешних причин и в значительно меньшей степени — от новообразований.

У женщин в Москве наиболее высокие показатели смертности отмечаются от таких причин, как болезни системы кровообращения, новообразования и болезни органов пищеварения. В России и Московской области лидируют болезни системы кровообращения, новообразования и внешние причины смерти. У женщин в Москве по сравнению с Россией и Московской областью значительно ниже смертность от внешних причин и болезней систем кровообращения, однако смертность от новообразований находится примерно на одинаковом уровне. Ситуация со смертностью в Москве, по сравнению с западными странами, несколько лучше, чем в России, но отставание от них все же еще достаточно значимо:

- низкая величина ожидаемой продолжительности жизни как у мужчин, так и у женщин;
- основная проблема — чрезвычайно высокий уровень смертности от болезней системы кро-

вообращения, в том числе от ишемической болезни сердца, особенно в трудоспособном возрасте;

- высокий уровень смертности от несчастных случаев, отравлений и травм, в основном в молодом и среднем возрасте, прежде всего у мужчин.

5. Миграция

Москва без преувеличения крупнейший центр притяжения мигрантов не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. Причины столь высокой притягательности Москвы многообразны: это и высокий уровень жизни в столице, и большие возможности заработать деньги, и очень диверсифицированный рынок труда, и возможности получить хорошее образование, и т.п. О решающей вкладе миграции не только в демографическое, но и социально-экономическое развитие Москвы свидетельствует доля местных и неместных уроженцев в общей численности населения города [Бобков, 2013, 17, с. 3–6]. Генеральной тенденцией на протяжении более чем 100 лет стало увеличение доли коренных москвичей в общей численности населения города: с 26,2% в 1926 г. до 59,9% в 2010 г. Эта тенденция не противоречит общемировым закономерностям. Так, в общей численности населения Нью-Йорка доля уроженцев города и одноименного штата в 2000 г. составляла 64%. Главное отличие Нью-Йорка от Москвы заключалось в большем удельном весе родившихся за рубежом США — почти 1/4 населения. Более 1/3 жителей современного

Лондона также родились за рубежом. В Москве доля жителей, которые родились за границей, составляет чуть более 8% населения города. Очевидно, что по мере сокращения миграционных возможностей российских регионов структура населения Москвы по месту рождения будет приближаться к структуре в других странах [Локтюхина, 2013, 13, с. 120–128].

Регистрируемый миграционный прирост населения Москвы за счет внутренней миграции увеличился в 2000-е годы в 2 раза (рис. 4), рост обеспечил прежде всего обмен населением с регионами Центрального, Южного и Приволжского округов [Бобков и др., 2013, 9, с. 10–17]. В последние десятилетия доля регионов Центрального округа в регистрируемой миграции в Москву держится на уровне 36–39% всего миграционного прироста, полученного столицей за счет внутрироссийской миграции.

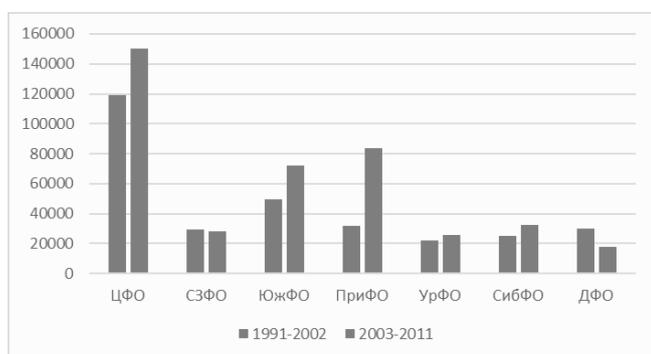

Рис. 4. Распределение миграционного прироста Москвы по другим территориям РФ, 1991–2011, тыс. человек

В последние годы отмечается снижение доли мигрантов Центрального района страны в миграционном приросте Москвы (с 39 до 37%), хотя численность мигрантов в абсолютных значениях увеличилась. Также снизились доли Северо-Западного района (с 10 до 7%), Урала, Сибири и Дальнего Востока (с 25 до 18%) [Авдеев, Ушакова, 2013, 10, с. 41–46; Сукнева, 2013, 11, с. 33–40]. Значительно выросла доля Приволжья (с 10 до 20%), а доля выходцев из Южного района увеличилась на 2% (с 16 до 18%).

Для современной регистрируемой миграции в Москву характерна географическая селективность. Так, в миграционном обмене Москвы с Северо-Западом доминирует Санкт-Петербург, с Центральным районом — Московская область, с Поволжьем — Саратовская и Самарская области, с Югом — Ростовская область, с Сибирью — нефтегазодобывающие Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Таким образом,

речь идет о высокоурбанизированных и богатых территориях. Последнее обстоятельство важно, так как миграция на постоянное место жительства сопровождается приобретением жилья, а его цена в Москве уже вышла на уровень многих мировых столиц.

Миграционная привлекательность Москвы приводит к тому, что миграция обеспечивает рост численности населения города, компенсировала естественную убыль населения (с 1989 по 2010 г.) и замедляет процесс старения населения. В отличие от многих мировых столиц и крупных городов, притягивающих мигрантов со всего света, миграция в Москву пока этнически и культурно более комплементарна коренному населению. Старение населения Москвы потребует в будущем увеличения миграционного потока в трудоспособном возрасте для нормального функционирования экономики города, что, в свою очередь, обусловит дополнительные расходы на социальную сферу для проведения активной политики адаптации и интеграции мигрантов.

6. Миграция и процессы воспроизводства населения

Специфика статистического учета естественного движения населения в Москве связана с выделением иногородних среди родившихся и умерших. Органы ЗАГС регистрируют рождение и смерть иногородних граждан, которые не имеют в Москве постоянной регистрации. К иногородним относятся лица, имеющие временную регистрацию в Москве, или лица без регистрации. Таким образом, при расчете показателей рождаемости и смертности рождения и смерти иногородних присутствуют в числителе. Однако неизвестно, учтены ли они в населении (в знаменателе) [Васильева, Тарасьев, 2013, 14, с. 129–137]. Часть иногородних жителей, имеющих временную регистрацию на девять месяцев и более, включается Росстатом в текущие оценки постоянного населения в качестве прибывших на данную территорию. Таким образом, расчет коэффициентов без учета рождений и смертей иногородних не совсем корректен, так как нет возможности четко определить знаменатель. Представляется, что при такой специфике учета можно говорить о диапазоне, в котором фактически находятся показатели рождаемости и смертности в Москве: официальные данные и показатель, рассчитанный без учета рождений и смертей у иногородних.

Применительно к Москве речь идет как о внутренних (российских), так и о внешних мигрантах. Оценке вклада внешних мигрантов (не граждан

России) в рождаемость и смертность населения регионов России в 2009 г. было посвящено исследование С.С. Бирюковой «Методология оценки вклада мигрантов в воспроизводство населения России», где использованы базы данных о записях актов гражданского состояния (опубликовано в журнале «Вопросы статистики», 2013 № 4, с. 38–44). Среди 10 субъектов РФ была и Москва.

К иногородним рождениям относят только рождения, оба родителя которых не имеют постоянной регистрации в Москве. Если мать или отец имеет постоянную регистрацию в городе Москве, то такие рождения не относятся к иногородним. Доля родившихся у иногородних в общем числе родившихся в Москве неуклонно растет. Если в 1992 г. она составляла только 3,5%, то в 2011 — 21%. (В Лондоне у 55% новорожденных матери родились за пределами Великобритании [5, с. 10]. Напротив, в Берлине в 2003 г. доля рождений у иностранцев составляла 16,3% общего числа рождений, в 2007 г. — 15,1%, в 2011 г. — 13,6% [4].) В 2011 г. суммарный коэффициент рождаемости в Москве составил 1,27 рождений на 1 женщину, а без учета иногородних рождений — 1,0. (В Берлине — 1,31; в Праге — 1,35, в Париже (регион Иль-де-Франс) — 2,03, в Лондоне (внутренний) в 2010 — 1,80³.)

В целом смерти иногородних жителей Москвы составили в 2009–2011 гг. от 9 до 10% всех смертельных случаев, зарегистрированных в городе. Если рассмотреть причины смерти у иногородних, то на первом месте будут болезни системы кровообращения, как и у жителей Москвы, но на второе место у иногородних мужчин выходит смерть от внешних причин (в основном транспортные несчастные случаи) — у москвичей второе место занимают смерти от новообразований. У женщин расхождения между москвичками и иногородними отмечаются для третьего места (первые два традиционно занимают смерти от болезней системы кровообращения и новообразования): для москвичек характерны смерти от болезней органов пищеварения, а для иногородних — от внешних причин. Анализ доли иногородних смертей в общем числе смертей по основным причинам показывает, что наибольший вклад иногородние вносят в причины смерти от инфекционных заболеваний (32 и 22%), внешних причин (32 и 15%) и болезней органов дыхания (16 и 10%). Доля иногородних смертей в смертях от болезней системы кровообращения и новообразований не превышает 8%, что свидетельствует о том, что основная масса смертей (92% и больше) от этих

причин приходится на москвичей, хотя доля смертей от этих причин для иногородних превышает 40–60% всех иногородних смертей. В 2011 г. ОПЖ в Москве для мужчин составила 71,5 года, а без учета иногородних смертей — 73,1; для женщин 79,8 лет, а без учета иногородних смертей — 80,5. Наличие существенных различий в смертности мигрантов и постоянного населения приводит к высокой доле смертей от устранимых причин — инфекционных заболеваний и внешних причин смерти.

7. Заключение

Демографическое развитие Москвы характеризуется рядом проблем, от решения которых зависит экономическое и социальное благополучие населения города. Рождаемость в Москве на протяжении длительного периода не обеспечивает простого воспроизводства населения [Бушуев, Голубев, Косьяненко, Тарко, 2013, 16, с. 63–125]. В последние годы наблюдается рост рождаемости, вызванный благоприятной возрастной структурой населения, улучшением экономической ситуации и мерами проводимой демографической политики. Однако факторы, вызвавшие подъем рождаемости, практически себя исчерпали и в будущем нас ждет спад, вызванный сокращением численности молодых женщин в активном репродуктивном возрасте [3, с. 67; Яйтакова, 2013, 12, с. 117–128]. Необходимо стимулировать вторые и третьи рождения путем дифференцированной социальной поддержки семей в зависимости от количества в ней детей. Рождение детей, как правило, сопряжено с падением уровня жизни семьи, так как материнские и детские пособия не могут восполнить потерю заработной платы одним из родителей. Поэтому происходит сознательное откладывание рождений на более поздний период, что вызывает старение материнства: средний возраст матери при рождении ребенка в 2012 г. составил более 29 лет.

По уровню смертности Москва находится в более благоприятном положении относительно других регионов России, но все же существенно отстает от европейских столиц. Здесь оказывают влияние и более развитая система здравоохранения, более высокий уровень жизни и образования населения. Для снижения общего уровня смертности нужно снизить смертность от болезней системы кровообращения, особенно в трудоспособном возрасте, от новообразований путем ранней диагностики заболеваний и высококвалифицированной медицинской помощи. Рождаемость в Москве — одна из самых низких в стране, но

³ Eurostat http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database.

высокая продолжительность жизни и более низкая смертность относительно других регионов страны способствуют сохранению в Москве естественного прироста населения с 2011 года [Су-харев, 2013, 18, с. 102–118].

В 2000-х годах население Москвы продолжало расти в основном за счет притока мигрантов (с 2011 г. в Москве зафиксирован естественный прирост населения, который значительно меньше миграционного). Приток мигрантов необходим Москве для обеспечения ее потребности в трудовых ресурсах в условиях старения населения города. Учитывая, что демографические ресурсы

большинства регионов России исчерпаны, можно предположить, что в Москву усилится приток внешних мигрантов, что потребует дополнительных расходов на интеграцию иммигрантов в принимающее общество.

Решить демографические проблемы Москвы невозможно без существенного финансирования социальной сферы, без сбалансированной миграционной политики [Крылова, Симаккина, 2013, 15, с. 62–67]. Продуманная демографическая политика города позволит формировать и корректировать социально-экономическую политику города, которая будет способствовать повышению уровня и качества жизни населения.

Список литературы

1. Денисенко М.Б., Степанова А.В. Динамика численности населения Москвы за 140 лет // Вестник МГУ, серия 6 Экономика, № 3 май-июнь 2013.
2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Управления федеральной миграционной службы по городу Москве на 2013 год и плановый период 2014–2015 годов.
3. Елизаров В.В. Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное // Уровень жизни населения регионов России. 2014. №1 (191).
4. Die kleine Berlin — Statistik 2012 https://www.statistik-berlin-brandenburg.de/Produkte/kleinestatistik/AP_KleineStatistik_EN_2012_BE.pdf.
5. Focus on London 2010 population and migration <http://data.london.gov.uk/datastore/applications/focus-london-population-and-migration>.
6. http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database.
7. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
8. <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>.
9. Бобков В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г., Данилова И.А., Маликов Н.С., Синица А.Л. Методологические основы разработки региональных программ демографического развития с учетом региональных особенностей // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 10–17.
10. Авдеев Ю.А., Ушакова В.Л. Демографическая структура населения Приморского края и ее влияние на показатели уровня жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 41–46.
11. Сукнева С.А. Демографическое развитие Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 33–40.
12. Яйтакова А.В. Репродуктивное поведение населения как фактор формирования демографических тенденций в социокультурном пространстве региона (на примере Республики Алтай) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 2 (180). С. 117–128.
13. Локтюхина Н.В. Внутрироссийская трудовая миграция: проблемы, направления решения // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 120–128.

References

1. Denisenko M.B., Stepanova A.V. Dinamika chislenosti naseleniya Moskvy za 140 let [Population Dynamics of Moscow for 140 years]. *Vestnik MGU, seriya 6 Ekonomika* [Vestnik MGU, Series 6 Economy], 2013, I. 3 May-June.
2. *Doklad o rezul'tatakh i osnovnykh napravleniyakh deyatel'nosti Upravleniya federal'noy migratsionnoy sluzhby po gorodu Moskve na 2013 god i planovyy period 2014–2015 godov* [A report on the results and main activities of the Federal Migration Service in the city of Moscow in 2013 and the planning period 2014–2015].
3. Elizarov V.V. Demograficheskoe razvitie Rossii i ee regionov: obshchee i osobennoe [Demographic development of Russia and its regions: general and special]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2014, I. 1 (191).
4. Die kleine Berlin — Statistik 2012. Available at: https://www.statistik-berlin-brandenburg.de/Produkte/kleinestatistik/AP_KleineStatistik_EN_2012_BE.pdf.
5. Focus on London 2010 population and migration. Available at: <http://data.london.gov.uk/datastore/applications/focus-london-population-and-migration>.
6. Available at: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/statistics/search_database.
7. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
8. Available at: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>.
9. Bobkov V.N., Elizarov V.V., Dzhanaeva N.G., Danilova I.A., Malikov N.S., Sinitza A.L. Metodologicheskie osnovy razrabotki regional'nykh programm demograficheskogo razvitiya s uchetom regional'nykh osobennostey [Methodological basis for the development of regional programs of demographic development from a regional perspective]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 10–17.
10. Avdeev Yu.A. Ushakova V.L. Demograficheskaya struktura naseleniya Primorskogo kraya i ee vliyaniye na pokazateli urovnya zhizni [The demographic structure of the population of Primorye and its impact on living standards]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 41–46.
11. Sukneva S.A. Demograficheskoe razvitie Respubliki Sakha (Yakutiya): sostoyaniye i perspektivy [Demographic Development of the Republic of Sakha (Yakutia): status and

14. Васильева А.В., Тарасьев А.А. Оценка выпадающих налоговых поступлений в бюджеты субъектов Российской Федерации от нелегальной деятельности трудовых мигрантов (на примере Свердловской области) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 6 (184). С. 129–137.
15. Крылова Е.Б., Симакина М.А. Анализ существующих подходов к измерению качества жизни человека // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 2 (180). С. 62–67.
16. Бушуев В.В., Голубев В.С., Косьяненко А.В., Тарко А.М. Воспроизводимый капитал и качество жизни — 2009: мир и субъекты Российской Федерации // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 4 (182). С. 63–125.
17. Бобков В.Н. Методологические подходы к разработке системы социальной стандартизации и опыт ее реализации в Российской Федерации // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 4 (182). С. 3–6.
18. Сухарев О.С. Социальная политика и измерение качества жизни населения // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 7 (185). С. 102–118.
19. Бобков В.Н. Уровень жизни населения Центрального федерального округа: состояние, динамика, оценка / Презентация доклада на IV Международном форуме «Инновации. Бизнес. Образование» г. Ярославль. 21–22 ноября 2013 г. // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 11 (189). С. 3–11.
20. Манахова И.В. Новая парадигма измерения благосостояния: Россия и страны ОЭСР // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 12 (190). С. 61–66.
- prospect]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, 1 (179), pp. 33–40.
12. Yaytakova A.V. Reproductivnoe povedenie naseleniya kak faktor formirovaniya demograficheskikh tendentsiy v sotsiokul'turnom prostranstve regiona (na primere Respubliki Altay) [Reproductive behavior of the population as a factor of demographic trends in the socio-cultural environment of the region (on the example of the Altai Republic)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, 1. 2 (180), pp. 117–128.
13. Loktyukhina N.V. Vnutrirossiyskaya trudovaya migratsiya: problemy, napravleniya resheniya [Internal Russian labor migration: problems, ways of solving]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, 1. 6 (184), pp. 120–128.
14. Vasil'eva A.V., Taras'ev A.A. Otsenka vyadayushchikh nalogovykh postupleniy v byudzhetnyy sub'yektov Rossiyskoy Federatsii ot nelegal'noy deyatel'nosti trudovykh migrantov (na primere Sverdlovskoy oblasti) [Evaluation shortfall in tax revenues to the budgets of subjects of the Russian Federation from the illegal activity of migrant workers (for example, Sverdlovsk region)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, 1. 6 (184), pp. 129–137.
15. Krylova E.B. Simakina M.A. Analiz sushchestvuyushchikh podkhodov k izmereniyu kachestva zhizni cheloveka [Analysis of the existing approaches to measuring quality of life]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, 1. 2 (180), pp. 62–67.
16. Bushuev V.V., Golubev V.S., Kos'yanenko A.V., Tarko A.M. Vosproizvodimyy kapital i kachestvo zhizni — 2009: mir i sub'yekty Rossiyskoy Federatsii [Reproducible capital and quality of life - 2009: the world and the subjects of the Russian Federation]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, 1. 4 (182), pp. 63–125.
17. Bobkov V.N. Metodologicheskie podkhody k razrabotke sistemy sotsial'noy standartizatsii i opyt ee realizatsii v Rossiyskoy Federatsii [Methodological approaches to the development of the social experience of standardization and its implementation in the Russian Federation]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, 1. 4 (182), pp. 3–6.
18. Sukharev O.S. Sotsial'naya politika i izmerenie kachestva zhizni naseleniya [Social policy and measurement of quality of life]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, 1. 7 (185), pp. 102–118.
19. Bobkov V.N. Uroven' zhizni naseleniya Tsentral'nogo federal'nogo okruga: sostoyanie, dinamika, otsenka. Prezentatsiya doklada na IV Mezhdunarodnom forumе «Innovatsii. Biznes. Obrazovanie» g. Yaroslavl'. 21–22 noyabrya 2013 g. [The standard of living of the population of the Central Federal District: state, dynamics, evaluation / presentation of the report at the IV International Forum «Innovations. Business. Education» Yaroslavl. 21–22 November 2013]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, 1. 11 (189), pp. 3–11.
20. Manakhova I.V. Novaya paradigma izmereniya blagosostoyaniya: Rossiya i strany OESR [The new paradigm of measuring well-being: Russia and the countries of the OECD]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, 1. 12 (190), pp. 61–66.

Качество труда в сфере научных исследований и разработок: специфика системы стимулирования

Quality of Work in the Field of Research and Development: the Specifics of the Incentive Scheme

Получено 02.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 316.48

DOI: 10.12737/7407

ФЕОКТИСТОВА О.А.

старший научный сотрудник Центра Бюджетной политики в области исследований финансового учреждения Министерства финансов Российской Федерации.
127006, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., д. 3, стр. 2.
E-mail: feoktistova@nif.ru

ФЕОКТИСТОВА О.А.

Senior Research Worker of the Centre for Budgetary Policy in Research of the Financial Institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation.
Building 2, 3 Nastas'yinskiy Lane, Moscow 127006, Russia.
E-mail: feoktistova@nifi.ru

Аннотация

Актуальность. Стратегическая цель государства — придать экономическому развитию России инновационный характер — не может быть достигнута без кардинального повышения конкурентоспособности российской науки, выхода на лидирующие мировые позиции, роста ее эффективности. В связи с этим особый интерес представляют исследования в области повышения качества труда в сфере научных исследований и разработок.

Предмет исследования. Анализ стимулирования научно-исследовательского труда как механизма управления качественным уровнем результатов труда, выявление специфики стимулирования научно-исследовательского труда и определение подходов к системе стимулирования труда в сфере научных исследований и разработок.

Проблема. Понятие качества труда, задача его повышения. Экпликация предикатов качества труда: а) сложность труда, б) содержание труда, в) квалификация работника, г) интенсивность и производительность труда, д) результаты труда, е) условия труда. Классификация дефиниций: 1) качество труда как качество рабочей силы (К. Маркс, Л.С. Бляхман, В.А. Сидоров, Л.В. Кривенко, Я.И. Гомберг и пр.); 2) качество труда как процесс труда, различия между определенными видами труда (С. Бим, Я. Котликов, И.Т. Корогодин, К.И. Куровский, Е.И. Евсеенко, Е. Шапиро, О.Л. Гузакова и пр.); 3) качество труда как результаты труда (В.Н. Белкин, М.Ю. Иванов, А.Н. Азрилиян и пр.).

Цель. Формулирование специфики научно-исследовательского труда.

Ключевые слова: качество труда, стимулирование труда, научные исследования и разработки, научные работники, научная организация, результат, качество результатов труда, критерии оценки результата.

Abstract

Relevance. The strategic goal of the state — giving the economic development of Russian innovative nature — cannot be achieved without a radical increase of competitiveness of Russian science, its extension to world leadership, the growth of its effectiveness. In this regard, studies to improve the quality of work in the field of research and development are of particular interest.

Subject of the Study. Analysis of the process to promote scientific and research work as a mechanism for management quality level of work performance, identifying specifics of stimulating R & D work and determining approaches to the incentive system in the field of R & D.

Problem. The concept of quality of work, and the problem of its increase. Legend of the predicates of quality of work: a) the complexity of the work, b) the content of the work, c) qualifications of the employee, g) the intensity and productivity of labour, d) the results of work, e) working conditions. Classification definitions: 1) the quality of work as the quality of labor (K Marx, LS Blyakhman, VA Sidorov, LV Krivenko, Frenkel' Gomberg, etc..) 2) the quality of work as the labor process, the differences between certain types of work (S Beam, J Kotlik, IT Korogodin, KI Kurowski, El Yevseyenko, E. Shapiro, and OL Guzakova, etc..) 3) quality of work as the results of labour (VN Belkin, MY Ivanov, AN Azriliyan etc.).

Purpose. Formulating the specifics of the research work.

Keywords: quality of labour, stimulating labour, R & D, scientists, scientific organization, the result, the quality of work performance, evaluation criteria.

1. Специфика стимулирования научно-исследовательского труда

Ключевые понятия в анализе специфики научно-исследовательского труда — потребность, мотив и стимул. Стимулирование принципиально отличается от мотивирования и выступает одним из средств мотивирования, а процесс мотивации крайне сложный и неоднозначный [Виханский, Наумов, 2009, 2].

Стимулирование труда — это внешнее побуждение, элемент трудовой ситуации, влияющий на

поведение человека, материальная оболочка мотивации работников. Оно несет и нематериальную нагрузку, позволяя работнику реализовать себя как личность и работника. А.И. Пригожин, определяя стимулирование как «метод воздействия на трудовое поведение работника, опосредованно через его мотивацию», указывает, что «подход к проблеме трудового стимулирования состоит в выделении и сопоставлении, с одной стороны, системы стимулов, с другой — системы мотивов и потребностей» [Пригожин, 1995, 2]. Стимули-

рование эффективно, если согласуются эти две системы и вызывают целесообразное для организации трудовое поведение работника.

Мы определяем стимулирование научно-исследовательского труда как «влияние внутренней системы стимулирования научной организации посредством адресного воздействия на мотивационную структуру личности научного работника с целью получить результат труда надлежащего качества». Система стимулирования должна быть адресной, комплексной, результативно-ориентированной, опираться на принцип «ценности вознаграждения» и целеполагание научного работника и научной организации в целом [Башмаков, 2013, 11, с. 107–113].

Критерий адресности должен учитывать не только профессиональные возможности, но и личность научного работника, его мотивационную структуру, влияющую на труд [Бобков, Долгов, 2013, 12, с. 6–10]. В первую очередь нужно говорить о потребностях и мотивах личности, проявляющихся во внутреннем напряжении, побуждающем психическую и творческую интеллектуальную активность. Мотивы должны опираться на *личностно-профессиональные потребности* и соотноситься с социально-экономическими потребностями общества. В этом случае творческая активность работника будет соединять личные интересы с благами общества, науки, а потребность в профессиональной самореализации будет сочетаться с потребностью в самоуважении и «самопринятии» себя как профессионала.

Система стимулирования труда и управления научным коллективом должна строиться на мотивационных факторах (Ф. Герцберг), профессионально и личностно значимых для научных работников. К ним относятся творческие компоненты труда, интересная работа, многогранность, новизна, уровень трудности научных вопросов и задач, возможность роста, признания, совершенствования знаний и личности, повышение квалификации [Бобков, 2013, 9, с. 7–10].

Система трудового стимулирования научных работников должна быть комплексной, представляя собой сбалансированную систему материальных и нематериальных стимулов, опирающуюся на мотивационную структуру. В число основных материальных стимулов входят размер зарплаты, бонусы и премии; косвенных — медицинское страхование, льготные путевки, кредиты и пр. В теориях мотивации Ф. Тейлора, М. Вебера и А. Файоля материальное стимулирование — основной фактор, ведущая ценность, обеспечивающая результативность труда и соответствующая фундаментальным жизненным установкам.

Высшая потребность, по А. Маслоу, самореализация человека. Э. Мэйо и Р. Лайкерт называли их личностно-профессиональными потребностями, относя и к научным работникам, занятым творческим высокоинтеллектуальным трудом [Новоселов, 2013, 10, с. 29–33]. Для этой группы характерно стремление к внутреннему удовлетворению от результатов труда. Работа сама по себе может приносить удовлетворенность (Д. МакГрегор), а результативный труд повышает ее степень (Л. Портер, Э. Лоулер). Таким образом, в стимулировании труда научных работников особую роль играют интеллектуальные, моральные, творческие, социально-психологические стимулы.

Система стимулирования труда научных работников должна быть результативно-ориентированной, не столько в количественном, сколько в качественном измерении. От того, насколько стимулирование учитывает мотивационную структуру научных работников зависит уровень результатов и качество труда. Мотивирующее воздействие материальных и нематериальных стимулов тем значительнее, чем сильнее они связаны с показателями оценки результатов труда и чем сильнее ориентированы на персональную заинтересованность и ответственность работника за качество труда и цели научной организации [Орлов, 2013, 13, с. 37–42]. Особое значение имеют опыт и трудовой потенциал научного работника, его способность и желание использовать их в интересах организации. Адресное стимулирование труда позволит наиболее полно реализовать личностно-профессиональные потребности научных работников, эффективно использовать «научный потенциал».

Система стимулирования труда научных работников должна опираться на принцип «ценности вознаграждения» для научных работников. Большое значение имеют критерии справедливости, прозрачности, связь вознаграждения с результатами труда и уровнем ожидания работников. В теории ожидания В. Врума есть понятие *валентности*, т.е. степени удовлетворения (неудовлетворения), при сравнении уровня вознаграждения с уровнем результата труда. Здесь учитываются три момента ожидания: 1) затраченные усилия приведут к должным результатам; 2) за достигнутые результаты будет получено вознаграждение, 3) ценность вознаграждения должна быть валентной [Vroom, 8, 2009]. Но в этой теории не учтены два негативных фактора. Во-первых, наличие внешних рисков, влияющих на получение вознаграждения (неадекватная оценка, формализм или отсутствие учета индивидуального вклада). Во-вторых, не рассматривается аспект внутреннего

вознаграждения — удовлетворенность работников от хорошо проделанной работы. В первом случае упускается материальная составляющая — оплата труда и премия, во втором — моральная ценность, т.е. научное признание, карьера. О субъективности восприятия работником вознаграждения за его усилия и результаты свидетельствует теория справедливости С. Адамса, предполагающая прямую зависимость между результатами труда работника и уровнем вознаграждения, которое он считает справедливым, сравнивая себя при этом с другими работниками [Adams, 1965, 5].

Из вышесказанного следует, что для выполнения своей роли стимулы, используемые в системе стимулирования, должны быть доступными, понятными, прозрачными и своевременными для научных работников.

Система стимулирования труда научных работников должна опираться на целеполагание, т.е. быть построена на совокупности целей отдельного работника и научной организации в целом. В теории Э. Локка цель, поставленная перед работником, является мотивом достижения и мотивом получения вознаграждения [Locke, Latham, 1990, 6]. Целеполагание влияет на мотивацию и результативность труда как «обратная связь» и носит стимулирующий характер. Важно, чтобы работник хорошо понимал поставленные перед ним цели и задачи. Это залог успеха в достижении результатов и требуемого качества [Smith, Locke, Barry, 7, 1990. P. 1297–1349]. Сформулированная цель должна быть достижимой и сильной. По Э. Локку, работник должен принять поставленную цель, т.е. согласиться с ней и достичь ее. На «принятие цели» влияют внешние факторы (авторитет, статус, уровень цели, уверенность в вознаграждении) и внутренние (вера в свои силы, интерес).

Функционирование научной организации будет успешным, если система стимулирования будет сочетать личностные мотивы и потребности работников с их целями и с решением стратегических задач, т.е. целей организации. Вербализация и актуализация работником и руководителем поставленных целей и ожидаемых результатов будут способствовать их более высокому качеству и эффективности научно-исследовательского труда.

2. Критерии и показатели оценки результатов труда научных работников как стимулы повышения качества результатов труда

Деятельность научных организаций по стимулированию труда должна строиться на сочетании внешнего и внутреннего стимулирования.

1. Внешнее стимулирование — государственные инструменты стимулирования научных организаций, ориентированные на результативность научных исследований и их качество.

2. Внутреннее стимулирование — инструменты научных организаций по стимулированию научных работников к повышению результативности и качеству труда.

Синергия внешней и внутренней системы стимулирования должна обеспечивать необходимый уровень качества результатов научных исследований, удовлетворяющий научного работника, научную организацию и государство. Применение инструментов внешнего и внутреннего стимулирования основано на *оценке* результатов и качества труда научных работников, а для объективной оценки нужны эффективно измеримые показатели и критерии уровней их достижения.

Мы провели анализ критериев и показателей оценки результатов деятельности научных организаций и оценки результатов труда научных работников с позиций меры их согласованности и адекватности. Анализ инструментов *внешней* системы стимулирования позволил выделить показатели оценки результатов научной организации, которые напрямую зависят от результатов труда научных работников:

- количество созданных научным работником результатов интеллектуальной деятельности;
- количество созданных научным работником результатов интеллектуальной деятельности, которые используются;
- количество научных, конструкторских и технологических произведений (по видам), созданных научным работником;
- руководство работой аспирантов и докторантов;
- работа в ведущих российских и международных научных и научно-образовательных организациях;
- защита диссертационной работы;
- число публикаций научного работника, индексируемых в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования;
- цитируемость публикаций научного работника в российских и международных информационно-аналитических системах научного цитирования;
- импакт-фактор журналов, в которых опубликованы статьи научного работника;
- число статей, подготовленных совместно с зарубежными организациями;
- участие в российских и международных конференциях;
- количество научно-популярных публикаций.

Анализ *внутренних* систем стимулирования научных организаций показал, что оценка результатов деятельности научных работников осуществляется в форме аттестации или оценки для установления стимулирующих выплат. Обе формы используют набор критериев и показателей оценки. В вузах используются системы рейтинговых оценок. В научных госорганизациях действуют «Положения об оплате труда и стимулировании сотрудников», базирующиеся на приказе Минздравсоцразвития России. В этих случаях к выплатам стимулирующего характера относят: 1) выплаты за интенсивность и высокие результаты работы; 2) выплаты за качество выполняемых работ; 3) выплаты за стаж непрерывной работы, выслугу лет; 4) премиальные выплаты по итогам работы. Особо крупные учреждения, например МГУ им. М.В. Ломоносова, устанавливают в каждом структурном подразделении свои критерии оценки результативности. Такой подход оправдан в плане учета специфики подразделения, но теряет универсальность и может стать поводом для сомнений в справедливости, вызывать «зависть» и желание перейти в иное подразделение.

В приказе Минздравсоцразвития России стимулирование предполагалось только материальное, это отразилось и в «Положениях» многих организаций — редукция к материальному стимулированию (поощрительные выплаты, премии, доплаты и надбавки, персональные повышающие коэффициенты к окладу и др.). В ряде организаций использовались и нематериальные формы стимулирования (грамоты, дипломы, благодарности, гибкий график работы, публикации результатов НИР). Кроме того, Положения о стимулировании содержат различные компенсационные выплаты и льготы, которые следует отнести к выплатам и привилегиям. Значительный перечень компенсаций и льгот наблюдается в положениях научных учреждений Российской Академии наук, Минкультуры России, НИФИ Минфина России и пр.

Стимулирующие выплаты могут носить как временный, так и регулярный характер (ежемесячные выплаты за результаты работы в размере 50% к окладу в МГУ им. М.В. Ломоносова). Используют персональные повышающие коэффициенты к окладу за уровень профессиональной подготовки, сложности и важности работы, степень самостоятельности и ответственности выполнения задач [Рогожникова, 2013, 17, с. 106–108]. Такого рода постоянные стимулирующие выплаты можно считать механизмом доведения заработной платы работников до желаемого уровня, нежели стимулированием, потому что они вос-

принимаются как привычный размер заработной платы и утрачивают функцию стимула.

Критерии и показатели оценки результативности научных работников зависят от направленности организации. Так, в вузах упор в критериях сделан на интеграцию науки и образовательного процесса [Березутский, 2013, 14, с. 95–100]. Показатели, используемые вузами, носят общий характер и могут применяться как к научным работникам, так и к профессорско-преподавательскому составу, а специфика научно-исследовательского труда не учитывается. Здесь нужны специфические исследовательские критерии научного труда [Жарова, 2013, 15, с. 81–90].

Анализ внутренних положений об оплате труда и стимулирующих выплатах показал, что интенсивность труда и высокие результаты работы могут оцениваться по таким критериям:

- интенсивность труда при особом режиме работы (например, срочность выполнения работ);
- интенсивность труда в связи с увеличением объема работы по основной должности или при объеме дополнительной работы, не связанной с основными обязанностями работника;
- интенсивность труда при выполнении особо важных, сложных и срочных работ;
- работа за пределами нормальной продолжительности рабочего времени (сверхурочная работа), в выходные и праздничные дни.

Из перечня видно, что подменены понятия: выплаты за интенсивность труда работника — это оплата не за научный труд, а за сверхурочную работу. И это не стимулирование, а соглашение с работодателем за переработку [Ракитский, 2013, 16, с. 50–58].

В проанализированных документах критерии оценки результатов труда либо отсутствуют, либо носят не конкретный, не однозначный или не измеримый характер. К таким критериям относятся:

- внедрение новых методов и разработок в научный процесс, использование современных информационных технологий и инновационных авторских программ;
- инициативность, творчество и применение в работе форм и методов организации труда (освоение и применение современных технологий и методологий, работа с современным технически сложным оборудованием);
- высокий уровень исполнительской дисциплины;
- результативность в научной и методической работе (участие и выступления на симпозиумах, конференциях, семинарах, совещаниях);

- активное участие в выполнении фундаментальных исследований или федеральных и ведомственных программ.

Качество выполняемых работ может оцениваться по следующим критериям:

- своевременное и качественное выполнение работы в установленные сроки и графики;
- наличие наград, почетных званий (государственных наград) у работников института при условии качественного выполнения ими своих должностных обязанностей;
- внедрение инновационных процессов и новых технологий в научный процесс;
- высокий профессионализм и качественное выполнение работ, связанных с обеспечением научного процесса в установленные сроки.

В данном случае используется понятие «качество работы», но не ясно, что подразумевается под «качественной работой». Методик проведения оценки результативности и качества работ нет [Столярова, 2013, 18, с. 121–129].

Анализ показал, что критерии и показатели оценки результатов труда научных работников во внутренних системах стимулирования слабо соотносятся с критериями и показателями, по которым оцениваются сами научные организации. Более всего результаты научно-исследовательского труда отражают критерии результативности, применяющиеся в институтах системы РАН и подведомственных Минкультуры России. В РАН в 2006 г. введена система стимулирования оплаты труда по индивидуальным показателям результативности научной деятельности научных работников. В ней использованы следующие критерии:

- публикации в рецензируемых периодических журналах (с международными индексами цитирования) в текущем году;

- издание монографии в научных издательствах, имеющих ISBN, учебников, имеющих гриф Минобрнауки России (рекомендованные учебно-методическими объединениями);
- участие в конференциях (обязательным требованием является наличие конкурсного отбора участников конференции);
- разработка научно-образовательных курсов;
- наличие патентов (патент, являющийся результатом выполнения бюджетных НИР; патент, полученный с соавторами);
- руководство соискателями ученой степени и дипломниками;
- цитирование.

Учреждения науки, находящиеся в ведении Министерства культуры Российской Федерации используют для оценки следующие критерии и примерные показатели эффективности деятельности научных работников.

1. Активность в научно-методической и (или) научно-исследовательской работе, которая зависит от профессиональных качеств работника, включая его творческий потенциал и квалификацию. Активность оценивается количественными значениями фактической загруженности НИР и уровнем сложности и важности выполняемых работ (определяются экспертным методом).

2. Публикации в международных и российских научных изданиях, публикации в РИНЦ и иных системах цитирования.

3. Участие в конференциях, конгрессах и иных научных мероприятиях.

4. Участие в образовательном процессе (разработка методических материалов, чтение лекций, проведение семинаров, научное руководство соискателями ученой степени и дипломниками).

Список литературы

1. Жуков А.Л. Аудит стимулирования труда и мотивации персонала // Труд и социальные отношения. 2009. № 11.
2. Виханский О.С., Наумов А.И. Менеджмент. М.: Экономика, 2006.
3. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995.
4. Управление персоналом организации / Под. ред. А.Я. Кибанова. М.: Инфра-М, 2004. С. 490–491.
5. Adams J.S. (1965). Inequity in social exchange // L. Berkowitz (ed.). Advances in experimental social psychology. New York: Academic Press.
6. Locke E.A., Latham G.P. A theory of goal setting and task performance. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. 1990.
7. Smith K.G., Locke E.A., Barry D. Goal setting, planning, and organizational performance: An experimental

References

1. Zhukov A.L. Audit stimulirovaniya truda i motivatsii personala [Audit work stimulation and motivation]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* [Labour and Social Affairs]. 2009, I. 11.
2. Vihanskiy O.S., Naumov A.I. *Menedzhment* [Management]. Moscow, Ekonomist Publ., 2006.
3. Prigozhin A.I. *Sovremennaya sotsiologiya organizatsiy* [Modern sociology of organizations]. Moscow, 1995.
4. Kibanov A.Ya. *Upravlenie personalom organizatsii* [Personnel Management Organization]. Moscow, Infra-M Publ., 2004, pp. 490–491.
5. Adams J. S. (1965). Inequity in social exchange. L. Berkowitz (ed.). *Advances in experimental social psychology*. New York: Academic Press.
6. Locke E.A., Latham G. P. (1990). A theory of goal setting and task performance. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

- simulation // *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1990. 46(1): 118–134.
8. Vroom V.H. *Work and Motivation*. New York: Wiley. 1964.
  9. Бобков В.Н. Участие европейских ученых-гуманитариев в решении национальных и глобальных социальных проблем // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 10 (188). С. 7–10.
  10. Новоселов Е.И. Итальянские ученые-гуманитарии – за регулирование рыночной экономики // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 10 (188). С. 29–33.
  11. Башмаков В.И. Социологические аспекты развития человеческого потенциала организации // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 11 (189). С. 107–113.
  12. Бобков Н.В., Долгов В.Г. Проблемные кластеры оплаты труда и их влияние на неравенство социально-экономического положения работников // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 12 (190). С. 6–10.
  13. Орлов И.Б. Теоретические основания государства социального гуманизма // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 3 (181). С. 37–42.
  14. Березутский Ю.В. Социальное развитие молодежи дальневосточного региона в социологическом измерении // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 95–100.
  15. Жарова Н.В. Сравнительный анализ систем оплаты труда в бюджетном секторе экономики // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 7 (185). С. 81–90.
  16. Ракитский Б.В. Современные научные и практические подходы к проблематике труда против устаревших и бесперспективных подходов // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 6 (184). С. 50–58.
  17. Рогожников Ю.С. Анализ российской практики оплаты труда в проектно-исследовательских организациях // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 2 (180). С. 106–108.
  18. Столярова А.В., Вашаломидзе Е.В. Оптимизация структуры и содержания квалификационных требований к профессиональным знаниям и навыкам государственных гражданских служащих // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 121–129.
  7. Smith K.G., Locke E. A., Barry D. (1990). Goal setting, planning, and organizational performance: An experimental simulation. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 46(1): 118–134.
  8. Vroom V.H. (1964). *Work and Motivation*. New York: Wiley.
  9. Bobkov V.N. Uchastie evropeyskikh uchenykh-gumani-tariyev v reshenii natsional'nykh i global'nykh sotsial'nykh problem [Participation of European scholars in the humanities in addressing national and global social problems]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 7–10.
  10. Novoselov E.I. Ital'yanskie uchenye-gumanitarii – za regulirovanie rynochnoy ekonomiki [Italian scholars in the humanities - for the regulation of the market economy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 10 (188), pp. 29–33.
  11. Bashmakov V.I. Sotsiologicheskie aspekty razvitiya chelovecheskogo potentsiala organizatsii [Sociological aspects of human development organization]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 107–113.
  12. Bobkov N.V., Dolgov V.G. Problemnnye klasteri oplaty truda i ikh vliyaniye na neravenstvo sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya rabotnikov [Problematic clusters wages and their impact on inequality of socio-economic status of employees]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 12 (190), pp. 6–10.
  13. Orlov I.B. Teoreticheskie osnovaniya gosudarstva sotsial'nogo gumanizma [The theoretical foundation of the state of social humanism]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 37–42.
  14. Berezutskiy Yu.V. Sotsial'noe razvitie molodezhi dal'nevostochnogo regiona v sotsiologicheskom izmerenii [Social development of young people in the Far East region sociological perspective]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 95–100.
  15. Zharova N.V. Sravnitel'nyy analiz sistem oplaty truda v byudzhennom sektore ekonomiki [Comparative analysis of wages in the public sector of the economy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 7 (185), pp. 81–90.
  16. Rakitskiy B.V. Sovremennye nauchnye i prakticheskie podkhody k problematike truda protiv ustarevshikh i besperspektivnykh podkhodov [Modern scientific and practical approaches to the problems of labor against obsolete and unpromising approaches]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 50–58.
  17. Rogozhnikova Yu.S. Analiz rossiyskoy praktiki oplaty truda v proektno-izyskatel'skikh organizatsiyakh [Analysis of the Russian practice of payment in design organizations]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 2 (180), pp. 106–108.
  18. Stolyarova A.V., Vashalomidze E.V. Optimizatsiya struktury i sodержaniya kvalifikatsionnykh trebovaniy k professional'nym znaniyam i navykam gosudarstvennykh grazhdanskikh sluzhashchikh [Optimization of the structure and content of the qualification requirements for professional knowledge and skills of civil servants]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 121–129.

Мониторинг доходов и уровня жизни (III кв. 2014 г.)

Monitoring Income and Living Standards (3rd quarter 2014)

Получено 09.10.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 339.1

DOI: 10.12737/7408

БОБКОВ В.Н.

д-р экон. наук, проф., генеральный директор ОАО «Всероссийский центр уровня жизни», Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

105043, Россия, г. Москва 4-я Парковая улица, д. 29.

E-mail: info@vcug.ru

ГУЛЮГИНА А.А.

канд. экон. наук, руководитель Научно-образовательного центра проблем доходов и потребительских бюджетов населения, ОАО «Всероссийский центр уровня жизни».

105043, Россия, г. Москва, 4-я Парковая улица, д. 29.

E-mail: info@vcug.ru

BOBKOV V.N.

Doctor of Economics, Professor, Director General of the All-Russia Centre of Living Standard PLC, Honoured Science Worker of the Russian Federation.

29 4th Parkovaya St., Moscow 105043, Russia.

E-mail: info@vcug.ru

GULYUGINA A.A.

PhD in Economics, Head of the Scientific-Educational Centre of the Problems of Incomes and Consumer Budgets of the Population of the All-Russia Centre of Living Standard PLC.

29 4th Parkovaya St., Moscow 105043, Russia.

E-mail: info@vcug.ru

Аннотация

Актуальность. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России ведется в ОАО «Всероссийский центр уровня жизни» более 15 лет. Он базируется на взаимосвязанной системе социально-экономических показателей, включая использование специальных показателей, разработанных в Центре.

Объект. Доходы и уровень жизни населения России.

Предмет. Динамика потребительских цен на рынке товаров и услуг в 3 квартале 2014 г. Прожиточный минимум в условиях роста цен: стоимость продуктового набора в 3 квартале 2014 г. по сравнению со 3 кварталом 2013 г. Территориальные различия в уровне прожиточного минимума. Восстановительный потребительский бюджет и среднедушевые денежные доходы. Отношение темпа роста пенсий к темпу роста заработной платы. Динамика прожиточного минимума, денежных доходов и покупательной способности населения. Структура и уровень расходов населения. Потребительские расходы.

Покупательная способность потребительских расходов. Группировка субъектов Российской Федерации по уровню покупательной способности денежных доходов населения. Денежные доходы: сравнительные характеристики по федеральным округам. Социально-экономическая дифференциация населения в групповой стратификации: малоимущие, низкообеспеченные, обеспеченные ниже среднего уровня, относительно обеспеченные, состоятельные и богатые.

Концентрация денежных доходов населения в группе «небедных» с душевыми денежными доходами выше трех прожиточных минимумов (ПМ). Дифференциация заработной платы по уровням, в федеральных округах. Дифференциация заработной платы по группам работников с различной заработной платой в увязке с величиной ПМ трудоспособного населения.

Цель. Формирование экономико-статистической картины уровня и качества жизни с учетом региональных различий, по разным категориям социально-экономической стратификации общества.

Результат. Результат мониторинга — цифровая и аналитическая информация, полученная с применением методов экономико-статистического анализа для России в целом, по федеральным округам и субъектам Российской Федерации.

Ключевые слова: доходы, дифференциация, заработная плата, покупательная способность, потребительский бюджет, потребительские расходы, прожиточный минимум, стратификация, субъект, тенденции, федеральный округ, уровень жизни.

Abstract

Relevance. Monitoring of income and living standards of the Russian population has been carried out in the All-Russia Centre of Living Standard PLC for more than 15 years. It is based on an interconnected system of socio-economic indicators including the use of specific indicators developed at the Centre.

Object. Incomes and living standards of the Russian population.

Subject of the Study. Dynamics of change in consumer prices for goods and services market in Q3 2014. Subsistence minimum in the face of rising cost of food basket in Q3 2014 compared with Q3 2013. Regional differences in the subsistence minimum. Reducing consumption and the average per capita budget. The ratio of the growth rate of pensions to wage growth. Dynamics of subsistence minimum, cash income and purchasing power of the population. Structure and level of expenditure. Consumer spending. The purchasing power of consumer spending. Grouping the subjects of the Russian Federation on the level of purchasing power of money income. Cash income: comparative characteristics by federal districts. Socioeconomic differentiation of population in the group stratification: the poor, low income, below medium income, relatively wealthy, wealthy and rich. Concentration of cash income in the "non-poor" group with per capita incomes above 3-subsistence levels. Differentiation of wage levels, in federal districts. Differentiation of wages by groups of workers with different wages in relation to the size of the subsistence minimum of the population.

Purpose. Forming an economic and statistical pattern of living standard and quality of life, taking into account regional differences in different categories of socioeconomic stratification.

Result. The result of monitoring is digital and analytical information obtained through the methods of economic and statistical analysis for Russia as a whole, and by federal districts and subjects of the Russian Federation.

Keywords: incomes, differentiation, wages, monitoring, purchasing capacity, a consumer budget, consumer spending, subsistence minimum, stratification, a federal district, a subject, a living standard, tendencies (trends).

1. Общие аналитические характеристики

Потребительские цены. В III квартале 2014 г. цены потребительского рынка товаров и услуг продолжали расти. В среднем в месяц потребительские цены за этот период увеличились на 0,5%. В аналогичном периоде предыдущего года цены повышались ежемесячно в среднем на 0,4% [Росстат, 2014, с. 155–156]. Прирост цен потребительского рынка товаров и услуг в среднем за месяц измерения показан в табл. 1.

Более значительно выросли в III квартале 2014 г. цены и тарифы организаций, оказывающих платные услуги населению. Среднемесячный прирост по всем услугам составил 0,8%. В текущем году он был ниже, чем в аналогичном периоде предыдущего года со среднемесячным приростом 1,4% [Бобков, Гулюгина, 2013, с. 12–83]. В данном случае сказались отмена индексации цен и тарифов на услуги организаций ЖКХ в июле текущего года. Цены на продовольственные и непродовольственные товары в III квартале 2014 г. в среднем в месяц повышались на 0,2 и 0,5% соответственно.

В рассматриваемом периоде вступило в силу постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. № 778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. № 560 “О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации”». Согласно данному постановлению, вводится «сроком на один год запрет на ввоз в Российскую Федерацию сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, страной происхождения которых являются Соединенные Штаты Америки, страны Европейского союза, Канада, Австралия и Королевство Норвегия...». В перечень запрещенных к ввозу продовольственных товаров включены такие социально значимые товары, как мясо и продукты из мяса, рыба, молоко и молочная продукция, овощи, фрукты. Для сбалансированности товарных рынков и изменения потребительских цен в Постановлении предусматривается следующее: «Правительственной комиссии по мониторингу и оперативному реагированию на изменение конъюнктуры продовольственных рынков совместно с высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации обеспечить сбалансированность товарных рынков и недопущение ускорения роста цен на сельскохозяйственную продукцию, сырье и продовольствие» [1].

Итоги социально-экономического развития Российской Федерации за период январь–август 2014 г. показали, что инфляция в августе повысилась за годовой период до 7,6% с 7,5% в июле,

на что основное влияние оказало усиление роста цен на продовольственные товары, попавшие под эмбарго на импорт из стран ЕС, Канады, Австралии и Королевства Норвегии... По расчетам Минэкономразвития России, цены на товары, попавшие под санкции, ограничивающие импорт..., в августе выросли в среднем на 1,4% (что почти в 3 раза превысило рост цен на другие продукты).

На *продовольственные товары без плодоовощной продукции* в августе цены выросли на 0,9%. За январь–август прирост цен составил 8,3% (наивысший показатель с 2002 г., кроме 2008 г. при повсеместном росте цен на продовольствие).

Социально значимые товары (сахар, мясо и птица, молоко и молочная продукция, сыр, яйца, хлеб и хлебобулочные продукты) в августе подорожали на 1,0%. С начала года прирост цен составил 8,4% (годом ранее — на 1,6%).

Наибольший рост цен после введения санкций зафиксирован на *мясную продукцию*. В наибольшей мере импортозависимо мясо животных: говядина и свинина, доля импорта под санкциями составляет примерно 1/5 предложения на рынке. На рынке птицы доля импорта вдвое ниже, однако по темпам роста цен мясо птицы лидирует в связи с переключением спроса с более дорогих видов мяса, в том числе со стороны переработчиков из-за дефицита сырья для производства колбасных изделий. В целом на группу *мясо и птица* в августе рост цен составил 2,5% [3, с. 18–19].

Прожиточный минимум. В условиях роста потребительских цен стоимость продуктового набора прожиточного минимума выросла в III квартале 2014 г. до 3878 руб. в среднем на душу населения, согласно оценке ВЦУЖ. В аналогичном периоде предыдущего года стоимость такого набора составляла 3401 руб. в месяц [Росстат, 2013, с. 226]. Продуктовый набор за год подорожал в среднем на душу населения на 14%. Для социально-демографических групп населения, по которым устанавливается величина прожиточного минимума, изменение стоимости продуктового набора в III квартале 2014 г. к III кварталу 2013 г. оценивается следующим образом: для трудоспособного населения стоимость набора выросла на 13,8%, или до 4006 руб. в среднем в месяц, для пенсионеров — на 13,9%, или до 3427 руб., для детей — на 15,3%, или до 4037 руб. [Крылова, Симаккина, 2013, с. 62–67].

Вследствие повышения потребительских цен на товары и услуги величина прожиточного минимума возросла за год в среднем на душу населения на 11,9% — с 7429 руб. в III квартале 2013 г. до 8310 руб. в III квартале 2014 г. Для трудоспособного населения показатель увеличился за этот

период на 11,7%, или до 8953 руб., для пенсионеров — на 11,8%, или до 6818 руб., для детей — на 13,4%, или до 8055 руб. [5, с. 226, 214–215, 218–219, 226–227, 155–156].

Потребительские бюджеты восстановительного характера и среднего уровня достатка. Восстановительный потребительский бюджет в III квартале 2014 г. составил, по оценке ВЦУЖ, 21 024 руб., потребительский бюджет среднего достатка — 53 184 руб. Указанные виды потребительского бюджета выросли относительно III квартала 2013 г. на 7,6%, или 1486 руб., и на 6,2%, или 3113 руб., соответственно.

Денежные доходы населения. Среднедушевые денежные доходы в III квартале 2014 г. составили, по предварительным данным, 28 169 руб. Они выросли по сравнению с III кварталом 2013 г. на 10,8%, или 2743 руб. [расчеты проведены с использованием данных статистики: Росстат, Россия в цифрах, 2014, с. 127; Росстат, Информация для ведения мониторинга, 2014, с. 245–250]. При этом среднемесячная номинальная начисленная заработная плата выросла за год на 7,9%, или 2330 руб. и составила в III квартале 2014 г. 31 908 руб. В то же время средний размер назначенной пенсии увеличился на 8,5%, или 848 руб., и достиг 10 883 руб. [4, с. 257–265; 5, с. 237].

Покупательная способность населения. Покупательная способность населения, определяемая как отношение среднедушевых денежных доходов населения и прожиточного минимума, в III квартале 2014 г. составила, по оценке ВЦУЖ, 3,39 набора ПМ. При отставании темпов роста среднедушевых денежных доходов населения от темпов роста прожиточного минимума покупательная способность населения за год снизилась. В III квартале 2013 г. она была равна 3,42 набора ПМ.

Динамика прожиточного минимума, денежных доходов и покупательной способности населения. Отстающие темпы роста среднедушевых денежных доходов населения (10,8%) по сравнению с темпами роста прожиточного минимума (11,9%) обусловили снижение покупательной способности населения на 0,9%, или 0,03 набора ПМ — с 3,42 набора ПМ в III квартале 2013 г. до 3,39 набора ПМ в III квартале 2014 г. [Манахова, 2013, с. 61–66].

Расходы населения. В структуре денежных расходов населения потребительские расходы занимали в III квартале 2014 г. 74,6%, по оценке ВЦУЖ. Эта часть денежных расходов населения снизилась по сравнению с III кварталом 2013 г. на 2,1 процентных пункта (п.п.). Уменьшение доли потребительских расходов сопровождалось сокращением доли расходов на обязательные платежи и взносы (на 0,3 п.п. — до 11,8%) и доли расходов

на покупку валюты (на 0,6 п.п. — до 4,6%). Но в то же время отмечается рост доли расходов на сбережения (на 1,8 п.п. — до 8,5%) и доли денег на руках (на 1,2 п.п. — до 0,5%) [расчеты проведены с использованием данных статистики: Росстат, Доклад (ежемесячный), 2014, с. 239].

Потребительские расходы населения. Потребительские расходы населения в III квартале 2014 г. составили, по предварительным данным, 21 014 руб. Это больше, чем в III квартале 2013 г., на 7,8%, или 1512 руб. [расчеты проведены с использованием данных статистики: Росстат, Доклад (ежемесячный), 2014, с. 409–412].

Покупательная способность потребительских расходов. Покупательная способность потребительских расходов, определяемая как отношение потребительских расходов населения и стоимостной оценки минимальной потребительской корзины, составила в III квартале 2014 г. 2,72 набора потребительских корзин. Годом ранее она была равна 2,83 таких набора. Уровень данного показателя снизился на 3,9%, или 0,11 набора потребительских корзин.

Регионы сильно поляризованы по потребительским расходам. В III квартале 2014 г. коэффициент дифференциации, определяемый как отношение наибольшего значения показателя к наименьшему, по потребительским расходам составил, согласно оценке ВЦУЖ, 10,8 раза. В наименьшей степени субъекты поляризованы по прожиточному минимуму. В III квартале 2014 г. коэффициент дифференциации по этому показателю был равен 2,51 раза.

В период III квартал 2013 г. — III квартал 2014 г. отмечается усиление поляризации регионов по заработной плате, покупательной способности доходов населения, потребительским расходам и покупательной способности потребительских расходов. Снижение поляризации субъектов отмечается по прожиточному минимуму и среднедушевым денежным доходам.

Коэффициент размаха, который определяется делением разности максимального и минимального значений показателя на его среднее значение, в рассматриваемом периоде указывает на усиление межрегиональной дифференциации лишь по заработной плате. По остальным показателям: прожиточному минимуму, среднедушевым денежным доходам, покупательной способности доходов населения, потребительским расходам и покупательной способности потребительских расходов — отмечается ослабление межрегиональной дифференциации.

2. Прожиточный минимум

В III квартале 2014 г. в Южном, Северо-Кавказском, Приволжском и Уральском федеральных округах прожиточный минимум был ниже среднероссийского значения показателя. Наиболее низкий прожиточный минимум был на территории Северо-Кавказского федерального округа. Согласно оценке ВЦУЖ, он составил 0,86 к среднему уровню по России [Гундаров, 2013, с. 53–61].

В Центральном, Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах прожиточный минимум оставался выше среднего уровня по России. Наиболее дорогим для проживания остается Дальневосточный федеральный округ. В III квартале 2014 г. в этом округе показатель превысил средний уровень по России в 1,38 раза [Куклин, Леонтьева, Никулина, 2013, с. 130–140].

В Сибирском федеральном округе прожиточный минимум в III квартале 2014 г. сложился на уровне среднероссийского значения показателя.

В период III квартал 2013 г. — III квартал 2014 г. в Центральном федеральном округе прожиточный минимум дорожал более высокими темпами, чем в других федеральных округах. Также выше средних по России были темпы роста показателя в Сибирском федеральном округе. Совпали со среднероссийскими темпы роста показателя в Северо-Западном, Южном и Приволжском федеральных округах. В Северо-Кавказском федеральном округе темпы роста прожиточного минимума были наиболее низкими среди федеральных округов [Перфильев, Морозова, 2013, с. 135–143].

В городах-мегаполисах — Москве и Санкт-Петербурге — разрыв в прожиточном минимуме остается значительным. В Санкт-Петербурге в III квартале 2014 г. показатель составил, по оценке ВЦУЖ, 0,96 к среднему уровню по России, а в Москве он был выше среднего уровня по России в 1,48 раза.

Для трудоспособной категории населения величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации в III квартале 2014 г. увеличилась по сравнению с III кварталом 2013 г., по оценке ВЦУЖ, на 11,7% и составила 8953 руб. в месяц [Колосова Р.П., Бобков, 2013, с. 25–37].

Величина прожиточного минимума для трудоспособного населения в III квартале 2014 г. варьировала в федеральных округах от 0,84 (Северо-Кавказский округ) до 1,5 (Центральный округ) к среднероссийскому значению показателя.

В период III квартал 2013 г. — III квартал 2014 г. прожиточный минимум трудоспособного населения в Центральном федеральном округе рос значительно более высокими темпами, чем в других федеральных округах. Выше средних по России

были также темпы роста показателя в Южном федеральном округе. Совпали со среднероссийскими темпы роста прожиточного минимума трудоспособного населения в Северо-Западном, Приволжском и Сибирском федеральных округах. Наиболее низкие темпы роста показателя отмечаются в Северо-Кавказском федеральном округе.

3. Денежные доходы

Среди федеральных округов лидером по уровню среднедушевых денежных доходов населения в III квартале 2014 г. оставался Центральный федеральный округ. Согласно оценке ВЦУЖ, доходы населения здесь были выше среднего уровня по России в 1,29 раза (табл. 2). По-прежнему превышали средний уровень по России доходы населения Северо-Западного, Уральского и Дальневосточного федеральных округов, которые существенно уступали показателю Центрального федерального округа. В указанных трех федеральных округах доходы населения не превысили 1,08 к среднему уровню по России.

В остальных федеральных округах: Южном, Северо-Кавказском, Приволжском и Сибирском — денежные доходы населения в III квартале 2014 г. были ниже среднего уровня по России. Наименьшими были доходы населения Северо-Кавказского и Сибирского федеральных округов, где они составили 0,76 к среднероссийскому значению показателя.

В период III квартал 2013 г. — III квартал 2014 г. опережающими темпами росли доходы населения Северо-Западного федерального округа. Также выше, чем в среднем по России, были темпы роста показателя в Центральном, Приволжском и Дальневосточном федеральных округах. В Уральском и Сибирском федеральных округах темпы роста доходов населения были наиболее низкими.

Таблица 1

Отношение среднедушевых денежных доходов населения в федеральных округах к среднему уровню по России в разах

Федеральный округ	2013 г.		2014 г. (оценка)	
	всего	III квартал	январь — сентябрь	III квартал
Центральный	1,31	1,27	1,28	1,29
Северо-Западный	1,02	1,00	1,03	1,03
Южный	0,85	0,91	0,88	0,91
Северо-Кавказский	0,74	0,76	0,72	0,76
Приволжский	0,85	0,86	0,86	0,88
Уральский	1,12	1,11	1,11	1,08

Окончание табл. 1

Федеральный округ	2013 г.		2014 г. (оценка)	
	всего	III квартал	январь — сентябрь	III квартал
Сибирский	0,79	0,78	0,77	0,76
Дальневосточный	1,12	1,08	1,09	1,09
г. Санкт-Петербург	1,24	1,20	1,25	1,27
г. Москва	2,16	2,04	2,01	2,05

4. Покупательная способность населения

Покупательная способность среднедушевых доходов (СДД) показывает условное количество наборов прожиточного минимума (ПМ), которое население могло бы приобрести на свои номинальные денежные доходы. Этим обеспечивается прямая взаимоувязка параметров, входящих в систему показателей уровня жизни. При таком подходе в показателе реальных доходов населения четко отражаются тенденции, присущие как числителю (номинальные денежные доходы населения), так и знаменателю (величина прожиточного минимума).

Среди федеральных округов наиболее высокая покупательная способность денежных доходов населения в III квартале 2014 г. была в Центральном федеральном округе (см. рисунок). По оценке ВЦУЖ, она составила 1,15 к среднему уровню по России. Сравнительно высоким оставался показатель в Уральском федеральном округе: превысил средний уровень по России в 1,11 раза.

Наиболее низкая покупательная способность населения в III квартале 2014 г. была отмечена в

Сибирском федеральном округе. Здесь показатель был равен 0,76 к среднему уровню по России.

В период III квартал 2013 г. — III квартал 2014 г. более высокими темпами росла покупательная способность населения Северо-Кавказского федерального округа. Также более высокими темпами, чем в среднем по России, росла покупательная способность населения Северо-Западного, Приволжского, Уральского и Дальневосточного федеральных округов. В Сибирском федеральном округе темпы роста показателя были наиболее низкими среди федеральных округов (см. рис.1).

Покупательная способность средней заработной платы трудоспособного населения показывает условное количество наборов прожиточного минимума трудоспособного населения, которое оно могло бы приобрести на среднюю заработную плату. В Уральском и Северо-Западном федеральных округах покупательная способность заработной платы продолжает превышать средний уровень по России. Наиболее высоким в III квартале 2014 г. был показатель в Уральском федеральном округе: превысил среднероссийское значение в 1,19 раза. В остальных федеральных округах покупательная способность заработной платы не достигает среднего уровня по России. В Северо-Кавказском федеральном округе показатель остается наиболее низким: в III квартале 2014 г. 0,78 к среднему уровню по России.

В период III квартал 2013 г. — III квартал 2014 г. в Северо-Кавказском федеральном округе темпы роста покупательной способности заработной платы были наиболее высокими среди федеральных округов. В Северо-Западном, Приволжском, Уральском и Дальневосточном федеральных округе

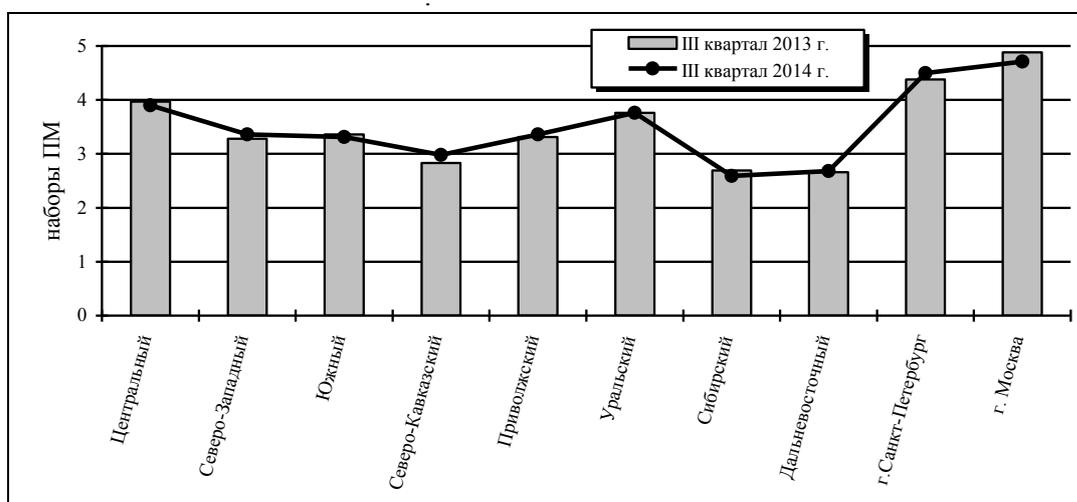

Рис.1. Покупательная способность среднедушевых денежных доходов населения по федеральным округам в 2013–2014 гг. (кол-во наборов ПМ)

гах они также были выше средних по России. В Центральном федеральном округе эти темпы оказались наиболее низкими среди федеральных округов.

Таблица 2

Отношение уровня покупательной способности средней номинальной начисленной заработной платы в федеральных округах к уровню показателя по России в целом в 2013–2014 гг.

Федеральный округ	2013 г.		2014 г. (оценка) в раз	
	всего	III квартал	январь — сентябрь	III квартал
Центральный	0,86	0,85	0,82	0,82
Северо-Западный	1,06	1,04	1,04	1,05
Южный	0,81	0,82	0,81	0,81
Северо-Кавказский	0,74	0,73	0,76	0,78
Приволжский	0,86	0,85	0,85	0,86
Уральский	1,19	1,16	1,21	1,19
Сибирский	0,91	0,90	0,89	0,88
Дальневосточный	0,91	0,88	0,91	0,90
г. Санкт-Петербург	1,29	1,29	1,25	1,28
г. Москва	1,24	1,25	1,17	1,19

Таблица 3

Основные показатели уровня жизни населения России в III квартале 2014 г.
(в среднем за месяц в соответствующем периоде)

Показатель	2013 г.		2014 г. (оценка)	
	всего	III квартал	январь — сентябрь	III квартал
Индекс среднемесячных цен потребительского рынка товаров и услуг, %	100,5	100,4	101,1	100,5
в том числе на:				
продовольственные товары	100,6	99,7	101,4	100,2
непродовольственные товары	100,4	100,4	100,7	100,5
платные услуги населению	100,7	101,4	101	100,8
Прожиточный минимум (ПМ)				
Величина продуктового набора ПМ, руб.				
в среднем на душу населения	3393	3401	3767	3878
трудоспособное население	3507	3520	3892	4006
пенсионеры	3000	3009	3327	3427
дети	3513	3501	3923	4037
Величина прожиточного минимума (ПМ), руб.				
в среднем на душу населения	7306	7429	8063	8310
трудоспособное население	7871	8014	8690	8953
пенсионеры	5998	6097	6614	6818
дети	7022	7105	7809	8055
Группировка субъектов РФ по соотношению ПМ субъекта и ПМ России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	1	1	0	0
75–100%	55	53	55	55
100–125%	11	13	12	13
свыше 125%	15	15	15	14
Коэффициент дифференциации прожиточного минимума по субъектам РФ (отношение наибольшего ПМ среди субъектов к наименьшему), раз	2,92	3,06	2,54	2,51
Коэффициент размаха (определяется делением разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	1,33	1,42	1,25	1,22

Продолжение табл. 3

Показатель	2013 г.		2014 г. (оценка)	
	всего	III квартал	январь — сентябрь	III квартал
Потребительские бюджеты восстановительного характера и среднего уровня достатка ¹				
Восстановительный потребительский бюджет (ВПБ), руб.	19 092	19 538	20 428	21 024
Бюджет среднего достатка (БСД), руб.	49 913	50 071	52 265	53 184
Денежные доходы населения (ДД)				
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	25 647	25 426	26 052	28 169
Группировка субъектов РФ по соотношению ДД субъекта и ДД России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	27	27	27	26
75–100%	34	35	34	35
100–125%	10	10	10	10
свыше 125%	11	10	11	11
Коэффициент дифференциации среднедушевого денежного дохода по субъектам РФ (отношение наибольшего дохода среди субъектов к наименьшему), раз	5,86	5,53	5,75	5,27
Коэффициент размаха (определяется делением разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	2,14	2,06	2,09	1,95
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, включая организации малого предпринимательства	29 792	29 578	31 643	31 908
Группировка субъектов РФ по соотношению ЗП субъекта и ЗП России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	35	34	37	36
75–100%	27	30	27	28
100–125%	7	8	7	6
свыше 125%	13	10	11	12
Коэффициент дифференциации номинальной начисленной заработной платы по субъектам РФ (отношение наибольшей ЗП среди субъектов к наименьшей), раз	4,09	4,02	4,05	4,13
Коэффициент размаха (определяется делением разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	1,78	1,72	1,79	1,78
Соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы и среднедушевых денежных доходов населения, %	116,2	116,3	121,5	113,3
Средний размер назначенных месячных пенсий, руб.	9918	10 035	10 748	10 883
Соотношение среднемесячной назначенной пенсии:				
— и среднедушевых денежных доходов населения, %	38,7	39,5	41,3	38,6
— и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, %	33,3	33,9	34,0	34,1
Покупательная способность (ПС)				
Уровень покупательной способности (количество наборов ПМ) среднедушевых денежных доходов	3,51	3,42	3,23	3,39
Группировка субъектов Федерации по величине соотношения ПС субъекта и ПС России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	22	23	23	22
75–100%	40	40	42	42
100–125%	15	16	12	14
свыше 125%	5	3	5	4
Коэффициент дифференциации покупательной способности по субъектам РФ (отношение наибольшей ПС среди субъектов к наименьшей), раз	3,16	3,30	3,36	3,37

¹ Данные о восстановительном потребительском бюджете и бюджете среднего достатка приводятся в среднем на душу населения.

Показатель	2013 г.		2014 г. (оценка)	
	всего	III квартал	январь — сентябрь	III квартал
Коэффициент размаха (определяется делением разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	1,01	0,99	0,98	0,98
Динамика ПМ, ДД и ПС				
В % к соответствующему периоду прошлого года:				
прожиточный минимум	112,2	111,8	110,5	111,9
среднедушевые денежные доходы	110,4	110,0	108,3	110,8
покупательная способность денежных доходов	98,4	98,4	98,0	99,1
В % к предыдущему периоду:				
прожиточный минимум	112,2	100,8	110,4	101,4
среднедушевые денежные доходы	110,4	101,7	101,6	103,2
покупательная способность денежных доходов	98,4	100,9	92,0	101,8
Расходы населения				
Структура денежных расходов населения, в %				
денежные доходы	100,0	100,0	100,0	100,0
из них использовано на:				
— покупку товаров и оплату услуг	74,0	76,7	76,8	74,6
— оплату обязательных платежей и взносов	11,4	12,1	11,6	11,8
— сбережения	9,9	6,7	6,4	8,5
— покупку валюты	4,2	5,2	5,4	4,6
— прирост (+)/уменьшение (-) денег на руках	0,5	-0,7	-0,2	0,5
Потребительские расходы населения				
Среднедушевые потребительские расходы населения, руб.	18 979	19 502	20 008	21 014
Группировка субъектов РФ по соотношению ПР субъекта и ПР России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	32	32	36	39
75–100%	32	34	32	30
100–125%	11	10	10	11
свыше 125%	7	6	4	2
Коэффициент дифференциации среднедушевых потребительских расходов по субъектам РФ (отношение наибольших расходов среди субъектов к наименьшим), раз	8,29	8,24	9,37	10,8
Коэффициент размаха (определяется делением разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	1,90	1,85	1,85	1,77
Покупательная способность потребительских расходов (ПСПР)				
Уровень покупательной способности (количество наборов потребительских корзин) среднедушевых потребительских расходов	2,80	2,83	2,66	2,72
Группировка субъектов РФ по соотношению ПСПР субъекта и ПСПР России, количество субъектов в интервалах:				
до 75%	30	32	34	44
75–100%	37	36	32	27
100–125%	10	9	13	9
свыше 125%	5	5	3	2
Коэффициент дифференциации покупательной способности по субъектам РФ (отношение наибольшей ПСПР среди субъектов к наименьшей), раз	5,30	5,56	5,69	6,56
Коэффициент размаха (определяется делением разности максимального и минимального значений на среднее значение показателя), раз	1,22	1,22	1,16	1,13

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 августа 2014 г. №778 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 6 августа 2014 г. №560 “О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации”».
2. Россия в цифрах. 2014: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2014.
3. Об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в январе-августе 2014 года. Министерство экономического развития Российской Федерации Москва, сентябрь 2014.
4. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в январе-августе 2014 года / Росстат. М., 2014.
5. Социально-экономическое положение России. Январь-август 2014 года: Доклад (ежемесячный) / Росстат. М., 2014.
6. Крылова Е.Б., Симакина М.А. Анализ существующих подходов к измерению качества жизни человека // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 2 (180). С. 62–67.
7. Бобков В.Н., Гулюгина А.А. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России. Июль-сентябрь 2013 г. // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11 (189). С. 12–83.
8. Манахова И.В. Новая парадигма измерения благосостояния: Россия и страны ОЭСР // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 12 (190). С. 61–66.
9. Колосова Р.П., Бобков В.Н. Современные подходы к экономике труда. // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 6 (184). С. 25–37.
10. Куклин А.А., Леонтьева А.Г., Никулина Н.Л. Социальная защита населения как фактор роста продолжительности жизни // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 1 (179). С. 130–140.
11. Колдин Ю.В. Противодействие обесценению накопленного благосостояния в эпоху учащения кризисов: теоретическая составляющая антикризисной политики // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 7 (185). С. 149–160.
12. Гундаров И.А. Поиск оптимальной модели социального государства для высокого качества жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 53–61.
13. Перфильев С.В., Морозова Т.Н. Территориальная дифференциация // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 7 (185). С. 135–143.

References

1. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 7 avgusta 2014 g. 778 «O merakh po realizatsii Uказа Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 6 avgusta 2014 g. 560 “O primeneniі ot del'nykh spetsial'nykh ekonomicheskikh mer v tselyakh obespecheniya bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii”»* [Resolution of the Government of the Russian Federation dated August 7, 2014 778 «On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation dated August 6, 2014 560” On the application of certain special economic measures to ensure the security of the Russian Federation”].
2. *Rossiya v tsifrakh. 2014* [Russia by the Numbers. 2014]. *Rosstat* [Rosstat]. Moscow, 2014.
3. *Ob itogakh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii v yanvare-avguste 2014 goda. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii Moskva, sentyabr' 2014* [On the results of socio-economic development of the Russian Federation in January-August 2014. Ministry of Economic Development, Moscow, September 2014].
4. *Informatsiya dlya vedeniya monitoringa sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya sub'ektov Rossiyskoy Federatsii v yanvare-avguste 2014 goda* [Information for monitoring the socio-economic situation of the Russian Federation in January-August 2014]. *Rosstat* [Rosstat]. Moscow, 2014.
5. *Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar'-avgust 2014 goda: Doklad (ezhemesyachnyy)* [The socio-economic situation in Russia. January-August 2014: report (monthly)]. *Rosstat* [Rosstat]. Moscow, 2014.
6. *Krylova E.B., Simakina M.A. Analiz sushchestvuyushchikh podkhodov k izmereniyu kachestva zhizni cheloveka* [Analysis of the existing approaches to measuring quality of life]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 2 (180), pp. 62–67.
7. *Bobkov V.N., Gulyugina A.A. Monitoring dokhodov i urovnya zhizni naseleniya Rossii. Iyul'-sentyabr' 2013 g.* [Monitoring of income and living standards of the Russian population. July-September 2013]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 12–83.
8. *Manakhova I.V. Novaya paradigma izmereniya blagosostoyaniya: Rossiya i strany OESR* [The new paradigm of measuring well-being: Russia and the countries of the OECD]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 12 (190), pp. 61–66.
9. *Kolosova R.P., Bobkov V.N. Sovremennyye podkhody k ekonomike truda* [Modern approaches to labor economics]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 25–37.
10. *Kuklin A.A., Leont'eva A.G., Nikulina N.L. Sotsial'naya zashchita naseleniya kak faktor rosta prodolzhitel'nosti zhizni* [Social protection of the population as a growth factor in life expectancy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 130–140.
11. *Koldin Yu.V. Protivodeystvie obestseneniyu nakoplenogo blagosostoyaniya v epokhu uhashcheniya krizisov: teoreticheskaya sostavlyayushchaya antikrizisnoy politiki* [Countering impairment, the cumulative wealth in the era of more frequent crises: the theoretical component of the anti-crisis policy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*

- [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 7 (185), pp. 149–160.
12. Gundarov I.A. Poisk optimal'noy modeli sotsial'nogo gosudarstva dlya vysokogo kachestva zhizni naseleniya [Search for the optimal model of the welfare state to a high quality of life]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 53–61.
  13. Perfil'ev S.V. Morozova T.N. Territorial'naya differentsiatsiya [Territorial differentiation]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 7 (185), pp. 135–143.

Качество жизни инвалидов: анализ современной ситуации в России

Quality of Life of Invalids: Analysis of Present-Day Situation in Russia

Получено 04.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 316.334

DOI: 10.12737/7409

БУТРИНА В.И.

канд. мед. наук, декан факультета управления в социальной сфере Евразийского открытого института.
105043, Россия, г. Москва, 4-я Парковая улица, д. 29.
E-mail: info@vcug.ru

BUTRINA V.I.

PhD in Medicine, Dean of the Faculty of Management in Social Sphere of the Eurasian Open Institute.
29 4th Parkovaya St., Moscow 105043, Russia.
E-mail: info@vcug.ru

Аннотация

Актуальность. Актуальность проводимого исследования обусловлена растущей сложностью и остротой социальных проблем инвалидов в современном обществе. В условиях глобализации, приводящей к трансформации социальных систем, становится актуальным поиск способов решения проблем, снижающих качество жизни людей с ограниченными возможностями.

Объект. Дети-инвалиды (511 тыс.) в возрасте 0–17 лет, имеющие инвалидность по различным заболеваниям. Люди с ограниченными возможностями — 12 млн человек.

Предмет. Оценка демографической ситуации и доли населения с ограниченными возможностями. Оценка показателей прироста/убыли населения в 2000–2014 гг. Определение связи прироста населения с уровнем и качеством жизни.

Теоретический анализ взаимосвязи понятий «качество жизни» и «человеческий потенциал». Связь понятия «человеческий потенциал» с «качеством жизни» и с одним из главных показателей — уровнем и качеством потребностей человека, группы, общества. Теоретический анализ структуры «человеческого потенциала»: а) внешний потенциал (экологический и технический), б) внутренний потенциал — биологическая сторона (субстрат, функции) и духовная (потребности, способности).

Оценка качества жизни по субъективным (степень удовлетворенности качеством жизни индивидами) и объективным показателям (степень удовлетворения научно обоснованных потребностей и интересов населения).

Стороны «качества жизни»: 1) материальная (пища, одежда, жилье), 2) экологическая (состояние природной среды), 3) физиологическая — здоровье (доступность медицинской помощи), 4) экзистенциальная (уровень безопасности), 5) социальная (стабильные социальные отношения в обществе), 6) культурная (наличие достаточных условий для получения образования и развития способностей человека).

«Индекс развития человеческого потенциала», включающий все стороны качества жизни и основные социальные показатели: средняя продолжительность жизни населения, развитие образования, уровень жизни населения. Анализ «здоровья» как фактора качества жизни. Социально-медицинское обслуживание инвалидов по показателям здоровья.

Анализ причин роста доля хронических заболеваний и смертность трудоспособных граждан РФ. Недофинансирование как причина торможения системы здравоохранения. Причины в системе здравоохранения, влекущие неполноту и неэффективность деятельности этого социального института. Сопоставление РФ и ЕС по уровню смертности населения (в том числе по смертности населения в трудоспособном возрасте). Причины сокращения трудоспособной жизни мужчин и женщин в РФ. Социологический опрос респондентов (15–30 лет) о наличии хронических заболеваний. Анализ тенденции к росту сердечно-сосудистых заболеваний в разных возрастных категориях. Анализ материальной стороны качества

Abstract

Relevance. The topicality of the research is due to the increasing complexity and acuteness of social problems of the disabled in society. In the context of globalization, leading to the transformation of social systems it becomes very important to find solutions for the problems that reduce the quality of life of people with disabilities.

Object. Children (511000) aged 0-17 with disabilities (various diseases). People with disabilities — a total of 12 million.

The Subject Matter. Assessment of the demographic situation and the proportion of people with disabilities. Evaluation of parameters of growth/decline of the population 2000 — 2014 determine the connection between the population growth and level and quality of life.

Theoretical analysis of the relationship between the concepts of «quality of life» and «human potential». The relationship of the concept of «human capacity» with «quality of life» and with one of the key indicators — the level and quality needs of the individual, group and society. Theoretical analysis of the structure of «human potential»: a) the external potential (environmental and technical) and b) the internal potential biological side (substrate, functions and spiritual side (needs, abilities).

Assessment of quality of life from the position of subjective indicators (degree of satisfaction with the quality of life of individuals) and objective indicators (satisfaction scientific needs and interests of the population).

Parties of «quality of life»: 1) material (food, clothing, housing), 2) ecological (the state of the natural environment), 3) physiological — health (availability of medical care), 4) existential (security level), 5) social (stable social relations in the society), 6) cultural (availability of sufficient conditions for education and development of abilities). «Index of human development» that includes all the aspects of quality of life and basic social indicators: 7) «the life expectancy of the population», 8) development of education, 9) the standard of living of the population.

The analysis of «health» as a factor of quality of life. Sociomedical care of persons health outcomes.

The analysis of the reasons of age, the proportion of chronic diseases and mortality of able-bodied citizens of the Russian Federation. Underfunding as the reason for the deceleration of the health system. Immanent reasons of the health system involving incomplete and inefficient activities of that social institution.

Comparison of RF and EU on the level of mortality of the population (including mortality in working age). The reasons of the reduction of working life for men and women in the Russian Federation. Sociological survey respondents (15-30 years) in the presence of chronic diseases. Analysis of growth trends of cardiovascular disease in different age groups of the population. Analysis of the material side of life quality. Real money incomes, especially in the group of low-income Russians. Analysis of the needs of the population in life support on main areas: food, clothes, wages, housing. Analysis of the cultural aspect of life quality. Degree of satisfaction with teaching children in school, Analysis of social protection of the disabled with a special measure of «quality of life». The level and quality of professional rehabilitation of people with disability. Needs assessment in vocational guidance, vocational training and retraining, labour adaptation.

жизни. Реальные денежные доходы, особенно в группе малообеспеченных. Анализ потребностей жизнеобеспечения населения по главным направлениям: питание, одежда, оплата труда, жилье. Анализ культурной стороны качества жизни. Степень удовлетворенности обучением детей в школе. Анализ социальной защиты инвалидов в специальном измерении «качества жизни». Уровень и качество профессиональной реабилитации инвалидов по категориям инвалидности. Оценка потребностей в профориентации, профессиональной подготовке и переподготовке, в трудовой адаптации. Растущие требования к нанимаемому персоналу еще больше снижают шансы инвалидов получить работу.

Цель. Сопоставительный анализ уровня и качества жизни населения и людей с ограниченными возможностями в нашей стране. При этом интерес представляет сопоставление уровня жизни обычных людей и инвалидов, чтобы увидеть разрыв между уровнем и качеством жизни этих категорий людей в нашей стране.

Основные положения статьи. В статье проводится сравнительный анализ уровня и качества жизни населения и людей с ограниченными возможностями в нашей стране. В частности, анализ проведен по нескольким критериям, но основной акцент сделан на трех обобщенных показателях: доходы населения, показатели здоровья, качество и доступность образования. По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что при высоком в целом качестве жизни в России остается низким качество жизни инвалидов.

Ключевые слова: качество жизни, критерии качества жизни, человеческое развитие, индекс человеческого развития, человеческий потенциал, инвалиды, человеческие потребности.

Growing requirements for hired personnel reduce the chances of disabled persons to obtain employment,

Purpose. The aim of this article is a comparative analysis of the level and quality of life in our country and people with disabilities. The comparison of the standard of living of ordinary people and the disabled, in particular in order to see what is the gap between the level and quality of life of these people in our country

The main aspects of the article. The article gives a comparative analysis of the level and quality of life in our country and people with disabilities. The analysis conducted by several criteria, but the main emphasis is on three overall indicators: income, health indicators, the quality and availability of education. As a result of the research there appeared that in general the quality of life in Russia can be considered high, but the quality of life of people with disabilities in our country is low.

Keywords: quality of life, criteria of quality of life, human development, the index of human development, human potential, invalids, the necessities of life.

1. Демографическая ситуация и доля населения с ограниченными возможностями

Сегодня инвалидность рассматривается как сложное социальное явление, где качество жизни выступает основным из показателей благосостояния общества [Бутрина, 2013, 17, с. 111–124]. По данным Организации Объединенных Наций, в мире насчитывается около 650 млн людей с инвалидностью, что составляет примерно 10% основной части населения [Статистические данные, 2011, 10]. Ситуацию в России характеризуют данные табл. 1 и рис. 1 [Здравоохранение в России, 2013, 5, с. 22].

Таблица 1

Характеристика демографической ситуации

Численность населения, тыс. человек (на конец года)	2000	2005	2010	2011	2012
Все население	146 304	143 236	142 865	143 056	143 347

Людей с ограниченными возможностями в России на 2012 год, по данным Федеральной службы государственной статистики, насчитывается более 12 млн, значительная часть из них находится в трудоспособном возрасте, детей-инвалидов —

511 тысяч [Здравоохранение в России, 2013, 5, с. 162, 164] (табл. 2, рис. 2).

Таблица 2

Распределение численности детей-инвалидов в возрасте 0–17 лет по заболеваниям, обусловившим возникновение инвалидности

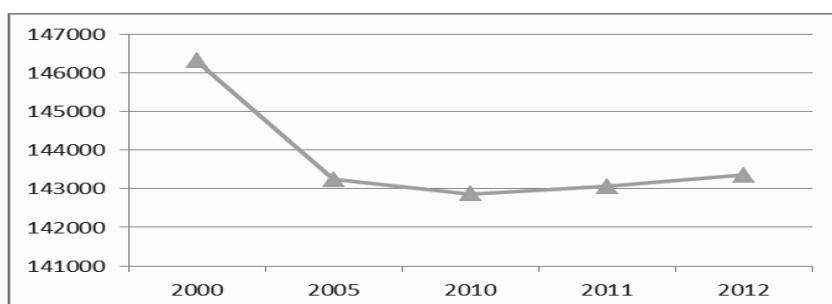
Год	2000	2005	2011	2012
Все болезни (тыс. человек)	554,9	561,9	505,2	511,0

Таблица 3

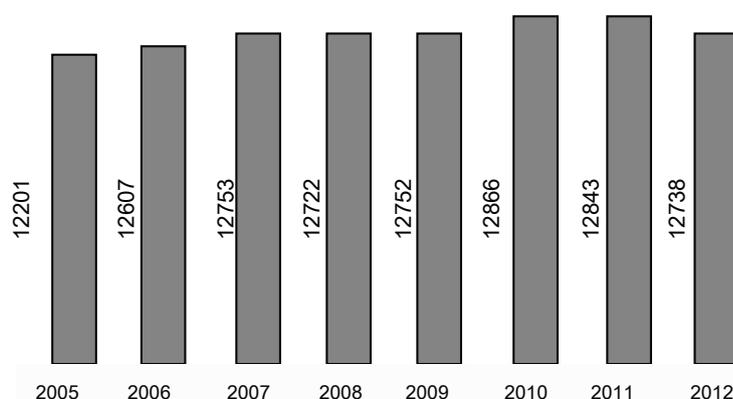
Прирост населения в России

На 1000 человек населения	2000	2005	2010	2011	2012
Родившихся	8,7	10,2	12,5	12,6	13,3
Умерших — всего	15,3	16,1	14,2	13,5	13,3
Из них детей в возрасте до 1 года ³	15,3	11,0	7,5	7,4	8,6
Естественный прирост, убыль (–) населения	–6,6	–5,9	–1,7	–0,9	–0,0

При сопоставлении общей численности населения и количества инвалидов получается, что в России инвалиды составляют примерно 12% населения (см. табл. 3), причем сохраняется тенденция к росту числа инвалидов при нулевом приросте населения в целом (эти данные приведены ниже) [Здравоохранение в России, 2013, 5, с. 22].

Рис. 1.
Численность населения РФ 2000–2012 гг., тыс. человек

Численность лиц, впервые признанных инвалидами в системе Пенсионного фонда Российской Федерации (на конец года; 2007–2008 гг. и начиная с 2010 г. – на 1 января года, следующего за отчетным)

Рис. 2.
Численность инвалидов в РФ 2005–2012 гг., тыс. человек

Мы считаем, что подобная ситуация в нашей стране напрямую связана с уровнем и качеством жизни населения. Более того, положение людей с ограниченными возможностями при таких условиях ухудшается. Задача государства в этом случае заключается, *во-первых*, в повышении уровня и качества жизни населения, а *во-вторых*, в сокращении различий между качеством жизни здоровых людей и людей с ограниченными возможностями. Причем сделать это необходимо не за счет снижения качества жизни здорового населения.

2. Качество жизни и человеческий потенциал

Чтобы проанализировать качество жизни различных групп населения страны, необходимо выбрать критерии этого показателя. При этом будем исходить из положения, что система критериев и методов их расчета должна в полной мере отражать степень удовлетворения потребностей людей. В свою очередь, потребности людей тесно связаны с понятием «человеческий потенциал». Выстраивается диалектическая тройка понятий (рис. 3).

Рис. 3. Диалектика человеческого потенциала

Исходя из структуры человеческого потенциала, предложенной в работе Е.В. Грязновой и Т.В. Калининой, можно видеть, что внутренний духовный потенциал человека включает блок потребностей и способностей [Грязнова, Калинина, 2007, 3, с. 49] (рис. 4).

При этом потребности и способности человека имеют объективные основания — биологический потенциал человека и внешний социальный опыт в виде экологического и технического потенциала. Но именно соединение этих двух составляемых и дает духовный потенциал человека, который выступает во всем богатстве развернутых субъективных форм потребностей и субъективных форм способностей.

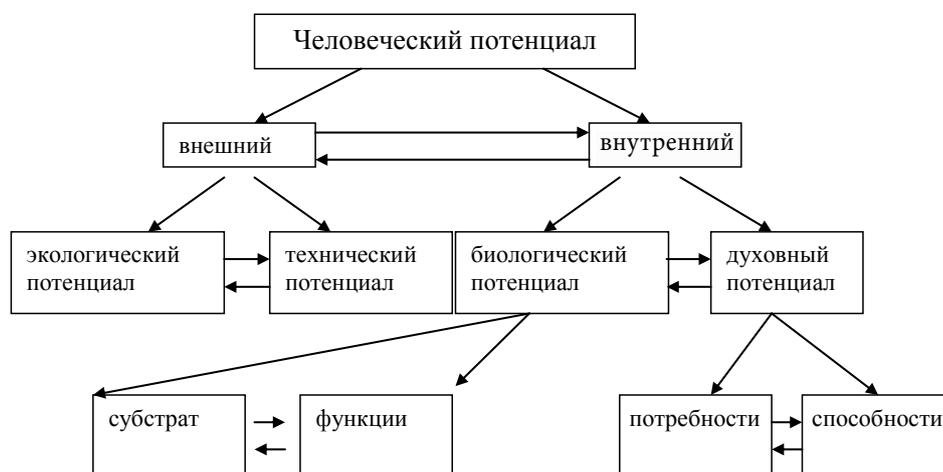

Рис. 4. Структура человеческого потенциала

Качество жизни напрямую зависит от уровня и качества удовлетворения потребностей и связано с такой категорией, как человеческий потенциал (человеческий капитал). Поэтому вполне закономерно, что в настоящее время в научной литературе наиболее часто используется подход к оценке качества жизни с позиций субъективных и объективных показателей [Горшенина, 2009, 2, с. 46–61]. При этом объективные показатели характеризуют степень удовлетворения научно обоснованных потребностей и интересов населения, а субъективные определяют удовлетворенность качеством жизни со стороны самих людей.

Разработаны системы критериев, достаточно адекватно отражающих качественные параметры жизни различных социальных групп общества. Анализ существующих подходов к понятию качества жизни и критериев его оценки показал, что качество жизни характеризуется качеством материальных благ (пища, одежда, жилье), безопасностью, доступностью медицинской помощи, наличием достаточных условий для получения образования и развития способностей человека, состоянием природной среды, стабильными социальными отношениями в обществе. Так, С.А. Филиппенко показал, что индекс развития человеческого потенциала включает основные социальные показатели, среди которых: средняя продолжительность жизни населения, развитие образования, показатели уровня жизни населения [Филиппенко, 2012, 13].

В данной статье мы не будем анализировать все показатели качества жизни обычных людей и людей с ограниченными возможностями, а сопоставим основные из них.

3. Качество жизни и фактор здоровья

Один из факторов, напрямую влияющий практически на все критерии качества жизни, — здоровье. Для инвалидов данный показатель особенно актуален. Здоровье человека зависит от генетики, образа жизни, условий труда, быта и отдыха, состояния окружающей среды. Иными словами, речь идет об основных элементах человеческого потенциала: экологического, технического, биологического и духовного (см. рис. 4).

Какова же сегодня ситуация со здоровьем населения в нашей стране? Наиболее полно об этом сказано в Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. Как следует из его материалов, условия для человеческого развития в РФ по многим показателям ухудшаются. Что касается такого показателя, как здоровье, то исследования показали, что растет доля хронических заболеваний и смертность трудоспособных граждан. Здравоохранение остается недофинансированным и не справляется со своими прямыми задачами.

Обратившись к статистике, можно видеть, что в России со здоровьем населения существуют серьезные проблемы. И их причины не только в нездоровом образе жизни граждан, но и в несовершенстве социальной политики, а также в низком качестве здравоохранения. Наибольшие опасения у специалистов вызывают смертность и заболеваемость россиян в трудоспособном возрасте. «Уровень смертности населения снижается, но все еще существенно выше уровня смертности, достигнутого сегодня в странах ЕС (в 1,4 раза). Особенно высока смертность в трудоспособном возрасте. Вероятность умереть в возрасте 15–60 лет

в России почти в два раза выше, чем в среднем по Европе» [Бобылев, 2013, 4, с. 51].

Данные, приведенные в докладе, показывают, что сокращается трудоспособная жизнь мужчин в нашей стране: «В интервале трудоспособного возраста в 1990 году в среднем каждый мужчина проживал 40,6 из 45 потенциальных лет жизни. Таким образом, средние потери лет жизни в расчете на каждого мужчину составляли 4,4 года. В 2010 году потери лет жизни оказались выше на 20% и составили 5,3 года» (см. рис. 5) [Бобылев, 2013, 4, с. 78]. Однако если сравнивать эти показатели не с 1990 г., а с 2005 г., когда смертность была наиболее высокой и мужчины проживали на семь лет меньше возможной трудоспособной жизни, то можно говорить о некотором улучшении ситуации.

Рис. 5. Потери вследствие причин смерти мужского населения в трудоспособного возраста в 1990 и 2010 гг., человеко-лет (Доклада о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г.)

Настораживает тот факт, что в стране растет смертность в результате относительно безобидных болезней, которые можно лечить. Это болезни органов пищеварения и дыхания, инфекционные и паразитарные болезни. «К 2005 году суммарные потери от перечисленных трех классов причин смерти возросли по сравнению с 1990 годом более чем в 2 раза у мужчин и почти в 3 раза у женщин. И хотя в течение последующего пятилетия происходило их снижение, но оно составило лишь 9,3% у мужского населения и 6,2% у женского» [Бобылев, 2013, 4, с. 79].

В последние два десятилетия в стране росла заболеваемость. Лишь в 2010 г. эту тенденцию удалось ослабить. В Минздраве РФ растущую статистику заболеваемости объясняют улучшением диагностики [Кавокин, 2013, 18, с. 102–106]. Однако если бы это объяснение было верным, то статистика росла бы в основном за счет так называемых первичных заболеваний. Но в действительности быстрее растет именно общая заболеваемость. Авторы доклада видят в этом свидетельство «хронизации» болезней: «По данным опроса населения, 46% респондентов в возрасте от 15 лет имеют хронические заболевания» [Бобылев, 2013, 4, с. 52].

Основной источник данных о заболеваемости — это официальные отчеты профильных ведомств. Однако они вызывают у специалистов большие сомнения. Например, распространенность гипертонической болезни в 2010 г. у лиц старше трудоспособного возраста, по данным Минздрава, составляла 21,7% (первичная заболеваемость 9,6%). В то же время, по данным эпидемиологических исследований, распространенность этой патологии даже в возрасте 18 лет и старше составляет около 40%. Всемирная организация здравоохранения дает еще более удручающие цифры — повышенное давление наблюдается у 62,5% лиц старше 50 лет. Таким образом, ключевые оценки заболеваемости различаются в 2–3 раза [Максимова, Лушкина, 2012, 9].

Одна из ключевых причин подобного положения — проблемы финансирования здравоохранения в стране. «Размеры государственного финансирования и проводимая в сфере здравоохранения политика недостаточны для решения накопившихся проблем» [Бобылев, 2013, 4, с. 60]. С одной стороны, расходы на здравоохранение в России за 2006–2010 гг. выросли в 1,4 раза в реальном выражении. С другой — этих расходов недостаточно.

4. Индекс человеческого развития и качество жизни

В докладе о человеческом развитии в Российской Федерации используется такой обобщенный показатель, как индекс человеческого развития. Отметим, что в Докладе 2013 г. используются уточненные формулировки ряда ключевых терминов по сравнению с изданиями предыдущих лет. Например, «человеческое развитие» вместо «развитие человеческого потенциала», «Индекс человеческого развития» (ИЧР) вместо «Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)». В 2013 г. по величине ИЧР Россия вошла в категорию стран с высоким индексом человеческого развития. Соответствующие данные приведены в табл. 4 [Бобылев, 2013, 4, с. 150].

Из приведенных данных можно видеть, что объективно уровень жизни в целом по нашей стране считается высоким. Однако субъективная оценка качества жизни гражданами невысока, особенно среди инвалидов [11]. Например, С.Н. Варламова провела исследование по данному вопросу и получила следующие результаты [1].

Самооценка покупательной способности населения: малообеспеченные россияне (которым средств хватает только на продукты), покупка одежды вызывает затруднения у 20,4%, не хватает денег даже на продукты — 4%.

Таблица 4

Индекс человеческого развития в России на 2010 г.

	Долевой ВВП доплата ППС	Индекс доходов	Ожидаемая продолжи- тельность жизни, лет	Индекс долголетия	Грамотность, %	Доля учащихся в возрасте 7–24 лет, %	Индекс образования	ИЧР 2010	Место
Российская Федерация	19 674	0,882	68,83	0,731	99,7	0,755	0,916	0,843	–

Отношение россиян к оплате труда — большинство опрошенных (56,6%) не довольны оплатой своего труда.

О полной удовлетворенности обучением ребенка в школе заявили 7% родителей, 47% в какой-то мере удовлетворены качеством школьного обучения, а 1/3 родителей высказали серьезные претензии к школе.

Остается не решенной жилищная проблема: на ипотечный кредит рассчитывают всего 8,5% респондентов, а 60% россиян по-прежнему декларируют невозможность приобрести жилье ни при каких условиях. При этом нуждающихся в жилье инвалидов — 33,5%.

Вторым из важнейших показателей качества жизни является возможность реализации права на труд, дающий стабильный доход, позволяющий удовлетворять потребности и реализовать способности человека. Для анализа этого показателя обратимся к официальной статистике. По усредненным показателям наша страна попадает в число стран с высоким уровнем жизни, однако данные за 2014 г. оказываются неутешительными. «Реальные располагаемые денежные доходы (доходы за вычетом обязательных платежей, скорректированные на индекс потребительских цен), по предварительным данным, в январе 2014 г. по сравнению с соответствующим периодом 2013 г. снизились на 1,5%» [6]. Если учесть достаточно высокий уровень инфляции в нашей стране, то данный показатель будет еще больше [Варламова, Гулюгина, 2013, 16, с. 69–76].

5. Качество жизни и социально-трудо-вые ограничения инвалидов

Обратившись к исследованиям по проблемам трудоустройства инвалидов, получаем неутешительные результаты. Так, проведенные Санкт-Петербургским институтом проблем МСЭ и реабилитации инвалидов исследования показали,

что профессиональная реабилитация инвалидов находится в критическом состоянии. Если в начале 1990-х гг. в стране работали 86% инвалидов 3-й группы и 25% инвалидов 1-й и 2-й группы, что в целом составляет свыше 55% всех инвалидов, то сейчас, по различным данным, работает не более 12–15%. При этом в профориентации нуждается 29,1% (свыше 4,3 млн) инвалидов, в обучении — 9,6% (свыше 1,4 млн), в профессиональной подготовке и переподготовке — 13,9% (свыше 2,0 млн), в трудовой адаптации — 25% (свыше 3,7 млн) [7, с. 141–147].

В чем причина столь бедственного положения с трудоустройством людей с ограниченными возможностями в нашей стране? В первую очередь, положение инвалидов в стране зависит от политики государства. В этом направлении был сделан ряд шагов. Так, в 1990-х гг. Россия попыталась перейти от медицинской модели инвалидности к более прогрессивной социальной модели, в которой повышение качества жизни инвалидов происходит за счет устранения барьеров, мешающих включению инвалидов в жизнь общества. Однако с принятием нового Налогового кодекса РФ и ликвидацией всех льгот для предприятий, применяющих труд инвалидов, данный барьер преодолеть не удалось.

Вторым по значимости фактором, отрицательно влияющим на положение инвалидов, стали принятие и практическая реализация Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, который предусматривает комплексное изменение системы социального обеспечения различных слоев населения. Так, согласно обновленной ст. 21 в редакции закона № 122 квоты устанавливаются для организаций, численность работников которых составляет более 100 человек [12].

Препятствуют реализации инвалидами права на труд изменения в технологии освидетельствования инвалидов в бюро медико-санитарной экспертизы. Законодательством установлены фак-

тически равные основания для определения группы инвалидности практически для всех видов, имеющих у инвалида ограничений жизнедеятельности [Федеральный закон РФ, 2004, № 122-ФЗ, 14]. На первое место среди установленных законом шести видов ограничения жизнедеятельности вновь выдвинулось ограничение способности к труду. Дело в том, что бюро медико-социальной экспертизы по такой технологии определяет лишь гипотетическую возможность трудовой деятельности, не связанную с реальной возможностью трудоустройства, а инвалиды стремятся получить 1-ю группу инвалидности, которая совершенно исключает их трудоустройство, но дает более высокую пенсию [Кучук, 2013, 18, с. 44–52]. Получается, что вместо стимулирования инвалидов к трудовой деятельности получен противоположный результат.

Фактором трудоустройства инвалидов выступает и регион проживания. В нашей стране большую часть территории занимают крупные агропромышленные регионы, где основное количество рабочих мест сосредоточено в аграрном секторе производства. Такие регионы более доступны по «стоимости жизни» по сравнению с крупными городами и мегаполисами. Но если учесть, что такой труд требует от работника физической выносливости и определенного уровня теоретической подготовки, низкий уровень развития сельского хозяйства в стране в целом и низкий уровень бытовых условий в таких регионах, то резко снижаются количество и качество рабочих мест для работников, имеющих ту или иную степень инвалидности.

Казалось бы, должна помочь современная тенденция в развитии сферы услуг, предоставляющая новые рабочие места. Однако данный вид деятельности не только предъявляет требования к квалификации и уровню образования работника, но и требует от работника мобильности и возможности совершенствовать свои умения и навыки в процессе работы и получения новой квалификации. В этом случае наличие инвалидности ограничивает мобильность человека, что сказывается на его возможности получить образование и дополнительную квалификацию. Профессии

парикмахера, повара, ИТ-специалиста и т.д. не предполагают ограничений при работе. Таким образом, растущие требования к нанимаемому персоналу еще больше снижают шансы инвалидов получить работу, им приходится довольствоваться низкоквалифицированной работой, что сокращает возможности экономически активных инвалидов реализовать себя в социуме.

На низком уровне в нашей стране и образовательные возможности людей с инвалидностью. Подробно эта проблема исследована в работе С.Н. Кройтор [8, с. 103–110]. Он указывает на ряд основных проблем: нет достаточных материальных условий для получения инвалидами образования; не преодолены стереотипы в обществе (инвалиды не воспринимаются как полноправные граждане); отсутствует необходимая подготовка педагогов для работы с инвалидами в общеобразовательных учреждениях; низкое материальное обеспечение инвалидов, затрудняющее получение образования в условиях рыночных отношений; сложность при трудоустройстве инвалидов.

Положение инвалидов в современной России характеризуется наличием многих проблем материально-финансового, психологического, медицинского и бытового характера. В социальных отношениях доминирует практика социального исключения, ограничивающая доступ инвалидов к ресурсам и жизненным шансам. Подобная социальная несправедливость по отношению к людям с ограниченными возможностями не допустима в цивилизованном обществе, поэтому важно обеспечить инвалидам равные с другими людьми возможности в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод.

В отечественной научной литературе отсутствуют системные исследования качества жизни инвалидов, а статистические данные официальных организаций России не предполагают мониторинг по данной группе населения. Необходимо разработать научное направление, основными целями и задачами которого должно стать изучение качества жизни инвалидов, и предложить политику его повышения. В своих следующих работах мы планируем отразить основные положения данного направления.

Список литературы

1. Варламова С.Н. Уровень и качество жизни в России оценка населения. Политическое образование.htm
2. Горшенина Е.В. Региональные экономические исследования: теория и практика. Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. С. 46–61.

References

1. Varlamova S.N. *Uroven' i kachestvo zhizni v Rossii otsenka naseleniya. Politicheskoe obrazovanie.htm* [The level and quality of life in the Russian population estimate. political education.htm]
2. Gorshenina E.V. *Regional'nye ekonomicheskie issledovani-*

3. Грязнова Е.В., Калинина Т.В. Системный анализ человеческого потенциала общества. Н. Новгород: ННГАСУ, 2007. С. 49.
4. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / Под общ. ред. С.Н. Бобылева. РА ИЛЬФ, 2013. С. 51.
5. Здравоохранение в России. 2013. С. 22.
6. Информация о социально-экономическом положении России — 2013 г. / Федеральная служба государственной статистики.
7. Козлова В.Н. Трудовая занятость инвалидов: социально-экономический аспект // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование: политология, экономика, право. 2011. № 5. С. 141–144.
8. Кройтор С.Н. Доступ к образованию инвалидов в России: возможности и препятствия // Социс. 2013. № 5. С. 103–110.
9. Максимова Т.М., Лушкина Н.П., Огрызко Е.В. Проблемы оценки медицинского обеспечения больных с патологией системы кровообращения по данным официальной статистики // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 2012. № 6.
10. Статистические данные ООН. www.un.org.
11. Субъективная оценка качества жизни молодыми инвалидами с ментальной недостаточностью // Психологическая наука и образование. 2012. № 4. www.psyedu.ru.
12. Федеральный закон Российской Федерации от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”».
13. Филипенко С.А. Повышение качества жизни населения на основе совершенствования социальной политики: Автореф. на соиск. уч. степен. канд. эконом. наук. — спец. 08.00.05. М., 2012. С. 24.
14. Федеральный закон Российской Федерации от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов”».
15. Кучук С.Е. Финансово-экономические особенности обязательного пенсионного страхования инвалидности // Уровень жизни населения регионов России. 2013, № 5 (183). С. 44–52.
16. Варламова С.Н. Гулюгина А.А. Денежные доходы инвалидов и пожилых граждан Республики Саха (Якутия) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 5 (183). С. 69–76.
17. Бутрина В.И. Уровень и качество жизни инвалидов: *ya: teoriya i praktika* [Regional economic research: theory and practice]. Tver', Tver State University Publ., 2009, pp. 46–61.
3. Gryaznova E.V., Kalinina T.V. *Sistemnyy analiz chelovecheskogo potentsiala obshchestva* [System analysis of the human potential of society]. N. Novgorod, NNGASU Publ., 2007, p. 49.
4. Bobylev S.N. *Doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossiyskoy Federatsii za 2013 g.* [Human Development Report for the Russian Federation 2013]. RA IL'F Publ., 2013, p. 51.
5. *Zdravookhranenie v Rossii* [Healthcare in Russia]. 2013, p. 22.
6. *Informatsiya o sotsial'no-ekonomicheskom polozhenii Rossii – 2013 g.* [Information on the socio-economic situation in Russia - 2013]. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki* [Federal State Statistics Service].
7. Kozlova V.N. *Trudovaya zanyatost' invalidov: sotsial'no-ekonomicheskiy aspekt* [Employment of Persons with Disabilities: socio-economic aspect]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie: politologiya, ekonomika, pravo* [Problem analysis and public management design: political science, economics, law]. 2011, I. 5, pp. 141–144.
8. Kroytor S.N. *Dostup k obrazovaniyu invalidov v Rossii: vozmozhnosti i prepyatstviya* [Access to education of persons with disabilities in Russia: Opportunities and Obstacles]. *Sotsis* [Sotsis]. 2013, I. 5, pp. 103–110.
9. Maksimova T.M., Lushkina N.P., Ogryzko E.V. *Problemy otsenki meditsinskogo obespecheniya bol'nykh s patologiyey sistema krovoobrashcheniya po dannym ofitsial'noy statistiki* [Problems of assessing medical care of patients with disorders of the circulatory system according to official statistics]. *Problemy sotsial'noy gigieny i istoriya meditsiny* [Problems of Social Hygiene and the history of medicine]. 2012, I. 6
10. *Statisticheskie dannye OON* [The statistics of the United Nations]. Available at: www.un.org.
11. *Sub"ektivnaya otsenka kachestva zhizni molodymi invalidami s mental'noy nedostatochnost'yu* [Subjective assessment of the quality of life of young disabled people with mental deficiency]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. 2012, I. 4. Available at: www.psyedu.ru.
12. *Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 22 avgusta 2004 g. 122-FZ «O vnesenii izmeneniy v zakonodatel'nye акты Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii v svyazi s prinyatiem federal'nykh zakonov «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Federal'nyy zakon “Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti sub”ektov Rossiyskoy Federatsii” i “Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii”»* [The Federal Law of the Russian Federation dated August 22, 2004 122-FZ “On Amendments to the Laws of the Russian Federation, and Repeal of Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the adoption of Federal Law” On Amendments to the Federal Law “on general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies of subjects of the Russian Federation “and” on general principles of organization of local government in the Russian Federation”].
13. Filipenko S.A. *Povyshenie kachestva zhizni naseleniya na osnove sovershenstvovaniya sotsial'noy politiki. Kand. Diss.*

- объективна ли статистика? // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 12 (190). С. 111–124.
18. Кавокин С.Н. Совершенствование системы освидетельствования и комплексной реабилитации инвалидов как обязательное условие реализации требований Конвенции о правах инвалидов // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 11 (189). С. 102–106.
14. *Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 22 avgusta 2004 g. 122-FZ «O vnesenii izmeneniy v zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii v svyazi s priinyatiem federal'nykh zakonov «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Federal'nyy zakon “Ob obshchikh printsipakh organizatsii zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov”»* [The Federal Law of the Russian Federation dated August 22, 2004 122-FZ “On Amendments to the Laws of the Russian Federation, and Repeal of Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the adoption of Federal Law” On Amendments to the Federal Law “on general principles of organization of legislative (representative) and executive bodies”].
15. Kuchuk S.E. Finansovo-ekonomicheskie osobennosti obyazatel'nogo pensionnogo strakhovaniya invalidnosti [Financial and economic features of mandatory pension insurance disability]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 5 (183), pp. 44–52.
16. Varlamova S.N., Gulyugina A.A. Denezhnye dokhody invalidov i pozhilykh grazhdan Respubliki Sakha (Yakutiya) [Cash income disabled and elderly citizens of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 5 (183), pp. 69–76.
17. Butrina V.I. Uroven' i kachestvo zhizni invalidov: ob"ektivna li statistika? [The level and quality of life of people with disabilities: whether objective statistics?]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 12 (190), pp. 111–124.
18. Kavokin S.N. Sovershenstvovanie sistemy osvidetel'stvovaniya i kompleksnoy rehabilitatsii invalidov kak obyazatel'noe uslovie realizatsii trebovaniy Konventsii o pravakh invalidov [Improving the system of inspection and comprehensive rehabilitation as a prerequisite to implementing the requirements of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 102–106.

Здравоохранение как фактор формирования и развития человеческого капитала региона

(на примере Еврейской автономной области)

Public Health As a Factor of Formation and Development of the Human Capital of the Region

(the Case of the Jewish Autonomous Oblast')

Получено 01.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 316.4

DOI: 10.12737/7410

МИЩУК С.Н.

канд. экон. наук, заведующая лабораторией, ФГБУН «Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук». 105043, Россия, г. Москва, 4-я Парковая улица, д. 29. E-mail: info@vcug.ru

АНОСОВА С.В.

научный сотрудник, ФГБУН «Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук». 105043, Россия, г. Москва, 4-я Парковая улица, д. 29. E-mail: info@vcug.ru

MISHCHUK S.N.

PhD in Economics, Head of Laboratory, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (ICARP FEB RAS). 29 4th Parkovaya St., Moscow 105043, Russia. E-mail: info@vcug.ru

ANOSOVA S.V.

Research Worker, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (ICARP FEB RAS). 29 4th Parkovaya St., Moscow 105043, Russia. E-mail: info@vcug.ru

Аннотация

Актуальность. В работе анализируются показатели уровня развития системы здравоохранения в одном из дотационных регионов Дальнего Востока России — Еврейской автономной области (ЕАО). За последние шесть лет численность населения в ЕАО сократилась почти на 30%.

Объект. Статистика заболеваний и показатели здоровья населения региона как характеристика развития человеческого потенциала.

Предмет исследования. Анализ причин роста в ЕАО показателей смертности населения среди регионов ДФО. Анализ структуры заболеваний в регионе: ведущее место в структуре первичной заболеваемости занимают болезни органов дыхания, в том числе туберкулез. Эпидемиологическая обстановка по туберкулезу в последние годы остается напряженной: заболеваемость по области в 2,5 раза превышает показатели по России. Основная причина данных процессов — недостаточный уровень профилактических мероприятий, направленных на выявление заболеваний на ранней стадии. Кроме того, при обеспеченности медицинских учреждений области средним персоналом выше среднероссийского уровня укомплектованность врачами лечебно-профилактических учреждений достигает лишь 43%.

Результаты исследования. Показано, что при наметившихся позитивных тенденциях в сфере здравоохранения области, в том числе в рамках предоставления денежных выплат работникам первичного звена, увеличения числа жителей, прошедших иммунизацию против ряда болезней, обследования новорожденных, в регионе сохраняются высокие показатели заболеваемости и смертности населения.

Цель. Анализ влияния изменений в сфере здравоохранения на показатели демографического развития в одном из дотационных регионов Дальнего Востока России — Еврейской автономной области (ЕАО) за период с 2006 по 2012 г. Предмет исследования — анализ изменения показателей рождаемости и смертности ЕАО в результате изменений в здравоохранении области.

Ключевые слова: Еврейская автономная область, здоровье, система здравоохранения, человеческий капитал.

Abstract

Relevance. The indicators of the level of development of the health system in one of the subsidized regions of the Far East Russia — the Jewish Autonomous Oblast' (JAO) are analyzed. Over the past six years, the population in the JAO has decreased by almost 30%, due to both natural and mechanical movement of the population.

Object. Statistics diseases and health indicators in the region are characteristic of human development.

Subject of the Study. Analyzing of the reasons for the trend for JAO to the highest possible performance level of mortality among the regions of the Far East. Analysis of the structure of diseases in the region: the leading place in the structure of primary disease occupy respiratory diseases, tuberculosis in particular. The nature of the epidemiological situation of tuberculosis in recent years has remained rather tense — its incidence in the region is 2.5 times higher than in Russia. The main reason for these processes is insufficient preventive measures aimed at identifying the disease at an early stage. In addition, provision of medical facilities in the area average staff above the national average, staffing by physicians of medical institutions reaches only 43%.

Results of the Study. As a result of the analysis of empirical data it is shown that there are some positive trends in health care field, including in the provision of cash payments to employees primary, increasing the number of residents immunized against several diseases, newborn screening, but the rates of morbidity and mortality are still high.

Purpose. Analysis of the impact of changes in health indicators on demographic development in one of the subsidized regions of the Far East Russia — Jewish Autonomous Oblast (JAO) for the period from 2006 to 2012. Subject of the study — analysis of changes in fertility and mortality as a result of JAO ongoing changes in the health care field.

Keywords: the Jewish Autonomous Oblast', health, health care, human capital.

1. Здоровье нации — социально-демографический фактор

Сохранение и укрепление здоровья населения, увеличение продолжительности жизни, снижение заболеваемости и смертности являются приоритетными направлениями социальной политики государства, развития человеческого потенциала [Бушуев, Голубев, Косьяненко, Тарко, 2013, 22, с. 63–125; Куклин, Леонтьева, Никулина, 2013, с. 130–140]. Важнейшим компонентом человеческого развития, во многом определяющим устойчивость долгосрочных трендов социально-экономического развития региона, является здоровье населения и уровень развития системы здравоохранения [Мотрич, Найден, 2013, 20, с. 18–24].

В современных условиях сохранение здоровья нации определено как одно из приоритетных направлений развития российского общества [Бобков, 2013, 23, с. 3–6]. Выполнение мероприятий национальных проектов должно способствовать системной модернизации здравоохранения, образования, жилищной сферы, агропромышленного комплекса. Повышение уровня жизни населения может оказать влияние на стабилизацию демографических показателей [Мошков, 2013, 21, с. 54–60]. На наш взгляд, именно демографическая ситуация отражает эффективность мероприятий по улучшению социально-экономической ситуации. В рамках данного исследования проведен анализ показателей здравоохранения в Еврейской автономной области (ЕАО) в течение периода реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» (2006–2012 гг.).

Тенденции в состоянии здоровья населения региона в большинстве случаев оцениваются на основании динамики демографических процессов, в основном по смертности населения. Высокий уровень общей и младенческой смертности может быть связан как с формированием высокого уров-

ня распространенности заболеваний, так и с доступностью и качеством медицинской помощи, оказываемой населению при заболеваниях [Бобылев, 2013, 1].

2. Анализ процессов рождаемости и смертности

Еврейская автономная область, будучи проблемным дотационным регионом, характеризуется естественной и миграционной убылью населения [Яйтакова, 2013, 12, с. 117–128; Авдеев, Ушакова, 2013, 14, с. 41–46; Сукнева, 2013, 15, с. 33–40].

В целом на протяжении 2006–2012 гг. ЕАО за счет отрицательных значений в демовоспроизводственном процессе потеряла около 30% постоянного населения, снижение численности населения, начавшееся в 1992 г., продолжается до сих пор. Депопуляция населения области, под которой понимают абсолютное уменьшение численности населения, характеризуется как сплошная, устойчивая, долгосрочная, хаотическая, занимающая срединное положение между слабой и средней. Для области в настоящее время характерна депопуляция, при которой имеет место одновременно естественная и миграционная убыль населения (табл. 1).

Законы воспроизводства: рождаемость, выживаемость и смертность — приводят как к перестройке структуры населения, так и к изменению общей численности [Бобков, Елизаров, Джанаева, Данилова, Маликов, Сеница, 2013, 13, с. 10–17]. Отметим основные тенденции в процессе воспроизводства, характерные для ЕАО. Анализ рождаемости в ЕАО характеризуется следующими тенденциями:

- абсолютное число родившихся в 2012 г. увеличилось на 8,4% по сравнению с 2006 г. (с 2260 до 2449);

Таблица 1

Численность населения, естественный и миграционный прирост в ЕАО (2006–2012) гг.

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Численность населения (на 1 января), тыс. человек	181,7	179,4	178,7	178,1	177,5	176,3	174,4
Естественный прирост (убыль), человек	-718	-376	-251	-301	-328	-228	-193
в том числе: родившиеся	2260	2418	2587	2438	2408	2488	2449
умершие	2978	2794	2838	2739	2736	2716	2642
Миграционный прирост (убыль), человек	-1530	-318	-312	-347	-868	-1664	-1544
Естественный прирост (убыль), на 1000 населения	-4,0	-2,1	-1,4	-1,7	-1,9	-1,3	-1,1
в том числе: родившиеся	12,5	13,5	14,5	13,7	13,6	14,2	14,1
умершие	16,5	15,6	15,9	15,4	15,5	15,5	15,2

Источники: 2, с. 31–48; 3, с. 10.

- суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей, рожденных одной женщиной за всю ее жизнь) в 2012 г. составил 1,838;
- суммарный коэффициент рождаемости сельского населения превышает суммарный коэффициент рождаемости городского населения в среднем на 25%;
- для повозрастных показателей рождаемости характерно следующее: число рождений в возрасте 20–24 года за период 2006–2012 гг. увеличилось на 11,7%, в возрасте 25–29 лет — на 14,1%, в 30–34 — на 26,9% и в 35–39 — на 13,9%. Таким образом, хотя в анализируемый период максимальное число рождений по области приходится на возраст 20–24 года, происходит «старение» максимального пика рождений у женщин, в связи с чем репродуктивный возраст «расширяется»;
- динамика значений суммарного коэффициента рождаемости, необходимого для обеспечения простого воспроизводства населения, в среднем составляет 2,14, что превышает статистический суммарный коэффициент рождаемости по ЕАО на 0,8% и говорит о недостаточном уровне рождаемости, хотя и имеет незначительную тенденцию к увеличению.

Такие сдвиги в повозрастных показателях рождаемости объясняются тем, что откладывали рождение первого ребенка и отказывались от рождения в связи с системным кризисом и политической нестабильностью в обществе, изменением типа репродуктивного поведения, вызванного появлением социальных норм малодетности. На рост рождаемости в старших возрастных группах определенное положительное влияние оказали меры демографической политики по стимулированию рождаемости — предоставление государством с 1 января 2007 г. материнского (семейного) капитала женщинам при рождении второго ребенка.

Процесс смертности в ЕАО имеет следующие черты.

- Показатель младенческой смертности на конец 2012 г. составил 15,5‰ на 1000 детей, что выше 2006 г. на 1,2‰. Данный показатель длительное время превышает среднероссийские значения, и его максимальная отметка зафиксирована в 2007 г. на уровне 21,4‰ (при среднем по России в 2007 г. 9,4‰, в 2012 г. — 8,6‰). Отметим, что уровень младенческой смертности в области в несколько раз выше, чем в европейских странах и СНГ, Аргентине, Мексике [World health statistics, 2013]. В структуре причин младенческой смертности первое место занимает смертность от перинатальных ошибок, второе и третье место — смертность от врожденных

аномалий развития и инфекционных болезней. Высокое значение показателя связано с недостаточным уровнем диагностики пороков развития плода у беременных, особенно в группе социального риска (отсутствие наблюдения или нерегулярное наблюдение во время беременности по вине беременных), с недостаточным уровнем квалификации специалистов, проводящих ультразвуковую диагностику врожденных пороков развития плода.

- Показатель продолжительности предстоящей жизни составляет 61,1 года на конец 2006 г. и 64,1 года — на конец 2012 г., что на 6 лет меньше аналогичного показателя в среднем в мире и на 12 лет — по сравнению с европейскими странами [Global Health Observatory Data Repository, HWO, 2013]. Разница между продолжительностью жизни мужчин и женщин в ЕАО в 2012 г. составила 11,8 года в пользу последних (58,5 лет и 70,3 года соответственно). Уровень мужской смертности в 1,4 раза выше, чем уровень женской смертности (в 2006 г. 19,8‰ у мужчин, 13,4‰ — у женщин; в 2012 г. — 17,8‰ у мужчин, 12,9‰ — у женщин).
- Смертность в ЕАО монотонно растет: если в 1970 г. коэффициент смертности составлял 7,7‰, то в 2006 г. уже 16,5‰ (число умерших на 1000 человек населения), а в 2012 г. — 15,2‰.
- Численность умерших в среднем на 14% превышает число родившихся на протяжении последних семи лет.

Общие тенденции в смертности населения во многом определяет ситуация со сверхсмертностью людей рабочих возрастов (в 2012 г. умершие в трудоспособном возрасте составили около 40% всех умерших), среди которых около 70% составляют мужчины [Кавокин, 2013, 25, с. 102–106; Бутрина, 2013, 26, с. 111–124].

Следует отметить, что в структуре причин смерти прослеживаются определенные закономерности. В целом исследования демонстрируют аналогичность причин смертности в ЕАО и России в целом. В частности, в ЕАО наибольшее число смертных исходов приходится на болезни органов системы кровообращения (в 2006 г. — 1411 человек, в 2012 г. — 1411), второе место занимают внешние причины (несчастные случаи, отравление алкоголем и травмы) — 491 и 434 соответственно, третье — новообразования (328 и 402 человек соответственно) [Здравоохранение в России, 2013, 6]. Основными причинами смерти от болезней системы кровообращения являются ишемическая болезнь сердца (49,3%) и цереброваскулярная болезнь (29,0%). Смертность от внешних причин — самоубийств (около 26% всех умерших от внешних

причин), убийства и насильственная смерть неустановленного характера (около 12% всех умерших), отравление алкоголем.

В результате оценки экономического ущерба от смертности населения ЕАО относится к типу регионов с «очень высоким» экономическим ущербом (3,1% от ВРП области), с низкими значениями ВРП на душу населения и высокими значениями коэффициента смертности [Суховеева, 2013, 7]. Следствием низкой рождаемости и высокой смертности является процесс старения населения. Доля людей в возрасте старше трудоспособного относительно всего населения с 2006 г. увеличилась на 2,7 п.п., и составила в 2006 г. 17,2%, в 2012 г. — 19,9%.

3. Миграционные процессы и региональная система здравоохранения

Миграционные процессы характеризуются усилением негативных тенденций [Мотрич, 2013, 16, с. 25–32]. С 2007 г. по настоящее время в ЕАО отмечается увеличение показателя миграционной убыли населения [Мищук, Аносова, 2013, 17, с. 47–53]. Привлекает внимание, что схожие показатели миграции регистрировались в период с 1994–1999 гг. Если миграционный отток населения в середине 1990-х гг. был обусловлен общеполитическими (распад СССР) и социально-экономическими (спад объемов производства в области, ухудшение ситуации на региональном рынке труда, расширение масштабов этнической миграции за рубеж) факторами, то для периода 2007–2013 гг. механическая убыль населения связана с поиском места работы или учебы за пределами области, а также с низкими показателями социально-экономического развития области и уровня жизни населения [Мищук, Аносова, 2013, 8, с. 47–54].

Зависимость миграционной активности населения от показателей, характеризующих социальные условия жизни в стране и осваиваемом районе, рассматривались еще в начале 1970-х гг. [Локтюхина, 2013, 19, с. 120–128]. Было доказано, что для обеспечения роста населения и его закрепления в осваиваемых районах уровень жизни должен превышать общегосударственный в 1,3–1,5 раза [Свидерская, 2008, 9].

Необходимо подчеркнуть, что миграционная подвижность населения обусловлена совокупностью факторов субъективно-объективного характера, направленных на достижение индивидуумом более высокого уровня материальных благ [Залеская, 2013, 18, с. 115–120], включая уровень развития региональной системы здравоохранения. Сеть учреждений здравоохранения области прак-

тически сбалансирована и отвечает федеральным нормативам, за исключением количества учреждений I уровня¹ и количества ФАПов. Так, согласно федеральным нормативам, в области должно быть одно учреждение здравоохранения, относящееся к I уровню, однако в 2012 г. учреждения данного уровня в области отсутствовали. Меньше нормативного значения и количество фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП): в ЕАО 64 при нормативе 69. Тем не менее необходимая доступность первичной медико-санитарной помощи населению, проживающему в сельской местности, обеспечена за счет амбулаторий. Сеть фельдшерско-акушерских пунктов поддерживается в существующем виде — в населенных пунктах с малой численностью жителей ФАПы сохраняются независимо от объема оказываемой ими медицинской помощи с целью обеспечить необходимое качество медицинской помощи. Межрайонные, медико-диагностические центры, консультативные поликлиники на территории области отсутствуют (табл. 2).

Количество больничных коек на конец 2012 г. составило 2188 койки круглосуточного пребывания. В 2006–2012 гг. коечный фонд области снизился на 15%. По официальным статистическим данным, обеспеченность населения области койко-местами в расчете на 10 тыс. человек до 2012 г. находилась на нормативном уровне, но в отчетном периоде снизилась на 16,4%, достигнув 126,7 (при утвержденном нормативе 134,7 койки круглосуточных стационаров). Высокий показатель обеспеченности койками отмечался в Облученском районе (за счет коек Управления исполнения наказаний) и г. Биробиджане, низкий — в остальных районах области, особенно в Биробиджанском и Ленинском. Обеспеченность больничными койками круглосуточных стационаров сельского населения почти в 7 раз ниже, чем городского. При этом малая мощность лечебно-профилактических учреждений, расположенных в сельской местности, их недостаточное оснащение медицинским оборудованием делают качество и доступность медицинской помощи ниже, чем в городе.

Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений составляет 4273 посещения, или 247,5 посещения в смену, на 10 тыс. человек населения, что характеризуется некоторой положительной динамикой показателей по сравнению с 2006 г.

Численность врачей всех специальностей в 2012 г. снизилась по сравнению с 2006 г. на 7,2%

¹ Учреждения здравоохранения I уровня — юридические лица, оказывающие специализированную медицинскую помощь, в том числе высокотехнологичную специализированную медицинскую помощь (при наличии соответствующих подразделений). В целом учреждения здравоохранения подразделяются на пять уровней.

Таблица 2

Основные показатели здравоохранения в 2006–2012 гг. (на конец года)

Показатель	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
Численность врачей всех специальностей:							
всего, человек	676	676	653	641	642	638	627
на 10 000 человек населения	37,7	37,8	36,7	36,1	35,4	36,6	36,3
Численность среднего медицинского персонала:							
всего, человек	2147	2188	2200	2174	2153	2143	2122
на 10 000 человек населения	119,7	122,4	123,5	122,5	122,1	122,9	122,9
Число больничных учреждений	16	17	17	17	17	16	16
Число больничных коек круглосуточных стационаров:							
всего	2567	2573	2528	2496	2488	2548	2188
на 10 000 человек населения	143,1	144,0	141,9	140,6	141,1	146,1	126,7
Число врачебных учреждений, оказывающих амбулаторно-поликлиническую помощь населению	36	37	33	32	30	25	38
Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений:							
всего, посещений в смену	3956	4249	4289	4108	4164	4234	4273
на 10 000 человек населения	220,5	237,8	240,8	231,4	236,2	242,8	247,5
Число женских консультаций, детских поликлиник, амбулаторий (самостоятельных) и число учреждений, имеющих женские консультации	37	39	38	36	37	40	41
Число фельдшерско-акушерских пунктов	67	61	64	64	64	64	64

Источник: 2, с. 111–124.

и составила 627 человек. По итогам 2012 г. ЕАО занимала 73-е место в РФ по обеспеченности врачами на 10 тыс. населения. При этом наблюдается ярко выраженная диспропорция между обеспеченностью врачами в городе Биробиджане и в районах области.

4. Социальное измерение регионального медперсонала

Наибольшая потребность области на протяжении нескольких лет имеется во врачах (педиатрах, неврологах, кардиологах, гинекологах, хирургах, анестезиологах), особенно для центральных районных больниц и районных больниц. По-прежнему наблюдается дефицит врачей клинической фармакологии, общей практики, психотерапевтов. Показатель укомплектованности врачами (физическими лицами) в лечебно-профилактических учреждениях области на протяжении последних лет остается низким — 44,3%. При этом отмечается неравномерность укомплектованности персоналом врачебных должностей по районам области: в трех районах (Облученском, Смидовичском и Октябрьском) этот показатель ниже областного. Территориальный показатель совместительства по должностям среди врачебных кадров составляет 1,88.

Для улучшения кадровой обеспеченности областных учреждений здравоохранения и привле-

чения медицинских работников в ЕАО принят закон «О мерах по привлечению медицинских работников для работы в областных медицинских учреждениях здравоохранения и их закреплению», разработаны мероприятия в рамках областной целевой программы модернизации, предусматривающие выделение служебного жилого помещения (отдельной квартиры), земельных участков на безвозмездной основе, единовременные выплаты и другие меры социальной поддержки. Однако данный подход не позволил изменить обеспеченность врачебными кадрами системы здравоохранения ЕАО.

Численность среднего медицинского персонала на конец 2012 г. составила 2122 человек, что ниже 2006 г. на 1,2%, обеспеченность средними медицинскими работниками на 10 тыс. населения области — 122,9 (в 2006 г. — 119,7). По итогам 2012 г. ЕАО занимала 21-е место в РФ по обеспеченности средним медицинским персоналом на 10 тыс. населения. Средний медицинский персонал неравномерно распределен по муниципальным образованиям: превышение показателя обеспеченности в городской местности над сельской составляет 2,5 раза. Самый высокий показатель обеспеченности средними медицинскими работниками отмечается в г. Биробиджане, стабильно низкий — в Ленинском, Смидовичском и Биробиджанском районах.

Важнейшей проблемой является слабая мотивация медицинских работников к оказанию качественной медицинской помощи. Так, по данным Росстата, средняя месячная заработная плата работников здравоохранения составила в 2012 г. в ЕАО 18,8 тыс. руб., или 74% аналогичного показателя по ДФО и средней зарплаты по экономике области.

В целом по мощности врачебных амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 тыс. населения область в 2012 г. занимала 8-е место среди субъектов ДВ (55-е место среди регионов РФ), по числу больничных коек — 4-е место среди субъектов Дальнего Востока и 6-е в РФ, по численности врачей на 10 тыс. населения — 9-е место среди субъектов ДФО (73-е среди субъектов РФ), по численности среднего медицинского персонала на 10 тыс. населения — 7-е место среди ДФО (21-е среди субъектов РФ). В целом обеспеченность медицинскими учреждениями и средним персоналом превышает среднероссийский уровень, а обеспеченность квалифицированной медицинской помощью (врачами) ниже этого уровня.

При существующей сети учреждений здравоохранения в Еврейской автономной области, низкой обеспеченности врачами, низкой плотности населения и недостаточном качестве дорог, а также необходимости сохранять малочисленные специализированные койки в удаленных районных больницах для оказания экстренной стационарной медицинской помощи в настоящее время функцию межмуниципальных лечебно-диагностических центров фактически выполняют областные государственные учреждения здравоохранения.

6. Структурно-динамические характеристики заболеваемости в регионе

Одним из показателей, характеризующим здоровье населения и состояние системы здравоохранения, является первичная заболеваемость. В 2012 г.

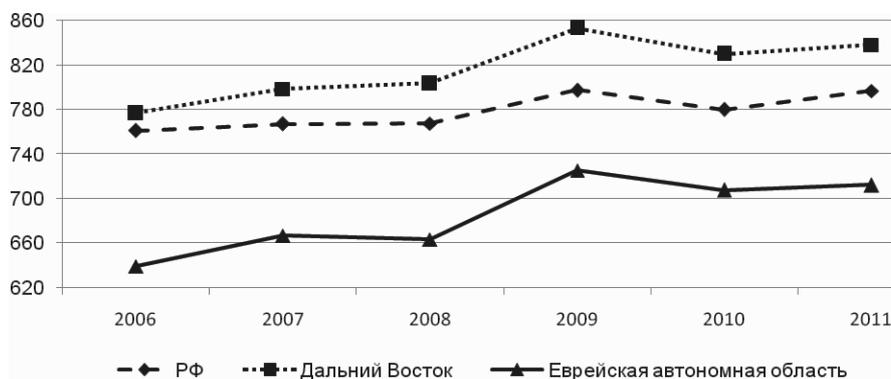
в ЕАО она составила 677,9 больных на 1000 населения, что несколько выше уровня 2006 г., но ниже среднероссийских и дальневосточных показателей (рис. 1).

Первое место в структуре первичной заболеваемости в 2012 г. занимают болезни органов дыхания (41,8%), второе — травмы и отравления (13,5%), третье — инфекционные и паразитарные болезни (7,8%). Это соответствует ситуации в России в целом, за исключением инфекционных заболеваний (в РФ — 4%).

Структура заболеваемости отличается для различных групп населения. В частности, у детей и подростков первое место в структуре первичной заболеваемости занимают болезни органов дыхания (65,2 и 48,1% соответственно), у взрослых — травмы и отравления (22,3%). Второе место у детей занимают заболевания кожи и подкожной клетчатки (6,1%), у подростков — болезни мочеполовой системы (7,7%), у взрослых — болезни органов дыхания (21,0%). Третье место в структуре заболеваемости у детей принадлежит инфекционным заболеваниям (5,9%), у подростков — травмам и отравлениям (7,6%), у взрослых — болезням мочеполовой системы (9,9%).

Первое место занимают болезни органов дыхания, к которым относится туберкулез. Эпидемиологическая обстановка по туберкулезу в области в последние годы остается напряженной, так как сохраняются основные причины такого положения: резервуар инфекции — в учреждениях пенитенциарной системы, невысокий социально-экономический уровень жизни населения, высокая численность дезадаптированных слоев населения, низкая приверженность части больных к лечению.

Заболеваемость туберкулезом сохраняется высокой и составила в 2012 г. 174 на 100 тыс. населения, что в 2,5 раза превышает показатели по РФ. Имеется тенденция к росту при максимальном значении показателя в 2008 г. — 197,3. Уровень заболеваемости туберкулезом в ЕАО за 2012 г. в

Рис. 1. Заболеваемость населения на 1000 человек населения (зарегистрировано больных, с впервые установленным диагнозом)

среднем соответствует показателю в Индии (176) и Кот-д'Ивуаре (172), при общероссийском уровне 91. По данным Национального института здравоохранения и клинического мастерства (NICE), частота заболеваемости туберкулезом свыше 40 случаев на 100 тыс. человек считается высокой [World Health statistics, 2012, 4].

Второе место в структуре заболеваемости в течение анализируемого периода занимают травмы и отравления. В 2012 г. зарегистрировано 15 917 случаев травм, отравлений и некоторых других последствий воздействия внешних причин, что несколько выше 2006 г. Показатель заболеваемости на 1000 населения составил 91,7 (РФ — 93,8). Уровень травматизма у мужчин в среднем в 1,4 раза превышает травматизм у женщин.

В целом, согласно данным государственной статистики, за 2007–2012 гг. наблюдается рост уровня врожденных аномалий (на 62,2%), заболеваемости эндокринной системы (на 28,8%), новообразованиями (на 26,5%), системы кровообращения, болезней крови и кроветворных органов, органов дыхания, глаза, мочеполовой системы, инфекционных болезней (от 5 до 9%).

На протяжении анализируемого периода остаются высокими осложнения беременности, родов и послеродового периода (в 2012 г. в ЕАО — 47,9 на 1000 населения, в РФ — 7,8) [Здравоохранение в России, 2013, 6]. В области остаются высокими показатели заболеваемости беременных, из которых 36,6% беременных страдали анемией, 21,2% — отеками, 18,4% — болезнями мочеполовой системы.

Уровень заболеваемости населения области вырос. Особенно высокие темпы роста заболеваемости характерны для периода с 2009 г. Мы считаем одной из причин роста заболеваемости постоянный психологический стресс, который испытывали люди в меняющихся социально-экономических условиях, в частности после финансово-экономического кризиса 2008 г. Но, по оценке Министерства здравоохранения РФ, положительная динамика показателей заболеваемости за последние годы объясняется именно ростом выявляемости заболеваний среди населения и повышения доступности медицинской помощи [Бобылев, 2013, 1].

В последние годы заметны некоторые позитивные сдвиги в сфере здравоохранения: осуществляются денежные выплаты работникам первичного звена; увеличивается численность населения, прошедшего иммунизацию против туберкулеза, гепатита, кори и других заболеваний; проводится дополнительная диспансеризация работающего населения и подростков (около 3,5 тыс. и 1,6 тыс. человек в год соответственно), обследование но-

ворожденных в ГУЗ «Перинатальный центр» г. Хабаровска; увеличивается численность больных, получивших высокотехнологичную медицинскую помощь (с 96 человек в 2006 г. до 586 в 2012 г.). Однако принимаемых мер недостаточно для формирования эффективной системы здравоохранения и улучшения здоровья населения, так как многие мероприятия ориентированы на лечение уже заболевших людей, а не на формирование здорового образа жизни, профилактику и выявление заболеваний на ранней стадии. В настоящее время в рамках отдельных мероприятий приоритетного национального проекта «Здоровье» и государственной программы развития здравоохранения Еврейской автономной области на 2014–2018 гг. планируется реконструкция и модернизация семи учреждений здравоохранения, оснащение медицинских учреждений современным оборудованием, проведение мероприятий по вакцинации и диспансерному обследованию, увеличение объема высокотехнологичной медицинской помощи, повышение уровня квалификации и социальной привлекательности медицинских работников, увеличение заработной платы медицинским сотрудникам и другие.

Основные проблемы при формировании и развитии человеческого капитала региона отражены в Аналитическом отчете управления здравоохранения ЕАО [Аналитический отчет, 2013, 11].

- Недостаточное здоровье населения трудоспособного возраста, для которого первостепенна проблема преждевременной смертности от травм и отравлений, неинфекционных заболеваний (болезни системы кровообращения, болезни органов дыхания, болезни органов пищеварения, злокачественные новообразования).
- Плохое здоровье социально уязвимых групп населения, определяемых по признаку низких доходов и социального статуса (лица без определенного места жительства, мигранты, лица, находящиеся в местах лишения свободы), для которых важна профилактика инфекционных заболеваний (туберкулез), отставания детей в физическом и умственном развитии, социальных девиаций (убийства, самоубийства, несчастные случаи).
- Репродуктивное здоровье женщин и качество потомства.
- Здоровье подростков, для которых особую значимость приобретают профилактика психических расстройств, алкоголизма и наркомании, снижение распространенности заболеваний, передающихся половым путем.
- Здоровье пожилых людей, улучшение качества и продолжительности их жизни.

В настоящее время уровень развития системы здравоохранения ЕАО не позволяет улучшить показатели здоровья населения региона [Гундаров, 2013, 27, с. 53–61]. В области сохраняется превышение общероссийских и общедальневосточных показателей младенческой и общей смертности. Показатель укомплектованности врачами в лечебно-профилактических учреждениях области на протяжении последних лет не достигает 45%.

Реализация задачи по улучшению здоровья населения области базируется на усилении про-

филактических мероприятий и предоставлении высокотехнологичных услуг. При этом крайне важно предоставлять качественные медицинские услуги на этапе первичного обращения пациентов, но это трудно обеспечить. Снижение уровня смертности во многом зависит от выявления заболеваний на ранних стадиях, что возможно при достаточном количестве квалифицированного медицинского персонала, а также соответствующего медицинского оборудования.

Список литературы

1. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / Под общ. ред. С.Н. Бобылева. М.: РА ИЛЬФ, 2013.
2. Демографический ежегодник Еврейской автономной области: Стат. сб. Биробиджан: Еврстат, 2013.
3. Статистический ежегодник Еврейской автономной области: Стат. сб. Биробиджан: Еврстат, 2013.
4. World health statistics 2013. World Health Organization (WHO). 2013.
5. Gobar Health Observatory Data Repository. Life expectancy Data by WHO region World Health Organization (WHO). <http://apps.who.int/gho/data/view.main.690?lang=en>.
6. Здравоохранение в России. 2013: Стат. сб. М.: Росстат, 2013.
7. Суховеева А.Б. Территориальные различия экономического ущерба от потерь здоровья в результате смертности населения регионов Дальнего Востока России / Исторические и географические исследования Северной Пацифики: проблемы и перспективы междисциплинарного синтеза / Материалы молодежной конференции (Владивосток, 22–24 апреля 2013 г.). Владивосток: Дальнаука, 2013.
8. Мищук С.В., Аносова С.В. Миграционная ситуация как отражение социально-экономических процессов в Еврейской автономной области // Уровень жизни населения регионов России. 2013. №01/2013 (179). С. 47–54.
9. Свидерская В.В. Демографическая политика Советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е гг. XX в.). Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2008.
10. World Health Organization (WHO) estimates of tuberculosis incidence by country, 2012 (sorted by country). http://www.hpa.org.uk/webc/NRAwebFile/NRAweb_C/1317140584754.
11. Информация о состоянии здоровья населения и деятельности системы здравоохранения в Еврейской автономной области в 2012 г. / Аналитический отчет. Биробиджан: Управление здравоохранения правительства ЕАО, 2013.
12. Яйтакова А.В. Репродуктивное поведение населения как фактор формирования демографических тенден-

References

1. Bobylev S.N. *Doklad o chelovecheskom razvitiy v Rossiyskoy Federatsii za 2013 g.* [Human Development Report for the Russian Federation 2013]. Moscow, RA IL'F Publ., 2013.
2. *Demograficheskiy ezhegodnik Evreyskoy avtonomnoy oblasti* [Demographic Yearbook of the Jewish Autonomous Region]. Birobidzhan, Evrstat Publ., 2013.
3. *Statisticheskiy ezhegodnik Evreyskoy avtonomnoy oblasti* [Statistical Yearbook of the Jewish Autonomous Region]. Birobidzhan, Evrstat Publ., 2013.
4. World health statistics 2013. World Health Organization (WHO). 2013.
5. Gobar Health Observatory Data Repository. Life expectancy Data by WHO region World Health Organization (WHO). Available at: <http://apps.who.int/gho/data/view.main.690?lang=en>.
6. *Zdravookhranenie v Rossii. 2013* [Health in Russia]. Moscow, Rosstat Publ., 2013.
7. Sukhoveeva A.B. Territorial'nye razlichiya ekonomicheskogo usherba ot poter' zdorov'ya v rezul'tate smertnosti naseleniya regionov Dal'nego Vostoka Rossii. Istoricheskie i geograficheskie issledovaniya Severnoy Pasifiki: problemy i perspektivy mezhdistsiplinarnogo sinteza [Territorial differences in economic damage from the loss of health as a result of mortality regions of the Far East of Russia / Historical and geographical studies of North Pacifica: problems and prospects of interdisciplinary synthesis]. *Materialy molodezhnoy konferentsii (Vladivostok, 22-24 aprelya 2013 g.)* [Materials Youth Conference (Vladivostok, 22-24 April 2013)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2013.
8. Mishchuk S.V., Anosova S.V. Migratsionnaya situatsiya kak otrazhenie sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov v Evreyskoy avtonomnoy oblasti [The migration situation as a reflection of the socio-economic processes in the Jewish Autonomous Region]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 47–54.
9. Sviderskaya V.V. *Demograficheskaya politika Sovetskogo gosudarstva na Dal'nem Vostoke (60-80-e gg. XX v.)* [Demographic policy of the Soviet state in the Far East (60-80-ies. XX century)]. Vladivostok, Far Eastern universitet Publ., 2008.
10. World Health Organization (WHO) estimates of tuberculosis incidence by country, 2012 (sorted by country).

- ций в социокультурном пространстве региона (на примере Республики Алтай) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 2 (180). С. 117–128.
13. Бобков В.Н., Елизаров В.В., Джанаева Н.Г., Данилова И.А., Маликов Н.С., Сеница А.Л. Методологические основы разработки региональных программ демографического развития с учетом региональных особенностей (на примере Дальневосточного федерального округа) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 10–17.
  14. Авдеев Ю.А., Ушакова В.Л. Демографическая структура населения Приморского края и ее влияние на показатели уровня жизни // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 41–46.
  15. Сукнева С.А. Демографическое развитие Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 33–40.
  16. Мотрич Е.Л. Миграция в воспроизводстве населения на российском Дальнем Востоке // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 25–32.
  17. Мишук С.Н., Аносова С.В. Миграционная ситуация как отражение социально-экономических процессов в Еврейской автономной области // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 47–53.
  18. Залеская О.В. Китайские мигранты на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XXI вв.: основные вехи присутствия и деятельности // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 115–120.
  19. Локтюхина Н.В. Внутривосточная трудовая миграция: проблемы, направления решения // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 6 (184). С. 120–128.
  20. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Уровень жизни населения и потенциал социальной сферы в регионах Дальнего Востока России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 18–24.
  21. Мошков А.В. Уровень жизни населения как важнейшая составляющая стратегии социально-экономического развития города (на примере Владивостока) // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 54–60.
  22. Бушуев В.В., Голубев В.С., Косьяненко А.В., Тарко А.М. Воспроизводимый капитал и качество жизни — 2009: мир и субъекты Российской Федерации // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 4 (182). С. 63–125.
  23. Бобков В.Н. Методологические подходы к разработке системы социальной стандартизации и опыт ее реализации в Российской Федерации // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 4 (182). С. 3–6.
  24. Куклин А.А., Леонтьева А.Г., Никулина Н.Л. Социальная защита населения как фактор роста продолжительности жизни // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 1 (179). С. 130–140.
  25. Кавокин С.Н. Совершенствование системы освидетельствования и комплексной реабилитации инвалидов как обязательное условие реализации требований Конвенции о правах инвалидов // *Уровень жизни населения регионов России*. 2013. № 11 (189). С. 102–106.
- http://www.hpa.org.uk/webc/HPAwebFile/HPAweb_C/1317140584754.
11. Informatsiya o sostoyanii zdorov'ya naseleniya i deyatel'nosti sistemy zdravookhraneniya v Evreyskoy avtonomnoy oblasti v 2012 g. [Information on the health status and health system performance in the Jewish Autonomous Region in 2012]. Birobidzhan, Department of Health of the Government of Jewish Autonomous Region, 2013.
  12. Yaytakova A.V. Reproduktivnoe povedenie naseleniya kak faktor formirovaniya demograficheskikh tendentsiy v sotsiokul'turnom prostranstve regiona (na primere Respubliki Altay) [Reproductive behavior of the population as a factor of demographic trends in the socio-cultural environment of the region (on the example of the Altai Republic)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 2 (180), pp. 117–128.
  13. Bobkov V.N., Elizarov V.V., Dzhanayeva N.G., Danilova I.A., Malikov N.S., Sinita A.L. Metodologicheskie osnovy razrabotki regional'nykh programm demograficheskogo razvitiya s uchetom regional'nykh osobennostey (na primere Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga) [Methodological basis for the development of regional programs of demographic development from a regional perspective (for example, the Far Eastern Federal District)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013. I. 1 (179), pp. 10–17.
  14. Avdeev Yu.A. Ushakova V.L. Demograficheskaya struktura naseleniya Primorskogo kraia i ee vliyanie na pokazateli urovnya zhizni [The demographic structure of the population of Primorye and its impact on living standards]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 41–46.
  15. Sukneva S.A. Demograficheskoe razvitiye Respubliki Sakha (Yakutiya): sostoyaniye i perspektivy [Demographic Development of the Republic of Sakha (Yakutia): status and prospects]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 33–40.
  16. Motrich E.L. Migratsiya v vosproizvodstve naseleniya na rossiyskom Dal'nem Vostoke [Migration in the reproduction of the population in the Russian Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 25–32.
  17. Mishchuk S.N., Anosova S.V. Migratsionnaya situatsiya kak otrazheniye sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov v Evreyskoy avtonomnoy oblasti [The migration situation as a reflection of the socio-economic processes in the Jewish Autonomous Region]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 47–53.
  18. Zaleskaya O.V. Kitayskie migranty na rossiyskom Dal'nem Vostoke vo vtoroy polovine XIX — nachale XXI vv.: osnovnye vekhi prisutstviya i deyatel'nosti [Chinese migrants in the Russian Far East in the second half of XIX — beginning of the XXI century: major milestones presence and activities]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 115–120.
  19. Loktyukhina N.V. Vnutrirossiyskaya trudovaya migratsiya: problemy, napravleniya resheniya [Internal Russian labor migration: problems, ways of solving]. *Uroven' zhizni nas-*

26. Бутрина В.И. Уровень и качество жизни инвалидов: объективна ли статистика? // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 12 (190). С. 111–124.
27. Гундаров И.А. Поиск оптимальной модели социального государства для высокого качества жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3 (181). С. 53–61.
- eleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 6 (184), pp. 120–128.
20. Motrich E.L., Nayden S.N. Uroven' zhizni naseleniya i potentsial sotsial'noy sfery v regionakh Dal'nego Vostoka Rossii [Standard of living and social potential in the Far East of Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 18–24.
21. Moshkov A.V. Uroven' zhizni naseleniya kak vazhneyshaya sostavlyayushchaya strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya goroda (na primere Vladivostoka) [The standard of living of the population as a major component of socio-economic development of the city (for example, Vladivostok)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 54–60.
22. Bushuev V.V., Golubev V.S., Kos'yanenko A.V., Tarko A.M. Vosproizvodimyy kapital i kachestvo zhizni – 2009: mir i sub"ekty Rossiyskoy Federatsii [Reproducible capital and quality of life – 2009: the world and the subjects of the Russian Federation]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 4 (182), pp. 63–125.
23. Bobkov V.N. Metodologicheskie podkhody k razrabotke sistemy sotsial'noy standartizatsii i opyt ee realizatsii v Rossiyskoy Federatsii [Methodological approaches to the development of the social experience of standardization and its implementation in the Russian Federation]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 4 (182), pp. 3–6.
24. Kuklin A.A., Leont'eva A.G., Nikulina N.L. Sotsial'naya zashchita naseleniya kak faktor rosta prodolzhitel'nosti zhizni [Social protection of the population as a growth factor in life expectancy]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 1 (179), pp. 130–140.
25. Kavokin S.N. Sovershenstvovanie sistemy osvidetel'stvovaniya i kompleksnoy rehabilitatsii invalidov kak obyazatel'noe uslovie realizatsii trebovaniy Konventsii o pravakh invalidov [Improving the system of inspection and comprehensive rehabilitation as a prerequisite to implementing the requirements of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 11 (189), pp. 102–106.
26. Butrina V.I. Uroven' i kachestvo zhizni invalidov: ob"ektivna li statistika? [The level and quality of life of people with disabilities: whether objective statistics?]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 12 (190), pp. 111–124.
27. Gundarov I.A. Poisk optimal'noy modeli sotsial'nogo gosudarstva dlya vysokogo kachestva zhizni naseleniya [Search for the optimal model of the welfare state to a high quality of life]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 3 (181), pp. 53–61.

Накопительная пенсия в свете действующего законодательства

Accumulated Pension in the Light of Current Legislation

Получено 02.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 368.914

DOI: 10.12737/7411

ПАВЛЮЧЕНКО В.Г.

д-р экон. наук, профессор Российского государственного социального университета.
129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1.
E-mail: 1irina_@mail.ru

PAVLYUCHENKO V.G.

Doctor of Economics, Professor, Russian State Social University.
Building 2, 4 Wilhelm Piek, Moscow 129226, Russia.
E-mail: 1irina_@mail.ru

Аннотация

Актуальность. В статье рассматривается одна из острых социальных проблем современной России — пенсионное обеспечение старшего поколения. Актуальность вопроса связана с принятым в 2013 г. законом о реформировании действующей системы обязательного пенсионного страхования, что внесло существенные изменения в накопительное пенсионное страхование.

Объект. Пенсионная реформа 2013–2014 гг.: социальные аспекты, экономическая сущность, нормативная система расчета накопительной пенсии, социально-экономическая мотивация труда в аспекте пенсионного законодательства, принципы дифференцированного подхода и пенсионные права.

Предмет. Место и роль накопительной системы пенсионного страхования в экономическом развитии страны. Расширение возможностей человека по обеспечению своей старости за счет накопительной пенсионной системы. Условия, порядок назначения и выплаты накопительной пенсии. Накопительное пенсионное страхование как особый вид страховой защиты со своими правилами и особенностями. Порядок финансирования страховых выплат. Резерв Пенсионного фонда по обязательному пенсионному страхованию. Резерв выплат. Система гарантирования прав застрахованных в накопительном пенсионном страховании.

Цель. Формирование методических основ при раскрытии сущности пенсионной реформы 2013–2014 гг., ее компонентов, нормативной системы, социальной ориентации и экономических механизмов.

Основные направления статьи. Проведен анализ природы ключевой категории системы накопительного пенсионного страхования — собственности на пенсионные накопления и дана ее авторская трактовка. Большое внимание уделено проблемам формирования, сохранения платежеспособности и условиям выплаты накопительной пенсии.

Ключевые слова: накопительная пенсия, срочная пенсионная выплата, пенсионные накопления, инвестиции, резерв выплат, страховые взносы, система гарантирования прав, гарантированный фонд, гарантийный случай, пенсионный фонд, негосударственные пенсионные фонды, система финансирования.

Abstract

Relevance. The article discusses one of the most pressing social problems of present-day Russia — the pensions of the older generation. In relation to adopting the law (2013) to reform the current system of mandatory pension insurance, which has brought significant changes in the funded pension insurance.

Object. Pension reform in 2013–2014. Social aspects, the economic entity, the regulatory system of calculating the pension fund, the socioeconomic aspect of labour motivation in pension legislation, the principles of a differentiated approach and pension rights.

Subject of the Study. The place and role of funded pension insurance system in the economic development of the country. Empowering the individual to ensure their old age due to a funded pension system. Conditions and the order of appointing and paying the funded pension. Funded pension insurance as a special type of insurance coverage with its own rules and features. Procedure for financing insurance premiums. Provision of the pension fund for mandatory pension insurance. Paymaster reserve. System of guaranteeing the rights of the insured in the system of funded pension insurance.

Purpose. Formation of methodological foundations in discovering the essence of the pension reform in 2013–2014. Its component regulatory system, sexual orientation and economic mechanisms.

Main Directions of the Article. The nature of the key category of funded pension insurance — property for retirement savings has been analyzed. The author's interpretation has been given. Much attention is paid to the problems of formation, preservation conditions and solvency payments of the funded pension.

Keywords: funded pension, special pension payments, retirement savings, investment, a paymaster reserve, insurance premiums, the system guaranteeing the rights, a pension fund, private pension funds, the funding system, a guarantee fund, a warranty case.

Неотъемлемой составляющей пенсионной реформы 2014 г. стала модернизация накопительного пенсионного страхования. В этой связи были приняты Федеральный закон «О накопительной пенсии» (№ 424-ФЗ от 28 декабря 2013 г.) и Федеральный закон «О гарантировании прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсион-

ного страхования в Российской Федерации при формировании и инвестировании средств пенсионных накоплений и осуществлении выплат за счет средств пенсионных накоплений» (№ 422-ФЗ от 28 декабря 2013 г.). Одновременно были внесены существенные содержательные изменения в действующие федеральные законы «О негосу-

дарственных пенсионных фондах», «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений», «Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации» и др.

Общая направленность этих изменений — установление правовых, финансовых и организационных мер, обеспечивающих повышение эффективности и надежности защиты прав и интересов граждан, застрахованных в накопительной пенсионной системе Российской Федерации, введение для этого новых финансовых и экономических механизмов и инструментов, правил и норм [1; см. также: Курманов, 2013, 13, с. 53–58; Варламова, Гулюгина, 2013, 15, с. 69–76; Бобков, Гулюгина, Варламова, Одинцова, 2013, 14, с. 59–68]. Но в обществе продолжается дискуссия: сохранить обязательный характер накопительной пенсии или реформировать ее в добровольную. Сегодня действуют нормы и правила, установленные Федеральным законом № 422-ФЗ, по которым будет назначаться накопительная пенсия в ближайшие годы тем, кто ее «заработал».

1. Место и роль накопительного компонента обязательного пенсионного страхования в социальной и экономической сферах

Рассмотреть вопрос о месте и роли накопительного пенсионного страхования принципиально важно, так как позволяет определить возможности повышения уровня и качества пенсионного обеспечения граждан, достижения в этой области уровня социально ориентированных экономически развитых стран. Вместе с тем имеются основания считать накопительное пенсионное страхование очень важным [Соловьев, 2013, 8, с. 3–9].

В 2013 г. накопительным страхованием в России было охвачено более 75 млн человек, которым за счет пенсионных накоплений прибавка к страховой пенсии по старости может составить не менее 30% утраченного заработка, что позволит довести общий размер пенсии до 70–75% заработка, получаемого перед выходом на пенсию [2]. Это соответствовало бы уровню пенсионного обеспечения в социально ориентированных странах. Альтернативы такому решению этой проблемы пока у государства нет. Возможности федерального бюджета не безграничны. И совсем не случайно пенсионные накопления в 2014 г. государство вынуждено было направить на выплату страховой пенсии по старости [3].

Во-первых, эффективная деятельность накопительной пенсионной системы стала существенным

фактором решения острейшей социальной проблемы постсоветской России: достойное пенсионное обеспечение граждан старшего поколения [Соловьев, Мележик, 2013, 9, с. 11–20]. *Во-вторых*, нельзя недооценивать место и роль накопительной системы пенсионного страхования в экономическом развитии страны. Обусловлено это следующими обстоятельствами:

- накопленные пенсионные средства, составившие в 2012 г. более 1,9 трлн руб., реально выступают крупнейшим инвестиционным ресурсом;
- задача и трудность заключаются в грамотном и эффективном его использовании. А пока доходность инвестируемых пенсионных накоплений низкая. Для сравнения: в 2011 г. в Дании она составляла 12,1%, в Нидерландах — 8,2%, а в России, в частности НПФ, их доходность составила 3% при инфляции 6,1% [4]. В то же время инвестиции за счет пенсионных накоплений имеют важное преимущество перед другими инвестициями: они могут инвестироваться на длительный срок (5, 10 и т.д. лет) в крупномасштабные объекты с длительным сроком строительства, например сооружение АЭС, реконструкция БАМа и т.д.

В-третьих, накопительная пенсионная система позволяет расширить возможности человека по обеспечению своей старости: участвовать в софинансировании пенсионных накоплений, направлять на пенсионные накопления материнский капитал или его часть, уплачивать страховые взносы на накопительную пенсию в пользу членов семьи (например, в пользу жены, не работающей по тем или иным причинам), вступив добровольно в накопительную систему и т.д.

В-четвертых, участвуя в накопительном пенсионном страховании, застрахованное лицо получает большие возможности управлять своими пенсионными накоплениями (выбрать ту или иную управляющую компанию, тот или иной негосударственный пенсионный фонд, сменить их и т.д.). При выполнении определенных условий застрахованное лицо может передать накопленные пенсионные средства наследникам и т.д. Все это создает предпосылки для более активного участия в формировании своей накопительной пенсии. Хотя пока этими возможностями застрахованные лица пользуются не очень активно, «молчаливо» передавая их Пенсионному фонду РФ, управляющей компании или ПНФ.

В числе мер по совершенствованию системы обязательного пенсионного страхования установлены условия и порядок добровольного пенсионного страхования [Кучук, 2013, 12, с. 44–52]. В част-

ности, определен круг лиц, которые могут добровольно вступить в систему обязательного пенсионного страхования. К ним относятся:

1) граждане РФ, работающие за пределами ее территории;

2) физические лица в целях уплаты страховых взносов за другое физическое лицо (например, муж за неработающую жену и т.д.);

3) застрахованные граждане, уплачивающие страховые взносы в фиксированном размере, дополнительно уплачивающие взносы сверх этого размера. Правда, здесь введено ограничение: в общей сложности размер взноса не должен превышать 22% от зарплаты или дохода;

4) физические лица в целях уплаты дополнительных страховых взносов на накопительную пенсию сверх обязательных.

2. Накопительная пенсия

В действующей российской системе обязательного пенсионного страхования законодательством установлены следующие виды пенсионного обеспечения: страховая пенсия (в данной статье не рассматривается) и накопительная пенсия. Рассмотрим базовые характеристики последней.

Накопительная пенсия по своей сущности и целям идентична страховой пенсии, т.е. это одна из форм возмещения застрахованным лицам утраченной заработной платы и других выплат в связи с наступлением нетрудоспособности по старости. Осуществляется это возмещение в виде ежемесячной выплаты пенсии, получившей название «накопительная пенсия». На этом сходство страховой и накопительной пенсий в принципе и заканчивается. Что же касается базовых характеристик — порядок и условия назначения и выплат пенсий, формирования их финансовой базы, пенсионных выплат и т.д., то они для страховой пенсии и накопительной пенсии существенно различаются. Рассмотрим это подробнее.

Прежде всего, отличается порядок формирования финансовой (ресурсной) базы для пенсионных выплат. Финансовая база для выплаты накопительной пенсии формируется в основном за счет личных страховых взносов. С 2015 г. страховой взнос на накопительную пенсию установлен в размере 6% от заработка и иных вознаграждений, выплачиваемых работнику работодателем. Для иных категорий плательщиков страховых взносов на накопительную пенсию (индивидуальные предприниматели, лица свободных профессий и т.д.) взносы уплачиваются с их дохода либо со стоимости страхового года (с 2014 г. фиксированный размер страхового взноса), который ежегодно

устанавливается правительством. При этом следует иметь в виду, что в отличие от страховой пенсии, страховые взносы на накопительную пенсию не направляются на выплату пенсий нынешним пенсионерам, а сразу поступают на счета застрахованных лиц в накопительную пенсионную систему. Это либо специальная часть индивидуального лицевого счета застрахованного лица, либо пенсионный счет накопительной пенсии застрахованного лица. На этих счетах застрахованных лиц аккумулируются (накапливаются) реальные денежные средства.

При выходе на пенсию за счет накопленных застрахованным лицом за время его трудовой деятельности денежных средств ему выплачивается накопительная пенсия. Она и будет, наряду со страховой пенсией, основным источником его материального обеспечения в старости. Обратим внимание на принципиально важные особенности одной из базовых экономических категорий накопительной пенсионной системы — «пенсионные накопления». Здесь принципиально важно ответить на два вопроса. Первый: чьей собственностью являются пенсионные накопления — государства, Пенсионного фонда, застрахованных лиц в накопительной системе? И второй: каковы ее особенности.

Что касается характера собственности пенсионных накоплений, то его определяют следующие факторы. Согласно действующему законодательству, основным источником формирования пенсионных накоплений выступают страховые взносы на накопительную пенсию, которые представляют собой часть затрат работодателя на используемую им рабочую силу. Следовательно, это часть оплаты труда работника, которая не выдается работнику на руки, а перечисляется в Пенсионный фонд на специальную часть индивидуального лицевого счета застрахованного лица в форме страховых взносов. Другими словами, пенсионные накопления формируются за счет отложенной заработной платы работника. Таким образом, застрахованное лицо откладывает часть своих доходов на старость, но не в «кубышку», а в Пенсионный фонд, которая не перераспределяется. Из этого вытекает, что пенсионные накопления — это частная (личная) собственность застрахованных лиц. Это особый вид частной собственности, которая основана на собственном труде застрахованного. Другие лица не участвуют в ее формировании. Это продукт отдельного индивидуума, сформированный им за счет личных доходов в форме пенсионных накоплений. Поэтому, естественно, что накопительная пенсия выплачивается из средств, которые им накоплены, а ее

размер зависит только от величины его пенсионных накоплений. Здесь нет солидарного перераспределения. Поэтому пенсионные накопления не могут быть собственностью ни государства, ни Пенсионного фонда, ни управляющей компании или других структур. Право владения, распоряжения и пользования этой собственностью принадлежит застрахованным лицам в накопительной системе. Отдельные функции по управлению пенсионными накоплениями, т.е. собственностью застрахованных лиц, последние могут передавать на договорных началах сторонним организациям (управляющим компаниям, негосударственным пенсионным фондам и т.п.).

Необходимо также иметь в виду и другую особенность собственности на пенсионные накопления: ее индивидуальный характер. Это означает, что каждому застрахованному лицу принадлежит только такая сумма этих накоплений, которая эквивалентна размеру взносов и иных платежей, внесенных самим застрахованным лицом или за него работодателем, на накопительный счет в Пенсионный фонд или в негосударственный пенсионный фонд.

В отличие от ассоциированной собственности застрахованных в солидарно-распределительной пенсионной системе, в накопительной она атомизирована. А это означает, что общая сумма пенсионных накоплений Пенсионного фонда состоит из совокупности отдельных сумм пенсионных накоплений, каждая из которых есть собственность отдельного застрахованного лица. Таких собственников сегодня уже несколько миллионов. В качестве аналогии (конечно, всякая аналогия условна) это можно сравнить со вкладами в банке. Последние, как известно, аккумулируют денежные средства вкладчиков, составляющие в совокупности основную долю активов (ресурсной базы) банков. Следовательно, их активы формируются, прежде всего, за счет аккумулирования частных вкладов сотен и тысяч вкладчиков. При этом сохраняется их право частной собственности и одновременно они получают доход в виде процентов на вложенные деньги.

Особо важна такая особенность пенсионных накоплений, как их способность приносить доход. Обусловлено это превращением (метаморфозой) накопленных денежных средств в накопительной пенсионной системе в капитал. Здесь необходимы следующие пояснения: деньги просто как деньги и деньги как капитал принципиально отличаются друг от друга: капитал есть стоимость, в том числе и в денежной форме, которая способна к самовозрастанию, т.е. приносить их собственникам доход.

Сегодня даже людям, далеким от финансов, известно, что свободные денежные средства должны «работать», т.е. вкладываться в экономику и приносить доход. В полной мере это относится и к пенсионным накоплениям. Более того, если они будут лежать на счетах застрахованных лиц в Пенсионном фонде «мертвым» грузом, то в результате обесценятся и в конечном счете, будут утрачены. Конечно, такой вариант неприемлем, в первую очередь, с социальной точки зрения. Его реализация означала бы, что миллионы застрахованных в накопительной пенсионной системе оказались бы без этой пенсии. Неприемлем он и с экономической точки зрения. В 2012 г., как уже отмечалось, пенсионные накопления превысили 1,9 трлн рублей. Не использовать этот крупномасштабный источник инвестиций для развития экономики нерационально как с экономической, так и социальной точек зрения.

Вместе с тем неправомерно подходить к инвестированию пенсионных накоплений в экономику как к чисто техническому мероприятию. На деле это сложная, многогранная система правовых, финансовых, организационных отношений, основу которых составляет движение «капитала-собственности».

Оставляя в стороне теоретические вопросы сущности, особенностей данного вида капитала (это не предмет нашего рассмотрения), отметим, что доход в виде процента на инвестируемые денежные средства, т.е. на капитал-собственность, застрахованное лицо получает не в результате его предпринимательской деятельности, а как собственник. Что касается пенсионных накоплений, инвестируемых в экономику и совершающих превращение (метаморфозу) в капитал-собственность, то здесь мы имеем дело со специфическим видом капитала-собственности, как по источникам и способу его формирования, так и по конечным целям и задачам, для которых он предназначен. Целями и задачами выступает не просто получение дохода на инвестируемый капитал (пенсионные накопления), а финансовое обеспечение страховых выплат лицам, застрахованным в накопительной системе обязательного пенсионного страхования. Поэтому инвестирование пенсионных накоплений — это особая фаза в их движении, цель которой — сохранить и получить доход на инвестируемый денежный капитал, аккумулируемый в виде денежных средств на пенсионных счетах собственников капитала. Поскольку инвестирование пенсионных накоплений осуществляется на протяжении всей трудовой деятельности застрахованных лиц, то, как известно, это «длинные» деньги, т.е. они используются как ра-

ботающий капитал длительное время (15–30 лет). Говоря об особенностях «капитала-собственности», необходимо иметь в виду, что финансовые инструменты вложения пенсионных накоплений разнообразны — государственные ценные бумаги, акции предприятий и организаций, ценные бумаги субъектов РФ, депозиты в рублях в кредитных организациях и т.д. Риски, представляющие угрозу для пенсионных накоплений (капитала-собственности), также весьма специфичны. Это финансовые риски: инфляционные (обесценение денег); банкротства хозяйствующих субъектов (предприятий, корпораций, банков и т.д.), в которые инвестированы пенсионные накопления; снижение доходности государственных ценных бумаг, акций, депозитов и т.п. Эти риски характерны только для накопительного пенсионного страхования, а для солидарно-распределительной системы пенсионного страхования они угрозу не представляют. В ней реальную угрозу представляют демографические риски. Проблема обеспечения сохранности и доходности пенсионных накоплений — одна из острейших для накопительной пенсионной системы России, так как предполагает необходимость обеспечить доходность инвестируемых пенсионных накоплений, как минимум, не ниже уровня инфляции. Рассмотрим подробнее, какие здесь действуют правовые, финансовые, организационные нормы, механизмы и инструменты.

3. Условия, порядок назначения и выплаты накопительной пенсии

Прежде чем рассмотреть условия, порядок назначения и выплаты накопительной пенсии по существу, обратим внимание на следующий момент: в новом пенсионном законодательстве введен термин «установление пенсии», который равнозначен термину «назначение пенсии». Это следует иметь в виду во избежание недопонимания и путаницы.

А теперь по существу. Накопительное пенсионное страхование представляет особый вид страховой защиты со своими правилами и особенностями. Поэтому как условия и порядок назначения накопительной пенсии, так и ее выплаты имеют свою специфику. Начнем с того, что право на накопительную пенсию получают лишь те граждане, которые не только застрахованы в накопительной системе пенсионного страхования, но и имеют пенсионные накопления, учтенные либо в специальной части их индивидуальных лицевых счетов, либо на пенсионном счете накопительной пенсии. Таким образом, обязательным условием

назначения (установления) накопительной пенсии выступает наличие у застрахованного лица пенсионных накоплений. При их отсутствии накопительная пенсия не назначается. И это правомерно: нет накоплений, следовательно, нет источника финансирования выплаты накопительной пенсии.

Законодательством установлено, что размер пенсионных накоплений для ее назначения должен составлять более 5% размера страховой пенсии по старости (с учетом фиксированной базовой выплаты) и размера накопительной пенсии, рассчитанной на день назначения пенсии [5]. Если размер пенсионных накоплений у застрахованного лица меньше данного норматива, то ему накопительная пенсия не назначается, а накопленные пенсионные средства выплачиваются в виде единовременной выплаты. Кроме того, следует обратить внимание на следующее уточнение: накопительная пенсия назначается лишь гражданам, имеющим право на страховую пенсию по старости, в том числе досрочную.

Помимо рассмотренных условий назначения накопительной пенсии, обусловленных особенностями накопительного пенсионного страхования, необходимы общие условия пенсионного страхования. К ним относятся:

- наличие нормативного страхового стажа (в 2015 г. — 6 лет, 2016 г. — 7 лет, ... в 2025 г. — 15 лет);
- достижение общеустановленного пенсионного возраста (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин). Для отдельных категорий работников установлены более ранние сроки выхода на пенсию. Эти нормы досрочного выхода на пенсию сохраняются при назначении накопительной пенсии.

Размер накопительной пенсии определяется исходя из величины пенсионных накоплений, сформированных застрахованным лицом за время всей его трудовой деятельности и прогнозируемого (ожидаемого) периода выплаты накопительной пенсии. Исчисление ее размера осуществляется по формуле:

$$НП = ПН/Т,$$

где: НП — размер накопительной пенсии;

ПН — сумма денежных средств пенсионных накоплений застрахованного лица;

Т — количество месяцев ожидаемого периода выплаты накопительной пенсии.

Формула, как видим, простая. Но необходимы следующие пояснения.

- 1) Необходимо иметь в виду, что формирование пенсионных накоплений осуществляется не только за счет страховых взносов (это основ-

ной источник), но и из других источников. К ним относятся: дополнительные взносы работодателя в пользу застрахованного лица, взносы государства на софинансирование дополнительных добровольных выплат самими работниками на накопительную пенсию (на 1 тыс. руб. работника 2 тыс. от государства, но не более 12 тыс. руб.), средства материнского капитала (или его части), направляемые на формирование накопительной пенсии, доходы от их инвестиций, добровольные взносы самих застрахованных. Все эти поступления средств учитываются при определении размера пенсионных накоплений для исчисления размера накопительной пенсии.

- 2) Если застрахованному лицу, по его желанию, назначается срочная выплата, то ее сумма при исчислении накопительной пенсии не учитывается.
- 3) Что касается ожидаемого периода выплаты накопительной пенсии, то законодательством установлены следующие правила: до первого января 2016 г. 228 месяцев (19 лет). С 1 января 2016 г. продолжительность периода выплаты накопительной пенсии будет ежегодно устанавливаться Федеральным законом. Для граждан, выходящих на накопительную пенсию досрочно, законодательством предусмотрено, что с 1 января 2013 г. (в дальнейшем с 1 января соответствующего года) продолжительность периода выплаты накопительной пенсии ежегодно увеличивается на один год. При этом суммарное увеличение не должно превышать общее количество лет, недостающих до установленного возраста при выходе на страховую пенсию по старости.

Практическая реализация данной нормы может привести к относительному и даже абсолютному снижению размера накопительных пенсий для каждой последующей когорты пенсионеров «досрочников» по отношению к тем, кто вышел на пенсию годом раньше, а в итоге — к снижению численности застрахованных лиц, выходящих на пенсию досрочно. Следует также отметить, что при назначении накопительной пенсии предусмотрены меры, стимулирующие более поздний выход на накопительную пенсию. Так, если застрахованное лицо выходит на пенсию позже общеустановленного пенсионного возраста (для мужчин 60 лет, для женщин — 55 лет), то ожидаемый период выплаты накопительной пенсии сокращается на 12 месяцев за каждый год более позднего выхода. Тем самым размер накопительной пенсии соответственно возрастает. Эта норма распространяется и на «досрочников». Вместе с

тем следует иметь в виду, что с 2015 г. период выплаты накопительной пенсии, используемый для расчета ее размера, не может быть меньше 168 месяцев (14 лет).

Согласно Федеральному закону «О накопительной пенсии» (от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ) правами страховщика, кроме ПФР, наделены негосударственные пенсионные фонды. Это означает, что им вменено в обязанность осуществлять назначение, доставку и выплату накопительных пенсий лицам, застрахованным в этих фондах, т.е. здесь формирующим свои пенсионные накопления.

4. Порядок финансирования страховых выплат

Рассмотренные ранее порядок, условия и особенности формирования пенсионных накоплений, их источник, а также особенности установления (назначения) накопительных пенсий предопределили виды и характер страховых выплат за счет средств пенсионных накоплений. Их осуществление регулируется Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 360-ФЗ «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений». В соответствии с данным законом страховые выплаты осуществляются в виде:

- накопительной пенсии;
- срочной пенсионной выплаты;
- единовременной выплаты застрахованному лицу;
- выплаты средств пенсионных накоплений правопреемникам застрахованного лица.

Условия, содержание, порядок назначения и выплаты накопительной пенсии уже рассмотрены. Теперь остановимся на других видах выплат. Но обратим еще раз внимание на то, что выплаты как накопительной пенсии, так и других ее видов осуществляются страховщиком, у которого застрахованное лицо производило (на момент назначения выплаты) формирование своих пенсионных накоплений.

Другим видом страховой выплаты за счет средств пенсионных накоплений законодательством предусмотрена срочная выплата. Особенность ее заключается в том, что пенсионные накопления, во-первых, формируются за счет иных источников, нежели накопительная пенсия. Это средства дополнительных страховых взносов, взносов работодателя, взносов на софинансирование формирования пенсионных накоплений, дохода от их инвестирования, средств (части средств) материнского (семейного) капитала, направленных на формирование накопительной пенсии, дохода от их инвестирования. Во-вторых, застрахованное

лицо вправе по своему выбору получить указанные средства в виде срочной пенсионной выплаты, выплачиваемой в течение не менее 120 месяцев (10 лет) со дня ее назначения, или в составе накопительной пенсии по старости. Следовательно, как видим, взносы, уплачиваемые работодателем (6%) на формирование накопительной пенсии, при назначении срочной выплаты не учитываются, сроки срочной выплаты устанавливаются не пожизненно, а только на срок не более десяти лет, размер срочной выплаты с 1 августа каждого года подлежит корректировке, исходя из поступления новых средств из источников, которые указаны выше.

Единовременная выплата за счет пенсионных накоплений отличается от выплат как в виде накопительной пенсии, так и срочной выплаты, прежде всего с точки зрения ее получателей. Она выплачивается следующим категориям лиц, застрахованных в накопительной системе:

- 1) лицам, получающим трудовую пенсию по инвалидности или трудовую пенсию по случаю потери кормильца, либо получающим пенсию по государственному пенсионному обеспечению, которые не приобрели право на установление страховой пенсии по старости в связи с отсутствием необходимого страхового стажа при достижении ими пенсионного возраста;
- 2) лицам, которым размер накопительной пенсии по старости в случае ее назначения составил пять и менее процентов от суммы страховой пенсии по старости и накопительной пенсии. В первую очередь, это относится к лицам, которые были выведены из накопительной системы, а также к тем, кто платил страховые взносы на накопительную пенсию в размере 2%;
- 3) действующим законодательством установлена выплата за счет средств пенсионных накоплений наследникам в случае смерти застрахованного лица.

Важно иметь в виду, что виды страховых выплат и условия их осуществления одинаковы как для ПФР, так и негосударственных пенсионных фондов. Различие между этими страховщиками состоит лишь в том, что уровень доходности инвестируемых пенсионных накоплений у них может быть разным. Обычно он выше у НПФ, но и риски у них выше. Поэтому для расширения возможности выбора собственниками пенсионных накоплений более выгодного их вложения им предоставлено право переходить из ПФР в НПФ и из одного НПФ в другой.

Что касается наследников застрахованных лиц: если смерть застрахованного лица наступила до

назначения ему накопительной пенсии по старости, то средства, учтенные в специальной части его индивидуального лицевого счета (за исключением средств материнского капитала), направленные на формирование накопительной пенсии, и доход от их инвестирования выплачиваются наследникам в установленном порядке. При этом застрахованное лицо вправе в любое время посредством подачи соответствующего заявления в Пенсионный фонд Российской Федерации или негосударственный пенсионный фонд определить конкретных лиц, которым может быть произведена такая выплата, а также установить, в каких долях следует распределить между ними указанные выше средства.

Неотъемлемой составляющей обязательного накопительного пенсионного страхования является система финансовых механизмов и инструментов, как в Пенсионном фонде, так и в негосударственных пенсионных фондах, обеспечивающая финансирование страховых выплат. К ним относятся: 1) формирование резерва по обязательному пенсионному страхованию; 2) создание резерва выплат. Эти механизмы формируются Пенсионным фондом и негосударственными пенсионными фондами. Порядок, условия, необходимые структуры для этого установлены Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 360-ФЗ «О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений» (в ред. ФЗ-410 от 28 декабря 2013 г.), а также другими законами.

Прежде чем рассмотреть вопрос об их функциях, обратим внимание на то, что необходимость этих видов резервов обусловлена особенностями как формирования, инвестирования, так и выплаты средств пенсионных накоплений, т.е. их движением, сменой их форм. Напомним, что пенсионные накопления формируются длительное время (у «досрочников» 20–30 лет, у застрахованных лиц, выходящих на пенсию в общеустановленные сроки, 35–40 лет). Поэтому во избежание их обесценения средства пенсионных накоплений инвестируются в экономику — в реальное производство, финансовый сектор, в акции, облигации и т.д. В результате на пенсионных счетах у застрахованных лиц как в ПФР, так и в негосударственных пенсионных фондах нет наличных денежных средств, которые можно снять со счетов и направить на финансирование выплат за счет пенсионных накоплений. Они не хранятся, как сокровища в «кубышке». В то же время для выплаты пенсий, срочных выплат или единовременных выплат необходимы наличные денежные средства. Кроме того, при инвестировании пенсионных накоплений в процессе их движения от

страховщика в управляющую компанию, из управляющей компании обратно к страховщикам и т.д. средства подвергаются финансовым рискам: убыточные или низкодоходные вложения, банкротство предприятий или организаций, использующих средства пенсионных накоплений, банальное воровство и т.п. Защита прав и интересов застрахованных лиц в подобных случаях также предполагает наличие механизмов, сохраняющих возможность финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений. Обеспечение финансирования в вышерассмотренных случаях осуществляется за счет средств резерва по обязательному пенсионному страхованию и резерва выплат. Из них осуществляется финансирование выплат, которые установлены законодательством, и источники их формирования разные.

Резерв пенсионного фонда по обязательному пенсионному страхованию создается как в ПФР, так и негосударственных пенсионных фондах. Его задачи: обеспечить устойчивость исполнения обязательств перед застрахованными лицами, в том числе по финансированию установленных законом выплат средств пенсионных накоплений. К числу этих обязательств относятся:

- восполнение недостающих средств пенсионных накоплений у застрахованного лица в случае, когда сумма средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части его индивидуального лицевого счета, при передаче этих средств в негосударственный пенсионный фонд окажется меньше общей суммы страховых взносов на накопительную пенсию и иных платежей, направленных на формирование накопительной пенсии;
- выплата средств пенсионных накоплений правопреемникам умершего застрахованного лица;
- оплата услуг по доставке застрахованным лицам пенсионной, срочной и единовременной выплаты средств пенсионных накоплений;
- единовременные выплаты.

Резерв Пенсионного фонда формируется за счет источников, установленных законодательством. Нормы и правила формирования резерва по обязательному пенсионному страхованию (расчетная база для определения размера отчислений в резерв, ставка и порядок отчислений средств в резерв и т.д.) устанавливаются законодательством, по отдельным позициям — Правительством России и Центральным банком РФ.

Резерв выплат (выплатной резерв). Для обеспечения финансирования выплат за счет пенсионных накоплений Пенсионным фондом Российской Федерации и негосударственными пенсионными фондами создаются выплата резервы. За счет

средств, которые в них аккумулируются, производятся денежные выплаты средств пенсионных накоплений. В соответствии с этой функцией он получил название «выплатной резерв».

В выплата резерв Пенсионного фонда включаются: 1) сумма средств пенсионных накоплений, учтенных в специальной части индивидуального лицевого счета застрахованного лица на день, с которого установлена накопительная пенсия по старости, но не менее суммы гарантируемых государством средств, определяемой в соответствии с действующим законодательством; 2) сумма средств пенсионных накоплений, учтенная на счете застрахованного лица уже после назначения ему накопительной пенсии по старости, а также чистый результат от временного инвестирования этих средств; 3) средства, направленные на выплату накопительной пенсии, но не включенные в связи со смертью застрахованного лица; 4) доход от инвестирования пенсионных накоплений, полученный после назначения накопительной пенсии, исходя из которого произведена ее корректировка, и др.

Следует отметить, что источники формирования средств выплата резерва для финансирования срочной выплаты законодательством установлены отдельно. К ним относятся пенсионные накопления, сформированные за счет дополнительных страховых взносов на накопительную часть трудовой пенсии, взносов работодателя, взносов на софинансирование формирования пенсионных накоплений, дохода от их инвестирования, средств (части средств) материнского (семейного) капитала, направленных на формирование накопительной части трудовой пенсии, дохода от их инвестирования [Соловьев, Герман, 2013, 11, с. 30–43].

Временно свободные средства выплата резерва в установленном порядке передаются на договорной основе управляющим компаниям для инвестирования. Передача средств пенсионных накоплений для формирования выплата резерва и средств пенсионных накоплений застрахованных лиц, которым установлена срочная пенсионная выплата, из управляющих компаний в Пенсионный фонд Российской Федерации производится путем их перечисления на отдельные счета Пенсионного фонда Российской Федерации, открытые в Центральном банке Российской Федерации. Пенсионный фонд Российской Федерации на основании данных индивидуального (персонифицированного) учета о суммах средств пенсионных накоплений застрахованных лиц, достигающих в следующем году возраста, дающего право на установление пенсии по старости (в

том числе досрочной), составляет план передачи средств пенсионных накоплений, предназначенных для формирования выплатного резерва, из управляющих компаний в Пенсионный фонд Российской Федерации. Передача средств осуществляется по принятой для этих целей процедуре.

Рассмотренные условия и порядок формирования выплатного резерва Пенсионного фонда РФ в целом применяются при формировании выплатного резерва в негосударственных пенсионных фондах с учетом их особенностей. Предполагается, что НПФ постепенно будут преобразованы в акционерные общества.

5. Система гарантирования прав застрахованных в накопительном пенсионном страховании

В число основополагающих мер по модернизации накопительной системы входит создание системы гарантий прав и защиты интересов застрахованных лиц при формировании и инвестировании средств пенсионных накоплений, назначении и осуществлении выплат за счет пенсионных накоплений. В этой связи был принят Федеральный закон «О гарантировании прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации при формировании и инвестировании средств пенсионных накоплений, установлении и осуществлении выплат за счет средств пенсионных накоплений» [Коржов, Соловьев, Курманов, 2013, 10, с. 21–29].

Законом установлены правовые, финансовые и организационные основы гарантирования прав застрахованных лиц. При этом следует подчеркнуть, что они представляют собой систему взаимосвязанных мер, обеспечивающих гарантии прав застрахованных лиц по всем составляющим и на всех этапах накопительного пенсионного страхования [6]. Установленные нормы и правила, обеспечивающие гарантию защиты прав и законных интересов застрахованных лиц, распространяются как на Пенсионный фонд Российской Федерации, так и на негосударственные пенсионные фонды [7]. Эта система гарантирования основана на следующих принципах:

- обеспечение защиты прав застрахованных лиц при их нарушении, т.е. при наступлении гарантированного случая;
- обязательность участия страховщиков по обязательному накопительному пенсионному страхованию в системе гарантирования прав застрахованных лиц;
- накопительный характер формирования фонда гарантирования сохранности пенсионных накоплений.

Законодательством также определен круг ее участников. В их число входят: 1) застрахованные лица; 2) страховщики по обязательному накопительному пенсионному страхованию (ПФР и негосударственные пенсионные фонды); 3) государственная корпорация Агентство по страхованию вкладов; 4) Банк России. Каждый участник наделен определенными правами и полномочиями, и соответственно установлена зона его ответственности.

Принципиально важно для эффективного функционирования системы обеспечения защиты прав застрахованных лиц определить (установить), что конкретно подлежит гарантированию, в каких случаях, с помощью каких механизмов и инструментов.

Что касается объекта гарантирования, то страховщиком гарантируется сумма средств пенсионных накоплений застрахованного лица, которая сформирована за определенный период (например, пять лет). В частности, при определении сумм средств пенсионных накоплений, подлежащих гарантированию в случае, если застрахованному лицу еще не установлена выплата за счет средств пенсионных накоплений, этот период составляет пять лет. В течение трудовой деятельности таких пятилеток может быть несколько. Связано это с тем, что застрахованному лицу предоставлено право переходить из ПФР в негосударственный пенсионный фонд или другой негосударственный пенсионный фонд раз в пять лет. При таких переходах накопленные средства идут за застрахованным лицом (это его собственность), что требует эквивалентности учтенных на его пенсионном счете поступивших средств пенсионных накоплений и фактически имеющихся. При недостатке вступают в силу гарантии. Определение величины гарантированных средств осуществляется по специальным формулам для различных категорий застрахованных лиц.

Неотъемлемым элементом системы гарантирования прав и законных интересов застрахованных в обязательном накопительном пенсионном страховании выступает установление обстоятельств, предполагающих использование определенных законом гарантий. В принятой терминологии совокупность таких обстоятельств получила название «гарантированный случай». Суть его означает недостаточность средств пенсионных накоплений застрахованного лица по сравнению со средствами, гарантируемыми страховщиком. Правила установления недостаточности средств пенсионных накоплений для типичных случаев определены законом. Гарантированное возмещение недостающих средств пенсионных накоплений осуще-

ствляется страховщиком за счет средств резерва по обязательному пенсионному страхованию, который создается каждым из них. В денежной форме оно зачисляется на пенсионный счет застрахованного лица, а в случае недостаточности резерва — за счет имущества страховщика для обеспечения его деятельности или иных источников. Наряду со страховщиками (ПФ и НПФ) гарантирование прав застрахованных лиц в накопительном пенсионном страховании осуществляет Агентство по страхованию вкладов.

Говоря о системе гарантирования прав и интересов граждан, застрахованных в накопительном пенсионном страховании, необходимо отметить, что она имеет прочную финансовую базу. Это означает, что сделан решительный шаг от деклараций о гарантиях прав застрахованных к реальным действиям по этим гарантиям. Без надлежащего финансового обеспечения сделать это было бы невозможно. Центральным звеном финансовой системы гарантирования прав застрахованных лиц является Фонд гарантирования пенсионных накоплений. Он предназначается для финансирования выплаты гарантийного возмещения. Фонд гарантирования пенсионных накоплений формируется за счет:

- 1) гарантийных взносов, уплачиваемых страховщиками;
- 2) пеней за несвоевременную уплату или неполную уплату гарантийных взносов;
- 3) денежных средств и иного имущества, полученных по требованию Агентства, на основании

приобретенных прав в результате гарантийного возмещения;

- 4) средств федерального бюджета;
- 5) доходов от инвестирования денежных средств фонда гарантирования пенсионных накоплений, а также прочих доходов.

Источником уплаты гарантийных взносов выступает доход от инвестирования средств пенсионных накоплений. Размер фонда гарантирования пенсионных накоплений после 1 января 2017 г. должен составлять не более 1% суммы средств пенсионных накоплений застрахованных лиц, сформированных у всех страховщиков и переданных в доверительное управление, по состоянию на 31 декабря отчетного года, включая средства выплатного резерва и средства пенсионных накоплений застрахованных лиц, которым установлена срочная пенсионная выплата, и денежные средства на счете (счетах), предназначенном для операций со средствами пенсионных накоплений, уменьшенном на размер сформированного резерва по обязательному пенсионному страхованию.

Расходование средств фонда гарантирования пенсионных накоплений также регламентируются законом. Они направляются Агентством на выплату гарантийного возмещения в соответствии с Федеральным законом, а также на финансирование расходов, связанных с обеспечением функционирования системы гарантирования прав застрахованных лиц. Контроль за функционированием системы гарантирования прав застрахованных лиц возложен на Банк России.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. «О накопительной пенсии» № 424-ФЗ.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2012 г. № 2524-р «О стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации на период до 2030 г.».
3. Федеральный закон от 2 декабря 2013 г. «О бюджете Пенсионного фонда Российской Федерации на 2014 г. и плановый период 2015–2016 годов» № 320-ФЗ.
4. Федеральная служба государственной статистики. Россия в цифрах. 2013 г.
5. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. «О накопительной пенсии» № 424-ФЗ.
6. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. «О гарантировании прав застрахованных лиц в системе обязательного пенсионного страхования Российской Федерации при формировании и инвестировании средств пенсионных накоплений, установлении и осуществлении выплат за счет средств пенсионных накоплений» № 422-ФЗ.
7. Федеральный закон от 28.12.2013 г. «О внесении изменений в федеральный закон “О негосударственных пенсионных фондах” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 410-ФЗ.

References

1. *Federal'nyy zakon ot 28 dekabrya 2013 g. «O nakopitel'noy pensii» 424-FZ* [Federal Law of 28 December 2013 “On funded pension» 424-FZ].
2. *Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 25 dekabrya 2012 g. 2524-r «O strategii dolgosrochnogo razvitiya pensionnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 g.»* [Resolution of the Government of the Russian Federation of December 25, 2012 2524-r “On a long-term strategy of the pension system of the Russian Federation for the period up to 2030”].
3. *Federal'nyy zakon ot 2 dekabrya 2013 g. «O byudzhete Pensionnogo fonda Rossiyskoy Federatsii na 2014 g. i planovyy period 2015-2016 godov» 320-FZ* [Federal Law of December 2, 2013 “On the budget of the Pension Fund of the Russian Federation in 2014 and the planning period of 2015-2016» 320-FZ].
4. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki. Rossiya v tsifrakh. 2013 g* [The Federal State Statistics Service. Russia by the Numbers. 2013].
5. *Federal'nyy zakon ot 28 dekabrya 2013 g. «O nakopitel'noy pensii» 424-FZ* [Federal Law of 28 December 2013 “On funded pension» 424-FZ].
6. *Federal'nyy zakon ot 28 dekabrya 2013 g. «O garantirovaniy prav zastrakhovannykh lits v sisteme obyazatel'nogo pension-*

8. Соловьев А.К. Макроанализ пенсионной системы России // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 5 (183). С. 3–9.
9. Соловьев А.К., Мележик Н.В. Актуарный анализ бюджетно–финансовой самостоятельности пенсионной системы России в условиях ее реформирования // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 5 (183). С. 11–20.
10. Коржов М.А., Соловьев А. К., Курманов А.М. Проблемы совершенствования экономического механизма формирования пенсионных прав застрахованных лиц в условиях пенсионной реформы // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 5 (183). С. 21–29.
11. Соловьев А.К., Герман Ю.А. Коэффициент замещения трудовой пенсии: методы исчисления и проблемы применения // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 5 (183). С. 30–43.
12. Кучук С.Е. Финансово–экономические особенности обязательного пенсионного страхования инвалидности // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 5 (183). С. 44–52.
13. Курманов А.М. Актуальные проблемы пенсионного обеспечения в Республике Казахстан: опыт модернизации пенсионной системы на страховых принципах // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 5 (183). С. 53–58.
14. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Варламова С.Н., Одинцова Е.В. Оценка уровня жизни пожилых граждан, получающих дополнительное пенсионное обеспечение от негосударственных пенсионных фондов, с применением социально приемлемого стандарта потребления (на примере НПФ «Благосостояние») // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 5 (183). С. 59–68.
15. Варламова С.Н., Гулюгина А.А. Денежные доходы инвалидов и пожилых граждан Республики Саха (Якутия) // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 5 (183). С. 69–76.
7. *Federal'nyy zakon ot 28.12.2013 g. «O vnesenii izmeneniy v federal'nyy zakon “O negosudarstvennykh pensionnykh fondakh” i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii» 410–FZ* [Federal Law of 12.28.2013 “On Amendments to the Federal Law” On state pension funds “and some legislative acts of the Russian Federation» 410–FZ].
8. Solov'ev A.K. Makroanaliz pensionnoy sistemy Rossii [Macroanalysis Russian pension system]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 5 (183), pp. 3–9.
9. Solov'ev A.K., Melezhiik N.V. Aktuarnyy analiz byudzhethno–finansovoy samostoyatel'nosti pensionnoy sistemy Rossii v usloviyakh ee reformirovaniya [Actuarial analysis of the fiscal autonomy of the pension system in Russia during the reform]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 5 (183), pp. 11–20.
10. Korzhov M.A. Solov'ev A.K., Kurmanov A.M. Problemy sovershenstvovaniya ekonomicheskogo mekhanizma formirovaniya pensionnykh prav zastrakhovannykh lits v usloviyakh pensionnoy reform [Problems of improving the economic mechanism of formation of pension rights of the insured persons in the pension reform]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 5 (183), pp. 21–29.
11. Solov'ev A.K., German Yu.A. Koeffitsient zameshcheniya trudovoy pensii: metody ischisleniya i problemy primeneniya [Replacement rate of labor pension: methods of calculation and application problems]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013. 5 (183). S. 30–43.
12. Kuchuk S.E. Finansovo–ekonomicheskoe osobennosti obyazatel'nogo pensionnogo strakhovaniya invalidnosti [Financial and economic features of mandatory pension insurance disability]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 5 (183), pp. 44–52.
13. Kurmanov A.M. Aktual'nye problemy pensionnogo obespecheniya v Respublike Kazakhstan: opyt modernizatsii pensionnoy sistemy na strakhovykh printsipakh [Actual problems of pension provision in the Republic of Kazakhstan: the experience of the modernization of the pension system on insurance principles]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 5 (183), pp. 53–58.
14. V.N., Gulyugina A.A., Varlamova S.N., Odintsova E.V. Otsenka urovnya zhizni pozhilykh grazhdan, poluchayushchikh dopolnitel'noe pensionnoe obespechenie ot negosudarstvennykh pensionnykh fondov, s primeneniem sotsial'no priemlemogo standarta potrebleniya (na primere NPF «Blagosostoyanie») [Assessment of the level of life of older people receiving additional pension from private pension funds, with the use of a socially acceptable standard of consumption (for example, NPF “Welfare”)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 5 (183), pp. 59–68.
15. Varlamova S.N., Gulyugina A.A. Denezhnye dokhody invalidov i pozhilykh grazhdan Respubliki Sakha (Yakutiya) [Cash income disabled and elderly citizens of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2013, I. 5 (183), pp. 69–76.

Становление казачества как народа и инкорпорированного социального института

Formation of the Cossacks As a People and Distributed Social Institution

Получено 04.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 316.35

DOI: 10.12737/7412

АРТАМОНОВА М.Г.

аспирантка кафедры социологии управления Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1.
E-mail: a.mg90@mail.ru

ARTAMONOVA M.G.

Postgraduate of the Chair of Sociology of Management at the Institute of Social Sciences, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation.
82, Building 1, Prospect Vernadskogo, Moscow 119571, Russia.
E-mail: a.mg90@mail.ru

Аннотация

Объект. Социокультурная традиция, уклад, образ жизни казачества, сложившиеся в истории и формирующиеся в процессе возрождения.

Предмет исследования. Историко-социологические проблемы этногенеза казачества. Процессы институционализации, групповой интеграции и субкультурного развития донского казачества как наиболее представительной части российского казацкого сообщества.

Основная гипотеза. Казачество как иерархически организованное сообщество с устойчивой культурой коллективной деятельности в процессе возрождения должно оказаться частью общества, способной к самоорганизации и самоуправлению.

Основные проблемы: суверенность казацкого самоуправления, разрыв поколений и традиции, утрата центральной структуры в укладе жизни, социальная эксклюзия, деформация социального положения, уклада и образа жизни, деформация традиции, инверсия социокультурных смыслов традиции в процессе возрождения (главного и вторичного, высшего и низшего, внутреннего и внешнего), культурная ассимиляция, свертывание системы ценностей.

Вторичные проблемы. Проблема идентичности казачества. Субидентификационные элементы. Социокультурные основания самоидентификации. Разделение казачества на русскоцентричный и казакоцентричный этнос. Социокультурные типы современного казачества.

Цель. Выявление систематизированной группы проблем, характеризующих отклонение процесса возрождения современного казачества от исторического социокультурного образца, с целью выработки корректирующей стратегии.

Ключевые слова: этногенез, казачий народ, казацье сословие, институционализация, инкорпорация, коллегиальное учреждение, двусловность, социокультурные барьеры.

Abstract

Object. Sociocultural tradition, lifestyle, lifestyle of the Cossacks established in history and formed during regeneration.

Subject of the Study. Historical and sociological problems of the ethnogenesis of the Cossacks. Processes of institutionalization, group integration and subcultural development of the Don Cossacks as the most representative of the Russian Cossack community.

The Main Hypothesis. Cossacks as a hierarchically organized community with a stable culture of collective action in the process of regeneration, should be a more integrated part of society, capable of self-organization and self-management.

Main Problems: sovereignty of the Cossacks, generation gap and traditions, loss of the central structure in lifestyles, social exclusion, social status strain, lifestyle and tradition inversion of sociocultural meanings in reviving (primary and secondary, higher and lower, internal and external), cultural assimilation, coagulation values.

Secondary Problems. Identity problem of the Cossacks. Subidentification elements. Sociocultural bases of identity. Russian-centred and Cossack-centred ethnicities. Sociocultural types of the present-day Cossacks.

Purpose. Systematic identification of groups of problems that characterize the deviation of the process of the current revival of the Cossacks from the historical sociocultural sample to develop a corrective strategy.

Keywords: ethnogenesis, the Cossack people, the Cossack class, institutionalization, incorporation, a collective institution two-class nature, sociocultural barriers.

1. Актуальность

Историческое развитие казачества охватывает шесть веков. Наиболее развитые формы казачества сложились в XVII–XIX вв. Зенитом развития оказался конец XIX — начало XX в. Казачество территориально распространилось от юга России до пределов Урала, Западной и Восточной Сибири. В ходе исторической институционализации оно

восприняло важные государственные функции, что выразилось в формировании казацких округов и республик.

Казачество имеет яркие особенности исторического этногенеза, уникальную организацию образа и стиля жизни. Среди многих народов России за казачеством закрепились особые функции по отношению к государству, православной вере, Отечеству и гражданскому обществу. В силу

этих особых функций казачий народ единственный из народов не только России, но и мира, стал сложным социальным институтом, инкорпорированным в основные институты государства и гражданского общества. В административно-территориальном аспекте казачество имеет две особенности: *приграничное размещение* и *анклавно-компактную обособленность* (11 казачьих войск-обществ от Белоруссии и Украины до Сибири и Дальнего Востока). С момента зарождения казачество сохраняло *свободу автономии*, специфические формы *собственной государственности* и первоначально строило свои отношения с Россией как межгосударственные (Посольский приказ). В дальнейшем обрело *сословный*, а затем *двухсословный* (казачье дворянство) *статус* и особые социально-экономические привилегии. Во все периоды оно обнаруживало способность к эффективной самоорганизации и самоуправлению.

В начале XX в. испытало трагедию расказачивания. Казачье сообщество испытало поляризацию в ходе гражданской войны. В 1990-е гг. начался процесс возрождения казачества как народа с особой субкультурой, как социального института, как нового современного (в веберовском смысле) сословия [7, с. 76]. Казачество институционализируется как военное сословие, с исторически закрепленными функциями державного служения, хозяйственно-экономической автономии, связью с армией, правоохранительными институтами и государством.

В гражданском обществе возникли как повышенные ожидания (традиционалисты), так и тенденции сопротивления (либералы). Государство содействует этому возрождению, но в этом процессе возникли противоречия и неопределенности, требующие пересмотра государственной политики и форм институционализации казачества. Острые проблемы возникли и внутри казачества: поляризация на реестровое и не реестровое казачество с разными социальными, культурными и психологическими установками. В отличие от большинства социальных групп казачество имеет выраженную иерархическую организацию с глубокой, исторически закрепленной дифференциацией. Как сословная общность казачество имеет специфическое социальное положение в обществе. Специфична и этнокультурная определенность казачества, проявляющаяся в самоидентификации, в механизмах внутреннего социокультурного отбора, социального контроля, формах специфической социализации, особом воспитании подрастающего поколения. Казачье сообщество является носителем общей культурно-историчес-

кой традиции, преломленной в субкультурном мировоззрении, носителем державной миссии, духовной традиции, защитником веры, закона и социального порядка в обществе.

2. Обзор исследований проблемы

Степень научной разработанности темы.

К фундаментальным историческим исследованиям казачества относятся труды В.А. Потто, А.А. Гордеева, Е.П. Савельева, Б.Н. Алмазова, В.М. Броневского, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, О.В. Ключевского, Г.В. Вернадского, А.П. Скорика, Г.Ф. Быкони, А.В. Станиславского, Л.Н. Гумилева. Важное значение имеют региональные исторические исследования с углублением в социально-экономические, социально-юридические, политико-исторические и этнографические аспекты.

Полемика об этнокультурном происхождении казаков. А.И. Герцен именовал казаков «странствующими рыцарями черного народа». С.М. Соловьев связывал возникновение казаков (XIV–XV вв.) с приграничными промыслами, теневой экономикой вокруг торговых путей и считал их носителями антигосударственного начала, стремившимися жить за счет общества. А.Л. Станиславский считал казаков искателями «дикой вольности и добычи». Более гуманитарный акцент у Г.В. Вернадского («Монголы и Русь»): казаки — сообщество «свободных людей» (XIII–XIV вв.). Е.П. Савельев датировал происхождение казаков XII–XV вв., связывая их с вятской вечевой республикой, подчеркивая родство лексически, церковной архитектуры и обычаев у донских казаков и новгородцев. В. Шамбаров и Л. Гумилев считали казачество тюрко-славянским народом (слияние касогов, бродников, болгар, славян и огузов). След болгар описывал и С.П. Карпов. По В.Н. Татищеву казаки возникли из горских черкесов, касимовских татар и татар-мещеряков. Н.М. Карамзин считал, что этнокультурная мозаика казачества центрировалась из народностей Украины и России, в итоге сложился один народ (Жомков), «сделавшийся совершенно Русским». Карамзин подчеркивает, что они образовали воинскую «Христианскую Республику». В.М. Литвин обосновал «славянскую гипотезу», найдя следы существования казаков в Крыму еще в XIII в., ссылаясь, что и Илью Муромца называли «старый козак», и доказывая, что этническая основа — это «казаки-русичи», но включавшая и татарский элемент. В. Кожин разработал «северянскую гипотезу», считая регионом формирования казачества Липецкую, Тамбовскую, Воронежскую, Волгоградскую и Ростовскую области. Возникновение каза-

чьего народа возводится к VIII–IX вв., а культурное начало — к XII в. (следы славянского эпоса).

Родоначальниками «казаковедения» многие называют ученых XIX–XX вв. П.П. Короленко, И.Д. Попко, В.А. Потто, Д.И. Ригельмана, М.А. Караулова, Е.П. Савельева, Е.Д. Фелицина Ф.А. Щербины. Среди наших современников отмечают труды В.Б. Виноградова, А.В. Венкова, В.Н. Ратушняка, Т.В. Таболиной, А.П. Трута, А.Г. Масалова, И.А. Казарезова, С.А. Кислицына, А.И. Козлова, В.Н. Королева, А.П. Скорики, Р.Г. Тикиджияна, С.В. Черницына и др. В последние годы интерес к этой теме заметно усилился: за 1987–2000 гг. было защищено около 70 диссертаций по тематике казачества. Большинство работ обращены к прошлому. Второй пласт работ — политологическая аналитика. Третий пласт — этноисторические, этносоциальные аспекты. Не решены проблемы социальной самоидентификации, социального самоопределения казачества, анализ социального и культурного развития, проблемы казачества в их взаимосвязи с функционированием социальных и государственных институтов Российского общества.

Теоретико-социологические и методологические принципы исследования казачества разработаны в работах социологов. К ним относятся А.В. Андреев, Ю.Г. Волков, М.К. Горшков, П.Н. Лукичев. В этих исследованиях изучаются направления, типы, формы социокультурных перемен, которые характерны для современного казачества.

Среди работ, вызывающих социологический интерес, можно назвать работы Г.Г. Матишова, И.О. Тюменцева, В.П. Трута (социолого-исторический аспект). Актуальные проблемы современного казачьего движения исследовали К.Н. Максимова, О.В. Матвеева, Т.А. Невская, В.П. Водолацкий. Историко-культурологические исследования: А.А. Сазонов, Н.И. Суханова, Т.С. Ткаченко. Социолого-политологические и правовые аспекты возрождения казачества отражены в работах Е.И. Дулимова, И.И. Золотарева, А.И. Киблицкого, А.А. Озерова. Проблемы групповой интеграции и культурного самосознания казачества анализируют В.Г. Бондаренко, В. Колесова, А.В. Игонина.

Социологи, как правило, описывают казачество как социальную группу, в некоторых случаях именуя ее этносоциальной общностью. На наш взгляд, это понижает уровень оценок, проблема казачества требует более углубленного осмысления. Социологи, проводящие исследования в государственнической парадигме, переходят от категории «группа» к категории «сословие». Длительность исторического бытия казачества, его субэтническая природа формирования, его раз-

витие до уровня казачьих республик позволяют использовать категорию «народ», имея в виду малые и смешанные народы, населяющие Российскую Федерацию как федерацию народов. В социологической литературе слабо выражена проблематика форм и специфики современной институционализации казачества; специфические формы социализации молодежи; особые формы казачьего самоуправления и перспективы их развития; специфические формы социального контроля; трансляция норм и ценностей от поколения к поколению; линии воспитания и образования молодежи в местах компактного проживания казачества.

3. Характеристика казачества в социологических категориях

В социологической и политологической литературе идет полемика: *казачество — это народ или сословие*. Мы считаем казачество и народом, и сословием. Более того, существует уникальная историко-социологическая особенность: казачество — это единственный в мире народ, ставший сословием, *сохраняя оба качества*.

Совершенно не разработана проблемой осмысления *казачества как социального института*. В мире не существует ни одного народа или сословия, которые можно назвать социальным институтом в структуре какого-либо общества. И казачество тоже не социальный институт, если понимать его как отдельное образование в структуре социума. Но существует уникальная форма институциональности, еще не описанная в социологической литературе даже теоретически — это инкорпорированная форма институциональности. Под этим понимаются следующие свойства и характеристики:

1) распределенность управленческого ядра казачьей общности среди существующих социальных институтов в качестве их структурных единиц («управления», «отделы», «комитеты» по делам казачества при МВД, Министерстве обороны, Министерстве иностранных дел, Министерстве образования, Администрации Президента и др.);

2) согласованная в казачьих обществах консолидированная политика деятельности всех инкорпорированных структур (вхождение в социальные институты общества);

3) соответствие деятельности инкорпорированных казачьих структур целям и задачам не только самого казачества, но и общенациональным;

4) исторически воспитанная миссия казачества, закрепленная в нраве, народной психологии,

ментальности, системе ценностей, — миссия державного служения, что делает его востребованным всеми социальными институтами российского общества.

Другими словами, казачество — это сложно-организованный инкорпорированный социальный институт, распределенный среди традиционных институтов государства и гражданского общества и представленный при них обособленными структурами управления. Эта уникальная институциональная характеристика сложилась как исторически, так и в современности, в ходе возрождения казачества.

Казачество как общность. Возникновение общности, именуемой казаками, иногда датируют XIV в. по признаку упоминания в славянских летописях. Но это уже развитый уровень генезиса. Половецкий словарь («Codex Cumanicus») XIII в. свидетельствует о казаках, а ряд других исторических документов начинается историю казачества с XII в. Е.П. Савельев предполагает, что зарождение казачьего этноса относится к VIII–IX вв.

Этимология. Слова «казак» имеет *многоязычные корни: древнерусский (козакъ), украинский (козакі), польский (kozacy), тюркский (qazaq), татарский (казгак)* [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона]. В.И. Даль указывал на среднеазиатский корень (казмак), а М.Р.Фасмер связывал казаков и казахов. По В. Шамбарову и Л. Гумилеву, у казаков смешанный *тюрко-славянский* генезис через слияние *касогов, бродников, болгар, славян и огузов*. По В.Н. Татищеву, это слияние *горских черкесов и татар*. Некоторые возводят генезис к *половецким племенам*. С.М. Соловьев указывает на *рязанских казаков* в XIII в. Е.П. Савельев описывал казачьи поселения в *Новгородских землях* [Савельев, 2007]. В. Кожинов описывает казачьи поселения в *Липецком, Тамбовском, Воронежском, Волгоградском, Ростовском регионе*. Поэтому М.Р. Фасмер определял казачество как этносоциальные группы различного этногенеза.

Главный фактор этногенеза казачества. Л.Н. Толстой таковым считал обширность границ России и специфические приграничные поселения крестьян-воинов: «Граница породила казачество, а казаки создали Россию». Более основательный вывод сделал Н.М. Карамзин, впервые назвав казаков «единым народом» и «воинской Христианской Республикой». В.И. Даль охарактеризовал казачий субэтнос не просто «группой», а особым «казачьим сословием», придав ему значение одной из центрирующих сил Русского общества. В большинстве исторических исследований казачество именуется именно «сословием» и почти всегда «особым».

Поликонфессиональность. Подавляющее большинство казаков имеют *православное славянское (русские, украинцы, белорусы) происхождение*. Заметную часть составляли выходцы *горских народов* (Терское, Донское, Кубанское казачество). Среди казаков были и *татары* (на Дону ногайцы). Были и *донские калмыки, и казаки-мусульмане*. В Черкасске была станица Татарская. Татарская диаспора в Ростовской области составляла 1/6 часть населения, но, как писал И. Сулин, в первой четверти XIX в. часть казаков-татар ушла в Турцию. В.Д. Сухоруков отмечает, что с 1849 г. по 1873 г. доля донских татар уменьшилась в 6 раз. Существовали и *буддистские казачьи войска*. В. Броневский, А.Т. Ветров подчеркивают, что по признаку веры формировались отдельные казачьи полки.

Национальная гетерогенность и доминирование русского этноса. Л.В. Заседателева показывает этническую структуру на примере Терского казачьего войска в начале XX в.: русских было 86,36%, украинцев — 9,76%, горцев — 1,75%, калмыков — 1,63%, белорусов — 0,35%, татар — 0,15%. В конце XIX в. возникло даже Персидское казачье войско, возглавляемое российскими офицерами (Б.Н. Алмазов), а в XX в. была создана «Дикая дивизия», включавшая Дагестанский, Ингушский, Кабардинский, Татарский, Черкесский, Чеченский конные полки и Осетинскую бригаду (Б.Н. Алмазов).

Рост численности казачества в XIX–XX вв. В 1913 г. население всех казачьих областей и войск достигало 5 443 938 человек. Но в этом показателе учитывались «иногородцы» (пришлые рабочие, промышленники-арендаторы, и др.), с которыми казачество никогда не идентифицировалось. За вычетом этих категорий общее казачье население составляло 4,5 млн человек, а служилый состав равнялся 480 тыс.

Распределение по территориально-войсковому признаку. Донское казачье население составляло 1,6 млн человек, Кубанское — 1,3 млн, Оренбургское — 533 тыс., Забайкальское — 264 тыс., Терское — 260 тыс., Уральское — 174 тыс., Сибирское — 172 тыс., Амурское — 50 тыс., Семиреченское — 45 тыс., Астраханское — 40 тыс., Уссурийское — 35 тыс. человек.

Конфессиональная динамика накануне расказачивания. Большинство казаков исповедовали православие. На втором месте были старообрядцы (в Уральском, Терском, Донском войсках). Христиане в 1893 г. составляли более 88% (4,8 млн). В числе христиан учитывались: православные — 4,4 млн человек (82,6%), старообрядцы-единоверцы — около 55 тыс. (1%), старообрядцы-раскольники — 251 тыс. (4,7%). Не христианскую веру

исповедовали менее 12%: мусульмане — 10,5%, евреи — 0,4%, язычники — 1%.

Межконфессиональные отношения. Военный совет Российской империи принял «Правила устройства духовной жизни магометан казачьего сословия». В «Казачьем словаре-справочнике» находим: «18 599 мусульман состояли в штате Донского, Черноморского, Кавказского линейного, Уральского, Оренбургского, Сибирского линейного казачьих войск и Тобольского конного казачьего полка. Для казаков, исповедовавших ислам, строили мечети. По данным 1853 года, духовные нужды казаков-магометан обслуживали 114 мечетей и 169 мусульманских духовных лиц» [Рябова, 2008, с. 215]. С середины XIX к началу XX в. доля казаков-мусульман снизилась до 2,5%.

Социокультурные барьеры и межбарьерное регулирование. Два духовно-культурных барьера в группе казачества: барьер веры и барьер семьи. А.А. Гордеев отмечает, что башкиро-мещерякским казакам приходилось воевать с единоверцами (турками). В итоге в среде не православных казачьих общностей возникла миграция. В Броневский писал, что татары-казаки отказывались вступать в брак с женщинами-христианками. И у казаков-христиан брак с мусульманками не поощрялся, но смешанные браки совершались. Под влиянием этих двух социокультурных барьеров доля казаков не христиан сокращалась, а доля казаков славянского происхождения возрастала. «В 1862 году из 81 998 уральских казаков было 85,8% русских, украинцев, белорусов; 7,4% — башкир, 5,1% — татар, 1,4% — калмыков, 0,3% — остальные этносы» [Гордеев, 1991, с. 126].

4. Казачество как этнос и народ

Г.Л. Трошев пишет о «демократическом магнетизме», стягивавшем к казачеству беглых крестьян: «Демократические порядки (все равны: ни властей, ни налогов) стали магнитом, притягивавшим к себе все новых предприимчивых и смелых людей из русских земель» [Цит. по: Рябова, 2008, с. 9]. Но версия образования казаков из беглых крестьян считается исторически не оправданной.

Н.И. Ульянов указывал на описание в летописях конфликтов между казаками и пришлыми крестьянами — казаки отказывались признавать их равными себе. Это дистанцирование между этносами и производными от них казачьими субэтносами. Н.М. Карамзин писал: «Казаки образовали воинскую Христианскую Республику». Французский этнограф А. Геннеп (1923) утверждал, что «казаков следует считать отдельной от украинцев

нацией, поскольку казаки, вероятно, вообще не славяне, а *византизированные и христианизированные торки*. Торки, т.е. гузы, были полуоседлым тюркским племенем в Причерноморье (X–XIII вв.) и на Днестре (г. Торческ), крестившиеся и принявшие подданство Византии, воспринявшие миссию защиты границ и слившиеся со славянами. В дальнейшем казачество приняло и российское подданство. В исторической перспективе (в сквозном времени прошлое–настоящее–будущее) казачество оказалось двояко подданным *византийско-славянским народом* (единая духовная традиция).

Многие историки называют Донское войско (XVI–XVII вв.) казачьей военно-демократической республикой, фактически отдельным от Москвы государством, имевшим свою территорию, свой народ и свою власть, строившим межгосударственные отношения с Москвой через Посольский приказ (1549–1720 гг.). Внутри казачьих сообществ сформировалось регулирование социальных отношений, типичное для государств XIV–XVII вв. Посольский приказ Московского государства признавал казачьи владения, жизненный уклад казачьих волостей, их внутреннее администрирование и самоуправление, царский двор считался с решениями казачества так же, как с решениями иностранных государств. Заключались соглашения, подписывались договоры. Не было практики прямых указов и властных распоряжений.

Для дипломатической миссии при русском государстве направлялись в Москву лица, назначенные атаманом. Взаимоотношения с Россией строились по принципу независимых государств-союзников в борьбе с общим врагом. Казачий народ-воин и его территория выполняли буферную роль на границах.

В XVI–XVIII вв. казачья общность сложилась как ряд интегрированных субэтносов — русских, украинцев, белорусов, татар, горцев, калмыков, бурят. Субэтносы объединились не в анклав общностей, а в особый казачий народ [Карасев, 2011], имеющий *общий уклад жизни, общие ценности, нормы, традиции — общую культуру*. Казачество имело свое самоуправление в политическом, военном, хозяйственном отношении, свою власть, свои законы и суд, свои дипломатические миссии, взаимодействующие с российским государством и с внешним враждебным окружением на границе. Казачий народ имел свою государственность.

Б.Н. Чичерин определял государство как «союз народа, связанный законом в одно юридическое целое, управляемое верховной властью» [Чичерин, 1894, с. 53]. Все эти признаки присущи и казачеству. Власти у казаков имели продуманное «устрой-

ство» и «границы компетенции, определенные законом» — это дополнительные характеристики государственности, по Б.Н. Чичерину. О государстве уместно говорить, когда оно надстраивается над народом, когда создана среда — гражданское общество. Казачество было народом и имело развитое гражданское общество. А.С. Кокорев выделяет еще один признак государственности: «Сбалансированность власти между центральными и местными органами управления» [Кокорев, 2009, с. 131]. При этом «избыточная централизация вредна для общества, так как ведет к социальной апатии в регионах и к росту деспотических тенденций в центре» [Там же]. Противовесом этому выступают институты гражданского общества: в России *земство*, у казаков *вечевая демократия — круг*.

М. Вебер писал: «Пышно расцветшая в России бюрократия успешно вытеснила единственный эффективно действующий демократический институт — *земство*» [Weber, 1966. P. 76]. Это можно отнести к отношениям между Российским государством и казачеством. Б.Н. Чичерин надеялся, что «бюрократию надобно по возможности очистить, возвысить, сдержать в пределах законности, окружить гарантиями, поставить под контроль гласности, ограничить самоуправлением сословий» [Чичерин, 1894, с. 455].

Казачество было верным союзником России в Смутное время, вместе с Россией переживало кризис власти и боролось с Польским нашествием, стало социальной и духовной опорой династии Романовых, но всегда действовало добровольно и сохраняло автономию [Макаров, 1999, с. 15–17]. Переломным моментом стала Присяга казачества Московскому престолу. «Войско Донское принесло присягу в 1671 году. Из добровольных союзников казаки превратились в российских подданных» [Рябова, 2008, с. 10].

В конце XVII в., когда российское государство перешло от сословно-представительной монархии к абсолютизму, произошла *ассимиляция казачьего народа в российский социальный институт с регламентированной сословностью*. Первая попытка принудить казаков к «крестному целованию на службу московскому царю» провалилась в 1632 г., но состоялась в 1671 г., сузив автономию казачества. «С включением юго-восточных территорий в состав России казачество осталось лишь особой частью российского населения, постепенно потеряв многие свои демократические права и завоевания. С 18 века государство постоянно регламентировало жизнь казачьих областей, модернизировало в нужном для себя русле традиционные казачьи структуры управления, превратив их в составную часть административной системы российской им-

перии» [Рябова, 2008, с. 10]. При возрожденной казачьей независимости в 1918–1920 гг. Донской войсковой круг установил новый текст присяги — казаки присягали на верность «Всевеликому Войску Донскому — своему отечеству». Присяга носила характер не социально-юридический, а высший — это был духовный завет.

Атрибут народа — самобытная культура и язык. В лингвистике и этнологии устойчив термин «казачий язык» как диалект русского языка: разновидности — донской, оренбургский, уральский и др. Язык Кубанского казачьего войска сложился под влиянием двух традиций — украинской и русской. Отмечается ряд других двуязычий в казачьих общностях, что отразилось в культуре, общественной психологии и менталитете. Полигенез казачества в Средние века завершился «в форме самостоятельной государственности и этносоциального развития в самостоятельный православный народ» [Водолацкий, 2011, с. 12]. При вхождении в Русское государство возникло *сложное государство*, в форме *инкорпорации* при территориальной, субэтнической и социальной самобытности казачьего народа [Там же, с. 13]. Инкорпорация в межгосударственных отношениях предполагает присоединение одного государства к другому путем слияния, с сохранением частичной автономии.

Духовное ядро казачьего народа. В конце XIX века казачество почти полностью стало православным и, что отличает их этнос, верой определяло миссию духовного служения («воинства Христова») — Богу, Царю-помазаннику, христианской Державе и Народу как хранителю православия. В XIX в. слава казачьих побед подвигла некоторые государства создать свои «казачьи» войска. После многолетних попыток в Англии и Германии пришли к выводу, что выучка и тренировка не формируют казака, *дело в духе — особом состоянии души, присущем восточным славянам*.

5. Казачество как социальный институт

В начале XX в. существовало 11 казачьих войск (Донское, Кубанское, Оренбургское, Забайкальское, Терское, Сибирское, Уральское, Астраханское, Семиреченское, Амурское и Уссурийское). Казачество составляло в 1916 г. небольшую долю общероссийского населения (2,4%), но владело 65 млн десятин земли. Несмотря на низкую долю в населении, казачество было серьезной социальной и политической опорой государственной власти и внушительной военной силой: на защиту отечества в Первую мировую войну встало более 300 тыс. человек. Заметим: при Петре I русская армия объ-

единяла 200 тыс., а к концу XIX в. вся русская армия (без казачества) состояла из 22 корпусов общей численностью 900 тыс. человек (БСЭ).

Государственная институционализация казачества в военном ведомстве России состоялась при Петре I, а в XIX в. было создано при Военном министерстве Главное управление казачьими войсками, включавшее *комитет казачьих войск*. В отличие от других структур военного министерства комитет регулировал нетипичные аспекты: *законодательные и хозяйственные вопросы, управлял не только военным, но и гражданским бытом, решал кадровые вопросы, вопросы образования и землепользования*. Здесь сочетались вопросы как военного, так и государственного управления; строилась политика сочетания центрального и регионального самоуправления. Особенностью казачьего социального института была неразрывность вопросов войны и мира, государства и гражданского общества, военной службы и хозяйственной деятельности. Даже гражданское население казачьих областей было подчиненно управлению военного министерства. Глава местного управления в войске — наказной атаман. Войсковой наказной атаман имел звание генерал-губернатора, обеспечивая как военное, так и гражданское управление. На уровне области учреждалось областное правление, а в низших войсках — войсковые хозяйственные правления и войсковые штабы. Все уровни управления строились по типу *коллегиальных учреждений* (аналог губернских).

Главная особенность казачьей жизни — *сборно-общинный принцип и демократические порядки в сочетании с дифференцированным строем четко организованной военной организации*, подчиненной демократическому принципу выборной системы лиц, привлеченных к гражданскому и военному управлению. Общеказачьи собрания, станичный и войсковой круг — высшие органы управления. Исполнительная власть — у ежегодно сменяемого войскового атамана. Для военных действий избирался походный атаман, наделяемый абсолютной властью.

Ю.Д. Дубровин пишет: «Социально-экономическая организация жизни казачества *основывалась на широкой правовой базе*. Ликвидация этой правовой базы означала ликвидацию одного из оригинальных российских этносоциумов» [Дубровин, 2008, с. 108]. Возрождение казачества началось с правовой базы, но возникли противоречия: в постановлении Верховного Совета РФ (1992 г.) «О реабилитации казачества» было серьезное ограничение — *«запрет наделять казачество какими-либо привилегиями, которые могут толковаться как сословные»* [Там же, с. 111]. Поэтому

большая часть казаков записалась не в реестр, а в общественные казачьи организации. Мотив: «Если мы не сословие, то предлагаемая нам госслужба — просто работа (армейская жизнь), профессия, а не казачья жизнь». Кроме того, «казачья демократия» сменилась контрактами с властями как с «подрядными организациями» и командованием извне [Озеров, Киблицкий, 2005, с. 82].

Экономическая институционализация. Казачьему войску отводилась земля, которую они сами завоевали, но главным собственником земли выступало государство. Владение землей казаки осуществляли на правах общинной собственности. Казаки освобождались от налогов за наделы, но были обязаны нести военную службу. Общий принцип землевладения: «Каждый совершеннолетний — равноправный член общества и самостоятельный владелец равной для всех доли земельных угодий». Отношения между станичным обществом и невойсковым населением (иногородние, пришлые рабочие, купцы) регулировались хозяйственными договорами и договорами аренды. Главные расходы казачьих войск: покрытие расходов казны на войска и общегосударственные и гражданские учреждения. Для общественных нужд формировались станичные капиталы, резервные фонды. Станичный расход включал затраты на станичную администрацию, школы, ссуды бедным, расходы на обмундирование и снаряжение. Главные занятия населения — земледелие и скотоводство. Промышленность и торговля — занятие иногородних поселенцев.

У казаков сложились *единство хозяйственного уклада на всем экстерриториальном пространстве и сходство форм взаимоотношений с государством* [Смолюков, 3, с. 25]. Г.Л. Трошев отмечает: «Социальный и этнокультурный облик казачества в прошлом определяли особенности его формирования и существования в качестве *сословной группы*, возникшей на основе общины вольного казачества. Форма организации в виде *казачьих войск* сохранила неразрывность, генетическую преемственность *казачьей общины*» [Трошев, 2008, с. 10].

Военная и социальная институционализация. Для казачества характерна *традиционная военно-социальная институционализация*. Служилый состав делился на три разряда: 1) приговорительный, 2), строевой, 3) запасный. Служба казака начинается с 18 лет и длится 20 лет. Строевой разряд казаков разделяется на три очереди по четырем возрастным классам: 1-я очередь — действительная служба, 2-я и 3-я — «на льготе» (мобилизационный резерв). В мирное время льготные казаки призывались на лагерные сборы (3–4 недели

в год). Выдающуюся славу казачьи полки приобрели при взятии Азова, в русско-турецких войнах XVIII–XIX вв. Триумфом казачества стала война 1812 г. (атаман М.И. Платов). По словам А.П. Ермолова, «казаки стали удивлением Европы».

С 1721 г. Петр I подчинил казачьи части ведению казачьей экспедиции при Военной коллегии (министерстве), упразднил выборность войсковых атаманов и ввел институт наказных атаманов, назначаемых верховной властью. После Пугачевского бунта (1775 г.) независимость казаков была существенно урезана, ликвидирована Запорожская Сечь. Павел I в 1798 г. приравнял казачьи чины к общеармейским, дав казакам-офицерам права дворянства. Дальнейшие шаги военной институционализации: 1) в 1802 г. утверждено первое Положение о казачьих войсках, 2) в 1838 г. утвержден первый строевой устав для казачьих частей, 3) в 1879 г. казачество передано в ведение Главного Управления иррегулярных войск Военного министерства, 4) в 1910 г. казачьи войска перешли в прямое подчинение Главного штаба. Эта линия институционализации окончательно превратила казачество в субэтнос русского народа.

Социокультурная институционализация. Льготы по семейному положению не освобождали от призыва на военную службу. Льготы по образованию сходны со льготами общего устава о воинской повинности. Комплектование офицерского состава предусматривало казачьи военные и юнкерские училища. Традиционно казачье общество уделяло большое внимание народному образованию. Дело образования — предмет особых забот и тщательного социального контроля. Грамотность считалась обязательной для всей молодежи, особенно — для мужского поколения. В 1892 г. в казачьих войсках было 2094 учебных заведения, одно на 2,5 тыс. человек. В XIX в. начальные школы составляли 95,6%, учреждения среднего образования — 3,7%, высшие учебные заведения — 0,7%. Расходы на образование составляли около 14%, т.е. в 4 раза больше, чем тратит нынешнее правительство России.

6. Базовые социокультурные характеристики казачьего народа

Императив свободы и казачьей демократии. Требование свободы — это не европейская абстракция «civil liberty», это: 1) духовно-социальная и личная свобода каждого казака; 2), *соборная народная* свобода. Казачья демократия не аналог американско-европейской *представительной демократии*, когда народ вынесен за скобку, а *полития* (Аристотель) — целокупный народный собор —

вече. Казачий круг, Новгородское вече, русская община, Земский собор — это примеры *политии*. *Казачье общество* — это самоуправляемое общество-войско. Г.Л. Трошев писал: «Традиционная организация войска и его управление воспринимались как *гарант всеобщего равенства, условие свободы и безопасности* членов сообщества. Особое место в самосознании казачества занимают... *свободолюбие, преданность воинскому долгу, коллективизм, взаимопомощь, нравственное здоровье, веротерпимость*» [Трошев, 2008, с. 11].

Миссии казачества. Локализация казачьих поселений в приграничье определила буферную роль и миссию державного служения казачьего этноса. В.Г. Смольков подчеркивает миссию «защитников и колонизаторов границ, оказывающую могущественное давление на внутренний строй и судьбу государства» [Смольков, 3, 26]. Эта миссия, отмечает Г.Л. Трошев, закреплена в *исторической памяти* казачества, в представлениях об *общей исторической судьбе, родственности всех казачьих войск, единстве образа жизни*, сложившемся во времена предков» [Трошев, 2008, с. 10]. В этом главенствует *соборная психология*. Это общероссийская социокультурная черта, но в казачьем типе она выражена ярче и сильнее, закреплена в церковном ритуале и сложно организованном ритуале казачьего круга. Как пишет В.П. Водолацкий, «перманентная военная угроза консервировала военно-демократические формы самоорганизации и жизнедеятельности... В результате формировался воинский менталитет и маскулинный тип культуры казачества» [Водолацкий, 2011, с. 12].

Народность. Главные признаки народа, по А.Г. Дугину: а) историческая память об «общности истоков», б) установка на «миссию» и «общность судьбы», в) единство веры, г) образ и уклад жизни, воплощенный в цивилизации, д) государственность (воплощенная у казаков в самобытной иерархической демократии и в системе самоорганизации и самоуправления во всех сторонах жизнедеятельности казачьего общества). По этим характеристикам казачий народ *идеально совмещается с русским народом*. Учитывая, что казачество по *сплоченности, самоорганизации, силе гражданской солидарности* превосходит любой институт гражданского общества, мы можем согласиться с В.Г. Смольковым, что «*возрождение казачества — неотъемлемая часть возрождения России в целом*» [Смольков, 2008, с. 28]. Похожая мысль и у Е.Л. Рябовой: «Проблемы казачества — это сегодня проблемы всего русского народа, проблемы страны, ее армии» [Рябова, 2008, с. 44].

Соборная интегрированность казачьего народа. Неоспоримое первенство имеет верность духовной традиции — 72,4%, затем идут патриотические «заветы служения Родине» — 41,2%, на третьем месте боевые традиции — 33,4%. В другом измерении казачьей ментальности иначе отражается военно-сословная характеристика: значение выражения «быть казаком» респонденты определили так: а) служба родине — 33,7%; б) военная служба в казачьих рядах — 20% (суммарно 53,7%) [Водолацкий, 2011, с. 29]. В исследованиях отмечена высокая степень солидарности донского казачества с другими казачьими войсками — 69,9%, стремление к объединению российского и зарубежного казачества выразили 66,5% [Там же, с. 30].

Налицо *многомерная самоидентичность* казаков — *гражданская, субэтническая, духовная, субкультурная, институциональная и сословно-социальная*, находящихся в единстве [Дробницкий, 2008, с. 226]. Идея «особого народа» высокозначима, хотя «не разделяется частью респондентов» [Водолацкий, 2011, с. 30].

Державность и охрана отечества. Основная черта в традиции казаков — «верность воинскому долгу, защита Отечества. Преданность, героический дух, достойная служба — (первейший долг и основание) казачьей славы, (корень) обычаев и устоев казачьей жизни» [3, с. 11]. Это формируется всей системой казачьего воспитания, на самой глубине осознания своей духовной миссии. Стойкость, храбрость, мужество — ведущие идентификаторы казаков и казачек, стариков и детей. Отклонение от них воспринималось как предательство и измена.

7. Аксиология и идеология казачьего народа

В русской национальной идее высшие ценности — это православие, державность, народность. Русский народ пассионарен, т.е. идеал будущего видит в верности традициям прошлого. Сильное российское «государственное начало, — пишет В.И. Добренков, — строится на уважении исторического прошлого и православия. Поэтому для России все более актуальной становится задача формирования национальной, государственной идеологии» [Добренков, 2009, с. 110], которая должна выводиться из истории и культуры.

В.И. Добренков пишет: «Либералы своими реформами, пропагандой, СМИ нанесли удар по глубинным основам сознания нашего народа, фундаментальным принципам его миропонимания... вместо православной духовности и ориентации на высшие ценности навязывали культ потребления, эгоизм, цинизм, распущенность,

вместо сильной власти — продажную демократию, а вместо народности и патриотизма — зоологический индивидуализм и борьбу всех против всех... Они хотели уничтожить нашу духовную связь с великим прошлым России, прервать нить преемственности» [Добренков, 2009, с. 111]. К таким последствиям привели противоречивые действия государства по возрождению казачества: стремление так реабилитировать казачий народ, чтобы *проигнорировать его народность, сословность, глубинные основы культурной традиции и этнокультурную самобытность, принципы политики, соборного духа, народного самоуправления и самоорганизации.*

В либеральном проекте *государство должно стать минимальным, рыночная экономика должна освободиться от политики и этики* (сдерживающей прибыль), *от создания социального государства.* На этом фоне *восстановительную роль* могло бы сыграть *казачество*, которое всегда имело мощные традиции патриотизма, державности, служения государству, духовно-нравственной идеологии, хранения традиционных ценностей, заботы об образовании и воспитании молодежи. Это мы видим в деятельности созданных казачьих кадетских корпусов, школ и университетов.

Социальная и духовно-нравственная ответственность казачества перед своим народом. Лидирует установка: *возрождение традиций народа* — 64,3%. На втором-третьем месте — *возрождение патриотизма* (62,7%) и *духовности* (61,3%). На четвертом — *историческое самосохранение казачества* — 45,5%. На пятом — *ответственность за оборону и безопасность страны* — 22,6%. На шестом — *борьба за справедливость* — 15,5%. На седьмом месте *экономические миссии* — 6,8%. У редкого народа не только в России, но и в мире, *столь выразительный фокус ответственности на духовно-нравственные цели* и столь *немеркантильные ориентации в диалоге «дух-плоть»* [Водолацкий, 2011, с. 40]. *Сдвиг центра политики модернизации с экономики на социально-нравственные преобразования.* Для казачества модернизация — это прежде всего *нравственные основы жизни и наведение порядка в государстве и обществе* (71,1%) [Там же, с. 41].

Формирование единой общеказачьей идеологии: 45% считают, что такая идеология сплотит казачество, 43% казаков утверждают, что такая идеология уже существует, 7% считают ее невозможной из-за массы внутренних противоречий. В вопросе о том, что может стать основой такой идеологии, казаки пришли к мнению:

- 1) русская православная вера — 63%,

- 2) возрождение казачьего землепользования — 29%,
  - 3) признание казаков особой национальностью — 29%,
  - 4) расширение казачьей демократии — 27%,
  - 5) воспитание молодежи в дореволюционных традициях — 23%,
  - 6) военная угроза на юге России — 22%,
  - 7) получение сословных привилегий — 14%,
  - 8) создание автономной казачьей республики — 14%,
  - 9) создание Всероссийского Казачьего Войска — 12% [Черепанов, Черепанова, 2009, с. 108-115].
- По исследованию Д.В. Абросимова, К.А. Рыбакова и др., менталитет казаков определяют *идеи равенства, православия, патриотизма, державности, народного правления (политици), свободолюбия и независимости* (табл. 1).

Таблица 1

Главные идейные компоненты в идеологии казаков

Что, по Вашему мнению, лежит в основе казачьей идеи?	
Равноправие казаков	48%
Народное правление в своеобразных казачьих формах, самоуправление	33%
Принцип общинности и взаимопомощи, коллективизм	27%
Войсковой уклад всей общественной жизни	8%
Равноправное владение землей и природными богатствами	29%
Православие	44%
Традиционные семейные ценности	15%
Патриотизм и служение Отчизне	38%
Свободолюбие и независимость	26%
Государственная и военная служба	11%

Источник: [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, 2011].

8. Духовная жизнь современного казачества

По мнению В.Н. Белогорцева, стабильность любой общественной системы зависит от степени согласованности господствующего мировоззрения, опирающегося на предельную абстракцию» [Белогорцев, 2009, с. 99]. «Россия как суверенная цивилизация имеет своим духовным стержнем православную традицию, которая образует фундаментальное измерение всей русской культуры» [Там же, с. 101]. Одним из столпов, поддерживающим духовное измерение нашего социума, как прежде, так и ныне, было православное казачество.

Сравнительная статистика религиозности россиян. М.М. Мчедлова пишет, что с 1990 по 2000 г. «верующих стало на 11% больше, 58% респондентов заявляют о вере в Бога» [27, с. 77]. Но «19% россиян верят в приметы, 13% — в некую сверхъестественную силу, а не в личностного Бога, 7% — в загробную жизнь, 5% — в колдовство и магию и 5% — в НЛО» [Там же]. К 2010 г. православных стало 72% (рост на 14%), а атеистов осталось 12%. Доли мусульман и других религий за 10 лет не изменились. При количественном росте низким остается качество веры: 20% православных верят в приметы, а церковь посещают только 14%. Но главным индикатором является не просто посещение церкви, а воцерковленность образа жизни.

Религиозность казаков. Религиозность по уровню воцерковленности у казаков в 2 раза выше, но 20% казаков считают себя не верующими [Ефанова О.А., Шишова, 2011]. По исследованию В.П. Водолацкого, в казачьей среде уровень воцерковленности в 5,6 раза выше общероссийского: 78% верующих являются прихожанами РПЦ, при этом на селе — 75,6%, а женщин — 67,3%. Около 20% не считают религиозную принадлежность важной, и только 2,2% неверующие [Водолацкий, 2011, с. 21]. Отношение казаков к представителям других конфессий таково: 41% не испытывают неприязни или агрессии, 44,5% испытывают редко, 8,2% — часто, а 2,5% — постоянно [Водолацкий, 2011, с. 22]. По исследованиям Р.Н. Лункина, в 22 регионах России преобладает православие (не менее 70%) [18, с. 6]. В этом списке 2/3 регионов с развитым казачьим движением. Именно в этих регионах государственно-церковные отношения сложились по византийскому принципу «симфонии властей», (партнерство церкви и государства) — пишет Р.Н. Лункин [Там же, с. 20]. «В современной России, — говорит прот. Д. Смирнов, — произошло крушение нравственного идеала и наступил морально-психологический кризис», а из-за ошибок в политике по возрождению казачества возник «массовый отток «казаков по рождению и воспитанию», отток казачьей интеллигенции. Инициативу перехватили ставленники региональных администраций. Это привело к поспраию казачьей демократии. Возник «идеологический и организационный раскол в общероссийском объединении «Союз казаков» вследствие вмешательства внешних сил [Смирнов, 2013]. Наблюдается явление, которое можно назвать «социокультурными диффузиями», т.е. перетекание между реестровыми и общественными казачьими объединениями.

9. Уклад, образ и стиль жизни

Уклад жизни — это порядок хозяйствования и характер собственности, определяемый идеологией и политико-экономическими отношениями. *Образ жизни* определяется характером труда, быта, общественно-политической и культурной деятельностью и социальными привычками. *Стиль жизни* — это совокупность образцов поведения группы, отражающий организацию жизнедеятельности, круг занятий, устройство быта, манеры поведения, ценностные ориентации и вкусы [Дейнекин, 1999, с. 21–26].

Проект возрождения уклада жизни. Основа — воспроизводство традиционного казачьего общинного землепользования. «Для наделения землей вводился фонд государственного земельного реестра, а наделение землей предусматривало создание резерва для новых казачьих общин. Землевладение устанавливалось на праве пожизненного наследуемого владения и пользования, увязанного с несением государственной службы. Община обязывалась обеспечивать казаки воинские части продовольствием» [Дубровин, 3, 120].

Проект возрождения образа жизни. По А.А. Возьмителю и Г.И. Осадчей, образ жизни — формы социального бытия и совместной деятельности, по ведущим нормам и ценностям. Им определяются стиль жизни, модальный тип личности и определенное отношение к миру. Черты образа жизни общества отличают одну цивилизацию от другой, это «способ воспроизводства социальных отношений, включения в социальную структуру и фактор ее динамики. Образом жизни определяется выбор профессии, род занятий, круг интересов и путей социального самоопределения» [Возьмитель, Осадчая, 2009, с. 59–63].

Проект возрождения стиля жизни. Л.В. Сохань, В.А. Тихонович считают стиль жизни субкатегорией образа жизни, выражающей определенный тип поведения людей: это черты общения, бытового уклада, манеры, привычки, склонности, выявляющие своеобразие духовного мира через внешние формы бытия. А.А. Возьмитель и Г.И. Осадчая подчеркивают связь стиля жизни «с процессами социально-психологической самоидентификации и дифференциации в сознании и поведении» [25, с. 63]. Образ и стиль жизни «различаются по социальным функциям (социализация) и субъекту — модальный тип личности» [Там же, с. 64].

10. Казачество в диалоге с государством и гражданским обществом

Уникальность казачества в том, что это единственный народ, который исторически сложился

как социальный институт и как особое сословие. *Это двойственный — государственный и общественный — институт и двойственное сословие — государственно-сословное образование и сословность гражданского общества. Двойственность еще и в том, что казачество есть институт-народ и народ-сословие.* В мировой истории и культуре аналогов нет.

Атрибуты государственности возникли потому, что казачество выполняло государственные задачи и функции безопасности, охраны, защиты завоеваний, было представлено в силовых структурах государства, связано с ним двойными механизмами управления/самоуправления, осознанно несло державную миссию и теснейшим образом было связано с верховной властью.

Атрибуты гражданского общества казачества в том, что оно было самодостаточным народом с уникальной субкультурой и традицией. Казачество — часть гражданского общества, потому что *институт семьи опосредовал институт государственной службы: все казачье общество было обществом-войском и семьи казаков, вместе с женами и детьми, стариками и родственниками, были частью общества-войска.* Семьи казаков, через своих мужчин-воинов, были причастны обществу-войску и *латентно, косвенно несли государственную службу, но при этом были живой тканью гражданского общества, как и казаки-воины. Атаманы, все казачье офицерство, правления, простые казаки в равной степени были воинами и деятелями гражданского общества.*

Казачье войско решало задачи и функции гражданского общества: экономические, политические, образовательные, нравственные, эстетические, духовные. Казачество образовывало свое *внутриказачье гражданское общество*, было живой, деятельной частью общероссийского гражданского общества, защищая государство и общество, влияя на них, выполняя посредническую функцию между государством и обществом. *Казачество было духовной, социальной и военной силой государства и общества.*

Как общественное образование казачество органически входит в гражданскую сферу, которая очерчена нормами и ценностями, «наполнена идеалами», говорит Дж. Александер. Быть частью гражданской сферы означает соответствовать *генерализованным ценностям, разделять солидарное мировоззрение и общие идеалы, реализовывать, претворять их в жизнь таким образом, которого всецело ожидает общество, т.е. казачество должно адекватно соответствовать социальному контролю всего российского общества.* Для этого, пишет Дж. Александер, «нужны не только убеж-

дения, но и действия через институты, которые вознаграждают и наказывают» [22. Р. 9]. И казачество успешно проходило этот контроль. В общероссийском гражданском обществе всегда есть сумма противоречий и противоборствующих сил. Казачество выполняло функцию балансира, посредника, ограждавшего разгул социальных стихий, обеспечивая стабильность, устойчивость, мир и благополучие всего социума.

В настоящее время гражданское общество России деформировано реформами, его раздирают противоречия, тотальная коррупция конфронтует общество с властью, растут протестные движения и социальная напряженность, множатся партии, усиливаются стихии противоборства. В этом случае некоторые «индивиды и группы считают себя исключенными из гражданской сферы» [Habermas, 1991. Р. 121]. Это порождает массовые сомнения,

социальное недоверие и тотальную оппозиционность [Shklar, 1991. Р. 14]. «Исключенные восстают на власть и требуют «гражданского ремонта» общества» [Habermas, 1991. Р. 123]. В итоге распад власти и гражданского общества.

В этих условиях казачество, видя и понимая всю сумму социальных противоречий, реализует функции балансира и сглаживает конфронтационный контур социума. Но при этом остается принципиально твердым в сохранении духовной традиции и нравственной жизни общества, удерживается в духовных рамках, не впадая в крайности, и управляется собственными механизмами социального контроля — решениями Казачьего Круга. На критические оценки, протестные настроения казачье сообщество реагирует принципиально, но эластичнее, равновеснее, нежели гражданское общество России в целом (табл. 2–5).

Таблица 2

Оценка казаками органов государственной власти, % (2008 г.)

Одобряете ли Вы деятельность ...	Да	Скорее да	Скорее нет	Нет	Затрудняюсь ответить
Президента России	24	21	31	19	5
Председателя Правительства России	22	21	29	22	6
Государственной Думы РФ	8	15	23	45	9
Совета Федерации РФ	5	22	30	31	12
Органов госбезопасности (ФСБ)	15	27	25	18	15
Полиции	7	20	23	43	7
Прокуратуры	6	19	21	39	15
Следственного комитета	8	27	19	34	12
Судов	6	18	20	44	12
Губернатора области (края)	23	19	12	33	13
Местной власти	11	16	25	40	8

Источник: [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, 2011].

Таблица 3

Оценка реформ, проводимых в стране (2010 г.)

Как Вы оцениваете проводимые в нашей стране реформы?	Положительно	Удовлетворительно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Военная реформа	10	26	60	4
Реформа образования	5	17	74	4
Реформа здравоохранения	5	27	65	3
Реформа правоохранительных органов	6	35	53	6
Судебная реформа	3	26	59	12
Пенсионная реформа	5	18	69	8
Реформа ЖКХ	3	14	76	7
Жилищная реформа (ипотека)	5	31	50	14
Административная реформа	3	19	63	15

Источник: [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, 2011].

Таблица 4

Оценка руководства в казачьей иерархии, %

Как Вы оцениваете работу руководства казачества?	Положительно	Удовлетворительно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Верховный атаман СКВРиЗ В.П. Водолацкий	9	13	60	18
Верховный атаман «СКР» П.Ф. Задорожный	6	30	40	24
Атаман Вашего Войска	29	34	32	5
Атаман Вашего Округа	31	39	23	7
Атаман Вашего Юрта/Хутора/ Станицы	47	40	9	4

Источник: [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, 2011].

Таблица 5

Оценка острых проблем в казачьих войсках, %

Низкий уровень жизни большинства казаков	63
Недостаточная финансовая поддержка государством казачества	45
Отток молодежи из казачьих поселений	43
Отсутствие у рядовых казаков возможности влиять на органы самоуправления	36
Противоречия между реестровыми и нереестровыми казаками	30
Отсутствие реальных возможностей у казаков нести государственную службу	28
Недостаточный авторитет Русской Православной Церкви	24
Плохое руководство Войском	23
Игнорирование инициатив казаков руководством Войска	21
Превращение выборности атаманов на Кругах в видимость, невозможность избрания неугодного власти атамана	19
Сильная зависимость от местной администрации	18
Бессменность высшего казачьего руководства	17
Разрушение традиционного уклада жизни	16
Значительная потеря казаками традиционных семейных ценностей	12
Морально-нравственный упадок в казачьей среде	11
Борьба за личное обогащение среди руководителей Войска	11
Отсутствие авторитета у атаманов	10
Низкая рождаемость	10
Дистанцированность атаманов казачьих Войск и казачьих общественных организаций от рядового казачества	9
Алкоголизм	7
Отсутствие единства в среде реестровых казаков	5
Массовый «уклонизм» от службы в армии	4
Нежелание многих казаков нести государственную службу	2
Наркомания	2
Затрудняюсь ответить	2

Источник: [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, 2011].

11. Государственная политика возрождения казачества глазами казаков

В исследованиях Д.В. Абросимова К.А., Рыбакова, Е.В Черепанова, Э.Г. Хамидулина по Кубанскому, Донскому, Ставропольскому, Терскому казачьим войскам установлено, что 2/3 реестровых

казачьих казаков выразили отрицательное отношение к государственной политике: у 35% отчетливо негативная оценка, а 28% заявили, что практически ее не ощущают. Нереестровые казаки высказались категоричнее: 47% — негативные оценки, 45,8% не ощущают действий государства ($\Sigma = 92,8\%$)

[Абросимов, Рыбаков, Черепанов, 2011]. Но были и положительные шаги.

В позитиве отмечены: 1) создание кадетских корпусов, казачьих гимназий и классов — 57% одобрения; 2) восстановление храмов в казачьих поселениях — 49%; 3) создание Совета при Президенте по делам казачества — 33%; 4) принятие ряда нормативных документов — 25%; 5) сотрудничество казаков и власти — 15%; 6) поддержка культурной самобытности — 13%; 7) активное привлечение на госслужбу — 12%; 8) начало финансирования — 11%.

В негативе отмечены: 1) разделение на реестровых/нереестровых и раскол казачества — 60% гнев реестровых и 78,7% возмущение нереестровых казаков; 2) редукция государственной поддержки к концертам и театрализации — 40%; 3) сведение поддержки к лозунгам — 41,8%; 4) нет условий для обустройства жизни казачьих поселений — 40,3%; 5) сдержанность в привлечении к госслужбе — 43,4% в оценке реестровых и 18,7% в оценке нереестровых казаков; 6) подмена традиций видимостью — 38,7%; 7) заполнение руководящих постов в реестровом казачестве «удобными» чиновниками — 39,3%; 8) подавление инициативы и самостоятельности — 37,7%; 9) внутренняя борьба казаков за близость к власти и финансам — 31,4%; 10) превращение казачества в формальную, подконтрольную властям структуру — 26,1% [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, 2011].

Задачи возрождения, поставленные казаками:

- 1) принятие законов по развитию хозяйственной деятельности казаков и наделению их земель — 56%;
- 2) усиление работы с казачьей молодежью, развитие кадетского воспитания — 55%;
- 3) гарантировать обеспечение казаков госслужбой — 49%;
- 4) расширить права казачьего самоуправления — 39%;
- 5) четко определить статус казаков в реестре, в общественных организациях и вне организаций — 37%;
- 6) наладить систему серьезной военной подготовки молодых казаков — 35%;
- 7) активизировать сотрудничество казачества и Русской Православной церкви — 33%;
- 8) замена высшего атаманского состава — 33%;
- 9) развитие традиционной казачьей культуры и образа жизни путем создания моноэтнических казачьих общин — 23%;
- 10) закрепить право на наличие у казака стрелкового оружия — 20%;
- 11) создать жесткие критерии приема в казачьи общества — 22% [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, 2011, 11].

Отношение к государственной политике по вопросам казачества. По мнению казаков, нужно восстановить историческую традицию, а не чиновничьи предположения о том, каким быть казачеству сегодня. Так думают 73,6% казаков.

Вторая рекламация казаков — чтобы государство не мешало объективному процессу возрождения казачества — 44,4%. *Разумно-критическое отношение к государству:* 50% указали на нежелательность вмешательства государства в дела казаков [Водолацкий, 2011, с. 43].

Третье — усиление военной составляющей, но в адекватных для казачества формах — 36,8%.

Четвертое требование (сословное) — возврат прежних социальных привилегий.

Пятое — предоставление политической самостоятельности — 10,2% [Водолацкий, 2011, с. 52]. В.П. Водолацкий рассматривает эти требования как широкое осознание казаками своей социальной миссии.

Рост социальной напряженности порождает оппозиционные настроения и активизацию партий. В политическую жизнь включаются и казаки. Но, имея выраженную гражданскую солидарность, они направляют ее на единение с народом, с державными интересами и христианской моралью [Дробницкий, 2008, с. 248–256]. Чем народ отличается от населения, от этноса? Народ — не совокупность населяющих индивидов, а соборное единство, сплоченное вокруг ведущих ценностей, вокруг национальной идеи, вокруг морали и духовного центра. Если общество начинает разлагаться, то соборному понятию «народ» будет соответствовать минимум индивидов. При оздоровлении общество духовно, нравственно интегрируется и может расширяться до всего объема населением.

12. Политизация казачьего движения

В последние два десятилетия возникали политические коалиции казачества с КПРФ, ЛДПР, «партией российского единства и согласия», «Консервативной партией», «Демократической партией России», с движениями «Наш Дом — Россия», «Движением в поддержку армии», «Русским национальным единством», «Конгрессом русских общин».

Образование казачьих партий: «Казачья национальная партия» (Краснодарский край), народно-патриотическая партия «Казаки России» (Самара), «Народная казачья партия» (Ростовская область), межрегиональная казачья «Национальная партия» (Ставрополье), «Казачья партия РФ» (по инициативе В.В. Путина), казачья народная партия «Будущее России», «Народная Казачья

Консолидация противодействия чиновникам», «Союз Казачьих Формирований Российской Федерации», «Казачья Политическая Партия», казачья народно-политическая партия «Российская социально-экологическая держава», «Всемирное Братство Казачьего и Офицерского Спецназа». Однако казачьи партии не вышли на уровень общероссийского политического процесса, что обанкротило идею партийного строительства в казачьем движении. Более типичные выражения протестов казаков — митинги и шествия (табл. 6).

Таблица 6

Характеристика политической активности/сдержанности

Одобрите ли Вы участие казаков в политических партиях?	в %
Да	33
Скорее, да, чем нет	22
Скорее, нет, чем да	7
Нет	31
Затрудняюсь ответить	7

Сдерживание политизации. Е.В. и Л.В. Черепановы пишут, что абсолютное большинство казаков считают раскол в казачьем движении пагубным, и в этой ситуации «создание различных

общественных организаций казаков крайне опасно, поскольку нарушает дух единства казачества» [16, с. 108–115]. Такое же мнение господствует и в среде атаманов. Большинство считает, что раскол был искусственно создан противниками казачьего возрождения. Это мнение разделяют 56% реестровых казаков и 77% нереестровых. Другие объяснения казачьего раскола: вмешательство местных администраций — 26%, амбиции атаманов — 19,4%, корысть атаманов — 11,4%, федеральные власти — 15,2%, «болезнь роста» — 7,8% [Там же].

Как оценивают казаки *уровень солидарности в казачьем движении*? Более половины считают его высоким — 56,8%, а четверть (23,1%) — средним. Суммарно — 80%. Это в несколько раз превышает степень солидарности современного разобщенного общества России [Водолацкий, 2011, с. 45]. Отношение казаков к созданию общественных казачьих организаций отражено в табл. 7.

Воинская ориентация в менталитете и культурно-психологическом типе казачества. На вопрос «Готовы ли лично Вы, в случае особого указа Президента России, нести казачью службу вне пределов территории Вашего войска?» ответы распределились, как показано в табл. 8–9.

Таблица 7

Отношение к созданию общественных организаций казаков

Полезно ли создание разных общественных организаций казаков	Всевел. Войско Донское	Кубанское ВКО	Терское ВКО	Став. Каз. Войско
Полезно — развитие казачества	20,6%	40,9%	56,9%	90,7%
Опасно — нарушает единство	72,1%	49,9%	39,2%	3,9%

Источник: [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, 2011].

Таблица 8

Личная готовность казаков юга России к особым условиям госслужбы

Характер готовности	Всевеликое Войско Донское	Кубанское ВКО	Терское ВКО
Да	7,48	33,65	54,53
Да, при определенных условиях	65,77	39,06	29,20
Скорее, нет	11,66	11,56	8,58
Нет	9,40	9,56	4,64
Затрудняюсь ответить	5,69	6,17	3,05

Источник: [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, 2011].

Таблица 9

Оценка воинской ориентации нереестрового казачества

Хотят ли «нереестровые» казаки нести госслужбу?	Реестровые казаки	Нереестровые
Да	14	31
Да, при определенных условиях	34	54
Скорее, нет	4	0
Нет	9	0
Затрудняюсь ответить	39	15

Источник: [Абросимов, Рыбаков, Черепанов, 2011].

Список литературы

1. Казачество // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах. Т. 82. СПб., 1890–1907.
2. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2007.
3. Российское казачество: государственная служба и кадровая политика / Под ред. Е.Л. Рябовой. М.: Международный издательский центр ЭТНОСОЦИУМ, 2008.
4. Карасёв А. Казаки: народ или социальная структура? // Русский журнал. 20.10.2011.
5. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. I. М., 1894. С. 3, 161.
6. Макаров В.В. Казачество и власть: путь к очевидному // Казачество как фактор исторического развития России. СПб., 1999. С. 15–17.
7. Водолацкий В.П., Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В., Черных Е.Ю., Садко Д.О. Аналитический доклад по проекту современной России (на примере Донского казачества). Ростов-на-Дону: Южнороссийский филиал Института социологии Российской академии наук, 2011. <http://cossacks.klimovo.org/cossack-creativity/science-fiction/94.html>
8. Гордеев А.А. История казаков в 3-х частях. М.: Страстной бульвар, 1991. С. 126.
9. Кокорев А.С. Проблемы общества и государства в социологии Б.Н. Чичерина и М. Вебера // Социологические исследования. 2009. №02. С. 128–135.
10. Weber M. Staatsoziologie. Berlin, 1966. P. 76.
11. Абросимов Д.В., Рыбаков К.А., Черепанов Е.В., Хамидулин Э.Г. Особенности региональной специфики и самоидентификации современного казачества юга России в процессе модернизации гражданского общества. М.: Информационно-аналитическое агентство «Маркетинг и Консалтинг-МиК».
12. Озеров А.А., Киблицкий А.А. Социальная идентификация донских казаков: первый Круг. Ростов н/Д, 2005.
13. Дробницкий О.Г. Структура морального сознания // Философия. Наука. Культура. М., 2008. С. 248–256.
14. Таболина Т.В. Государство и казаки: опыт взаимодействия // Материалы научно-практической конференции «Казачество в России в XXI веке: место и роль в обществе и государстве», апрель 2001 г. / Ред. В.П. Павлов. Ростов н/Д, 2001.
15. Добренков В.И. Ценностные ориентиры современной социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 108–115.
16. Черепанов Е.В., Черепанова Л.В. Причины раскола казачества Северного Кавказа и факторы, способствующие его объединению // Современные научные исследования и инновации. Август, 2012. <http://web.snauka.ru/en/issues/2012/08/16342>.
17. Белогорцев В.Н. Способно ли православие выполнять идеологическую функцию? // Социологические исследования. 2009. №11. С. 98–102.
18. Лункин Р.Н. Русские» регионы России: степень православности и политические ориентации // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 1–20.
19. Ефанова О.А., Шишова Ж.А. и др. Информационный бюллетень о ходе реализации аналитической программы Министерства регионального развития РФ

References

1. Kazachestvo [Cossacks]. *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona: V 86 tomakh* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes]. V. 82. St. Petersburg, 1890–1907.
2. Savel'ev E.P. *Drevnyaya istoriya kazachestva* [The ancient history of the Cossacks]. Moscow, Veche Publ., 2007.
3. Ryabova E.L. *Rossiyskoe kazachestvo: gosudarstvennaya sluzhba i kadrovaya politika* [The Russian Cossacks: Civil Service and Personnel Policy]. Moscow, International Publishing House ETNOSOCIUM, 2008.
4. Karasev A. Kazaki: narod ili sotsial'naya struktura? [Cossacks: the people or the social structure?]. *Russkiy zhurnal* [Russian Journal]. 20.10.2011.
5. Chicherin B.N. *Kurs gosudarstvennoy nauki* [The course of the state of science]. Part. I, Moscow, 1894. pp. 3, 161.
6. Makarov V.V. *Kazachestvo i vlast': put' k ochevidnomu* [Cossacks and power: the path to the obvious]. *Kazachestvo kak faktor istoricheskogo razvitiya Rossii* [Cossacks as a factor in the historical development of Russia]. St. Petersburg, 1999, pp. 15–17.
7. Vodolatskiy V.P., Volkov Yu.G., Barkov F.A., Serikov A.V., Chernous V.V., Chernykh E.Yu., Sadko D.O. *Analiticheskiy doklad po projektu sovremennoy Rossii (na primere Donskogo kazachestva)* [Analytical report on the project of modern Russia (on the example of the Don Cossacks)]. Rostov-na-Donu, South Russian branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2011. Available at: <http://cossacks.klimovo.org/cossack-creativity/science-fiction/94.html>
8. Gordeev A.A. *Istoriya kazakov v 3-kh chastyakh* [History of the Cossacks in 3 parts]. Moscow, Strastnoy bul'var Publ., 1991, p. 126.
9. Kokorev A.S. *Problemy obshchestva i gosudarstva v sotsiologii B.N. Chicherina i M. Vebera* [Problems of society and the state in sociology BN Chicherin and Weber]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2009, I. 02, pp. 128–135.
10. Weber M. *Staatsoziologie*. Berlin, 1966. R. 76.
11. Abrosimov D.V., Rybakov K.A., Cherepanov E.V., Khamidulin E.G. *Osobennosti regional'noy spetsifiki i samoidentifikatsii sovremennoy kazachestva yuga Rossii v protsesse modernizatsii grazhdanskogo obshchestva* [Features regional particularities and identity of the modern Cossacks in southern Russia in the modernization of the civil society]. Moscow, Information-analytical agency "Marketing and Consulting-Mic".
12. Ozerov A.A., Kiblitkiy A.A. *Sotsial'naya identifikatsiya donskikh kazakov: pervyy Krug* [Social identification of the Don Cossacks: the first circle]. Rostov-on-Don, 2005.
13. Drobniitskiy O.G. *Struktura moral'nogo soznaniya* [The structure of the moral consciousness]. *Filosofiya. Nauka. Kul'tura* [Philosophy. Science. Culture]. Moscow, 2008, pp. 248–256.
14. Tabolina T.V. *Gosudarstvo i kazaki: opyt vzaimodeystviya* [The state and the Cossacks: experience of interaction]. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Kazachestvo v Rossii v XXI veke: mesto i rol' v obshchestve i gosudarstve», aprel' 2001 g.* [Proceedings of the Conference "Cossacks in Russia in the XXI century: the role and place in society and state", April 2001]. Rostov-on-Don, 2001.
15. Dobren'kov V.I. *Tsennostnye orientiry sovremennoy sotsiologii* [Value orientations of modern sociology]. *Sotsio-*

- «Становление и развитие государственной службы российского казачества в 2008–2010 годах // Выпуск № 2. <http://www.yaik.ru/forum/showthread.php?t=738>.
20. Смирнов Д., протоиерей. Российское казачество. <http://www.ruplace.ru/kazachestvo/rossiyskoe-kazachestvo.-kratkaya-harakteristika-sovremennogo-rossiyskogo-kazachestva.html>.
  21. Дейнекин П.С. Современное казачество: состояние и перспективы // Казачество как фактор исторического развития России. СПб., 1999. С. 21–26.
  22. Alexander J.C. *The Civil Sphere*. New York: Oxford University Press, 2006. P. 53–192.
  23. Habermas J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge: MIT Press. 1991, p. 27.
  24. Shklar J. *American Citizenship: The Quest for Inclusion*. Cambridge. 1991, p. 14.
  25. Возьмител А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни: теоретико-методологические основы анализа // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 59–65.
  26. Мчедлова М.М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 77–84.
  27. Быковский В.Н. К вопросу о целях и задачах воспитания в народной педагогике казачества // I общерос. научно-практ. конф. «Казачество как фактор исторического развития». СПб.: Познание, 1999. С. 65.
  - logicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 2009, I. 8, pp. 108–115.
  16. Cherepanov E.V., Cherepanova L.V. Prichiny raskola kazachestva Severnogo Kavkaza i faktory, sposobstvuyushchie ego ob"edineniyu [The reasons for the split of the Cossacks of the North Caucasus and the factors contributing to its association]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific research and innovation]. August, 2012. Available at: <http://web.snauka.ru/en/issues/2012/08/16342>.
  17. Belogortsev V.N. Sposobno li pravoslaviye vypolnyat' ideologicheskuyu funktsiyu? [Can the Orthodox Church to perform an ideological function?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2009, I. 11, pp. 98–102.
  18. Lunkin R.N. Russkie» regiony Rossii: stepen' pravoslavnosti i politicheskie orientatsii [Russian "regions of Russia: Orthodox and the degree of political orientations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2008, I. 4, pp. 1–20.
  19. Efanova O.A., Shishova Zh.A. *Informatsionnyy byulleten' o khode realizatsii analiticheskoy programmy Ministerstva regional'nogo razvitiya RF «Stanovlenie i razvitiye gosudarstvennoy sluzhby rossiyskogo kazachestva v 2008–2010 godakh* [Newsletter on the implementation of the analytical program of the Ministry of Regional Development of the Russian Federation "Formation and Development of Civil Service of the Russian Cossacks in 2008–2010]. I 2. Available at: <http://www.yaik.ru/forum/showthread.php?t=738>.
  20. Smirnov D., protoierey. *Rossiyskoe kazachestvo* [archpriest. Russian Cossacks]. Available at: <http://www.ruplace.ru/kazachestvo/rossiyskoe-kazachestvo.-kratkaya-harakteristika-sovremennogo-rossiyskogo-kazachestva.html>.
  21. Deynekin P.S. *Sovremennoe kazachestvo: sostoyanie i perspektivy* [Modern Cossacks: Status and Prospects]. *Kazachestvo kak faktor istoricheskogo razvitiya Rossii* [Cossacks as a factor in the historical development of Russia]. St. Petersburg, 1999, pp. 21–26.
  22. Alexander J.C. *The Civil Sphere*. New York: Oxford University Press, 2006. P. 53–192.
  23. J. *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge: MIT Press. 1991, p. 27
  24. Shklar J. *American Citizenship: The Quest for Inclusion*. Cambridge. 1991, p. 14.
  25. Voz'mitel' A.A., Osadchaya G.I. *Obraz zhizni: teoretiko-metodologicheskie osnovy analiza* [Lifestyle: theoretical and methodological framework for the analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2009, I. 8, pp. 59–65.
  26. Mchedlova M.M. Rol' religii v sovremennom obshchestve [The role of religion in modern society]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2009, I. 12, pp. 77–84.
  27. Bykovskiy V.N. K voprosu o tselyakh i zadachakh vospitaniya v narodnoy pedagogike kazachestva [On the question of the aims and objectives of education in folk pedagogy Cossacks]. *I obshcheros. nauchno-prakt. konf. «Kazachestvo kak faktor istoricheskogo razvitiya»* [First All-Russian Scientific-Practical Conference "Cossacks as a factor of historical development"]. St. Petersburg, Poznanie Publ., 1999, pp. 65.

Новая методология системного анализа

(Обобщение статей, опубликованных в журнале «Уровень жизни населения регионов России»: «Логика, топика и системный анализ». №2/2014; «Законы и свойства системы: естественно-научная интерпретация новой методологии — реконструкция таблицы Менделеева». №2/2014; «Законы и свойства системы: естественно-научная интерпретация новой методологии (продолжение)». №3/2014)

The New System Analysis Methodology

Получено 12.09.2014 Одобрено 15.10.2014 Опубликовано 15.12.2014

УДК 165.2

DOI: 10.12737/7413

АРТАМОНОВ Г.Н.

канд. филос. наук, доцент, заместитель главного редактора журнала «Уровень жизни населения регионов России». 105043, Россия, г. Москва, 4-я Парковая улица, д. 29. E-mail: art.gn@mail.ru

ARTAMONOV G.N.

PhD in Philosophy, Associate Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia». 29 4th Parkovaya St., Moscow 105043, Russia. E-mail: art.gn@mail.ru

Аннотация

Объект. Законы и свойства системы в онтологическом и гносеологическом аспектах. Уровни методологии в анализе и синтезе предмета познания.

Предмет исследования. Логическая решетка как исходное условие понимания и как финальная форма осмысления предмета познания в форме таблиц и системных моделей. Интеллектуальный цикл как структурно организованный процесс познания, представляющий последовательную цепь бинарных логико-топических звеньев всех способов мышления (дедукции, субдукции, едукции, продукции, индукции и традукции), развертывающихся по законам логической решетки. Сущность рассудочного, разумного и мировоззренческого (духовного) интеллекта. Логические акты мышления и их интеграция в топосы. Топосы и их интеграция в систему. Законы и свойства системы. Система и ее функциональные подсистемы вертикального и горизонтального типа.

Цель. Определение сущности и принципов новой методологии, относящейся к традиционной, как «особенное» — к «общему». Построение методологического перехода: 1) от логики к топике, 2) от топике — к системному анализу. Установление законов и свойств системы в онтологическом и гносеологическом аспектах. Описание топосов как структурных элементов системы и ячеек системной симметрии.

Теоретическое описание статьи. В статье рассматриваются сущность рассудочного интеллекта с доминантой логического и субдоминантой топического мышления; сущность разумного интеллекта, представляющего оборачивание ведущей роли топике, по отношению к подчиненному — логическому способу мышления; сущность мировоззренческого мышления, выражающегося в ведущей роли системного способа мышления и подчиненными логико-топическими способами мышления. Законы и свойства трехуровневой системы сознания (логика — топика — системный анализ; понятие — идея — системная картина предмета познания). Логическая решетка как начало, основа, регулятивный принцип и финальная ментальная схема в познавательной деятельности. Логико-топические циклы мышления и координируемые ими принципы системной интеграции результатов познавательной деятельности. Функциональные подсистемы в структуре системы. Вертикальные и горизонтальные функциональные подсистемы. Векторные и полилинейные следования в отображении смысловых связей познаваемого предмета.

Ключевые слова: логика, топика, смысловая решетка, ячейка симметрии, рассудочный интеллект, разумный интеллект, духовный интеллект, мировоззренческая деятельность, мировоззренческие процессы, функциональные подсистемы, системный анализ, системное моделирование.

Abstract

Object. Laws and properties of the system in the ontological and epistemological aspect. Levels of the methodology in the analysis and synthesis of the subject knowledge.

Subject of the Study. The lattice as a logical premise of understanding and comprehension of the final shape of the object of knowledge in the form of tables and system models. Intellectual cycle as structurally organized process of learning, which is a daisy chain of binary logic-topical links all modes of thought (deduction subduction eduktii, products, induction and trduction), unfolding under the laws of logic array. The essence of rational, reasonable and worldview (spiritual) intelligence. Logical acts of thinking and their integration into the topos. Topos and their integration into the system. Laws and properties of the system. The system and its functional subsystems of vertical and horizontal type.

Purpose. Definition of the nature and principles of the new methodology related to traditional as "special" — to the "general." Building a methodological transition: 1) from logic to a topic, and 2) from the topic — to systems analysis. Establishing laws and properties of the system in the ontological and epistemological aspect. Description topos as structural elements of the system and the system of cells of symmetry.

The Theoretical Description of the Article. The article deals with the essence of rational intelligence and the dominant and subdominant topical logical thinking; essence of reasonable intelligence, representing wrapping leadership topics, in relation to the subordinate — the logical way of thinking; essence of philosophical thinking — is expressed in the leading role of systemic way of thinking and logical-subordinate topical ways of thinking. Laws and properties of the three-tier system of consciousness (logic — topic — system analysis, the concept — the idea — system picture of the object of knowledge). The logical lattice as the beginning, the foundation of regulatory principle and final mental scheme in cognitive activity. Logical-topical cycles of thinking and coordinated by them principles of system integration of the results of cognitive activity. Functional subsystems in the system structure. Vertical and horizontal functional subsystems. Vector and multilinear mapping routes to semantic relationships of the cognizable subject.

Keywords: logic, topic, semantic lattice cell symmetry, the rational intellect, reasonable intelligence, spiritual intelligence, philosophical activity, ideological processes, functional subsystems, system analysis, system modelling.

1. Введение: обзор интерпретаций категории «система»

Какими характеристиками, свойствами, законами описывается категория «система»? На этот вопрос конструктивных ответов нет. Указываются лишь самые общие принципы — *целостность, единство, структурность*.

Термин система (гр. *συστήμα*) — это *целое, составленное из частей; множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом и образующих определенную целостность, единство*. Чтобы перейти к свойствам системы и законам системной организации элементов, мы должны раскрыть смысл и характеристики *среднего термина*.

Элементы — это *нижние* составляющие. Непосредственно связывать их сразу с *высшим и универсальным началом* — с системой — неправильно. Необходимо описать *части подсистемы*, ибо непосредственно в них и входят элементы. Но как входят? Элементы входят не в какие угодно части, а во вполне *определенные* именно для них *части и на определенных условиях*. Но эти элементы уже не могут входить в другие части.

Следовательно, чтобы ответить на вопрос о частях мы должны установить *основания системной классификации* (табл. 1). Чтобы соотнести этим установленным классификацией частям (подсистемам) элементы, мы должны построить *полную, исчерпывающую классификацию* так, чтобы элементы *взаимнооднозначным соответствием* связывались с определенными именно для них классами (группами, частями). Вопрос о частях системы как о группах, полностью исчерпывающих эту систему классов, является главным для продвижения к установлению системных свойств и законов.

Таблица 1

Классы, образующие подсистемы — основания системной классификации

Имя системного класса (подсистемы)	Класс А	Класс В	Класс С	Класс D	Класс Е	Класс F	Класс G	Класс Н
------------------------------------	---------	---------	---------	---------	---------	---------	---------	---------

Классы А, В, С, D, Е, F, G, Н должны быть заданы по одному признаку «Q» так, чтобы мы могли их рассматривать как последовательный ряд системных оснований (без пропусков и повторений), как некую непрерывную линию модификации

исходного признака деления классов «Q» — $q^1, q^2, q^3, q^4, \dots, q^n$.

Каждый системный класс является «фильтром отбора» элементов системы, если эти элементы взаимно однозначным способом могут быть распределены по всему множеству классов без пропусков, повторений, без избытка и недостатка (лишних или недостающих элементов). Кроме того, число классов (и их качественно-количественная определенность) должно полностью исчислять всю меру разнообразия, присущую элементам исследуемой целостности, которую мы намерены назвать системой.

Это отнюдь не простая задача. Авторы ряда попыток системной классификации начинают со слов «не претендуя на полноту...». Но претендовать необходимо, если мы намерены установить систему. В разных областях знания мы встречаем или сверхкороткие, или сверхдлинные перечни оснований классификации. В гуманитарных и социально-экономических науках, как правило, все, что классифицируется, представляется списком из 2–5 классов — явно малое множество. Встречаются классификации, в которых основания разнородны до такой степени, что их нельзя представить как один последовательный ряд, в котором правильным образом модифицируется один признак деления классов «Q».

Обратимся к анализу центрального понятия. В XX–XIX вв. наблюдался бум системных исследований: строились теории, многочисленные логико-математические модели, системно-философские концепции. Мода на термин «система» захватила не только ученых, но и управленцев, политиков, практиков, все элиты интеллигенции, все сферы человеческой деятельности на всем горизонте общественного сознания.

Первенство в развитии системных теорий в XX в. принадлежит А.А. Богданову, автору работы «Всеобщая организационная наука (тектология)» [17]. Но законодателем моды на теорию систем признается Л. фон Берталанфи. Оценим только опорные категории, привлекаемые для раскрытия основополагающего понятия. По дефиниции отца-основателя, система — это «*комплекс взаимодействующих компонентов*» [Берталанфи, 1969, 1, с. 23–82], «*совокупность элементов, находящихся в определенных отношениях друг с другом и со средой*» [Берталанфи, 1973, 2]. Понятия «комплекс» и «совокупность» не выводят нас на понятия целостности, способа соорганизации, единства, характера интеграции, принципа иерархии и ее уровней. В таком случае каждый объект может быть рассмотрен как система.

Ф.И. Перегудов и Ф.П. Тарасенко сделали упор на взаимосвязь элементов и их обособленность от среды [Перегудов, Тарасенко, 1989, 6]. В.Н. Сагатовский обратил внимание на следующие моменты: а) множество элементов, входящих в систему, должно быть конечным; б) элементы в системе функциональные, т.е. не просто входят в систему, а исполняют в ней определенную функцию; в) между функциональными элементами должны существовать определенные отношения, выделяющие их из среды; г) системное объединение элементов предназначено для определенной общей цели [Сагатовский, 1973, 3]. Большинство исследователей среди базовых характеристик строения (морфологии), системы называют *иерархичность, многоуровневость, структурность*.

В.Н. Садовский уточнял категории целое—часть в контексте системных отношений: 1) «*принципиальная логическая несводимость*» свойств системы к сумме свойств частей и «*принципиальная логическая невыводимость*» из частей свойств целого; 2) зависимость свойств и отношений элемента от его места и функций в системе внутри целого. По мнению В.Н. Садовского, феномен структурности означает: 1) возможность описать систему через установление ее структуры; 2) поведение системы зависит не столько от поведения элементов, сколько от свойств структуры [Садовский, 1974, 16].

Близкие суждения по эффекту системности высказывал и В.К. Батоврин: 1) несводимость суммы частей к целому (системе) — появление у системы свойств, не присущих элементам; 2) интегрированность элементов; 3) регулярность взаимодействия элементов; 4) устойчивость отношений между элементами [Батоврин, 2012, 5].

В 60–70-е годы XX в. возникли концепции У. Росс Эшби, О. Ланге, Р. Акофа, М. Месаровича, А.И. Умова, А.А. Малиновского, А.А. Ляпунова. А.И. Умов предложил основными классифицирующими основаниями систем считать категории «элементы», «свойства», «отношения» [Умов, 1968, 12; 1978, 13; 1984, 14; 2000, 15]. Этого подхода придерживался и В.Н. Сагатовский [Сагатовский, 1973, 3].

Для методологии системного анализа важны два закона разнообразия системы, сформулированные У.Р. Эшби: 1) закон необходимого минимума разнообразия элементов системы; 2) закон необходимого разнообразия в поведении системы (способность перестраивать функции и поведение — менять состояние в ответ на внешние воздействия или внутренние изменения).

В философских теориях систем вырабатывались следующие категории анализа:

- 1) *порядок в расположении элементов в структуре как аспект принципа симметрии;*
- 2) *структура как закон функционирования элементов системы;*
- 3) *структура как единство закономерно расположенных и функционирующих частей;*
- 4) *система как форма организации;*
- 5) *система как многоуровневая структурная конструкция элементов — ветвистые структуры, отражающие ее строение как графа с нисходящими ярусами подсистем.*

2. Избыточная универсализация и продуктивная конкретизация

В теории систем А.А. Богданова разработан достаточно детализированный понятийный аппарат. Однако А.А. Богданов употреблял понятия «мировой структуры», «организационной формы мира» в универсальном смысле, исходя из того что в мире существует великое разнообразие систем. На таких же позициях стояли Л. фон Берталанфи и все последующие теоретики системного подхода.

Является ли мир единой системой или мир — это коллекция систем? Берталанфи строил «общую теорию систем», но склонялся к идее множественности. В самом деле, биологический мир не менее разнообразен, чем мир атомов, химических веществ. Не меньше оснований говорить об экономических, политических, социальных, интеллектуальных системах. Мир есть единое целое или категория целостности (а значит, системности) должна применяться лишь к отдельным уровням реальности? Можно ли говорить о единстве мира как системы? Можно ли говорить, что вся Вселенная устроена по единому системному принципу, который воспроизводится на каждом уровне природного мира, аналогично на каждом уровне биологического, социального, духовного мира, меняя лишь элементную основу, но сохраняя базовую симметрию универсальной системы? Если «да», то единство мира может быть установлено. Если «нет» универсальной системы, то ничем не обусловлено единство мироздания и целостность его невозможна.

В каждой науке утверждается специфичная для ее предмета система, интуитивно с этим можно согласиться. Однако в научной литературе нет единого понимания системы. Более того, ни в одной области научного знания не построено никаких систем. Существуют классификации в биологии, социологии, экономике, но они чрезвычайно далеки от идеала системы, который реализован в таблице Менделеева. В этом случае труд-

но принимать утверждения об иных системах. Любая классификация элементов требует доказательства полноты и целостности, установления классов по вертикали и горизонтали, а эти классы требуют доказательства полноты исчисления, единства принципа в подборе классифицирующих категорий и оснований. Более того, необходимо установить тип симметрии. Классификация сингоний существует, соответственно, необходимо указать, к какому типу сингоний относится симметрия, которая приписывается выстраиваемой системе. В гуманитарных науках подобные уровни доказательства даже не рассматриваются. В естественных науках эти вопросы поставлены только в физике и химии. Так что в научном знании термин «система» пока можно отнести только к великому шедевру Д.И. Менделеева и ее дальнейшим разработкам в современных исследованиях.

В экономике, социологии, политологии термин «система» весьма популярен. В экономических теориях встречаются дефиниции системы как «набора взаимосвязанных частей». Что такое набор? Как захотели, так и набрали? Кто и что наберет? При этом говорят о разных экономических системах в разных обществах. В социально-экономических, гуманитарных исследованиях постоянно встречаются структурные схемы: 3–4 кружочка, 3–4 квадратика, стрелочки и все это смело называется системой. Почему? Без доказательств и обоснований.

Наборы различных механизмов функционирования экономических отношений могут существовать, но они существуют на правах «наборов», «конвенций», «договоренностей». Но не все, что произвольно объединено и «работает», должно именоваться системой. Сколько элементов в таких системах? Их даже никто не считал. Сколько групп и периодов в этой системе? Этого никто не определял и нужды в этом не имеет. Так почему же это система? Точно такая же произвольность употребления категории «система» и в социологии, и в политологии, и в юриспруденции.

В научно-технической литературе почти узаконено относить «технические устройства» к разновидностям систем. Без обоснований называть системой все подряд не допустимо. Почему бы устройства не называть их собственным именем? Крайне размытое понятие вульгаризирует системный анализ. Если велосипедный насос или электрическую кофеварку называть системой, то к какому классу сингоний их относить и каков тип их симметрии? Что можно назвать системообразующим фактором в велосипедном насосе?

Можно ли назвать 3–4 элемента достаточной основой для того, чтобы они образовали систему? Очевидно, что должно существовать какое-то множество элементов, с достаточно большой степенью разнообразия, чтобы их совокупность могла образовать систему, и это не 3–4, и даже не 30–40 элементов, а существенно больше. Пока есть только один обоснованный и доказанный факт системы, и он установлен для 120 химических элементов.

Если вышеназванные устройства действительно системы, то, согласно теореме Э. Неттер, велосипедному насосу и кофеварке должны соответствовать законы сохранения. Не много ли чести? Наибольшее расхождение точек зрения, — пишут А.М. Кориков и С.Н. Павлов, — наблюдается при делении систем на *простые* и *сложные* [Кориков, Павлов, 2012]. В литературе принимается деление систем на *детерминированные* и *вероятностные*. С. Бир, например, относит к простым детерминированным системам «оконную задвижку, проект механических мастерских», а к простым вероятностным системам — «подбрасывание монеты, движение медузы, статистический контроль качества продукции»; к сложным детерминированным системам — «компьютер», а к сложным вероятностным — «хранение запасов, условные рефлексы, прибыль предприятия» [Бир, 1965, 11].

Все эти примеры не являются системами — ни простыми, ни сложными. Оконная задвижка, движение медузы, прибыль предприятия — соответствует ли этим понятиям критерий целостности? Разумеется, нет. Не приложимы к этим примерам и все остальные базовые понятия системы. Л. фон Бергаланфи, разрабатывая теорию систем, настаивал на том, что если система существует, то существуют не только *специфический для системы закон*, но и *изоморфизм законов*, управляющих функционированием системных объектов. П.К. Анохин утверждал, что если установлена система, то ее функции исполняются *«функциональными подсистемами»*. Разве приложимы понятия изоморфизма, функциональных подсистем к двум загагулинам, из которых состоит оконная задвижка, или к четырем элементам велосипедного насоса? Критикуя вульгаризацию отнесения всего подряд к системам, можно вспомнить о ряде принципов и законов, которыми должны обладать системы и которые, бесспорно, не применимы к вышеприведенным примерам: *«принцип совместимости»* и *«принцип актуализации функций»* (М.И. Сетров), *«принцип взаимно-дополнительных соотношений»*, *«закон минимума»* и *«принцип моноцентризма»* (А.А. Богданов), *«закон необходимого разнообразия»* (У.Р. Эшби),

«закон иерархических компенсаций» (Е.А. Седов), «принцип прогрессирующей сегрегации» (Л. фон Бергаланфи).

3. Различение систем и системных образований

Рассмотрим атомы водорода, кислорода, меди, свинца, ртути, урана и спросим: являются ли эти атомы, взятые сами по себе, системами или нет? Каждый из этих атомов обладает многими изумительными симметриями. Но даже этого не достаточно. Это не системы, а элементы системы. Система — носитель всех симметрий, которыми наделены ее элементы. Она родоначальница законов, которые распространяет на свои элементы. Элементы — восприимчивы симметрий, в них реализуются общесистемные законы. Каждый элемент осистемлен, но одни элементы впитали в себя больше симметрий, больше структурных уровней организации, а другие — меньше. Атомы — системные образования, но не системы.

Атом водорода ${}^1\text{H}$ идеален по красоте: ядро включает 1 протон и 1 нейтрон, а на орбитали 1 электрон. Гармоничный строй, идеальная структурность, но она минимальна и слишком проста, чтобы подчинять себе структурно более сложные объекты.

Кислород ${}^8\text{O}$, играющий столь важную роль в теоретической химии, структурно сложнее водорода, но настолько же проигрывает ему по классу симметрии. У простейшего из атомов средний класс сингоний (гексагональная решетка), а у более структурированного кислорода — низшая (моноклинная структура решетки атома), этому атому не хватает потенциала симметричных порядков, чтобы подчинить им какое-либо широкое разнообразие элементов.

Такие же и многие другие изъяны мы найдем у любого из атомов. У меди ${}^{29}\text{Cu}$ неустойчивая валентность (+1 $\rightarrow$ +4), еще больше разброс степеней окисления у ${}^{80}\text{Hg}$ ртути (+1, +2, +4), уран — нестабильный атом и т.д. Итак, любой атом есть элемент системы, каждый из них имеет определенную меру осистемленности, но и меру неполноты, изменчивости, иррегулярности. Поэтому они системные образования.

Исключение можно сделать только для неоткрытого еще 120-го элемента, на котором замыкается вся система, поскольку он структурно и симметрично изоморфен всей системе в целом. В отличие от своих образований — элементов — система обретает ряд свойств, обладать которыми не может ни один элемент, а только система как целое.

4. Системные связи и отношения — матрица системы

Исследуя системные связи и отношения на примере таблицы Д.И. Менделеева, в преобразованном виде мы построили системную матрицу (табл. 2).

В предыдущей статье мы приводили эту таблицу, но там оставляли в клетках химические элементы [Артамонов, 2014, 23, с. 178], а теперь, поскольку нас интересуют лишь формальные аспекты системной организации, мы устранили элементы, оставив лишь матрицу групп и периодов, системные номера ячеек и стрелки, указывающие направление осистемливающих отношений.

В принципе системная матрица подобна кристаллу [Артамонов, 2014, 23, с. 166, рис. 1]. В кристаллофизике идея кристаллизации любого объекта связывается с установлением симметрии. При этом условии объект становится системным образованием. Не только в естественных науках идея кристаллизации обрела универсальные смыслы, она распространяется и на объекты биологические, социальные, культурные, психические. Например, в современной психологической теории интеллекта сформировались понятия текучего (флексивного) и кристаллизованного интеллекта. Существуют представления о кристаллизации культуры. Основаниями переноса этих понятий в социокультурные и интеллектуально-психологические области знаний стали общенаучные принципы соответствия и симметрии, а также общая теория систем.

Итак, системную матрицу можно рассматривать как абстрактную систему, в которой вся сумма связей и отношений упорядочена как идеальная модель кристалла. Вернемся к таблице 2.

Второй и третий периоды названы типичными элементами. Почему типичными? Во-первых, эти

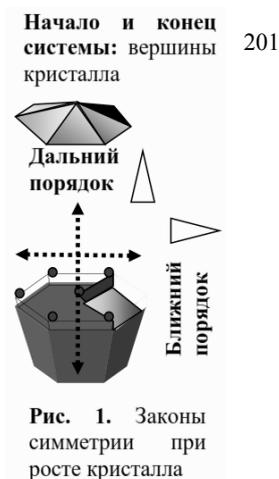

Рис. 1. Законы симметрии при росте кристалла

Таблица 2

Функциональная дифференциация системы:
принципы дополнителности, соответствия и системности

Периоды	Ряды	Принцип парного соответствия для групп: 1-5; 2-6; 3-7; 4-8				Принцип парного соответствия для групп: 1-5; 2-6; 3-7; 4-8				Центральные группы симметрии									
		Принцип дополнителности для гр. 1-2				Принцип дополнителности для гр. 3-4				Принцип дополнителности для гр. 5-6				Принцип дополнителности для гр. 7-8		Принцип дополнителности для гр. 8.1-8.2			
		1		2		3		4		5		6		7		8		8.1	8.2
		1	2	3	4	5	6	7	8	8.1	8.2								
I		II и III периоды — «типичные элементы» Вертикальный системообразующий фактор системы																	
II		3 ↓	4 ↓	5 ↓	6 ↓	7 ↓	8 ↓	9 ↓	10 ↓										
III		11 ↓	12 ↓	13 ↓	14 ↓	15 ↓	16 ↓	17 ↓	18 ↓										
IV		19 →	20 →	21 →	22 →	23 →	24 →	25 →	26 →	27 →	28 →								
V		29 →	30 →	31 →	32 →	33 →	34 →	35 →	36 →	45 →	46 →								
VI		37 →	38 →	39 →	40 →	41 →	42 →	43 →	44 →										
VII		47 →	48 →	49 →	50 →	51 →	52 →	53 →	54 →										
VIII		55 ↑	56 ↑	57 ↑	58 ↑	59 ↑	60 ↑	61 ↑	62 ↑	63 ↑	64 ↑								
		65 ↑	66 ↑	67 ↑	68 ↑	69 ↑	70 ↑	71 ↑	72 ↑										
		69 ↑	70 ↑	71 ↑	72 ↑	73 ↑	74 ↑	75 ↑	76 ↑	77 ↑	78 ↑								
		79 ↑	80 ↑	81 ↑	82 ↑	83 ↑	84 ↑	85 ↑	86 ↑										
		87 ↑	88 ↑	89 ↑	90 ↑	91 ↑	92 ↑	93 ↑	94 ↑	95 ↑	96 ↑								
		97 ↑	98 ↑	99 ↑	100 ↑	101 ↑	102 ↑	103 ↑	104 ↑										
		101 ↑	102 ↑	103 ↑	104 ↑	105 ↑	106 ↑	107 ↑	108 ↑	109 ↑	110 ↑								
		111 ↑	112 ↑	113 ↑	114 ↑	115 ↑	116 ↑	117 ↑	118 ↑										
		VI и VII периоды — фактор Вертикального замыкания системы — групп								120 ↑									
		I и VIII период — Факторы предельного замыкания в системном тороидальном пространстве																	

Структурные и функциональные соответствия d- и f-элементов группам системы

Принцип соответствия d- и f- расширений - ветвистым структурам всех групп																	
	1 группа		2 группа		3 группа		4 группа		5 группа		6 группа		7 группа		8 гр.		8.1 и 8.2
d-	65	69	66	70	67	71	58	68	59	69	70	60	61	71	62	63	64
f-	97	101	98	102	99	103	90	100	91	101	102	92	93	103	94	95	96
	Фактор расширения глубинных уровней в строении элементов системы в конечных (VI и VII) периодах через d- и f-элементы																

два периода не выходят за пределы восьми групп симметрии и в них идеально правильным образом происходит развитие ядра и структуры электронных оболочек. Во-вторых, первый ряд из восьми элементов представлен элементами с четко различающимися свойствами и качествами. Когда же под ним возникает второй ряд, то мы видим «типичное» в каждой группе, под одним элементом 2 периода стоит другой элемент 3 периода так, что между ними выявляется ряд общих, типичных физических и химических свойств. Получается 8 пар по два типичных элемента в каждой группе, по двум точкам задается логическая прямая и имя ей «группа элементов» (первая, вторая... восьмая). Имея в виду это, в матрице во 2 и 3 периодах поставили в каждой системной клетке таблицы стрелку вниз ↓, чем указали системообразующее направление. Оба эти периода мы назвали «Вертикальным системообразующим фактором».

Уникальную системную роль 1 и 2 группы можно видеть в любой таблице Менделеева. Их особая отдельность видна в таблице, когда они представляют типы химических веществ: щелочные и щелочно-земельные металлы. В другой таблице (по типу квантовых чисел s-, p-, d-, f-элементов) их отдельность в том, что только в них сосредоточены s-элементы. Мы назвали эти две группы «Горизонтальным системообразующим фактором», отразив это качество стрелкой (слева → направо). В каждом периоде мы имеем две начальные точки 1 и 2 группы, которыми задается вектор изменений, действующих в каждом ряду периода.

В углах таблицы (начальные и конечные элементы, 3-4, 11-12, 111-119) встречаются две тенденции вертикального и горизонтального упорядочения, что мы обозначили двойными стрелками ↓ и →.

Двумя вертикальными столбцами заканчивается правый край таблицы. В кристаллофизике рассматриваются понятия ближнего и дальнего порядка. В кристалле, когда нарастает горизонтальный слой, в нем правильно упорядочиваются все атомы и молекулы (ближний порядок), но когда слой приближается к границе, то происходит перестройка симметрии, сбивается ближний порядок. Без этого невозможно перейти к строительству очередного слоя — нужен поворот ближнего горизонтального порядка ради торжества дальнего — вертикального — порядка. Именно эти перестройки мы наблюдаем в орбиталях атомов 7 и 8 группы либо в атомах, отнесенных к триадам — продолжениям восьмой группы — 8.1 и 8.2. Эти триады также участвуют в перестройке симметрии ближнего и дальнего порядка. Поэтому

мы отнесли к элементам 7–8 группы понятие «факторы замыкания периодов» (обозначается стрелкой справа ← налево), а элементы 8.1–8.2 группы назвали «Факторы центрации периодов» (обозначено двусторонней стрелкой ↔). Феномен центрации не определяется при плоском, табличном изображении системы, но прекрасно усматривается в трехмерной модели [Артамонов, 2014, 23, с. 169, рис. 6; с. 171, рис. 11].

Два нижних периода (VI и VII) выполняют роль «Вертикального замыкания системы». Эту же роль выполняют 14 лантаноидов и 14 актиноидов.

Таким образом мы имеем со всех сторон очерченное системное пространство: 2 системообразующих, т.е. системоначинающих (по вертикали и горизонтали) и 2 системозамыкающих (по вертикали и горизонтали). Система в формальном отношении является четырехфакторной. Ее особенность — двухтороидальная топология системного пространства с центральной группой симметрии в центре [Артамонов, 2014, 23, с. 169–177]. Тип системной симметрии относится к гексагональным («пчелиные соты» — средний класс сингоний).

I и VIII периоды названы «факторами предельного замыкания системы».

I период — фактор начального, исходного, а VIII период — конечного замыкания системы. О каком замыкании речь? В предыдущей статье обосновывалась идея, что система в пространственно-топологическом отношении является моделью, составленной из двух торов, где начальные (1,2) элементы являются исходно-замыкающими (точки перехода от внешней поверхности тора к внутренней), а последние (119, 120) элементы — точками конечного замыкания, завершающими двухтороидальную модель [Артамонов, 2014, 23, с. 169, рис. 6; с. 171, рис. 11; с. 175, рис. 19; с. 176, рис. 20].

Принцип дополнительности. Группы 1–2; 3–4; 5–6; 7–8 связаны дополнительно. Принцип действует и для центральной группы симметрии для групп 8.1–8.2. Это означает, что дополнительные группы, располагающиеся в таблице одна за другой, будучи представленными в форме системно-структурных топосов и сведенными к трехмерной тороидальной модели, располагаются одна под другой с отношением зеркальной симметрии.

Принцип соответствия попарно связывает 1 и 5; 2 и 6; 3 и 7; 4 и 8 группы. Это означает, что взаимосоответствующие группы имеют общие элементы (в философских и научных описаниях принципа соответствия они назывались точками связи, предельного перехода между соответству-

ющими теоретическими моделями). Эта функция соответственной связи приходится на лантаноиды и актиноиды: через правильную часть именно этих элементов топосы (группы) элементов попарно склеиваются, образуя тороидальную модель системы.

В научной литературе неоднократно высказывалась идея *множественности описания* каждой системы. Из этого утверждения следует, что если установлена какая-либо система, то *организованные ею элементы могут быть упорядочены не единственным, а множественным способом* так, что целостность системы и ее закономерности оказываются нерушимыми.

В научной литературе говорят о выявлении множества систем в разных областях знания, но надежно доказанной является лишь система, установленная для химических элементов. Поэтому мы выводим модель системной матрицы именно из этого факта.

В предыдущей статье мы построили ряд системных таблиц, являющихся правильными преобразованиями таблицы Менделеева. Общеизвестные формы этой таблицы построены по основанию «атомного веса», а точнее, по строению ядра и электронных оболочек атомов. Заметим, что в этих таблицах нет указания на конечные элементы — этот вопрос считается открытым. Наша двухтороидальная модель устанавливает в качестве конечных 119-й и 120-й элементы. Существуют утверждения математиков, физиков, химиков о том, что таблица должна сходиться к 120.

Исследуя вопрос о множественности представления системы, мы построили системные таблицы по другим основаниям (по тому или иному фундаментальному свойству атомов, являющихся как бы «атомным паспортом» химических элементов). Среди системных таблиц мы приводили [Артамонов, 2014, 23, с. 180–186]:

- таблицу, упорядочивающую элементы по «кристаллическим решеткам атомов с двухпериодическим сохранением класса сингоний в порядке усложнения»;
- таблицу «двухпериодического упорядочения семейств химических элементов»;
- таблицу степеней окисления с «двухпериодическим сохранением уровней классов»;
- таблицу, выражающую «двухпериодический закон сохранения по классам квантовых чисел»;
- таблицу «восьми правильных систем изотопов химических элементов» и «закон сохранения восьми систем изотопов»;
- таблицу с «двухпериодичным законом сохранения классов электроотрицательности».

Опыт построения таких таблиц приводит к следующим результатам.

1. Взяв за основу системную матрицу, сохранив лишь ее форму в чистом виде (устранив из нее элементы, расположенные в прежнем порядке, и оставив лишь номера системных ячеек), мы ввели новое основание (другое фундаментальное свойство) и заполняли таблицу элементами в порядке этого иного свойства.

2. В итоге мы получали преобразованные таблицы, также являющиеся системными.

3. Всякий раз удавалось распределить классы элементов в два периода, в два других периода — другой класс элементов, в два последующих — очередной класс. При этом элементы не повторялись, и вся сумма элементов того или иного класса точно совпадала с границами двух периодов.

4. Всякий раз преобразованные таблицы сходились к 120 элементам.

Подобные многовариантные перестройки таблицы элементов возможны, если существует предельный элемент и элементы связаны свойствами и отношениями системы, а не просто некоей таблицы.

В итоге можно сделать вывод: все варианты системного преобразования равноценны и равнозначны. Для адекватного познания системы необходима не одна единственная модель ее представления, а множество различных моделей.

5. Философско-мировоззренческие истоки представлений о системности мира и сознания

В истории философии многократно воспроизводились системные представления о мироздании. Потому что каждый человек в себе самом, в глубинах своего интеллекта несет печать системности. Во взглядах на мироздание Космоса античные философы эксплицировали природу своего сознания. Изначально постулировалось соответствие между бытием и сознанием, причем явная противоположность материального и духовного мира не была помехой для интуиции, что мир и мышление при всех своих диаметральных различиях имеют изоморфизм системной организованности.

Для нас представляет интерес указать на категориальный ряд, в котором античные философы выражали системные представления о мире. Термин «система» не употреблялся, вместо него функционировали категории «единое», «мировой ум», «мировая гармония». Для Гераклита мир системен прежде всего потому, что им правит Логос — закон, организующий все мироздание по единому плану. Ближайшими категориями, раскрывающими сис-

темность мира, выступали понятия «гармонии» и «меры», «космический ритм» (А.Ф. Лосев). По Гераклиту, «логос космоса есть гармония и вечная периодика противоречий». Более дифференцированные представления о системности у Эмпедокла. *Четыре первоэлемента* (огонь, воздух, вода и земля) — основные подсистемы, а две первичные *силы* (Любовь и Вражда) — «начала», «причинные основы», приводящие систему мира и его подсистемы в движение.

У Платона основными категориями системных представлений были также «порядок», «мера» и «гармония», но еще большее значение он придавал «симметрии». Излагая его учение, А.Ф. Лосев писал: «Мир мыслится как целое, а в цельности должен быть порядок, порядок же содержит в себе меру и есть нечто мерное, размеренное. Упорядочение размеренного целого есть превращение его в гармонию, а некоторое строение гармонии есть симметрия, пропорция, ритм и метр» [Лосев, 1969, 37, с. 391]. И далее: «Симметрия как размеренное целое демонстрирует предел... симметрия есть синтез предела и беспредельного» [Там же]. А уже у Эпикура «симметрия есть, в сущности, вычисление», — пишет А.Ф. Лосев [Лосев, 2000, 39, с. 164]. Платон сущность системы возвел к понятию симметрии, пропорциям и метрике, а у Эпикура наметилась инструментализация симметрии в метрических измерениях.

Для стоиков было характерно распространение принципа симметрии как на телесный, так и на идеальный мир. Можно говорить о системном изоморфизме. Миры диаметрально противоположны, а системный принцип для их понимания остается одним и тем же, т.е. сохраняется. Например, Хрисипп учил, что «здоровье — симметрия стихий, красота — симметрия частей, а красота души есть симметрия разума и его моментов в отношении к ее целому и друг в отношении друга» [Лосев, 2000, 39, с. 164]. Это можно истолковать как принцип соответствия гносеологического и онтологического аспектов в понимании системной организации мира. Для целей нашего подхода предлагается такое обобщение: при всей противоположности природного мира и сознания их системная организация изоморфна, если бы сознание имело иную симметрию, не совпадающую с симметрией внешнего мира, то невозможной оказалось бы его познаваемость.

В учении Платона есть еще один интересный момент: простейшие знания о частях чего-либо доступны и рассудку, но тайну целого, тайну системы можно постичь лишь на более высоком уровне — разумного и духовного интеллекта. Постигание симметрии Платон относил не прос-

то к разуму, а к его высшему уровню — к софийной области. А.Ф. Лосев подчеркивал, что в пифагорейско-платоновской системе космических пропорций «гармония — предмет особой науки, а не просто рассудительности. Симметрия есть не что иное, как момент софии» [Лосев, 1969, 37, с. 386].

Для целей нашего исследования можно обобщить так. Основанием в методологии системного анализа является не логика, а топика, а его завершением — систематика, т.е. симметричные композиции топосов.

6. Системный анализ: от онтологии — к гносеологии, от умозрительных идей — к новой системной методологии

Из историко-философского экскурса извлечем вывод: система — это не произвольно сформированные человеком или сообществом конструкции, устройства, наборы, комплексы (мы не творцы, а исследователи мироздания). Система — это логос, мировой закон мироздания, объективное свойство целостного, гармоничного мира, в котором все подсистемы (части целого) упорядочены как гармонически, так и иерархически, в котором установлены симметрии в их многообразии и единстве. Благодаря системной организованности вся Вселенная ведет себя как единство, согласованное внутренним и внешним образом.

Если бы во Вселенной существовало много систем, то они бы противоречили друг другу и мир был бы ареной катастроф. Мы исходим из предположения, что при всем различии в уровнях организации (физический, химический, биологический, человеческий мир) действуют одни и те же законы и свойства системы, но на каждом уровне общемировая системная матрица наполняется новым, специфическим для нее содержанием. Таким образом единая система может проявлять себя множественным и специфически-особенным образом на разных уровнях мирового бытия. Символом нашего подхода могут быть слова лауреата Нобелевской премии Р. Феймана («Характер физических законов»): «Вышивая свой узор, природа пользуется лишь **самыми длинными нитями**».

Все онтологические системные модели онтологичны по объекту познания, предмет же познания — обнаруживаемые человеком закономерности, качества, свойства, отношения — фиксируется в научном знании, в естественно-научных и гуманитарных теориях, т.е. предмет познания раскрывается гносеологически. Тем более принципиально гносеологичны метод и методология познания. Таким образом, когда мы устанавливаем онтоло-

гические статусы системы, то осуществляем это гносеологически. Значит, в какой мере наши научные знания соответствуют «онтоосу», в такой мере существует соответствие между бытием и сознанием, между природной и интеллектуальной реальностью. И это соответствие касается не субстратных аспектов (они противоположны по природе и сущности), а способа системной организации «онтоса» и «гнозиса». Более того, интеллект как системная организация сознания должен быть устроен сходным, соответственным образом, чтобы системная организация интеллекта могла адекватно воспроизводить системно организованную реальность объекта познания — окружающего нас объективного мира.

7. Интеллект — системно организованное сознание

Сознанию прирождена интуиция системы. Идея системности мира неотъемлемым образом присуща человеческому уму потому, что интеллект есть системная форма организации сознания. Из истории философии мы знаем, что различение понятий и идей, рассудка и разума сквозным образом проходит от ионической школы, через зрелую классику (Платон, Аристотель), неоплатонизм, Средние века, Новое время и вплоть до наших дней. Исследование этой проблемы привело автора к модели трехуровневой системы интеллекта: *рассудочного, разумного и духовного (мировоззренческого) интеллекта* [Артамонов, 2014, 18–20; 2007, 24–28; 2008, 29–33].

Функциональное назначение рассудочного интеллекта — порождение последовательного круга мыслей (рассуждений). Это логика мышления в понятиях, суждениях и умозаклчениях, развертывающаяся как логическая аналитика. Рассудок не сводится к логике, но основывается на ней. Логика является исходным комплексом законов и правил мышления. Чтобы выполнять формальную функцию, быть исходной дисциплиной мышления, удерживать познание от противоречий, софизмов и ошибок, логика существенным образом ограничивает свои границы. Цель рассудка, основанного на логике, — развитие рассуждений, а рассуждение вынуждает нас к разностороннему рассмотрению вопросов, а значит, вводит ряд взаимосогласованных оснований. Это уже превышает полномочия логики и переводит нас к топике. Топика имеет дело с рассуждениями, которые должны быть целостными, разносторонними, самодостаточными, семантически замкнутыми (семантико-смысловые соответствия начала и конца рассуждения), а значит, представ-

ляет собой ветвистую структуру (граф) определенного вида и формы — топос — согласованный круг мыслей, мыслительную схему предмета познания.

Функциональное назначение разумного интеллекта — порождение идей, идеационный синтез мыслительного круга. Рассудок и логика базируются на понятиях, а разум и топика — на идеях. Идея по отношению к мыслям выступает как интегрирующий систематизирующий центр, благодаря чему возникают согласованные комбинации, последовательности мыслей — топосы. Топос — универсальная смысловая структура целостного круга мыслей. Разумный интеллект строит топосы (мыслительные схемы, относительно целостные структурные единицы теории) и оперирует ими как логика — понятиями и суждениями. Разум — это топика мышления, он выводит топосы из топосов. Имея сходство с логикой, топическое мышление организовано иначе, нежели логика, оно иначе функционирует, имеет иные механизмы генерации, трансформации, преобразования смысловых образований. Можно говорить об особых *топических операциях мышления*, об особом, *топическом (многовекторном), следовании* — это первый уровень осистемленного мышления [Артамонов, 2008, 33].

В топосах (мыслительных схемах) целостно согласуется круг мыслей по принципам симметрии, соответствия, дополнительности, в границах общей *смысловой решетки* (горизонтального и вертикального упорядочения смыслов). Топика — это предсистемное мышление [Артамонов, 2014, 21, с. 150–153].

Примером топоса может быть удачная научная статья, в которой конец является ответом на начало, в которой все смысловые ветвления сходятся — исходят из единого положения, в которой многочисленные смыслы сводятся к ряду согласованных между собой выводов. Примером топического следования может служить критическая рецензия-резюме, в которой содержится не один вывод, а система оценочных выводов (первое..., второе..., третье ...), согласованных между собой. Воспринимая статью как смысловой топос, рецензент делает топический вывод, отвечая топосом на топос. Топос можно представить как *ветвистую структуру* (граф) определенной правильной формы [Артамонов, 2014, 21, рис. 20, 22, 24]. В различных рассуждениях (топосах) художественного, научного, философского мышления чаще встречаются неправильные топосы, на что реагируют оценками-упреками, объявляя такие рассуждения односторонними, избыточными, недостаточными, легкомысленными, предвзя-

тыми, неосновательными, противоречивыми, незавершенными и т.д. Правильно построенные топосы вызывают повышенный интерес, на них сразу начинают реагировать и опираться, они становятся центрами интеллектуального притяжения профессионального сообщества.

Функциональное назначение духовного интеллекта — порождение мировоззренческих «картин мира». В сознании, в его мировоззренческом ядре формируются десятки и сотни «картин мира», они возникают вокруг универсально общих понятий, которые личностно значимы для человека, и каждая такая «картина мира» организуется как идеальная система. Духовный интеллект — это мышление в системах, организующее связи между топосами разумного мышления, возводящее их к целостному системному отражению действительности, преобразующее интеллектуальную систему из одного модуса в другой, сближая (или разделяя) между собой разные ментальные системы. Можно говорить о *системных операциях мышления*, о *системных преобразованиях смыслов*, о *системном следовании*, когда из одной ментальной системы выводится другая. Этот уровень сознания в античной философии именовался *софией, мудростью*. Примерами системного мышления, системного следования могут быть философские рассуждения, в которых мыслитель оперирует «картинами мира», переходя от одной к другой (онтология ↔ гносеология, экономика ↔ политика, право ↔ мораль, человек ↔ общество, традиционное общество ↔ глобалистическое) или преобразуя «картину мира» из одной репрезентации в другую так, что смысловые «картины мира» (исходная и преобразованная) оказываются связанными принципом соответствия или принципом дополнительности [Артамонов, 2014, 21, рис. 25–28].

Интеллект имеет три уровня системной организации — эти уровни нераздельны и неслиянны, они опосредуют друг друга в каждом умственном акте, но соотносятся иерархически как общее-особенное-частное, как целое и часть, как высшее и низшее. Без участия высших уровней не может продуктивно действовать низший — рассудочный — уровень. Без участия низшего уровня не продуктивны и высшие, ибо, чтобы овладеть кругом идей, необходимо их организовать в форме рассуждений. Аналогично на мировоззренческом уровне: картины мира должны разворачиваться в сознании рассудительным и разумно-идеациональным образом. Триединством интеллектуальной системы обеспечивается единство сознания и его внутренняя системная дифференциация [Артамонов, 2009, 19].

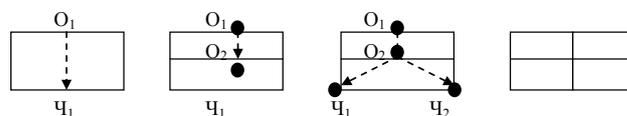
Для построения интеллекта как системы принципиально важно учитывать именуемое психологами классическое триединство рациональной,

чувственной и волевой компонент, которые неразрывны в каждом акте мышления [Артамонов, 2009, 18]. Отечественная традиция изучения интеллекта, в отличие от западной, рассматривает интеллект не как набор лишь способностей, а учитывает ведущую роль знания и опыта, которые, войдя в умственную сферу, становятся регулятивными структурами — функциональными системами сознания [Артамонов, 2009, 20].

8. Аналитика системной методологии

По сложившейся культурной привычке начало процесса мышления принято рассматривать как процесс логический, когда уже даны исходные понятия и их нужно дедуктивно или индуктивно систематизировать. Однако процесс мышления первоначально направляется не логикой. Откуда берутся исходные понятия? Кто нам их предлагает как исходные? Мы сами должны их подобрать применительно к целям, которые актуальны именно сейчас, для конкретной познавательной ситуации. Первоначальной установкой сознания, когда перед нами возникает объект познания, стоит задача «понимания». Прежде всего нужно понять: что перед нами? какова суть? в чем смысл и значение? Первичная мыслительная деятельность ума связана с задачами *смыслового ориентирования*.

Смысловая решетка. Если предмет познания нам неизвестен, или неизвестен с необходимой детализацией, или возникла новая нестандартная ситуация, в которой предмет предстает в новой ипостаси, тогда первой задачей смыслового ориентирования становится построение смысловой решетки предмета. При первом знакомстве с предметом ближайшее ориентирование структурное: что это и из чего оно состоит. Вторая задача ориентирования — функциональная: каково назначение структурных частей, как они действуют и для чего? На рис. 6 представлено пошаговое погружение в изучаемый предмет. Структурно-функциональный анализ осуществляется по мере усложнения смысловой решетки, а результатом оказывается ветвистая смысловая структура, которую мы моделируем в решетке, фиксируя в ней результаты осмысления.

Рис. 6. Первый цикл поэтапного усложнения смысловой решетки: O_1 — более общее, исходное понятие; O_2 — менее общее, производное понятие. C_1 и C_2 — структурные части, изучаемого предмета, выраженные понятиями O_1 и O_2

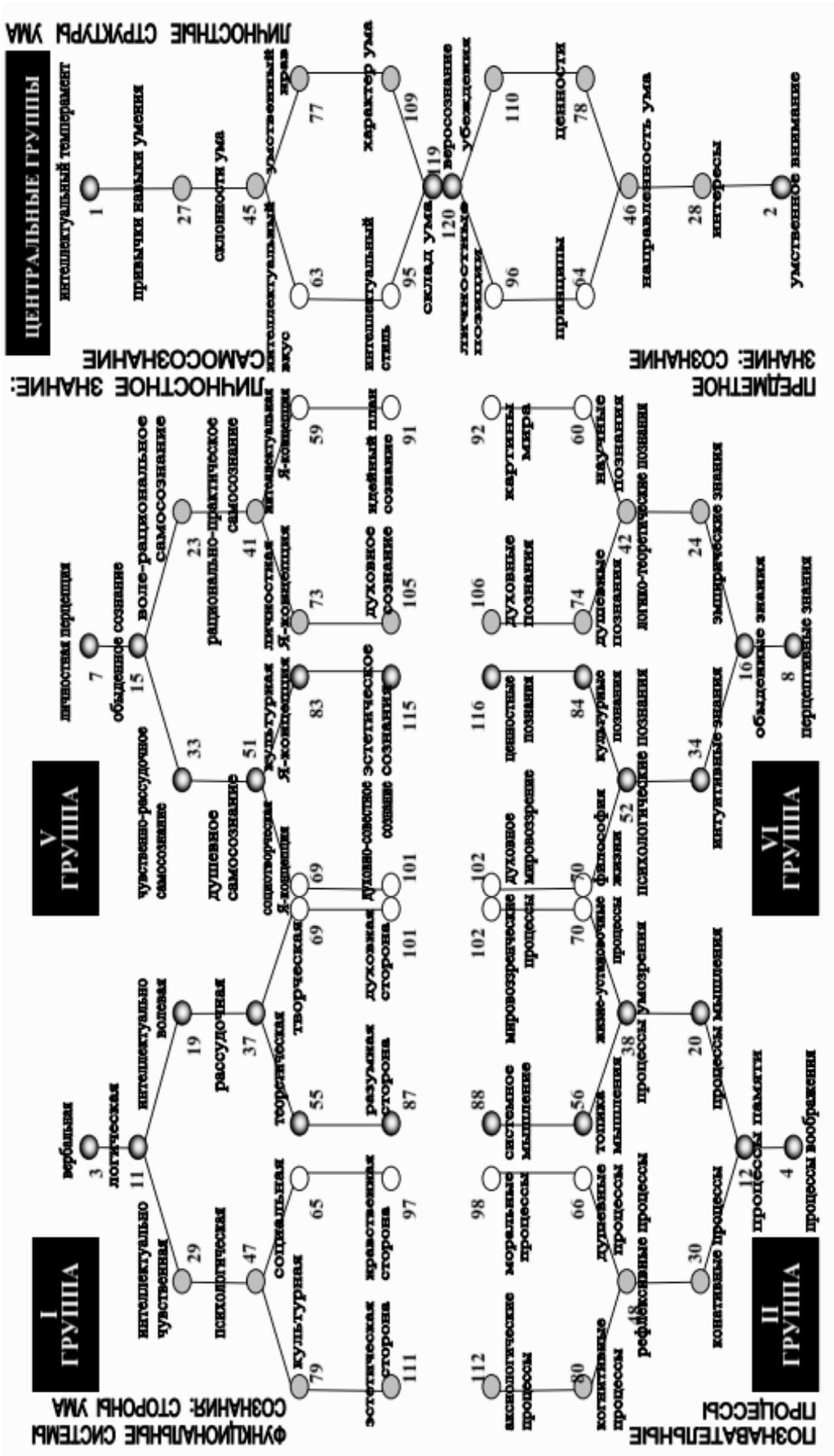

Рис. 2. Первые 4 топоса интеллектуальной системы: 1) стороны ума – функциональные подсистемы; 2) познательные процессы; 3) личностные структуры самознания; 4) структуры личностного знание. Центральные структуры:
 А) интеллектуальный темперамент, навыки-умения, склонности, интеллектуальный нрав, вкус, стиль, характер и склад ума;
 Б) умственное внимание, интересы, направленность ума, принципы, ценности, личностные позиции, верообразование

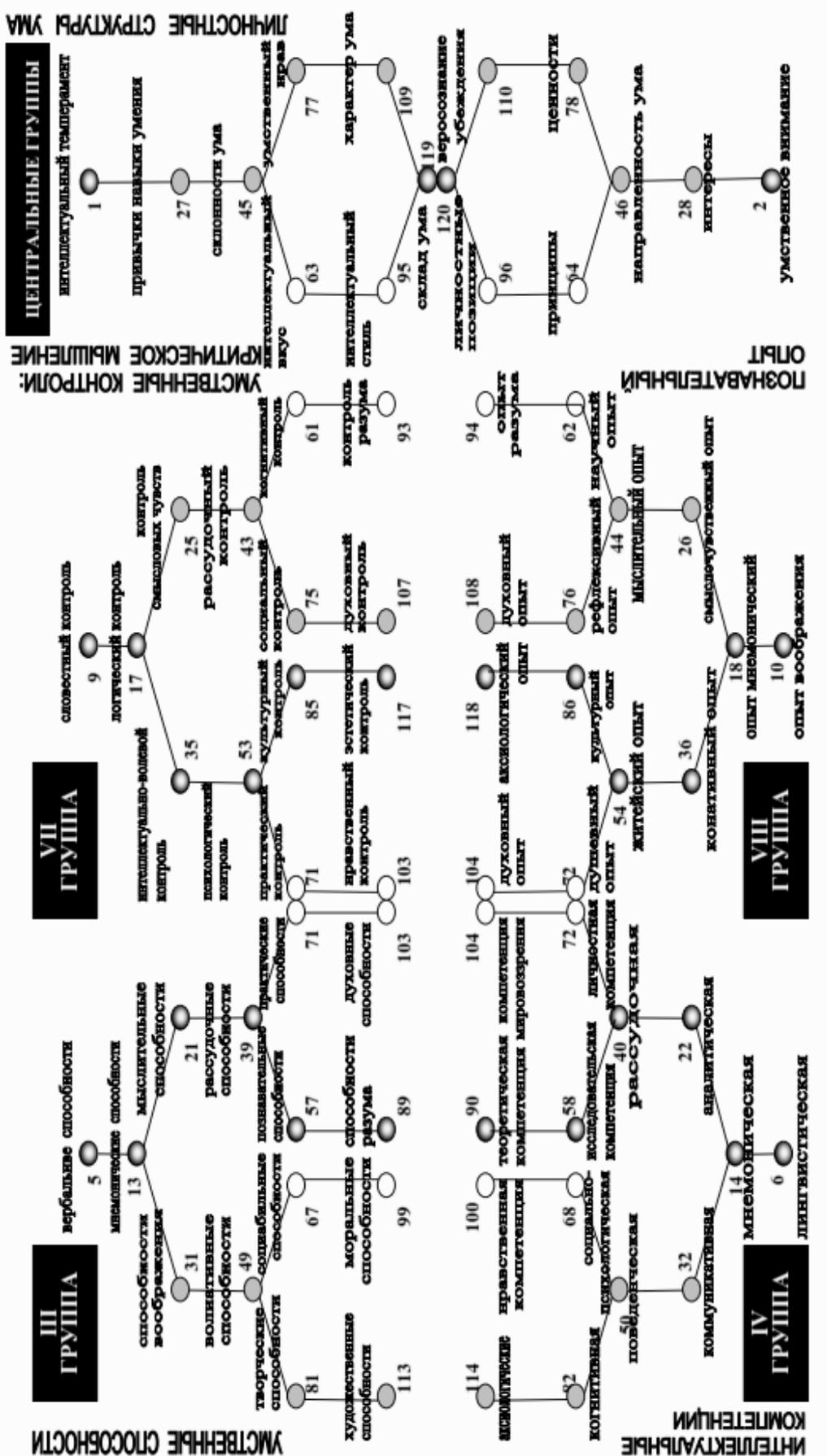

Рис. 3. Вторые 4 топоса интеллектуальной системы: 1) умственные способности; 2) интеллектуальные компетенции; 3) умственные контроли; 4) познавательный опыт (в том числе когнитивный и метакогнитивный)

Таблица 3

1. СИСТЕМНАЯ ТАБЛИЦА ИНТЕЛЛЕКТА

II	ГРУППЫ							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1	1-4 группы попарно дополнителины в отношении к 5-8 группам (1-5, 2-6, 3-7, 4-8 группы)							
2	3 вербальная сторона	4 процессы воображения	5 вербальные способности	6 лингвистич. компетенции	7 личностная перцепция	8 перцептивные знания	9 словесный контроль	10 опыт воображения
3	11 логическая сторона	12 процессы памяти	13 мнемоническ способности	14 мнемонич. компетенции	15 обделенное сознание	16 обделенные знания	17 логический контроль	18 опыт мнемонический
4	19 инт.-волевая сторона	20 процессы мышления	21 мыслительн способности	22 аналитическ компетенции	23 волерацион самосознание	24 эмпирическ. знания	25 контроль смысл. чувств	26 смыслочувств опыт
5	29 инт.-чувств. сторона	30 конативные процессы	31 воображения способности	32 поведенческ компетенции	33 чув.-расуд. самосознание	34 интуитивные знания	35 интел.волев. контроль	36 конативный опыт
6	37 расудочная сторона	38 процессы умозрения	39 расудочные способности	40 расудочные компетенции	41 рас. практич. самосознание	42 логико-теор знания	43 расудочный контроль	44 мыслительн опыт
7	47 психологич. сторона	48 рефлексивн. процессы	49 волиативные способности	50 личностные компетенции	51 душевное самосознание	52 психологич знания	53 психологич. контроль	54 житейский опыт
8	55 теоретическ. сторона	56 процессы топки мышл.	57 познавател. способности	58 исследоват. компетенции	59 интеллектуал. Я-концепция	60 научные познания	61 когнитивный контроль	62 научный опыт
9	65 социальная сторона	66 душевные процессы	67 социабильн. способности	68 социопсихол компетенции	69 социотворч Я-концепция	70 философия жизни	71 практическ. контроль	72 душевный опыт
10	69 творческая сторона	70 процессы жизне-установ.	71 практическ. способности	72 личностные компетенции	73 личностная Я-концепция	74 душевные познания	75 социальный контроль	76 рефлексивн опыт
11	79 культурная сторона	80 когнитивные процессы	81 творческие способности	82 когнитивные компетенции	83 культурная Я-концепция	84 культурные познания	85 культурный контроль	86 культурный опыт
12	87 разумная сторона	88 процессы системогенные	89 разумные способности	90 теоретическ компетенции	91 идейный план сознания	92 картины мира	93 контроль разума	94 опыт разума
13	97 нравственная сторона	98 процессы моральные	99 моральные способности	100 нравствен компетенции	101 совестное сознание	102 духовное мировоззрение	103 нравствен. контроль	104 моральный опыт
14	101 духовная сторона	102 процессы мировоззрения	103 духовные способности	104 мировоззр. компетенции	105 духовное сознание	106 духовные познания	107 духовный контроль	108 духовный опыт
15	111 эстетическ. сторона	112 процессы аксиологическ.	113 художеств. способности	114 аксиологич компетенции	115 эстетическое сознание	116 ценностные познания	117 эстетическ. контроль	118 аксиологич опыт
16	119 склад ума							119 склад ума
17	109 характер ума							110 убеждения
18	95 интеллект. стиль							96 личностн. позиции
19	77 интеллект. нрав							78 ценности
20	63 интеллект. вкус							64 принципы
21	27 навыки умения							28 интересы ума
22	2 умственное внимание							

ТРЕХМЕРНАЯ СИСТЕМНАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕЛЛЕКТА

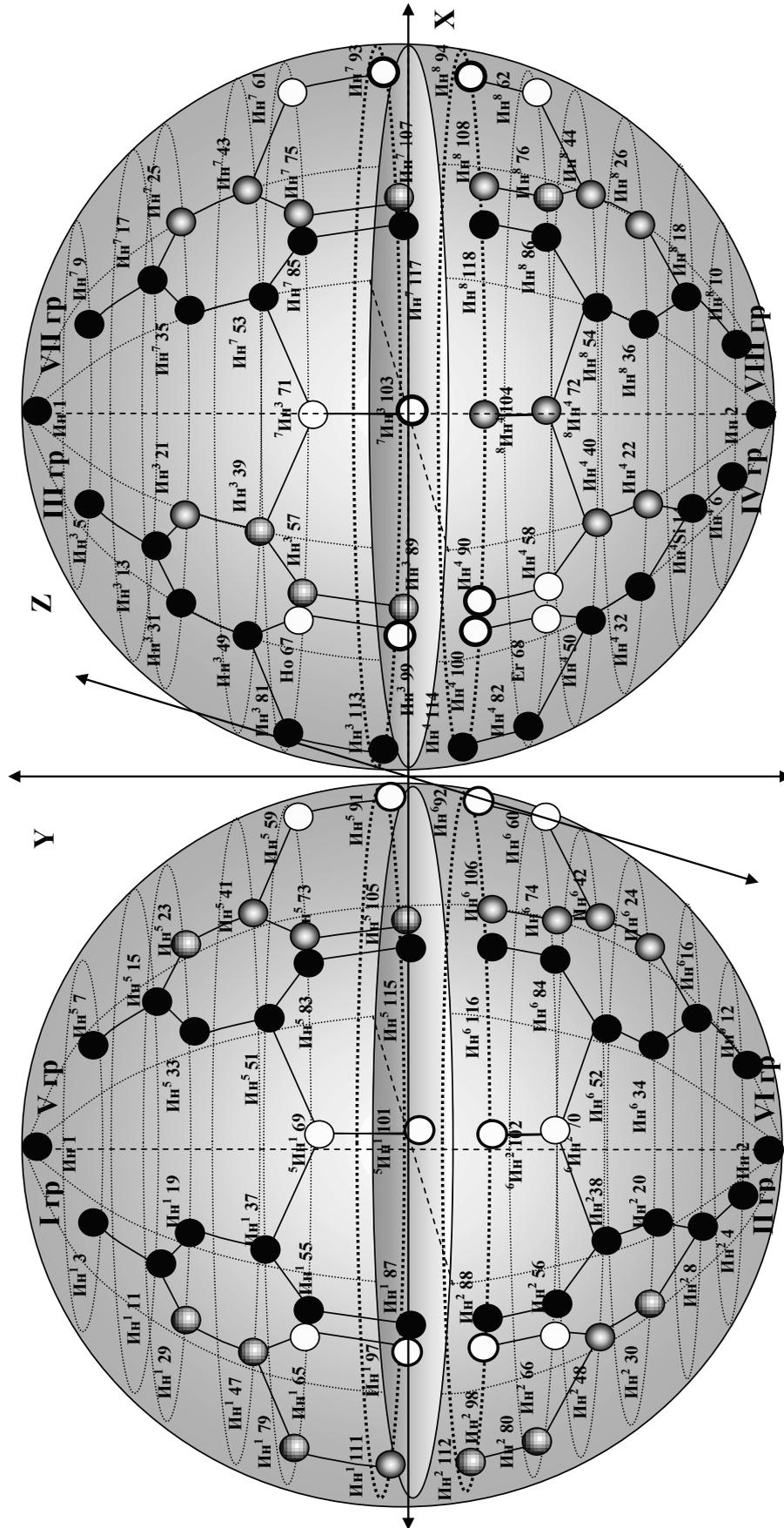

Рис. 4. Восточная полусфера:
 все элементы I–V (верхняя часть; склейка топосов по ⁵Ин¹ 69 и ⁵Ин¹ 101)
 и II–VI групп (нижняя часть; склейка топосов по ⁵Ин¹ 70 и ⁵Ин¹ 102)

Рис. 5. Западная полусфера:
 все элементы III–VII (верхняя часть; склейка топосов по ⁷Ин³ 71 и ⁷Ин³ 103)
 и IV–VIII групп (нижняя часть; склейка топосов по ⁸Ин⁴ 72 и ⁸Ин⁴ 104)

Первый цикл — это первичное тривиальное погружение в предмет. Чтобы продвинуться дальше, мы должны углубиться на уровень большей детализации. Это отображено на рис. 7. В левой части рисунка акцент сделан на структурном упорядочении выстраиваемых смыслов, а в правой части — расширяющаяся при детализации мысли смысловая решетка. ${}^1O_1^1$ и ${}^1O_2^1$ — более дифференцированные обозначения. Верхний левый индекс показывает номер цикла, верхний правый — порядковый номер части осмысливаемого предмета. В начале ветвистой структуры это просто 1, а далее, после ветвления графа, эти различия проявляются. Нижние индексы в каждом ярусе ветвистой структуры отображаются цифрами 1 и 2, указывая большую/меньшую степень общности понятий в том или ином ярусе.

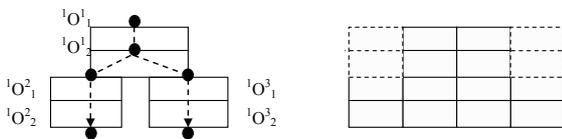

Рис. 7. Второй цикл двойного поэтапного усложнения смысловой решетки

Построение топоса в смысловой решетке. На рис. 8. представлен предельный уровень детализации исходного понятия. Если продолжать ветвление дальше третьего уровня, то возникнут избыточные детализации смысла. В топике, как и в логике, действуют схожие законы. В данном случае — закон достаточного основания и исключение ошибки чрезмерного доказательства. При данном законе и допущении чрезмерной структурной детализации возникнет нарушение топоса: конечные смыслы будут раскрывать не исходное понятие, а более низкое по уровню общности — возникнет смысловая регрессия, неопределенность рассуждения. Топос окажется непродуктивным и порочным.

Выстраивается необходимый и достаточный уровень в построении топоса, а смысловая решетка, изображенная справа, становится прообразом таблицы, в которую можно заносить результаты осмысления предмета.

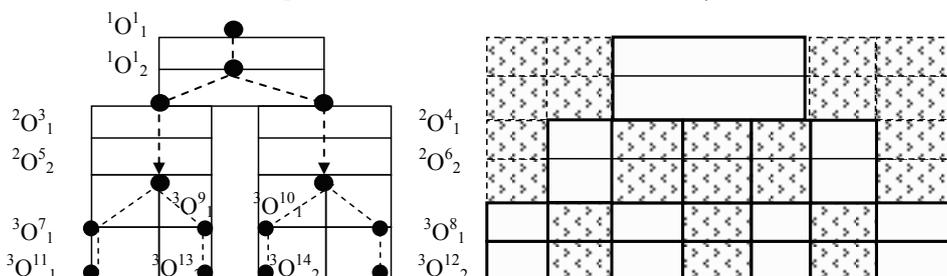

Рис. 8. Третий цикл двойного поэтапного усложнения смысловой решетки

Квадрат способов мышления и «умственный цикл». Мышление — феномен не только логики, но и топике и систематики. Как не разрывны рассудочный, разумный и духовный (мировоззренческий) интеллект, так не разрывны и способы мышления на всех трех уровнях интеллекта. В статье «Логика, топика, системный анализ» дана схема «Логического квадрата» способов мышления, где упорядочены логические способы (дедукция, индукция), топические (продукция и традиция) и системные (едукция 1,2, субдукция 1,2) [Артамонов, 2014, 21, с. 151, рис. 2]. Далее «Логический квадрат» обобщается для уровней мышления: логика (вертикали квадрата), топика (горизонталь) и систематика (диагонали) [Там же, с. 152, рис. 3].

Построение каждой ячейки смысловой решетки обеспечивается завершением умственного цикла. Топические и системные способы мышления предназначены для мышления на металогическом уровне — это аналитика, осуществляющаяся в переходах от целого к части, от одной части — к другой и от частей к целому. Все эти переходы необходимы для понимания предмета, как и логика, которая не может обеспечивать переходы в контексте часть–целое, но регулирует движение мысли в контексте общее–частное. Чтобы понять суть предмета, необходимо осуществить всю последовательность указанных способов (рис. 4–7). На рис. 8 приведена схема целостно осуществленного умственного цикла [Там же, с. 156]. Таким образом, становится понятна некоторая часть осмысливаемого предмета, когда мы целостно осуществили умственный цикл. У Феофана Затворника есть описание процесса понимания, процесса возникновения мысли. Он пишет, что когда мы задумываемся о чем-либо, то «тут еще нет мысли. Рассудок роется, подбирает материалы и только когда он справится, человек говорит: «Ага, теперь понял». Только тут и возникает мысль».

Построение топоса обеспечивается упорядоченной серией умственных циклов. Если мы вернемся к рис. 8, то увидим пирамиду ячеек смысловой решетки. Каждая ячейка обеспечивается полным, завершенным умственным циклом. Результаты этих циклов упорядочиваются по мере

того, как мы завершаем построение топоса. Нужно иметь в виду, что построение топоса обеспечивается интеграцией множества смысловых линий. Причем смысловая насыщенность не только топоса, но и каждой его ячейки требует пространного описания и не ограничивается, как в логике, тем или иным выводным суждением. Раскрытие всей совокупности смыслов топоса обеспечивается теорией. Ячейки в топосе должны быть правильной структурной последовательностью деления целого на части, а частей — на их части. В одном ярусе топоса должны присутствовать конституэнты, которые сопоставимы друг с другом как правильные части единого целого или как правильные взаимодополняющие понятия одинакового уровня общности [Артамонов, 2014, 21, с. 161, рис. 22; с. 162, рис. 24].

9. Топика проблемного анализа в системной методологии

Композиция топосов. Топос не раскрывает всю полноту познаваемого предмета, но представляет тот или иной его аспект. Возникает задача сформировать не один единственный топос, а комплекс топосов, чтобы рассмотреть предмет познания разносторонне, а в идеале — системно.

Бинарное соответствие топосов. Чтобы один аспект был раскрыт так же полно, как и другой, чтобы не возникало множество тенденциозностей, редукций, разносмысленных и несовместимых рассмотрений предмета познания, необходимо построить, как минимум, пару топосов, связанных правилами бинарного соответствия по вертикали и горизонтали [Артамонов, 2014, 21, с. 163, рис. 25].

Принцип соответствия. Если топосы (и выражающие их теории) связаны принципом соответствия, то они *должны иметь общие элементы*. Если два топоса (S_1, S_2) связаны принципом соответствия, то оно должно подтверждаться в структурном и функциональном смысле. Соответственные топосы должны иметь *одинаковый тип симметрии относительно элементов, системных связей и отношений*.

Принцип дополнительности. Если исследуемые элементы представляют собой систему, то бинарной паре топосов (S_1+S_2) должна найтись другая пара топосов (S_3+S_4), состоящая к первой в отношении дополнительности. В статье «Логика, топика и системный анализ» сформулированы правила вертикальной и горизонтальной дополнительности [Артамонов, 2014, 21, с. 164, рис. 26].

Принцип симметрии и принцип системности. Соблюдение вышеуказанных принципов композиции топосов приводит нас к тому, что возни-

кает их системное упорядочение. Бинарное соответствие топосов в сочетании с бинарной дополнительностью приводит нас к тому, что возникает системно связанная полусфера, в которой симметрично размещены 4 топоса. Вертикальное и горизонтальное исполнение вышеуказанных принципов приводит к тому, что симметрично организованными оказываются 8 топосов таким образом, что первым 4 топосам (S_1, S_2, S_3, S_4) зеркально отраженным образом соответствуют другие 4 топоса: S_5, S_6, S_7 и S_8 . Кроме того, при системной композиции топосы подразделяются на 4 верхних и 4 нижних. Если системное моделирование топосов осуществлено системно-последовательным образом, то кроме 8 основных топосов устанавливается еще два центральных топоса, в которых осуществляется общесистемная интеграция.

Проблема — форма теоретического мышления. Проблема фиксирует объективные противоречия, изучаемые теорией, и выполняет роль ее смыслового фокуса. Ее, в отличие от задачи, нельзя решить поскольку онтологическую основу проблемы составляют два встречных процесса единого целостного объекта [Артамонов, 2014, 21, с. 161, рис. 21]. Рассмотрим основную проблему как два процесса P и Q , а ее внутреннюю подпроблему — встречными процессами r и s и зададим правила ее аналитического рассмотрения в теории.

Знаком (*) обозначим семантико-содержательную операцию «модификации смысла» понятия, или, применительно к денотату, «качественно-количественное изменение» процесса (подпроцесса). Примем условия: 1) $(ab) \neq (ba)$ — расположение символа на месте первого конституэнта означает его доминирование над вторым конституэнтном; 2) $(PQ) (rs)$ означает, что основная проблема представлена символами, стоящими в первых скобках, а вспомогательная — во вторых; 3) $(PQ) (rs^*)$ означает, что модифицируется вторичный (субдоминантный) подпроцесс, а формула $(PQ) (r^*s)$ означает, что модифицируется доминантный подпроцесс; 4) замена в формуле прописного символа строчным означает ослабление процесса или подпроцесса, обратная замена означает усиление процесса (подпроцесса); 5) во взаимодействие могут вступать все 4 подпроцесса в их попарном рассмотрении и правила доминирования могут распространяться на каждый процесс и подпроцесс.

Принимая эти условия, мы получаем систему топосов, аналогичную топосам химических элементов. Все поле вариации исследуемой в теории проблемы равно 120 ее модификациям. В принятой семантике мы записываем топосы проблем и

при этом видим, что, как и в случае с химическими элементами, проблемные топосы попарно склеиваются. Таким образом, мы получаем полную аналогию и можем представить проблемное поле теории в системной матрице, аналогично таблице Менделеева. Кроме того, мы можем представить проблемное поле теории в построенной нами трехмерной двугорой модели [Артамонов, 2014, 22, с. 184, рис. 11, 12; с. 185, рис. 13].

10. Топика категориального анализа проблем в системной методологии

На общенаучном (или общетеоретическом) уровне главная проблема может быть системно квалифицирована по схеме, представленной на рис. 10, 11 и в табл. 4, 5. В этом случае мы строим правильную целостную модификацию главной проблемы с учетом различных усиления, ослабления процессов и подпроцессов, смены доминантности процессов (подпроцессов). Для дальнейшего углубления в содержание проблемы необходим систематизированный порядок анализа, развитие проблем через подпроблемы и, наконец, адекватный перевод проблем и подпроблем в задачи, поскольку без развертывания задач наука остается лишь сфинксом, ставящим проблемы-загадки. Главные цели и результаты науки достигаются через решение задач.

Для этих целей построим вспомогательную таблицу, опираясь на системную матрицу (см. табл. 2). Прежде всего ограничимся номинативной строкой этой таблицы. Нам нужно сначала задать ряд семантических метаопераций. Логика для целей формального анализа использует четыре операции (конъюнкция, дизъюнкция, отрицание, импликация). Термин «метаоперация» указывает на принципиально более общие, более сложные процедуры. Метаоперации принципиально не формализуемы, поскольку неразрывно связаны с содержанием анализируемых понятий. Но мы можем указать типологию необходимых метаопераций, в последовательности и порядке, необходимых для поэтапного аналитического углубления в познавательной деятельности. Поэтому мы используем термин «семантические» метаоперации, задачи семантики можно указать неким метазнаком, ориентирующим нас в смысле и направленности содержательного анализа на том или ином этапе. Можно ли указать единственно верный порядок в анализе сложных связей и отношений, составляющих содержание понятий, на которых формулируется основная проблема теории? Очевидно, что нет. Теоретический анализ может быть многовариантным, кроме того, проблема пробле-

ме разнь, более того, неправильно ограничивать свободу научного творчества, не учитывать интеллектуальный вкус, манеру, стиль исследователя. Итак, всеобщего и единственного порядка задать нельзя, но можно построить системную матрицу, относительно которой любой исследователь может двигаться во всей полноте своей индивидуальной свободы, но как бы ни направлялся ум исследователя, он рано или поздно должен сообразовать свой анализ с системной матрицей, которую мы собираемся построить. Это верно уже потому, что в любом анализе существуют этапы и задачи, не раскрыв которые, ученый не может прийти к полноценным выводам и эффективному результату.

Поскольку наиболее общие научные проблемы строятся на самых широких понятиях, постольку их анализ может протекать лишь с позиций еще более широких — универсально общих понятий. Таковыми выступают философские категории.

Какой этап в анализе можно назвать первичным? Структурно-функциональный. Это обосновывается тем, что мы в разделе «Аналитика системной методологии» назвали «смысловую решетку». Без нее интеллектуальное ориентирование невозможно. Итак, мы предлагаем во вспомогательной таблице первой семантической метаоперацией назвать структурно-функциональный анализ, обозначив его знаком «тильда» ($\sim$), имея в виду, что мы должны исследовать процесс « α » и встречный ему, дополнительный процесс « $\sim\alpha$ ».

В горизонтальной строке таблицы в первом периоде мы ставим ($\alpha\&\sim\alpha$), а в 1 группе в вертикальном столбце будем модифицировать эту формулу с учетом правил преобразования проблем и подпроблем, а затем задач и подзадач. Так, что в 1 столбце у нас сформируется первый топос.

Вслед за структурно-функциональным аспектом анализа нужно осознать проблему со стороны содержания ее понятий (процессов, подпроцессов) и форм, в которых может протекать взаимодействие этих процессов. Семантическое обозначение этого этапа (*). Это второй метазнак в горизонтальной строке, а в вертикальном столбце мы формируем второй топос.

Итак, исследовав проблему со стороны структуры и функций, содержания и формы, мы должны исследовать ведущие процессы со стороны качества-количества. Ясно, что встречные процессы, выражением которых является проблема, могут менять свою интенсивность, доминантность/субдоминантность, иметь разные качественные уровни выраженности процессов, в зависимости от их силы и прочих количественных характеристик. Это третья и четвертая семантические мета-

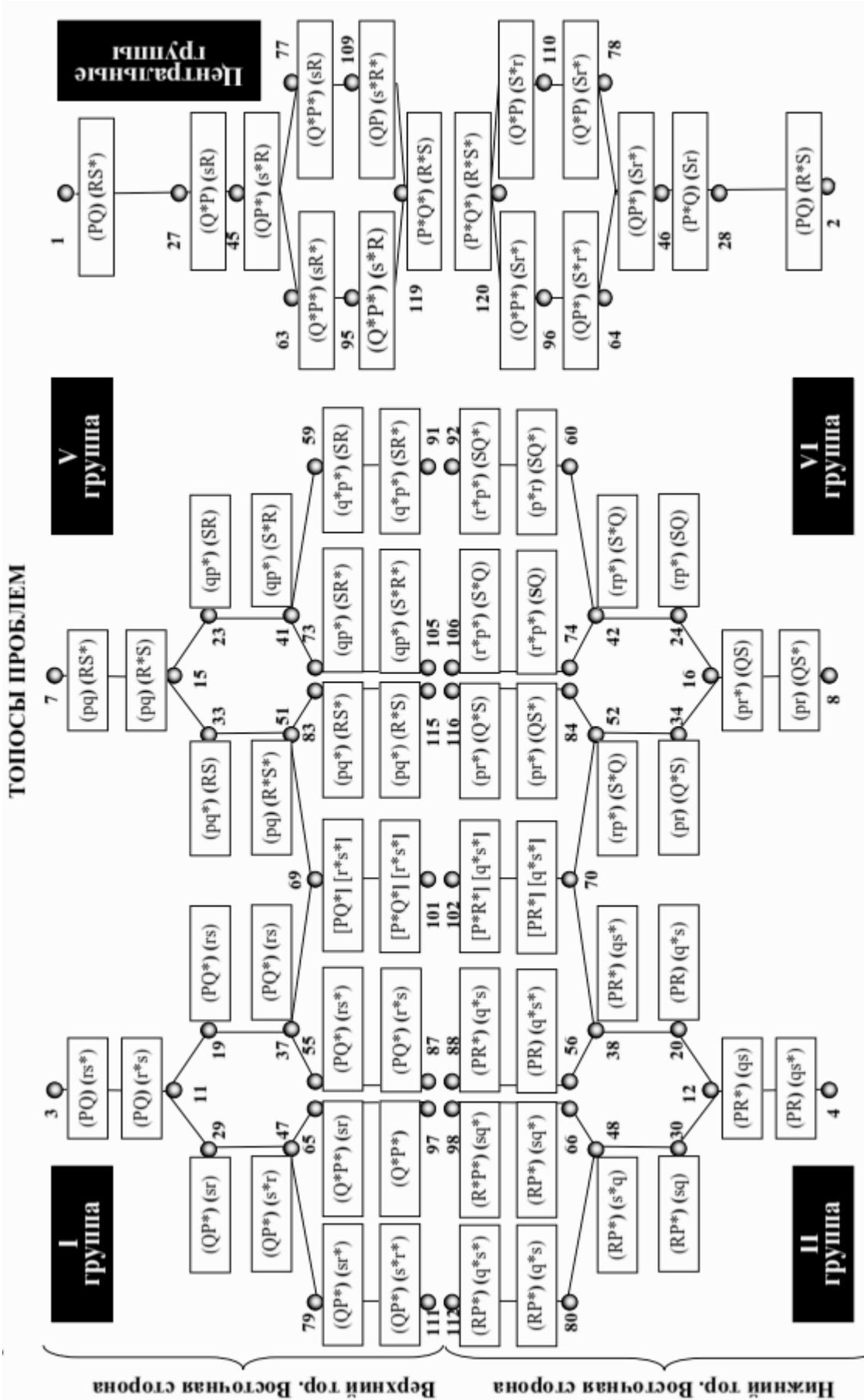

Рис. 9. Ветвистые структуры, системно представляющие топосы проблем. Развертка «Восточной» стороны верхнего и нижнего торов и внутренних центральных групп

ТОПОСЫ ПРОБЛЕМ

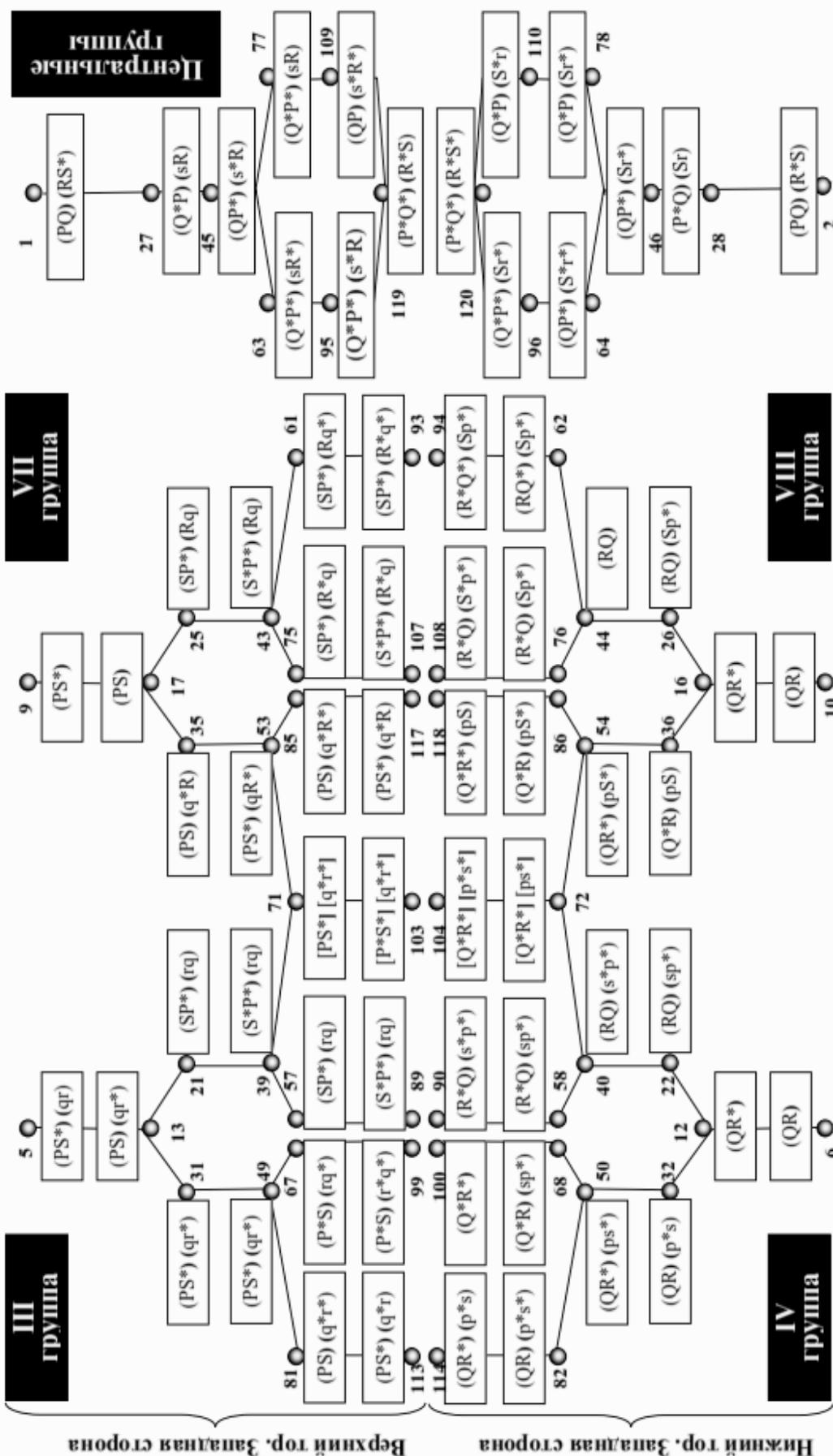

Рис. 10. Ветвистые структуры, системно представляющие топосы проблем
Развертка «Западной» стороны верхнего и внутреннего торов и внутренних центральных групп

Таблица 4

1. СИСТЕМНАЯ (КОРОТКАЯ) ТАБЛИЦА ЦЕЛОСТНОГО ПОЛЯ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ

ПЕРИОД	ГРУППЫ								ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПОДГРУППЫ
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	1-4 группы попарно дополнительны в отношении к 5-8 группам (1-5, 2-6, 3-7, 4-8 группы)								1 (PQ) (RS*)
2	3 (PQ) (rs*)	4 (PR) (qs*)	5 (PS) (qr)	6 (QR) (ps*)	7 (pq) (RS*)	8 (pr) (QS*)	9 (PS*) (qR)	10 (QR) (pS*)	
3	11 (PO) (r*s)	12 (PR*) (qs)	13 (PS) (qr*)	14 (QR*) (ps)	15 (pq) (R*S)	16 (pr*) (QS)	17 (PS) (qR*)	18 (QR*) (pS)	
4	19 (PO*) (rs)	20 (PR) (q*s)	21 (SP*) (rq)	22 (RO) (sp*)	23 (qp*) (SR)	24 (rp*) (SQ)	25 (SP*) (Rq)	26 (RO) (Sp*)	28 (P*Q) (Sr)
5	29 (QP*) (sr)	30 (RP*) (sq)	31 (PS*) (qr*)	32 (OR) (p*s)	33 (pq*) (RS)	34 (rp*) (Q*S)	35 (PS) (q*R)	36 (Q*R) (pS)	
	37 (PO*) (rs)	38 (PR*) (qs*)	39 (S*P*) (rq)	40 (RO) (s*p*)	41 (qp*) (S*R)	42 (pr*) (Q*SQ)	43 (S*P*) (Rq)	44 (RO) (S*p*)	46 (QP*) (s*R)
	47 (QP*) (s*sr)	48 (RP*) (s*sq)	49 (PS*) (qr*)	50 (OR*) (ps*)	51 (pq) (R*S*)	52 (pr*) (QS*)	53 (PS*) (qR*)	54 (QR*) (pS*)	
	55 (PQ*) (rs*)	56 (PR) (q*s*)	57 (SP*) (rq)	58 (R*Q) (sp*)	59 (q*p*) (SR)	60 (p*r) (SQ*)	61 (SP*) (Rq*)	62 (RQ*) (Sp*)	64 (QP*) (sR*)
6	65 (Q*P*) (sr)	66 (RP*) (sq*)	67 (P*S) (rq*)	68 (Q*R) (sp*)	69 [PQ*] [r*s*]	70 [PR*] [q*s*]	71 [PS*] [q*r*]	72 [QR*] [p*s*]	
	69 [PQ*] [r*s*]	70 [PR*] [q*s*]	71 [PS*] [q*r*]	72 [Q*R*] [p*s*]	73 (qp*) (SR*)	74 (r*p*) (SQ)	75 (SP*) (R*q)	76 (R*Q) (Sp*)	78 (Q*P*) (sR)
	79 (QP*) (sr*)	80 (RP*) (q*s)	81 (PS) (q*r*)	82 (QR) (p*s*)	83 (pq*) (RS*)	84 (pr*) (QS*)	85 (PS) (q*R*)	86 (Q*R) (pS*)	
	87 (PQ*) (r*s)	88 (PR*) (q*s)	89 (S*P*) (rq)	90 (R*Q) (s*p*)	91 (q*p*) (SR*)	92 (r*p*) (SQ*)	93 (SP*) (R*q*)	94 (R*Q*) (Sp*)	96 (QP*) (s*R)
7	97 (Q*P*) (sr*)	98 (R*P*) (sq*)	99 E (P*S) (r*q*)	100 (Q*R*) (sp*)	101 [P*Q*] [r*s*]	102 [P*R*] [q*s*]	103 [P*S*] [q*r*]	104 [Q*R*] [p*s*]	
	101 [P*Q*] [r*s*]	102 [P*R*] [q*s*]	103 [P*S*] [q*r*]	104 [Q*R*] [p*s*]	105 (qp*) (S*R*)	106 (r*p*) (S*Q)	107 (S*P*) (R*q)	108 (R*Q) (S*p*)	110 (Q*P*) (sR)
	111 (QP*) (s*sr*)	112 (RP*) (q*s*)	113 (PS*) (q*r)	114 (QR*) (p*s)	115 (pq*) (R*S)	116 (pr*) (Q*S)	117 (PS*) (q*R)	118 (Q*R*) (pS)	
8									119 (P*Q*) (R*S)
									120 (P*Q*) (R*S*)

Таблица 5

2. СИСТЕМНАЯ (ДЛИННАЯ) ТАБЛИЦА ЦЕЛОСТНОГО ПОЛЯ ПРОБЛЕМ ТЕОРИИ

Группа	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII			
Период																					
Ряд																					
1	1 (PQ) (RS*)																				
2	3 (PQ) (rs*)	4 (PR) (qs*)																			
3	11 (PQ) (r*s)	12 (PR*) (qs)																			
4	19 (PQ*) (rs)	20 (PR) (q*s)	21 (SP*) (rq)	22 (RQ) (sp*)	23 (qp*) (SR)	24 (rp*) (SQ)	25 (SP*) (Rq)	26 (RQ) (Sp*)	27 (QP*) (SR)	28 (P*Q) (St)	29 (QP*) (sr)	30 (RP*) (sq)	31 (PS*) (qr*)	32 (QR) (p*s)	33 (pq*) (RS)	34 (pr) (Q*S)	35 (PS) (q*R)	36 (Q*R) (pS)	10 (QR) (ps*)		
5	37 (PQ*) (rs)	38 (PR*) (qs*)	39 (S*P*) (rq)	40 (RQ) (s*p*)	41 (qp*) (S*R)	42 (rp*) (S*Q)	43 (S*P*) (Rq)	44 (RQ) (S*p*)	45 (QP*) (S*R)	46 (QP*) (S*r*)	47 (QP*) (s*r)	48 (RP*) (s*q)	49 (PS*) (qr*)	50 (QR*) (ps*)	51 (pq) (R*S*)	52 (pr*) (Q*S*)	53 (PS*) (qR*)	54 (Q*R*) (pS*)			
6	55 (PQ*) (rs*)	56 (PR) (q*s*)	57* (SP*) (rq)	58 (R*Q) (sp*)	59 (q*p*) (SR)	60 (p*r*) (SQ*)	61 (SP*) (Rq*)	62 (RQ*) (Sp*)	63 (Q*P*) (sR*)	64 (QP*) (S*r*)	65 (Q*P*) (sr)	66 (RP*) (sq*)	67 (P*S) (rq*)	68 (Q*R) (sp*)	69 [PQ*] [r*s*]	70 [PR*] [q*s*]	71 [PS*] [q*r*]	72 [Q*R*] [ps*]			
7	69 [PQ*] [r*s*]	70 [PR*] [q*s*]	71 [PS*] [q*r*]	72 [Q*R*] [ps*]	73 (qp*) (SR*)	74 (r*p*) (SQ)	75 (SP*) (R*q)	76 (R*Q) (Sp*)	77 (Q*P*) (sR)	78 (Q*P*) (S*r)	79 (QP*) (sr)	80 (RP*) (q*s)	81 (PS) (q*r*)	82 (QR) (p*s*)	83 (pq*) (RS*)	84 (pr*) (Q*S*)	85 (PS) (q*R*)	86 (Q*R) (pS*)			
8	87 (PQ*) (r*s)	88 (PR*) (q*s)	89* (S*P*) (rq)	90 (R*Q) (s*p*)	91 (q*p*) (SR*)	92 (r*p*) (SQ*)	93 (SP*) (R*q*)	94 (R*Q*) (Sp*)	95 (Q*P*) (sR)	96 (Q*P*) (S*r)	97 (Q*P*) (sr)	98 (R*P*) (sq)	99 (P*S) (r*q)	100 (Q*R*) (s*p*)	101 [P*Q*] [r*s*]	102 [P*R*] [q*s*]	103 [P*S*] [q*r*]	104 [Q*R*] [ps*]			
9	101 [P*Q*] [r*s*]	102 [P*R*] [q*s*]	103 [P*S*] [q*r*]	104 [Q*R*] [p*s*]	105 (qp*) (S*R*)	106 (r*p*) (S*Q)	107 (S*P*) (R*q)	108 (R*Q) (S*p*)	109 (QP) (S*R*)	110 (Q*P) (S*r)	111 (QP*) (s*r*)	112 (RP*) (q*s*)	113 (PS*) (q*r)	114 (QR*) (p*s)	115 (pq*) (R*S)	116 (pr*) (Q*S)	117 (PS*) (q*R)	118 (Q*R*) (pS)			
8	10																				

операции и они могут обозначаться: 3) $\downarrow$ — ослабление смысла проблемы процесса; 4) $\uparrow$ — усиление смысла проблемы процесса. В вертикальных столбцах строятся третий и четвертый топосы.

После четырех этапов категориального анализа, когда раскрыты структурно-функциональные, содержательно-формальные, количественно-качественные аспекты динамики процессов и подпроцессов, возникает необходимость подвести первые теоретические итоги, синтезировать накопленные познания. Этот пятый этап связан с уточнением сущности понятий (процессов) и ее многообразных проявлений. Синтез всегда связан с преобразованием смысла. Обозначим эту метаоперацию ($\hat{A}$). В пятом столбце строится топос, который в определенном смысле соответствует начальному — первому топосу.

Шестой топос строится как соответствующий (на новом уровне) второму. Если второй топос связан с осмыслением вариативного содержания и форм взаимодействия процессов и процессов, то в шестом топосе может использоваться соответствующая категориальная пара «действительное–возможное», т.е. анализ всех возможных вариаций смысла, всех возможных вариаций динамики процессов и подпроцессов. Семантическое обозначение шестой метаоперации (Ω).

Завершающие седьмой и восьмой топос связаны с основной целью анализа: установлением причинно-следственных отношений и характе-

ристик необходимости–случайности. Итогом анализа оказываются установление закономерностей ($\hat{N}$), означающих закономерности при минимизации динамики процессов (для понятий — минимизации смыслов понятий), и закономерностей (D), означающих закономерности при максимизации динамики процессов (для понятий — максимизации смыслов понятий).

1 период: тематическое выделение проблемы в форме метазадач MZ^1_1 и MZ^1_2 как осмысление противоречивых сторон: внутренних $MZ^1_1(\alpha \& \sim \alpha)$ и внешних $MZ^1_2(\alpha \& \beta)$.

2 период: внутренняя абстрактно-общая проблема (1) ($\alpha \& \sim \alpha$).

3 период: внешняя абстрактно-общая проблема (2) ($\alpha \& \beta$).

4 период: конкретно-общие подпроблемы (1, 2 первичное опосредование).

5 период: конкретно-частные подпроблемы (3, 4 вторичное опосредование). Завершение в развитии проблем с их подпроблемами.

6 период: преобразование проблемы в теоретические задачи: (первичные общие: 1, 2 и 3, 4): ${}^1Z = Y^1_1 + Y^1_2 + \Pi^1_1 + \Pi^1_2$ (Y — условия, П — параметры).

7 период: преобразованные проблемы в теоретические задачи: 2 (специфические — особые: 5, 6 и 7, 8): ${}^2Z = Y^2_1 + Y^2_2 + \Pi^2_1 + \Pi^2_2$.

8 период: заключительный синтез главных задач в контексте главной проблемы: A&B.

3. Таблица семантической и категориальной атрибуции для системно-категориального анализа проблем

Уровни развития проблем в категориальном анализе		1	2	3	4	5	6	7	8	S ₇₋₁	S ₈₋₂	
Этапы смыслового развития проблемы		Поэтапное усложнение смысловых отношений при переходе анализа от одной категориальной пары к другой										
Категориальный анализ		Теоретический анализ: абстрактный уровень		Теоретический анализ: конкретный уровень		Теоретический анализ: конкретный уровень		Теоретический анализ: конкретный уровень		Теоретический синтез		
Характер метаопераций (преобразований), со смыслом понятий и проблем		Смысловая статика		Смысловая динамика процессов, сторон		Общее - частное		Необходимость – случайность. Закономерности		Центральные группы симметрии		
Семантика: обобщение значения метаопераций		Структура - функция		Содержание - форма		Количество - качество		Действительное – возможное		Когеренция смыслов		
Описание метаоперации со смыслами понятий и проблем		категориальная дихотомия		углубление анализа		изменение параметров процессов, характеристик полюсов проблемы		вариативные смыслы		согласование смыслов в ярусе смысловой структуры		
		~α		*		↓ ↑		℘ Ω		∇ Δ		
		дополнение к понятию в категориальной паре		перфорирование проблем: новые аспекты		ослабление смысла проблемы процесса		усиление смысла проблемы процесса		в терминах теоретических понятий и моделей		
		в цепи		в цепи		в цепи		в цепи		в цепи		
		f ₁ f ₃		f ₂ f ₄								
1 период	тематическое выделение проблемы в форме метазадач MЗ ₁ и MЗ ₂ как осмысление противоречивых сторон внутренних - MЗ ₁ (α&~α) и внешних - MЗ ₂ (α&β)											
2 период	внутренняя абстрактно-общая проблема (1) - (α&~α)											
3 период	внешняя абстрактно-общая проблема (2) - (α&β)											
4 период	конкретно-общие подпроблемы (1,2 - первичное опосредование)											
5 период	конкретно-частные подпроблемы (3,4 - вторичное опосредование). Завершение в развитии проблем с их подпроблемами											
6 период	преобразованные проблемы в теоретические задачи: (первичные - общие: 1, 2 и 3, 4): 1Z= Y ₁ ¹ + Y ₂ ¹ + Π ₁ ¹ + Π ₂ ¹ (Y – условия, Π - параметры)											
7 период	преобразованные проблемы в теоретические задачи: 2 (специфичные – особые: 5, 6 и 7, 8): 3= Y ₁ ² + Y ₂ ² + Π ₁ ² + Π ₂ ² .											
8 период	заключительный синтез главных задач в контексте главной проблемы: A&B											

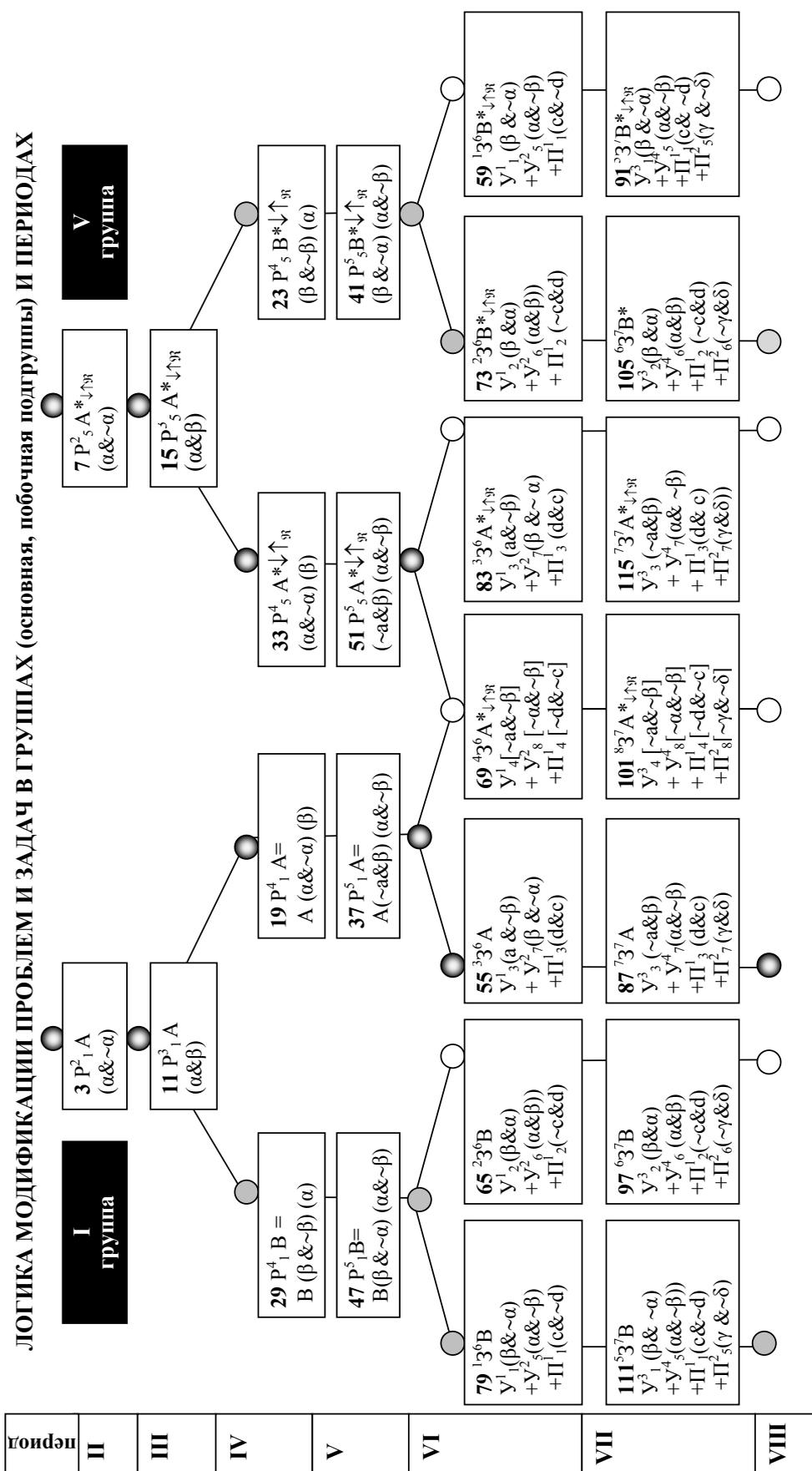
Таблица 7

4. Системная таблица категориального анализа проблемы

период	группы: этапы смыслового развития проблемы в ходе категориального анализа							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1	1-4 группы попарно дополнительно в отношении к 5-8 группам (1-5, 2-6, 3-7, 4-8 группы)							
2	3 P ² ₁ A (α&β)	4 P ² ₂ A* (α&~α)	5 P ² ₃ A*↓ (α&β)	6 P ² ₄ A*↑ (↑α&↓~α)	7 P ² ₅ A*↑ (α&β)	8 P ² ₆ A*↑ (↑α&↓~α)	9 P ² ₇ A*↑ (↑α&↓~α)	10 P ² ₈ A*↑ (↑α&↓~α)
3	11 P ³ ₁ A (α&β)	12 P ³ ₂ A* (α&β)	13 P ³ ₃ A*↓ (α&β)	14 P ³ ₄ A*↑ (↑α&↓β)	15 P ³ ₅ A*↑ (α&β)	16 P ³ ₆ A*↑ (↑α&↓β)	17 P ³ ₇ A*↑ (↑α&↓β)	18 P ³ ₈ A*↑ (↑α&↓β)
4	19 P ⁴ ₁ A (α&~α) (β)	20 P ⁴ ₂ A* (α&~α) * (β) *	21 P ⁴ ₃ B*↓ (β&↓~β) (↓β)	22 P ⁴ ₄ B*↑ (↑β&↓~β) (↓β)	23 P ⁴ ₅ B*↑ (β&~β) (α)	24 P ⁴ ₆ B*↑ (↑β&↓~β) (↓α)	25 P ⁴ ₇ B*↑ (↑β&↓~β) (↓β)	26 P ⁴ ₈ B*↑ (↑β&↓~β) (↓β)
5	29 P ⁴ ₁₁ B (β&~β) (α)	30 P ⁴ ₁₂ B* (β&~β) * (α) *	31 P ⁴ ₁₃ A*↓ (α&β) (↑α)	32 P ⁴ ₁₄ A*↑ (↑α&↓~α) (↓α)	33 P ⁴ ₁₅ A*↑ (α&~α) (β)	34 P ⁴ ₁₆ A*↑ (↑α&↓~α) (↓β)	35 P ⁴ ₁₇ A*↑ (↑α&↓~α) (↓α)	36 P ⁴ ₁₈ A*↑ (↑α&↓~α) (↓α)
6	55 ³ ₃ A Y ¹ ₃ (α&~β) +Y ² ₇ (β&~α) +Π ¹ ₃ (d&c)	56 ³ ₆ A* Y ¹ ₃ (α&~β) +Y ² ₇ (β&~α) +Π ¹ ₃ (d&c)	57 ³ ₉ B*↓ Y ¹ ₃ (β&~α) +Y ² ₇ (α&~β) +Π ¹ ₃ (c&d)	58 ³ ₆ B*↑ Y ¹ ₃ (↑β&↓~α) +Y ² ₇ (↑α&↓~β) +Π ¹ ₃ (↑c&↓~d)	59 ³ ₉ B*↑ Y ¹ ₃ (β&~α) +Y ² ₇ (α&~β) +Π ¹ ₃ (c&d)	60 ³ ₆ B*↑ Y ¹ ₃ (β&~α) +Y ² ₇ (α&~β) +Π ¹ ₃ (c&d)	61 ³ ₉ B*↑ Y ¹ ₃ (↑β&↓~α) +Y ² ₇ (↑α&↓~β) +Π ¹ ₃ (↑~c&↓~d)	62 ³ ₆ B*↑ Y ¹ ₃ (↑β&↓~α) +Y ² ₇ (↑α&↓~β) +Π ¹ ₃ (↑~c&↓~d)
7	65 ² ₃ B Y ¹ ₂ (β&α) +Y ² ₆ (α&β) +Π ¹ ₂ (~c&d)	66 ² ₃ B* Y ¹ ₂ (β&α) +Y ² ₆ (α&β) +Π ¹ ₂ (~c&d)	67 ² ₃ B*↓ Y ¹ ₂ (β&~α) +Y ² ₆ (α&~β) +Π ¹ ₂ (~c&↓~d)	68 ² ₃ B*↑ Y ¹ ₂ (↑β&↓~α) +Y ² ₆ (↑α&↓~β) +Π ¹ ₂ (↑~c&↓~d)	69 ⁴ ₃ A*↑ Y ¹ ₄ [~α&~β] +Y ² ₈ [~α&~β] +Π ¹ ₄ [~d&~c]	70 ⁴ ₃ A*↑ Y ¹ ₄ [~α&~β] +Y ² ₈ [~α&~β] +Π ¹ ₄ [~d&~c]	71 ³ ₆ A*↑ Y ¹ ₄ [~α&~β] +Y ² ₈ [~α&~β] +Π ¹ ₄ [~d&~c]	72 ⁴ ₃ A*↑ Y ¹ ₄ [~α&~β] +Y ² ₈ [~α&~β] +Π ¹ ₄ [~d&~c]
8	69 ⁴ ₃ A*↑ Y ¹ ₄ [~α&~β] +Y ² ₈ [~α&~β] +Π ¹ ₄ [~d&~c]	70 ⁴ ₃ A*↑ Y ¹ ₄ [~α&~β] +Y ² ₈ [~α&~β] +Π ¹ ₄ [~d&~c]	71 ³ ₆ A*↑ Y ¹ ₄ [~α&~β] +Y ² ₈ [~α&~β] +Π ¹ ₄ [~d&~c]	72 ⁴ ₃ A*↑ Y ¹ ₄ [~α&~β] +Y ² ₈ [~α&~β] +Π ¹ ₄ [~d&~c]	73 ³ ₆ B*↑ Y ¹ ₂ (β&α) +Y ² ₆ (α&β) +Π ¹ ₂ (~c&d)	74 ² ₃ B*↑ Y ¹ ₂ (β&α) +Y ² ₆ (α&β) +Π ¹ ₂ (~c&d)	75 ³ ₆ B*↑ Y ¹ ₂ (↑β&↓~α) +Y ² ₆ (↑α&↓~β) +Π ¹ ₂ (↑c&↓~d)	76 ² ₃ B*↑ Y ¹ ₂ (↑β&↓~α) +Y ² ₆ (↑α&↓~β) +Π ¹ ₂ (↑c&↓~d)

ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПОДГРУППЫ	
1 M ¹ ₃ meta MY ¹ ₁ (α&~α) + MY ² ₁ (A/B)	2 M ¹ ₃ meta MY ¹ ₁ (~α&α) + MY ² ₁ (B/A)
27 MP ⁴ ₉ AB *↓↑RQVΔ f ₁ (↑β&↓~β) f ₃ (↓β)	28 MP ⁴ ₁₀ AB *↓↑RQVΔ f ₂ (↑β&↓~β)* f ₄ (↓β)
45 MP ⁵ ₉ AB *↓↑RQVΔ f ₁ (↑β&↓~α) f ₃ (↑α&↓~β)	46 MP ⁵ ₁₀ AB *↓↑RQVΔ f ₂ (↑β&↓~α)* f ₄ (↑α&↓~β)
63 MP ⁶ AB *↓↑RQV f ₁ (↑β&↓α) f ₃ (↑d&~c)	64 MP ⁶ AB *↓↑RQVΔ f ₁ (↑β&↓α) f ₃ (↑d&~c)
77 MP ⁶ AB *↓↑RQV f ₁ (↑β&~α) f ₃ (↑d&~c)	78 MP ⁶ AB *↓↑RQVΔ f ₂ (↑β&~α) f ₃ (↑d&~c)

Рис. 11. В I группе 4 периода, начиная с $P^1_4 = V (\beta \& \sim \beta) (\alpha)$, образуется побочная ветвь. В I группе 2 периода с 3 элемента $P^2_3 A = (\alpha \& \sim \alpha)$, далее 11 элемента $P^3_3 A = (\alpha \& \beta)$ и, наконец 19 элемента $A = A (\alpha \& \sim \alpha) (\beta)$ — образуется основная ветвь. У побочной и основной в 6 и 7 периоде образуются подветви (соответствующие лантаноидам, актиноидам). Аналогично в V группе, только основная группа и побочная ветвь — наоборот — ветви образуются лантаноидами, актиноидами. Развитие проблем и подпроблем — II-V периоды. Преобразование проблем в задачи — VI-VII периоды. В I и VIII периоды — метазадачи. В IV-VII — метапроблемы. Всего во всех топосах — 60 проблем и метапроблем и 60 задач и метазадач

Развитие проблем и подпроблем – II-V периоды. Преобразование проблем в задачи – VI-VII периоды. В I и VIII периоды – метазадачи. В IV-VII – метапроблемы. Всего во всех топосах – 60 проблем и метапроблем и 60 задач и метазадач.

ЛОГИКА МОДИФИКАЦИИ ПРОБЛЕМ И ЗАДАЧ В ГРУППАХ (основная, побочная подгруппы) И ПЕРИОДАХ

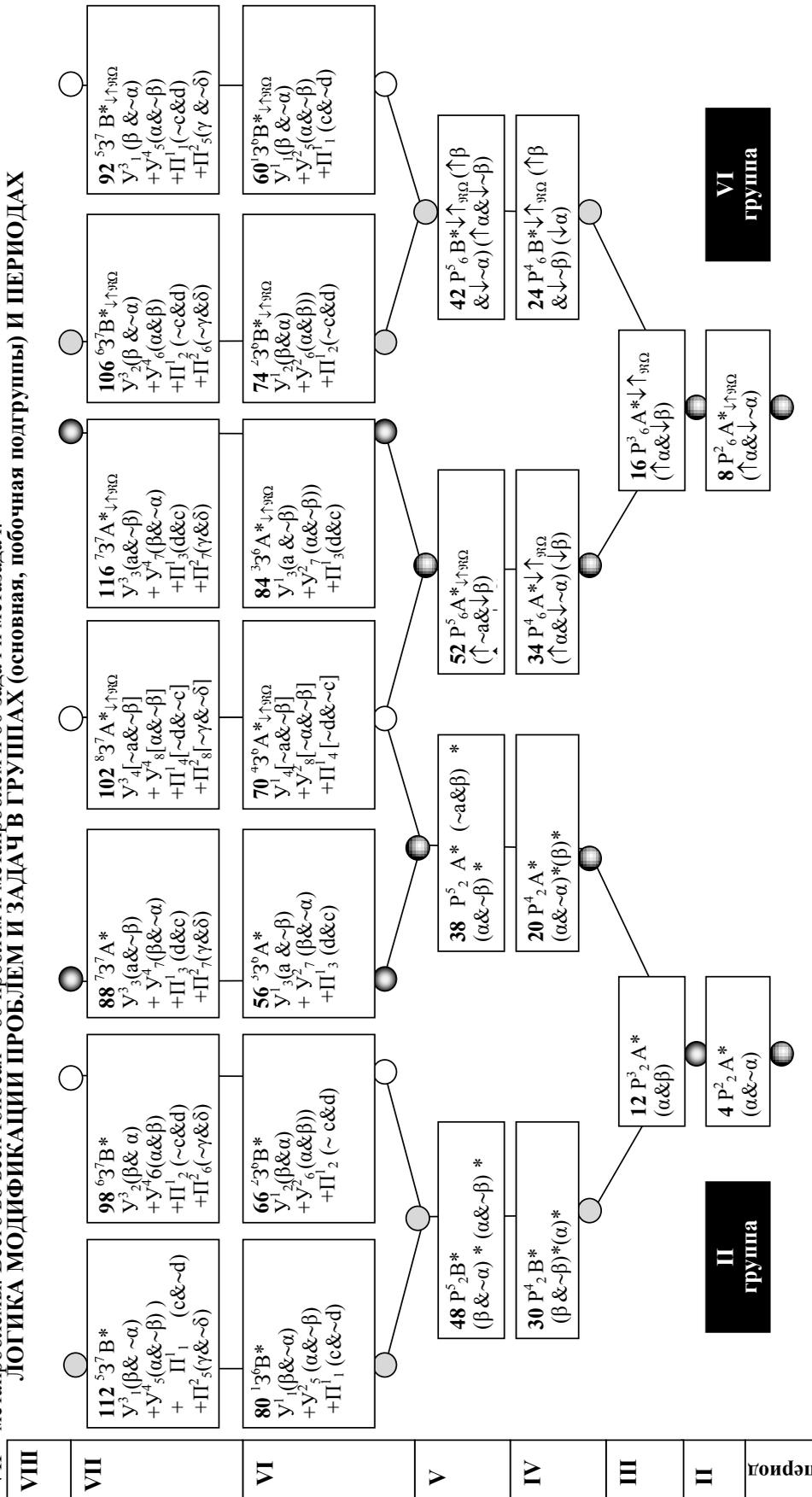

Рис. 12. Группы II-VI дополнительные группам I-V. Задачи: (80 1⁶B*) и (66 2⁶B*), также и (70 4⁶A* ↓ ↑ α Ω) и (84 3⁶A* ↓ ↑ α Ω) — попарно дополнительные. В VI периоде для VI группы: (70 4⁶A* ↓ ↑ α Ω) и (84 3⁶A* ↓ ↑ α Ω); также и (74 2⁶B* ↓ ↑ α Ω) и (60 1⁶B* ↓ ↑ α Ω) — попарно дополнительные. Аналогично в VII периоде

Список литературы

1. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и ст. В.Н. Садовского и Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
2. Берталанфи Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. М.: Наука, 1973.
3. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий. Томск, 1973.
4. Агошкова Е.Б., Ахлибининский Б.В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–179.
5. Батоврин В.К. Толковый словарь по системной и программной инженерии. М.: ДМК Пресс, 2012
6. Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. М.: Высшая школа, 1989.
7. Черняк Ю.И. Системный анализ в управлении экономикой. М.: Экономика, 1975.
8. Месарович М., Такахара И. Общая теория систем: математические основы. М.: Мир, 1978.
9. Гринь А.В. Системные принципы организации объективной реальности. М.: Московский государственный университет печати, 2000.
10. Корилов А.М., Павлов С.Н. Теория систем и системный анализ. Томск: Томс. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2008.
11. Бир С. Кибернетика и управление производством. М.: Наука, 1965.
12. Уемов А.И. Системы и системные параметры // Проблемы формального анализа систем. М., 1968.
13. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978.
14. Уемов А.И. Основы формального аппарата параметрической ОТС // Системные исследования. М., 1984.
15. Уемов А.И. Системный подход к классификации наук и научных исследований. М., 2000.
16. Садовский В.Н. Основания общей теории С., М., 1974.
17. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (тектология). Берлин — Санкт-Петербург, 1922. (Переиздание: В 2-х кн. М.: «Экономика», 1989).
18. Артамонов Г.Н. Теория умственной сферы. М.: ГУУ, 2009.
19. Артамонов Г.Н. Теория интеллекта. М.: ГУУ, 2009.
20. Артамонов Г.Н. Функциональные системы и образования умственной сферы. М.: ГУУ, 2009.
21. Артамонов Г.Н. Логика, топика и системный анализ // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 2. С. 149–166.
22. Артамонов Г.Н. Законы и свойства системы: естественно-научная интерпретация новой методологии — реконструкция таблицы Менделеева // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 2. С. 167–190.
23. Артамонов Г.Н. Законы и свойства системы: естественно-научная интерпретация новой методологии (продолжение) // Уровень жизни населения регионов России. №2. 2014. С. 165–190.
24. Артамонов Г.Н. Психические образования и функ-

References

1. Bertalanfi L. fon. Obshchaya teoriya sistem — kriticheskiy obzor [General systems theory — a critical review]. *Issledovaniya po obshchey teorii sistem* [Research on general systems theory: Collection translation]. Moscow, Progress Publ., 1969, pp. 23–82.
2. Bertalanfi L. fon. Istoriya i status obshchey teorii sistem [The history and status of general systems theory]. *Sistemnye issledovaniya* [System Research]. Moscow, Nauka Publ., 1973.
3. Sagatovskiy V.N. *Osnovy sistematizatsii vseobshchikh kategoriy* [By systematizing general categories]. Tomsk, 1973.
4. Agoshkova E.B., Akhlibininskiy B.V. Evolyutsiya ponyatiya sistemy [The evolution of the concept of system]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. 1998, I. 7, pp. 170–179.
5. Batovrin V.K. *Tolkovyy slovar' po sistemnoy i programmnoy inzhenerii* [Dictionary of system and software engineering]. Moscow, DMK Press Publ., 2012 g.
6. Peregudov F.I., Tarasenko F.P. *Vvedenie v sistemnyy analiz* [Introduction to systems analysis]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989.
7. Chernyak Yu.I. *Sistemnyy analiz v upravlenii ekonomikoy* [System analysis in managing the economy]. Moscow, Ekonomika Publ., 1975.
8. Mesarovich M., Takahara I. *Obshchaya teoriya sistem: matematicheskie osnovy* [General systems theory: mathematical foundations]. Moscow, Mir Publ., 1978.
9. Grin' A.V. *Sistemnye printsipy organizatsii ob"ektivnoy real'nosti* [System principles of objective reality]. Moscow, Moscow State University Press, 2000.
10. Korikov A.M., Pavlov S.N. *Teoriya sistem i sistemnyy analiz* [Systems theory and systems analysis]. Tomsk, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, 2008.
11. Bir S. *Kibernetika i upravlenie proizvodstvom* [Cybernetics and production management]. Moscow, Nauka Publ., 1965.
12. Uemov A.I. *Sistemy i sistemnye parametry* [System and system parameters]. *Problemy formal'nogo analiza sistem* [Problems of formal analysis systems]. M., 1968.
13. Uemov A.I. *Sistemnyy podkhod i obshchaya teoriya sistem* [System approach and general systems theory]. Moscow, 1978.
14. Uemov A.I. *Osnovy formal'nogo apparata parametricheskoy OTS* [Basics formalism parametric UTS]. *Sistemnye issledovaniya* [System Research]. Moscow, 1984.
15. Uemov A.I. *Sistemnyy podkhod k klassifikatsii nauk i nauchnykh issledovaniy* [Systematic approach to the classification of sciences and research]. M., 2000.
16. Sadovskiy V.N. *Osnovaniya obshchey teorii S.* [The grounds of the general theory], Moscow, 1974.
17. Bogdanov A.A. *Vseobshchaya organizatsionnaya nauka (tektologiya)* [Universal organizational science (tectology)]. Berlin — Sankt-Peterburg, 1922. (Reprinted: In 2 v. Moscow, «Ekonomika» Publ., 1989).
18. Artamonov G.N. *Teoriya umstvennoy sfery* [Theory of mental sphere]. Moscow, GUU Publ., 2009.
19. Artamonov G.N. *Teoriya intellekta* [Theory of intelligence]. Moscow, GUU Publ., 2009.
20. Artamonov G.N. *Funktional'nye sistemy i obrazovaniya umstvennoy sfery* [Functional systems of education and mental sphere]. Moscow, GUU Publ., 2009.

- циональные системы // Вестник Университета «Социология и управление персоналом». 2007. № 5 (5).
25. Артамонов Г.Н. Интеллект и сознание // Вестник Университета «Социология и управление персоналом». 2007. № 6 (6).
  26. Артамонов Г.Н. Низшие и высшие уровни познания // Вестник Университета «Социология и управление персоналом». 2007. № 7 (33).
  27. Артамонов Г.Н. Западные теории интеллекта // Вестник Университета «Социология и управление персоналом». 2007. № 9 (35).
  28. Артамонов Г.Н. Характер ума // Вестник Университета «Социология и управление персоналом». 2007. № 11(37).
  29. Артамонов Г.Н. Рассудочный интеллект // Вестник Университета «Социология и управление персоналом». 2008. № 1 (39).
  30. Артамонов Г.Н. Умственный нрав // Вестник Университета «Социология и управление персоналом». 2008. № 1 (1).
  31. Артамонов Г.Н. Темпераментная атрибуция интеллекта // Вестник Университета «Социология и управление персоналом». 2008. № 2 (2).
  32. Артамонов Г.Н. Историко–психологические проблемы исследования проблем рассудочного интеллекта // Вестник Университета «Социология и управление персоналом». 2008. № 3(41).
  33. Артамонов Г.Н. Историко–психологические исследования проблем разумного интеллекта // Вестник Университета «Социология и управление персоналом». 2008. № 4 (42).
  34. Аристотель. Топика: соч. Т. 2. М.: Мысль, 1978.
  35. Теплов Б.М. Избранные труды. В 2–х т. М.: Педагогика, 1997.
  36. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. М., 1997.
  37. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Софисты, Сократ, Платон. М.: Искусство, 1969. С. 391.
  38. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. 2. М.: Фолио, 2000.
  39. Лосев А.Ф. История Античной Эстетики. Ранний эллинизм. М.: Фолио, 2000. С. 164.
  40. Пуанкаре Ж.А. Математическое творчество. М., 1980. С. 303.
  41. Гайденок П.П. Научная рациональность и философский разум. М.: Прогресс–Традиция, 2003. С. 21.
  42. Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории. М.: Фолио, 2000.
  43. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986.
  44. Сетров М.И. Степень и высота организации систем // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1969. С.159.
  45. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М.: Наука, 1980.
  46. Колмогоров А.Н. Теория информации и теория алгоритмов. М.: Наука, 1987.
  21. Artamonov G.N. Logika, topika i sistemnyy analiz [Logic, Topika and systems analysis]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2014, I. 2, pp. 149–166.
  22. Artamonov G.N. Zakony i svoystva sistemy: estestvenno–nauchnaya interpretatsiya novoy metodologii – rekonstruktsiya tablitsy Mendeleeva [Laws and properties of the system: the natural–scientific interpretation of the new methodology – the reconstruction of the periodic table]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2014, I. 2, pp. 167–190.
  23. Artamonov G.N. Zakony i svoystva sistemy: estestvenno–nauchnaya interpretatsiya novoy metodologii (prodolzhenie) [Laws and properties of the system: the natural–scientific interpretation of the new methodology (continued)]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2014, I. 2, pp. 165–190.
  24. Artamonov G.N. Psikhicheskie obrazovaniya i funktsional'nye sistemy [Mental and functional education system]. *Vestnik Universiteta «Sotsiologiya i upravlenie personalom»* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2007, I. 5 (5).
  25. Artamonov G.N. Intellect i soznanie [Intelligence and consciousness]. *Vestnik Universiteta «Sotsiologiya i upravlenie personalom»* [Bulletin of the University “Sociology and personnel management.”]. 2007, I. 6 (6).
  26. Artamonov G.N. Nizshie i vysshie urovni poznaniya [Lower and higher levels of cognition]. *Vestnik Universiteta «Sotsiologiya i upravlenie personalom»* [Bulletin of the University “Sociology and personnel management.”]. 2007, I. 7 (33).
  27. Artamonov G.N. Zapadnye teorii intellekta [Western theories of intelligence]. *Vestnik Universiteta «Sotsiologiya i upravlenie personalom»* [Bulletin of the University “Sociology and personnel management.”]. 2007, I. 9 (35).
  28. Artamonov G.N. Kharakter uma [The nature of the mind]. *Vestnik Universiteta «Sotsiologiya i upravlenie personalom»* [Bulletin of the University “Sociology and personnel management.”]. 2007, I. 11(37).
  29. Artamonov G.N. Rassudochnyy intellekt [Rational intellect]. *Vestnik Universiteta «Sotsiologiya i upravlenie personalom»* [Bulletin of the University “Sociology and personnel management.”]. 2008, I. 1 (39).
  30. Artamonov G.N. Umstvennyy нрав [Mental disposition]. *Vestnik Universiteta «Sotsiologiya i upravlenie personalom»* [Bulletin of the University “Sociology and personnel management.”]. 2008, I. 1 (1).
  31. Artamonov G.N. Temperamentnaya atributsiya intellekta [Temperamental attribution intelligence]. *Vestnik Universiteta «Sotsiologiya i upravlenie personalom»* [Bulletin of the University “Sociology and personnel management.”]. 2008, I. 2 (2).
  32. Artamonov G.N. Istoriko–psikhologicheskie problemy issledovaniya problem rassudochnogo intellekta [Historical and psychological aspects of the research problems of rational intelligence]. *Vestnik Universiteta «Sotsiologiya i upravlenie personalom»* [Bulletin of the University “Sociology and personnel management.”]. 2008, I. 3(41).
  33. Artamonov G.N. Istoriko–psikhologicheskie issledovaniya problem razumnogo intellekta [Historical and psychological study of the problems of reasonable intelligence]. *Vestnik Universiteta «Sotsiologiya i upravlenie personalom»* [Bulletin

- of the University “Sociology and personnel management”]. 2008, I. 4 (42).
34. Aristotel'. *Topika: soch* [Topeka]. V. 2. oscow, Mysl' Publ., 1978.
  35. Teplov B.M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. In 2 volumes. Moscow, Pedagogika Publ., 1997.
  36. Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A M. *Simvol i soznanie* [Symbol and consciousness]. Moscow, 1997.
  37. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Sofisty, Sokrat, Platon* [History of ancient aesthetics. Sophists, Socrates, Plato]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1969, p. 391.
  38. Losev A.F. *Istoriya antichnoy estetiki. Poslednie veka* [History of ancient aesthetics. The last century]. Book 2. Moscow, Folio Publ., 2000.
  39. Losev A.F. *Istoriya Antichnoy Estetiki. Ranniy ellinizm* [History of ancient aesthetics. Early Hellenism]. Moscow, Folio Publ., 2000, p. 164.
  40. Puankare Zh.A. *Matematicheskoe tvorchestvo* [Mathematical creativity]. Moscow, 1980, p. 303.
  41. Gaydenko P.P. *Nauchnaya ratsional'nost' i filosofskiy razum* [Scientific rationality and philosophical reason]. Moscow, Progress—Traditsiya Publ., 2003, p. 21.
  42. Trubetskiy S.N. *Uchenie o Logose v ego istorii* [The doctrine of the Logos in its history]. Moscow, Folio Publ., 2000.
  43. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986.
  44. Setrov M.I. Stepen' i vysota organizatsii sistem [The degree of organization and height systems]. *Sistemnye issledovaniya. Ezhegodnik* [System Research. Yearbook]. Moscow, Nauka Publ., 1969, p.159.
  45. Anokhin P.K. *Uzlovye voprosy teorii funktsional'nykh sistem* [The central questions of the theory of functional systems]. Moscow, Nauka Publ., 1980.
  46. Kolmogorov A.N. *Teoriya informatsii i teoriya algoritmov* [Information theory and the theory of algorithms]. Moscow, Nauka Publ., 1987.

Содержание выпусков журнала в 2014 году

ВЫПУСК 1/2014

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Мачхелян Г.Г.

О конференции по альтернативной экономической политике для Европейского союза. Лондон 2013 год

Бобков В.Н., Вередюк О.В.

Социальная уязвимость российского общества вследствие высокого неравенства уровня жизни

ЕВРОМЕМОРАНДУМ 2014

Углубляющееся разделение в Европе и необходимость радикальной альтернативы политике Европейского союза

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Бобков В.Н., Гулюгина А.А.

Мониторинг доходов и уровня жизни населения России в IV квартале 2013 года
(Сокращенный вариант)

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

Бобков В.Н.

Рост производительности труда — веление времени

Кардашевский В.В.

Важнейшая задача модернизации экономики России — повышение производительности труда

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Есимжанова С.Р.

Человеческий капитал в Казахстане: состояние и структура

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ

Елизаров В.В.

Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное

Архангельский В.Н., Джанаева Н.Г.

Региональные особенности динамики рождаемости и демографическая политика

Гришина Е.Е.

Совершенствование социальной поддержки малоимущих в России

К 150 –ЛЕТИЮ В.И. ВЕРНАДСКОГО

Кузнецов О.Л., Большаков Б.Е.

Ноосферные законы и модель глобального устойчивого развития

Василенко В.Н.

Ноосферный мониторинг безопасности граждан России и глобального общества

МОДЕЛИ И МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗА УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РЕГИОНЕ

Бобков В.Н.

Модель «Благосостояние» для оценки и прогноза качества и уровня жизни населения региона

Евсеев В.О.

Программно-аналитический комплекс оценки степени профессионального стресса специалистов системы управления

Васильева Е.В., Куклин А.А., Лыков И.А.

Программа комплексной диагностики качества жизни в регионе: функциональные характеристики и возможности ее применения

*Захаренков В.В., Горный Б.Э., Мажаров В.Ф.,
Плотников Н.Ю.*

Целевое управление территориальной программой государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ ДЛЯ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Мачхелян Г.Г.

О культуре научных публикаций и выступлений

ПУБЛИКАЦИИ СОИСКАТЕЛЕЙ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ

Дубовец Д.С.

О решении вопросов охраны труда социальных партнеров с позиций категорий качества, количества и меры

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для журнала

«Уровень жизни населения регионов России»

ВЫПУСК 2/2014

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА*Бобков В.Н., Бобков Н.В.*

Ноосферное социальное качество: от теорий к проектированию

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА

Международная научно-практическая конференция «Устойчивое развитие: общество и экономика»

Демьяненко В.А.

Московский экономический форум 2014 г. «Несырьевое будущее России»

ТРУД И ЗАНЯТОСТЬ*Бобков В.Н., Волгин Н.А., Курильченко Е.И.*

Повышение минимальных гарантий по оплате труда – задача реальная

Ржаницына Л.С.

Стимулирование труда и его производительность

Аношин А.В.

Трудоустройство молодых специалистов как критерий оценки конкурентоспособности рабочей силы

Чуланова О.Л.

Мониторинг применения компетентностного подхода в управлении персоналом организаций малого и среднего бизнеса региона

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ*Бобков В.Н., Гулюгина А.А.*

Мониторинг доходов и уровня жизни (I кв. 2014 г.)

Найден С.Н., Мотрич Е.Л., Грицко М.А.

Региональный мониторинг качества жизни населения: Хабаровский край и Дальний Восток

Терехин В.И., Чернобродова Л.А., Бухенский Д.К.

Влияние человеческого капитала на социально-экономическое развитие региона

Алиев У.Т.

Экономический рост, уровень жизни и неравенство в нефтедобывающих странах постсоветского пространства

Кузембекова Р.А.

Проблема повышения эффективности государственного регулирования уровня жизни в Республике Казахстан в условиях нестабильности макроэкономических факторов

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА*Гулякова Л.Г., Хабарова Е.В.*

Эволюция социальной поддержки семей с детьми в Республике Алтай

Сикорская Л.Е.

Особенности организации социально-педагогического обеспечения добровольческой деятельности в учреждениях социального обслуживания

Калмыков С.Б., Пашин Н.П.

Квалиметрия социальной рекламы здорового образа жизни

**К ВОПРОСУ ЕДИНЕНИЯ НАРОДОВ
РОССИИ, УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ***Бобосов Е.М., Гордяненко В.Г., Григорьев С.И., Даровских О.В.*

Экспертная оценка возможностей национально-государственного единения России, Украины и Белоруссии начала XXI века

**ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ
НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ***Артамонов Г.Н.*

Логика, топика и системный анализ

Артамонов Г.Н.

Законы и свойства системы: естественно-научная интерпретация новой методологии — реконструкция таблицы Менделеева

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для журнала

«Уровень жизни населения регионов России»

ВЫПУСК 3/2014

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА:

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ЗАНЯТОСТИ

Решетников Е.Н.

Проблема неустойчивости занятости собирает международный форум в Москве
(на русском языке)

Решетников Е.Н.

Проблема неустойчивости занятости собирает международный форум в Москве
(на английском языке)

Херрманн П.

Прекаризация — вызов к пересмотру политики повышения благосостояния
(на русском языке)

Херрманн П.

Прекаризация — вызов к пересмотру политики повышения благосостояния
(на английском языке)

Бобков В.Н., Черных Е.А.

Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда
(на русском языке)

Бобков В.Н., Черных Е.А.

Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда
(на английском языке)

Матвеева Т.А.

Влияние неустойчивости занятости на трудовые доходы российских работников и на их удовлетворенность трудом

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Коулман Дэвид А.

Международная миграция в Европе в XXI веке: настоящее и будущее

Ионцев В.А., Прохорова Ю.А.

Международная миграция населения в контексте демографической теории

Красинец Е.С., Шевцова Т.В.

Миграция как фактор и следствие развития рынка труда

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Бобков В.Н., Гулюгина А.А.

Мониторинг доходов и уровня жизни
(II кв. 2014 г.)

Радченко О.А.

Уровень и качество жизни в Канаде: языковые и социальные аспекты

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА

Павлюченко В.Г.

Новые условия пенсионного обеспечения и порядок исчисления страховой пенсии с 2015 г.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ЖИЗНИ

Новоселов Е.И.

Российско-итальянский симпозиум «Вклад св. Фомы Аквинского в развитие общественных наук в Европе»

Артамонов Г.Н., Бобков В.Н.

Духовные и социокультурные проблемы современности в диалоге с наследием св. Фомы Аквинского

Кроствейт А.

Социальное учение св. Томмазо (Фомы) Аквинского

Гельвановский М.И.

Тенденции экономического развития в современном мире: христианский взгляд

Артамонова М.Г.

Социокультурные проблемы возрождения современного казачества

ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Артамонов Г.Н.

Законы и свойства системы: естественно-научная интерпретация новой методологии (продолжение)

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для журнала

«Уровень жизни населения регионов России»

ВЫПУСК 4/2014

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ЗАНЯТОСТИ

Яковлев Р.А.

Неустойчивая занятость и регулирование минимальной заработной платы

Локтюхина Н.В., Рожков В.Д.

Регулирование иностранной трудовой миграции как механизм снижения неустойчивости занятости

Смирных Л.И.

Срочные трудовые договоры: влияние на движение рабочей силы и рабочих мест

Judit Csoba

Forms of Precarity and the Development of Its Characteristics in Hungary

Санкова Л.В.

Прекаризация занятости в современной экономике: системный риск или «особая» форма флексибилизации

Федченко А.А., Маслова Е.В.

Роль неустойчивой занятости в кластеризации общества

Федорова А.Э., Парсюкевич А.М.

Влияние реструктуризации градообразующего предприятия на социально-трудовую сферу моногорода

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

*Григорьев С.И., Миронова С.В.,**Мартынова М.Ю., Толстых Г.В.*

Социальное оправдание неравенства и проблема справедливости

Яковлев И.Г.

Повышение уровня жизни ученых: социальная справедливость гуманитариев

Савченко П.В., Голубев В.С., Федорова М.Н.

Социогуманитарный вектор развития социально-экономической системы России

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Степанова А.В.

Демографическое развитие Москвы в начале 2000-х годов

КАЧЕСТВО ТРУДА

Феоктистова О.А.

Качество труда в сфере научных исследований и разработок: специфика системы стимулирования

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Бобков В.Н., Гулюгина А.А.

Мониторинг доходов и уровня жизни (3 кв. 2014 г.)

ЗДОРОВЬЕ – ИНДИКАТОР

КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Бутрина В.И.

Качество жизни инвалидов: анализ современной ситуации в России

Мишук С.Н., Аносова С.В.

Здравоохранение как фактор формирования и развития человеческого капитала региона

ПЕНСИОННАЯ РЕФОРМА

Павлюченко В.Г.

Накопительная пенсия в свете ныне действующего законодательства

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА*Артамонова М.Г.*

Становление казачества как народа и инкорпорированного социального института

ЛОГИКА И МЕТОДОЛОГИЯ
НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*Артамонов Г.Н.*

Новая методология системного анализа

Содержание выпусков журнала в 2014 году: № 1–4

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для журнала «Уровень жизни населения регионов России»

Правила по комплектности рукописей и их оформлению для журнала «Уровень жизни населения регионов России»

Общими критериями материалов, принимаемых для публикации в журнале «Уровень жизни населения регионов России», являются актуальность, новизна материала и его ценность в теоретическом и/или прикладном аспектах. Статья должна быть оригинальной, нигде ранее не опубликованной, не нарушающей авторских прав третьих лиц. Текст статьи должен сопровождаться иллюстративными материалами (таблицами, схемами, графиками, диаграммами и т.п.). Объем статьи 0,8–1,2 а.л.

Аннотация

Аннотация должна обрисовывать общую направленность статьи и формулировать ее основные результаты. В аннотации следует использовать основные ключевые понятия, относящиеся к представляемой статье, имея в виду, что большинство современных информационных систем осуществляют контекстный поиск только по названиям и аннотациям научных публикаций. Объем аннотации — 150–250 слов.

Структура статьи

Статья должна быть разбита на разделы, а в случае надобности — подразделы и более мелкие структурные единицы, имеющие многоуровневую (при наличии подразделов) нумерацию. Первым разделом статьи должно быть введение. В нем рекомендуется четко обрисовать объект исследования и привести краткий обзор опубликованных по данной теме работ (3–4 ссылки на литературу 2005–2013 гг.). Если статья имеет большой объем, то во введении следует ознакомить читателя с ее структурой.

Требования к оформлению статьи

Текст статьи набирается в текстовом редакторе *Microsoft Word*, записывается с расширением *.doc*, *.docx* или *.rtf*. Название файла должно состоять из фамилии автора и названия статьи.

Статья должна содержать:

- УДК;
- блок 1 — **на русском языке:** Ф.И.О. автора(-ов) (полностью); название статьи; аннотация; ключевые слова (7–10 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой);

- блок 2 — **на английском языке:** информация блока 1 в той же последовательности;
- блок 3 — данные об авторах на русском языке: фамилия, имя, отчество полностью; должность; ученая степень; ученое звание; адресные данные автора(-ов) (организация(-и), электронная почта всех или одного автора);
- блок 4 — информация блока 3 в той же последовательности на английском языке;
- блок 5 — полный текст статьи на русском языке с употреблением буквы «ё» (шрифт основного текста — *Times New Roman*; размер шрифта основного текста — 12 пт; поля: верхнее и нижнее — 2 см, правое и левое — 3 см; межстрочный интервал — полуторный; отступ первой строки абзаца — 1,25 см; выравнивание текста — по ширине; ссылки на формулы даются в круглых скобках; формулы набираются в редакторе формул; рисунки — средствами *Word*; растровые иллюстрации предоставляются отдельными файлами в формате *.jpg* с разрешением не менее 300 dpi);
- блок 6 — список литературы на русском языке (название «Литература»). Списки литературы оформляются по алфавиту в соответствии с библиографическими требованиями (ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления») в едином формате, установленном РУНЭБ. Отсылки к списку в основном тексте даются в квадратных скобках, например: [3, с. 25]. На все источники литературы должны быть ссылки в тексте работы. Список литературы должен состоять не менее чем из 15 источников с обязательным цитированием зарубежных авторов (с указанием при наличии DOI). Самоцитирование допускается в объеме не более 10%;
- блок 7 — транслитерированный список литературы (название «References»), пример транслитерации источника:

11. Shchedrin N.V. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu v Sibirskom regione* [Topical Issues of Fighting Crimes in Siberian Region]. Krasnoyarsk, 2006, pp. 16–20.

Для выделения в тексте допустимо **полужирное** и *курсивное* написание. Примеры рекомендуется выделять *курсивом*, новые термины и понятия — **полужирным** шрифтом.

Не рекомендуется использовать

такие выделения, как ПРОПИСНЫЕ БУКВЫ, р а з р я д к а через пробел и подчеркивание; подстрочные ссылки.

Перечень дополнительных материалов, прилагаемых к статье

- В связи с тем что публикуемая статья получает международный индекс научного цитирования DOI, необходимо представить данные для заключения договора с издательством ИНФРА-М на публикацию статьи в форматах *.doc* и *.docx* (фамилия, имя, отчество; дата рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан, код подразделения); адрес регистрации с почтовым индексом; адрес проживания с почтовым индексом (если отличается от адреса регистрации); ИНН; номер страхового свидетельства пенсионного страхования; адрес электронной почты (e-mail) для переписки; контактный телефон (мобильный); название статьи).
- Две рецензии на статью от докторов наук.

Прочие условия публикации

Редакция оставляет за собой право тематического отбора и редактирования поступивших

материалов. Мнения авторов, изложенные в статьях, необязательно совпадают с мнением редакции. Поступившие в редакцию рукописи не возвращаются.

Авторы несут ответственность за содержание статей, сам факт их публикации, а также за ущерб, причиненный третьим лицам, если выяснится, что в процессе публикации статьи были нарушены чьи-либо права или общепринятые нормы научной этики.

Автору может быть отказано в публикации, если:

- его статья не оформлена в соответствии с данными правилами;
- автор отказался от доработки статьи согласно требованиям редакционной коллегии и рецензента;
- автор не выполнил в срок конструктивные замечания рецензента;
- текст статьи содержит более 10% заимствований.

Окончательное решение о публикации материалов принимает редакционная коллегия.

Адрес редакции: 105043 г. Москва, ул. 4-я Парковая, д. 29

Телефон редакции: 8-499-164-97-61

E-mail для авторов: nsmalikov@yandex.ru